

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь
Российский центр науки и культуры в Гомеле

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ

Сборник научных статей

Выпуск 3

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2023

УДК 811'373:398.91(082)

Славянская фразеология и паремиология : сборник научных статей. Выпуск 3 / редкол. : Е. И. Тимошенко (отв. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – 243 с.

ISBN 978-985-577-953-8

В сборнике представлены статьи, освещающие широкий круг вопросов славянской фразеологии и паремиологии: вопросы теории фразеологических и паремиологических единиц, их языковой специфики и подходов к описанию; проблематику компонентного состава, варьирования и семантической трансформации устойчивых выражений разных типов; вопросы фразеографии; различные аспекты изучения диалектной фразеологии; функционирование фразеологизмов в художественном тексте; проблематику неологических явлений в области фразеологии; аспекты описания устойчивых выражений библейского происхождения; вопросы сопоставительного исследования фразеологизмов.

Адресуется специалистам в области фразеологии, фразеографии, паремиологии, лингвокультурологии, преподавателям, аспирантам и студентам-филологам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Сборник издан при финансовой поддержке Российского центра
науки и культуры в Гомеле

Редколлегия:

Е. И. Тимошенко (отв. ред.),
Е. В. Ничипорчик (зам. отв. ред.), И. Г. Гомонова (отв. секр.),
В. И. Коваль, Е. И. Холявко

Рецензенты:

доктор филологических наук В. С. Новак,
кандидат филологических наук Н. А. Богомольникова

Рекомендован к изданию научно-техническим советом учреждения
образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

ISBN 978-985-577-953-8

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2023

О. И. Авдеева

**МЕТОД СИНХРОННОЙ ЭТИМОЛОГИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В ДЕЙСТВИИ: ВЕРИФИКАЦИЯ СЛОВАРНЫХ ЗНАЧЕНИЙ
И ФОРМ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ**

Аннотация. Статья посвящена анализу роли синхронной этимологии фразеологизмов в уточнении словарных значений и форм фразем, а также анализу понимания фразем современными носителями русского языка. На конкретных примерах показаны методики верификации словарных значений, верификации словарных форм. С этой целью предложено выделение двух компонентов внутренней формы фразеологизма: образной основы фразеологизма и его идейной основы, которая служит базой образования актуального значения фразеологизма. Основными критериями определения истинности или ложности синхронной этимологии являются: 1) соотношение образной и идейной основ фразеологизма с его актуальным значением и 2) типичность, частотность ситуации или явления, отражённого в образе фразеологизма.

Ключевые слова: фразеологизм, фразема, внутренняя форма фразеологизма, образная основа фразеологизма, идейная основа фразеологизма, семантика, синхронная этимология, этимология фразеологизмов, фразеография, В.И. Зимин.

Идея о необходимости появления такой необычной области исследования, как синхронная этимология фразеологизмов возникла у профессора Валентина Ильича Зимина в результате его многолетней работы над «Словарём-тезаурусом русских пословиц, поговорок и метких выражений» [1], начало которому было положено публикацией исследователем-любителем Алексеем Семёновичем Спириным в 1985 году словаря «Русские пословицы: сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения» [2]. После ухода из жизни А. С. Спирина В. И. Зимин продолжил многолетнюю работу по расширению объёма этого словаря и его совершенствованию. В результате было выпущено большое количество изданий этого словаря [3; 4; 5]. Год от года изменялся объём словаря, полностью изменился принцип подачи лингвистического материала в нём. Так появился современный вариант словаря.

Идея вдумчивого наблюдения над словарными толкованиями фразеологизмов родилась в результате плодотворного сотрудничества двух неравнодушных людей: профессора и писателя. Кроме того, большое влияние на В. И. Зимина оказали идеи лингвокультурологической школы В. Н. Телия, её понимание «археологии языка и культуры» [6].

Синхронная этимология призвана способствовать сохранению правильного значения и формы фразем, правильному их отражению в словарях и употреблению в речи нашими современниками. По мнению В. И. Зимина, синхронная этимология «имеет дело с такими фразеологизмами, внутренний образ которых пока ещё «прозрачен», хотя часто уже и тронут «тенью забвения». Синхронная этимология носит по существу характер разъяснения особенностей значения и употребления фразеологизмов» [7, с. 586].

Термин «фразема» используется нами, вслед за Н. Ф. Алефиренко [8], в качестве родового понятия для целого ряда видовых понятий: фразеологизм, поговорка, крылатое выражение и т. д.

В. И. Зимин развил идеи В. Н. Топорова о необходимости синхронной этимологии лексики и адаптировал их к фразеологическому материалу. В. Н. Топоров считал недоумением «игнорирование синхронного подхода в этимологии..., пренебрежение к этимологии современного языка, к проверке этимологии этимологически прозрачных слов» [9, с. 52]. Его возмущала мысль, что предметом этимологии могут быть только слова, отдалённые от этимолога тысячелетиями. Причём, В. Н. Топоров говорил о необ-

ходимости этимологического анализа недавно образованных слов. В. И. Зимин расширил понимание синхронной этимологии, включив в неё не только анализ недавно образованных фразеологизмов, но и современное «прочтение» старых фразеологизмов с еще сохранившимися этимологическими связями. Эти идеи положили начало использованию эксперимента в исследованиях по синхронной этимологии.

В качестве основных задач традиционного этимологического анализа фразеологизмов Н. М. Шанский выделял следующие: 1) определение исконного или заимствованного характера фразеологизма, 2) установление времени его появления в русском языке как определённой значимой единицы с определённым значением, лексико-грамматическим составом и структурой, 3) реконструкция его исходной формы и структурно-семантического характера и 4) выяснение образа, положенного в основу фразеологического оборота, если он появился в языке как метафорическое название [10]. Для синхронной этимологии важны две последние задачи, причём решение четвёртой задачи чаще всего предопределяет решение третьей задачи: анализ внутренней формы фразеологизма позволяет восстановить его этимологически правильную форму и значение.

В современной фразеологии часто отождествляются понятия «внутренняя форма фразеологизма» и «образная основа фразеологизма», что, на наш взгляд, не вполне корректно. При более подробном рассмотрении **внутренней формы фразеологизма** в ней можно выделить две составляющих: это **образная основа фразеологизма**, т. е. тот первичный образ, который лёг в основу фразеологизма, и **идейную основу фразеологизма**, т. е. идею первичного образа, которая именно и порождает общее значение фразеологизма. Рассмотрим это на примере конкретного фразеологизма *есть еще порох в пороховницах*. Данный фразеологизм восходит к повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». **Образную основу** составляет «гештальт», картинка: у одного или нескольких солдат есть еще порох в запасе, в пороховницах. **Идейная основа** фразеологизма заключается в том, что эти солдаты боеспособны. Именно идейная основа порождает современное значение фразеологизма 'кто-либо полон сил, энергии для того, чтобы сделать что-либо, способен совершить что-либо' [11, с. 330]. Однако, на наш взгляд, следовало бы уточнить, что данный фразеологизм чаще всего используется в отношении пожилых или больных людей и служит опровержением мысли о возможной немощи человека.

Методика синхронной этимологии предполагает использование приёмов самоанализа и анализа восприятия информантов с целью выяснения современного понимания значения фразеологизмов, а также для выяснения связи внутренней формы фразеологизма и его актуального значения. Работа с информантами предполагает «проведение анкетирования, бесед, устного опроса, систематизации собранного материала и т. д. Обращение экспериментаторов к анализу «обыденного сознания», которое характерно для большинства носителей языка, сближает синхронную этимологию с социолингвистикой» [12, с. 66]. Важным результатом такой работы является как верификация словарных значений и форм фразеологизмов, так и выяснение понимания фразеологизмов информантами – современными носителями языка, выявление случаев разного понимания ими внутренней формы некоторых фразеологизмов, что приводит к их неправильному толкованию и употреблению в речи: «многое зависит от знания носителем языка значения идиомы и условий коммуникативной ситуации: если данные опоры не действуют, сознание носителя языка активнее «подключает» те знания, которыми он в той или иной мере владеет» [13, с. 29]. Необходимость решения вышеперечисленных задач привела к возникновению синхронной этимологии фразеологизмов.

Рассмотрим примеры верификации словарных значений фразеологизмов. Во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова для фразеологизма *как рукой сняло* указано значение 'сразу, совершенно, бесследно прошло. О недомогании, болезни, чувствах, переживаниях' [11, с. 423]. В Словаре-справочнике «Русская фразеология» Р. И. Яранцева этот фразеологизм толкуется как 'сразу, тотчас,

прошло бесследно. О резком облегчении, успокоении после какого-либо недомогания, переживания, болезни, после каких-либо душевных неурядиц' [14, с. 291]. Ни в одном из этих толкований нет отсылки к семе 'ворожба', которая послужила базой для создания данного фразеологизма, что явствует из его внутренней формы, выявленной при этимологическом анализе. В записях В. И. Зимина и А. С. Спирина уточняется: 'как ворожея рукой сняла'.

Другой фразеологизм – *битый час* – в словаре под редакцией А. И. Молоткова толкуется, как 'очень долго. О потраченном на что-либо времени' [11, с. 492]. В этом толковании не отражена сема 'длительность времени в пределах часа', а также отсутствует отсылка к семе 'напрасно потраченное время'. Толкование в Словаре-справочнике Р. И. Яранцева даёт отсылку к семе 'напрасно потраченное время': 'очень долго (о потраченном на что-либо времени). Употребляется как выражение раздражения, досады, когда на что-либо теряется много времени, когда время потрачено попусту или что-либо делается неоправданно долго' [14, с. 169]. В. И. Зимин в своих записях указывает на неточности в этих словарях и посредством синхронной этимологии уточняет, что этот фразеологизм «вспоминают, когда зря потеряно время в пределах одного часа», потому что данный фразеологизм мы не используем, когда говорим о потере суток, месяца, года. Компонент *битый* В. И. Зимин объясняет обычаем в городах и сёлах отбивать каждый час ударом колокола.

Толкование фразеологизма *белые мухи* как 'снег, снежинки. О падающем снеге' [11, с. 245] также нельзя признать полным, так как в нем не отражена важнейшая для этого фразеологизма сема 'контрастность'. В. И. Зимин и А. С. Спирин отмечали, что так люди говорят только о снеге, который идет на фоне чёрной земли, т. е. поздней осенью или ранней весной. Для характеристики падающего снега в середине зимы этот фразеологизм не используется, так как отсутствует контраст белого снега и чёрной земли, поэтому падающий снег не похож на рой белых мух.

Синхронная этимология помогает не только уточнить значения фразеологизмов, но и откорректировать их форму. Рассмотрим это на примере двух фразеологизмов, представленных в словарях вариантами: *с боку припека/с боку припёку* и *с бору по сосенке/с бору да с сосенки*.

Установление правильной формы фразеологизма возможно только путем обращения к его образной основе. Более старая форма фразеологизма – *с боку припёка* – восходит к процессу хлебопечения, где припёкой назывался прилипший к хлебу или пирогу кусочек теста. Идейная основа этого фразеологизма – лишний кусочек теста, тот, который случайно приклеился к основному хлебу или пирогу. Идейная основа послужила базой для возникновения всех трёх актуальных значений данного фразеологизма: 1) 'лишний, ненужный, не имеющий прямого отношения к кому-либо или чему-либо'; 2) 'будучи лишним или не имея прямого отношения к чему-либо (делать что-либо)'; 3) 'без достаточного основания, без видимых причин, необдуманно (сказать, сделать что-либо)' [11, с. 391]. Несмотря на то, что в третьем толковании нет лексемы с эксплицитным выражением семы 'лишний', в ней наблюдается имплицитное выражение этой семы – *сказать, сделать лишнее*.

Форма *с боку припёку*, очевидно, возникла позже в результате деэтимологизации: её употребляет более молодое поколение, не знакомое с лексемой *припёка*, о чём свидетельствуют данные опросов. Возникновению новой формы способствовало использование рифмы.

В результате выяснилось, что первая форма фразеологизма *с боку припека* является правильной, так как позволяет восстановить и образную, и идейную основы фразеологизма, чего нельзя сделать с помощью второй – ошибочной – формы *с боку припёку*.

Две формы зафиксированы в словарях и у другого фразеологизма – *с бору по сосенке/с бору да с сосенки*.

В словаре под редакцией А. И. Молоткова фразеологизм представлен в форме *с бору да с сосенки* со значением ‘кого попало, откуда попало, без разбору’ [11, с. 41]. Размышляя над этим фразеологизмом, В. И. Зимин и А. С. Спириин пришли к выводу, что это искаженная, ошибочная форма фразеологизма *с бору по сосенке*, внутренняя форма которого легко позволяет восстановить его этимологию. Они выдвинули версию, что в период крепостного права крестьянин не мог брать самовольно дрова в лесу помещика и, проезжая мимо, мог брать на каждом участке случайное дерево: и помещику убыток небольшой, и крестьянин обеспечивал себя дровами, хотя качество этих случайно собранных дров часто было невысоким [12, с. 63]. Мы допускаем версию, что фразеологизм мог возникнуть на основе абстрактного образа: если из разных лесов собрать по одному дереву, то получится неоднородный материал. И та, и другая версии актуализируют важные для данного фразеологизма семы ‘случайный выбор’ и ‘низкое качество’. Форма фразеологизма *с бору да с сосенки* не поддаётся этимологическому объяснению и поэтому, очевидно, является искажённой, ошибочной формой фразеологизма *с бору по сосенке*. Такой вариант мог возникнуть в результате действия процесса деэтимологизации – утраты связи образа и актуального значения в сознании носителей языка.

Синхронная этимология фразеологизмов, как и историческая, традиционная, этимология, может быть истинной, гипотетической и ложной. Истинная синхронная этимология присуща фраземам, имеющим литературное происхождение: крылатым выражениям, прецедентным именам, цитатам как периферийному материалу фразеологии, т. е. тем фраземам, у которых известен автор и время их возникновения. Истинной этимологией могут обладать фраземы-неологизмы, ещё не разорвавшие связь со своей образной основой или автором, типа *хотели как лучшие, а получилось как всегда* – известная фраза политика Виктора Степановича Черномырдина, которая стала крылатым выражением и уже приобрела вариант с заменой глагола: вместо компонента *получилось* используют компонент *вышло* (*как всегда*). В случаях «с другими видами фразем правомернее говорить о гипотетическом характере синхронной этимологии» [7, с. 587], который предполагает возникновение не только истинных, но и ложных этимологий фразеологизмов.

Рассмотрим это на примере синхронной этимологии фразеологизмов (*биться*) как *рыба об лёд* и *взять быка за рога*.

В «Опыте этимологического словаря русской фразеологии» Н. М. Шанского, В. И. Зиминой и А. В. Филиппова даётся следующее значение фразеологизма *биться как рыба об лёд*: ‘о безуспешных стараниях сделать что-либо, добиться чего-либо’ [10, с. 17], а образная основа фразеологизма трактуется как безнадежная попытка спасти рыбы, выброшенной рыбаками на лёд. Позже под влиянием идей А. С. Спириина В. И. Зимин изменил своё мнение: образную основу фразеологизма он стал трактовать как безнадежную попытку рыбы зимой пробить снизу лёд в поисках кислорода. В обеих версиях актуализированы семы ‘безнадежность’ и ‘упорство’. Однако вторая версия, по нашему мнению, не выдерживает критики, потому что для образования любого фразеологизма необходимо, чтобы ситуация была типичной, частотной для наблюдения представителями данного народа. Поэтому позже В. И. Зимин признал вторую версию ложной и вернулся к первой.

Образную основу фразеологизма *брать быка за рога* со значением ‘начинать действовать энергично, решительно, сразу и с самого главного’ [14, с. 354] В. И. Зимин и А. С. Спириин трактовали как ситуацию борьбы с быком: надо схватить нападающего быка за рога, крутнуть, причинить ему боль и таким образом пригнуть его к земле. При такой трактовке идея фразеологизма была бы следующей: человек смело, решительно побеждает быка, и в этом случае значение фразеологизма должно быть ‘решительно победить врага’, чего нет на самом деле. Поэтому данная этимология не может быть признана верной. Более правдоподобной образной основой, на наш взгляд, является ситуация попытки быстро оседлать быка для работы (чтобы пахать землю) или для поездки

на нём. Идейная основа данного фразеологизма – ‘быстро и уверенно начать поездку на быке’ породила современное значение этого фразеологизма.

Таким образом, при определении истинности или ложности синхронной этимологии фразеологизмов необходимо использовать следующие основные критерии: 1) соответствие образной и идейной основ современному значению фразеологизма (В. И. Зимин называл его «принцип семантического соответствия»), 2) типичность, частотность ситуации или явления для жизни данного народа.

Синхронная этимология предполагает не только авторский анализ фразеологизмов, но и разнообразную экспериментальную работу с информантами, что сближает её с социолингвистикой и психолингвистикой и даёт богатый материал для методики преподавания языка.

Итак, синхронная этимология фразеологизмов – это междисциплинарная наука, связывающая фразеологию с социолингвистикой, лингвокультурологией, психолингвистикой, методикой преподавания русского языка, фразеографией и исторической этимологией.

Таким образом, метод синхронной этимологии позволяет определить образную и идейную основы фразеологизма и благодаря этому верифицировать его современные словарные форму и значение, определить случаи разного понимания внутренней формы фразеологизма современными носителями «обыденного сознания», в том числе и такие, которые приводят их к ошибочному толкованию и употреблению фразеологизма в речи. Такие данные позволяют откорректировать современную методику обучения фразеологии. Кроме того, синхронная этимология позволяет выявить более глубокий пласт лингвокультурологической нагрузки исследуемых фразеологизмов, дать первоначальный толчок к исследованию фразеологизма с точки зрения исторической этимологии. Все выполняемые данной наукой задачи указывают на своевременность появления синхронной этимологии фразеологизмов.

Список использованных источников

1. Зимин, В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / В. И. Зимин. – М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2017. – 736 с. (Настольные словари русского языка).
2. Спири́н, А. С. Русские пословицы : сб. русских народных пословиц и поговорок, приговоров, молвушек, приговорков, присказок, крылатых выражений литературного происхождения / А. С. Спири́н. – Ростов н/Д. : Издательство Ростовского университета, 1985. – 208 с.
3. Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь. – 3-е изд., стер. / В. И. Зимин, А. С. Спири́н. – Ростов н/Д. : Феникс; М. : Цитадель-трейд, 2006. – 544 с.
4. Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. – 2-е изд., стер. / В. И. Зимин, А. С. Спири́н. – Ростов н/Д. : Феникс; М. : Цитадель-трейд, 2005. – 544 с.
5. Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Зимин, А. С. Спири́н. – М. : Сюита, 1996. – 544 с.
6. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
7. Зимин, В. И. Синхронная этимология как средство уточнения значения фразеологизмов / В. И. Зимин, О. И. Авдеева // Когнитивные исследования языка. – Вып. № 2 (45) : Знаки языка и смыслы культуры : сборник научных трудов, посвященный памявному юбилею Вероники Николаевны Телия / отв. ред. выпуска М. Л. Ковшова. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2021. – С. 585–595.
8. Алефиренко, Н. Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия) / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2004. – 296 с.
9. Топоров, В. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа / В. Н. Топоров // Вопросы языкознания. – 1960. – № 3. – С. 44–59.

10. Шанский, Н. М. Опыт этимологического словаря русской фразеологии / Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. – М. : «Русский язык», 1987. – 237 с.
11. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова и др.; под ред. и с послесл. А. И. Молоткова. – 7-е изд., испр. – М. : АСТ : Астрель, 2006. – 524 с.
12. Авдеева, О. И. «Когда летают белые мухи?» (О фразеологических наблюдениях В. И. Зимины и А. С. Спирина) / О. И. Авдеева // Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее : материалы Международной научно-практической конференции «Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее», посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Валентина Ильича Зимины, г. Москва, 26 ноября 2021 г. / под общ. ред. О. И. Авдеевой. – М. : МПГУ, 2022. – С. 59–67.
13. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры / М. Л. Ковшова. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.
14. Яранцев, Р. И. Словарь-справочник : ок.1500 фразеологизмов / Р. И. Яранцев. – М. : Русский язык, 1997. – 845 с.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of the synchronic etymology of phraseological units in clarifying the dictionary meanings and forms of phrasemes, as well as to the analysis of the understanding of phrases by modern speakers of the Russian language. Methods for verifying dictionary meanings and verifying dictionary forms are shown using specific examples. For this purpose, it is proposed to identify two components of the internal form of a phraseological unit: the figurative basis of the phraseological unit and its ideological basis, which serves as the basis for the formation of the actual meaning of the phraseological unit. The main criteria for determining the truth or falsity of a synchronous etymology are: 1) the relationship between the figurative and ideological foundations of a phraseological unit with its actual meaning and 2) the typicality, the frequency of a situation or phenomenon reflected in the image of a phraseological unit.

Keywords: phraseological unit, phraseme, internal form of phraseological unit, figurative basis of phraseological unit, ideological basis of phraseological unit, semantics, synchronic etymology, etymology of phraseological units, phraseography, V.I. Zimin.

Авдеева Ольга Ивановна – кандидат филологических наук, доцент; Московский педагогический государственный университет, Институт филологии (olavd@yandex.ru).

УДК 811.161.1'373.2'42

З. Р. Аглеева

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФРАЗЕОГРАФИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологические словари нового поколения, появившиеся в конце XX – начале XXI века. Отмечаются параметры презентации фразем в традиционных и новых фразеологических словарях, введение лингвокультурной информации, сведений о лингвопрагматическом потенциале фразем, теоретического обоснования отбора фразеологических единиц для фразеографирования.

Ключевые слова: фразеография, дискурсивное пространство, словарная статья, лингвокультурологическая информация, семантические группы, зона.

Новое поколение фразеологических словарей русского языка – это словари, которые дают возможность познакомиться не только с богатейшим и постоянно пополняющимся фразеологическим фондом русского языка, а в некоторых изданиях – в качестве фоновых знаний и контактирующих языков, но и с лингвокультурой этносов, когнитивными основами функционирования фразем на современном этапе и в историческом плане. Лингвокультурологическая информация в одних словарях является фоновой, в других – организационным или связующим центром словарной статьи.

Авторы современных фразеологических словарей придерживаются и традиционных, своего рода уже классических, канонов (как напр., помимо объяснения значения, описание внутренней формы фраземы, фиксация особенностей функционирования ФЕ, различные модификации, в отдельных случаях этимология фраземы и т. д.) и привносят новые, присущие современному этапу развития фразеологии и фразеографии параметры. Своего рода переходными между классическими словарями, представленными «Фразеологическим словарём русского языка» под редакцией А. И. Молоткова (1967 г.) [1], где собрано более 4000 фразем, «Фразеологическим словарём русского литературного языка» в двух томах («Цитадель», 1997) А. И. Федорова [2; 3], в котором даются толкования значений и контексты употребления, стилистическая и эмоционально-экспрессивная окраска около 13 000 фразем (идиом и фразеологических сочетаний) и под., и словарями нового поколения, о которых пойдёт речь дальше, являются фразеологические источники, в которых увеличилось количество параметров характеристики фразем. В качестве примера остановимся на кратком описании «Толкового словаря фразеологических синонимов русского языка» под редакцией В. П. Жукова, где представлено около пяти тысяч ФЕ в 730 синонимических рядах (1987 г., переиздан в 2005 г.). Авторы исходят из определения фразеологических синонимов как «фразеологизмов, тождественных или близких по значению». Это очень важно было в момент составления словаря, так как не утихали дискуссии о разграничении фразеологических синонимов и фразеологических вариантов. Впрочем, и в настоящее время нередко поднимаются подобного рода вопросы, но уже более практического плана, когда речь идет об определенных фраземах. В предисловии «Фразеологическая синонимия и словарь фразеологических синонимов» даётся теоретическое обоснование разграничения схожих процессов в области фразеологии, названных выше, приводится большое количество примеров, позволяющих развести синонимы и варианты, отмечаются языковые особенности, характеризующие «фразеологизмы, охваченные синонимическими связями» (см. издание 2005 года). В качестве примера приведём несколько сокращённую словарную статью: «ДО МОРКОВКИНА ЗАГОВЕНЬЯ (ДО МОРКОВКИНЫХ ЗАГОВЕН) (*разг., шутл.*), ДО ВТОРОГО (НОВОГО) ПРИШЕСТВИЯ (*шутл.-ирон.*), ДО ГРЕЧЕСКИХ КАЛЕНД (*устар., ирон.*). Преимущ. употр. при глаголах сов. в. *Обстоят.* До неизвестного времени, неопределённо долго.

– *Продержат там тебя до морковкина заговенья, а тут сенокос на носу.* К. Седых. Даурия. – *Придётся тебе завтра съездить к этому самому Никитову... Иначе мы тут до второго пришествия просидим.* И. Березовой. Истребители вступают в бой. *Если рыболов сядет на берег и забросит удочку, он может сидеть так до нового пришествия, но ничего не поймает – форель пуглива.* И. Цацулин. Атомная крепость.

Сравн. Когда рак на горе свистнет; после дождичка в четверг, после морковкина заговенья (к морковкину заговенью) [4, с. 147].

Даже небольшого фрагмента достаточно, чтобы увидеть, что даётся и грамматическая, и стилистическая характеристика фразеологических синонимов, приводятся и фразеологические варианты. К сожалению, нет этимологической справки, но это не является задачей авторов. В послесловии ко второму изданию «Золотые россыпи русской речи» доктор филологических наук А. В. Жуков высоко оценивает этот глубокий и серьёзный труд: «Из бесценного языкового материала в полном соответствии с теоретическим замыслом и волей редактора-Мастера составителями построено монументальное и гармоничное здание Словаря» [4, с. 441].

В качестве предмета описания в «Русском идеографическом словаре» [5] избран концепт и его смысловая парадигма. Дав восемь важнейших характеристик, авторы констатируют: «... концепт существует не сам по себе, а в своём собственном языковом окружении: он как основная и элементарная понятийная данность (основной, или «великий», «ключевой» концепт) окружён семантическими единицами, обращёнными к

тому же понятию, но дополняющими, «расцветивающими» его семантически, стилистически или хронологически и образующими его ближайшее и необходимое поле; это – малые концепты, та живая среда, в которой основной концепт является её организуемым, к себе притягивающим центром». Именно ключевые и малые концепты и анализируются составителями. Ступени человеческого познания названы в словаре *мирами*: сколько выделено миров, столько и разделов в словаре. Приведём названия миров и ключевые концепты, не останавливаясь на так называемых малых.

1. Мир, воспринимаемый человеком как всё высшее, непостижимое или непонятное, таинственное, либо, напротив, как то, что дано человеку искони, как извечно предопределённое. Сюда отнесены Божественное. Чудесное. Таинственное. Вечные понятия морали. Предопределённое.

2. Мир как то, в условиях чего всё существует, развивается, взаимодействует и воспринимается человеком не только как от него не зависящее, но как определяющее само его существование на земле (Пространство. Время. Времена года. Стихии).

3. Мир, естественно окружающий человека, им непрерывно познаваемый и активно осваиваемый (Небеса. Земная твердь. Поток. Зверь. Птица. Животные, опасные для человека. Домашние животные – друзья человека).

4. Собственно мир человека: он сам (Жизнь и смерть. Сон. Душа. Я. Душевные, эмоциональные, психические свойства, состояния человека. Смех. Страх. Хмель. Ум. Память).

5 а. Мир, создаваемый человеком в обязательном взаимодействии с другими людьми и составляющий его собственное – узкое или широкое – и необходимое окружение (Окружающие люди. Ирреальное (воображаемое) окружение. Общение. Контакты. Жизненно важные продукты труда).

5 б. Социальное, имущественное состояние (Воля. Свобода. Неволя. Беда. Бедность, богатство. Народ. Власть).

6. Мир, создаваемый человеком как высшее обобщение деятельности его ума и духа (Мысль. Язык. Молчание. Тайна. Народный опыт).

Каждая словарная статья посвящена отдельному концепту, состоит из 19 зон. На примере словарной статьи «Совесть» кратко остановимся на этих зонах, не приводя примеров из художественного и публицистического дискурсов, которых в словаре огромное количество: I. Быть. Есть у человека совесть или нет её? *Совесть живёт в тайниках души. Совесть проснулась, зашевелилась, заговорила. Совесть заглохла. Нет ни стыда ни совести* (т. е. совсем нет). II. Кто. Что. А. Совесть – чувство нравственной ответственности за своё поведение перед окружающими людьми, перед обществом и перед самим собой. Б. Совестьливость – чувство нравственной ответственности перед окружающими; способность прислушиваться к голосу совести. III. Каков. *Совесть строга. Совесть глуха к оправданиям. Суд совести безошибочен.* IV. Какой. *Чистая совесть. Безупречная (безупречно чистая) совесть. Люди с чистой совестью.* V. Чей. *Есть суд собственной совести. Его (у него) совесть чиста. Он свою совесть никому не продал.* VI. Действие. Состояние. Отнесённость (связанность). *Совеститься – прислушиваться к голосу совести, не позволять себе идти против совести.* VII. Необходимость. Должность. Возможность. Желательность. *Поступай так, как говорит (велит, требует, подсказывает) тебе твоя совесть. Пора бы тебе за совесть взяться.* VIII. Каково. *Стараться заглушить укоры совести бесполезно. Мне совестно беспокоить его постоянными просьбами.* IX. Как. *Поступать по совести, как совесть велит, с чистой совестью. Решать по совести, как совесть подсказывает. Сделали на совесть (честно, добросовестно).* X. Сколько. *Подумай, что ты делаешь: совесть-то одна, другой не купишь! И как только у него совести хватило так поступать! Хватило же совести!* XI. Насколько. *Слишком уж ты совестлив! «Если бы я менее был совестен, я бы меньше страдал»* (Тургенев). *Прежде люди были добрее, совестливее.* XII. Который (среди подобного). *Всякую (последнюю) совесть потерял* (т. е. ведёт се-

бя совершенно бессовестно). XIII. Где. *На его совести тяжёлый грех. Его совесть чиста перед Богом и перед людьми. Речи высокие, пышные, а совесть-то где?* XIV. Куда. *Взять грех на свою совесть. Он не пойдёт против (наперекор) своей совести. И куда только твоя совесть девалась?* (упрёк). XV. От – До (в пространстве). *Покаянием не снять греха с совести. До его совести не доберёшься, не достучишься. «Совесть не сосед, от неё не уйдёшь»* (Даль). XVI. Когда. *Всегда ли чиста наша совесть? Он честен, никогда не поступится своей совестью, никогда не пойдёт на сделку с ней. Наконец-то в нём совесть заговорила.* XVII. От – До (во времени). *Как вспомню свой проступок, так до сих пор совесть мучит.* XVIII. Зачем. *Я могу объяснить свой проступок, но для совести моей этого объяснения недостаточно. Сделал для очистки совести.* XIX. Почему. *Сам себя оговорил из-за (по) своей излишней совестливости. Признался-таки: совесть заговорила. «Беззуба, а с костями сглохнет (или съест) (совесть)»* (Даль; загадка).

Достаточно подробно мы остановились на описании этого словаря, потому что в нем подробно рассмотрено только 80 ключевых и малых концептов, но его основными параметрами можно воспользоваться при составлении идеографического словаря практически любого языка с учётом национальной специфики. Открываются возможности расширения и словника русского идеографического словаря: в экспериментальном словаре не было возможности отразить все концепты и все «миры», но дается представление об одном из путей фиксации и других базовых концептов.

В идеографическом аспекте идиоматика рассматривается также в «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, в котором предлагается описание по семантическим полям. Отличие тезауруса от всех существующих словарей авторы видят в большом объёме (приводится около 8 000 идиом, функционирующих в публицистических и художественных текстах 60–90-х годов XX века и прессы начала нашего века), привлечении нового фразеологического материала, в новом подходе к организации материала, отмечая описательный характер, т. е. включение идиоматики не только литературного языка, хотя словарь «выполняет и нормативную функцию, поскольку каждой идиоме приписаны соответствующие стилистические пометы» [6, с. 3]. Словарь состоит из четырёх основных частей: Синописа, Легенды, Основного корпуса Словаря-тезауруса и Указателей. Основной корпус объединяет словарные статьи в семантические группы и подгруппы, так называемые таксоны и подтаксоны. В связи с объёмностью словарных статей не будем приводить примеры, хотя все 87 тезаурусов представляют несомненный интерес в плане лингвистики и лингвокультурологии.

Безусловно, начало новому поколению ярких, содержательных словарей, отвечающих современному состоянию фразеологии, положил «Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий» В. Н. Телия, который сама Вероника Николаевна охарактеризовала как «уникальный опыт введения в единый формат словарной статьи, разработанной с учётом достижений современной лингвистики и лексикографии, не только многомерного толкования значения, прогнозирующего употребление фразеологизмов, иллюстративного материала, демонстрирующего многожанровое использование фразеологизмов в живом современном языке, но и культурологического комментария к ним. Он содержит сведения о многоаспектном по источникам воплощении во фразеологизмы культурно значимых смыслов. И это находит воплощение в полифоническом характере согласования в словаре принципов не только лингвистического, но и культурологического способов описания фразеологизмов» [7, с. 7]. Анализ данного словаря представлен в статьях [8; 9].

«Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики» Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых содержит статьи, в которых представлены наиболее существенные лингвистические и экстралингвистические сведения культурологического и этнографического характера. Они построены в основном в соот-

ветствии с общепринятыми принципами, хотя имеется и специфика представления фразем. Каждая словарная статья состоит из трёх частей. Первая часть включает общую функционально-грамматическую характеристику заголовочной фраземы и её парадигматические возможности: фразеосемантические варианты, синонимы и антонимы. Вторая часть представляет собой иллюстративный материал, подобранный авторами из современной художественной литературы и масс-медиа. Третью часть составляют рубрики: функционально-коммуникативное своеобразие фраземы; лингвокультурологическая характеристика; лингвопрагматический потенциал фраземы; концепт, лежащий в основе ФЗ фраземы; лингвокультурный статус использующих данную фразему; ассоциативно-смысловые причины актуальности фраземы в языковом сознании. Словарь представляет собой попытку систематизированного описания русской идиоматики в аспекте отражения в устойчивых образных выражениях русского культурно-познавательного пространства. Остановимся на фраземе, которая ранее не включалась во фразеологические словари, хотя достаточно частотна. Согласно принципам толкования фразем в словаре, фразема *Чья бы корова мычала* описывается по основным параметрам: толкование значения, наличие синонимов и антонимов, стилистическая окраска, взаимосвязь лингвистических и экстралингвистических факторов, обуславливающих лингвокреативный статус фраземы в языковом сознании. Не останавливаясь на многочисленных иллюстрациях, приведём в качестве образца словарную статью с тем, чтобы дать представление о структуре словаря, о принципах описания единиц русской идиоматики.

«ЧЬЯ БЫ КОРОВА МЫЧАЛА (*прост.*). Кто бы говорил, да только не ты. Синонимы: Чёрт (леший, нелёгкая) дёрнул (-а) за язык кого (*прост.*), <приходиться/прийтись> не по вкусу кому (*разг.*). Антонимы: Смотреть (глядеть) в рот кому (*разг.*) – очень внимательно, иногда с подобострастием слушать кого-л.; превращаться (обращаться)/ превратиться (обратиться) в слух – слушать очень внимательно, забывая обо всём вокруг; наострить (насторожить) уши (*разг.*) – с любопытством, напряжённым интересом прислушиваться; ловить на лету (с лёту) что (*разг.*) – жадно, с интересом внимать, слушать, не упуская ничего.

◇ В образной речи в функции предложения. В экспрессивном высказывании может употребляться как присоединительная конструкция с оценочным значением для выражения крайнего сожаления, досады по поводу сказанного.

◇ Выражение является частью поговорки, довольно часто употребляемой в разговорной речи: «Чья бы корова мычала, а твоя б молчала».

◇ Используется, когда хотят сказать, что собеседник не имеет права осуждать кого-л. или что-л., поскольку сам небезгрешен.

◇ Концепт «Осуждение».

◇ Обыденная лингвокультура.

◇ Языковая память поддерживается переносным значением глагола *мычать* – ‘невнятно говорить, издавать нечленораздельные звуки (разг.)’. Сравн.: *Мычать в ответ*» [10, с. 5].

«Попыткой развить концепцию», представленную в данном словаре, является познавательный словарь-справочник «“Чужое” в “своём” фразеологическом пространстве» М. Л. Лаптевой («Научно-популярная серия РФФИ», 2019 г.). Предметом фразеографирования стали инокультурные фразеологизмы, отражающие «восприятие членами данного лингвокультурологического сообщества внешнего («чужого») мира в сопоставлении с внутренним («своим»)» [11, с. 5]. В словарь вошли ФЕ четырёх типов, содержащих инокультурные компоненты (компоненты-этнонимы, компоненты-топонимы, компоненты-антропонимы и их дериваты, компоненты-этнонимы).

Изида □ Покрывало Изиды. □ О тайне, скрываемой истине.

1) Из этого следует: коррупция в Камышине – не залежалый «товар» и обретает более изощрённые формы. Однако покрывало с «Изиды» надо срывать. В противном случае «невероятные истории» будут находить своё продолжение (<http://infokam.su>).

2) *«Железные занавесы» современности, конечно, не покрывала Изиды, но что-то общее с этим мифологическим образом всё же имеется. В частности, то, что они невидимы.*

◇ Дискурсивное пространство истории Древнего Египта.

Изида – древнеегипетская богиня производительных сил, статуя которой стояла в саисском храме, закрытая плотной тканью. Покрывало никто не смел совлечь, сделать это могла сама богиня.

◇ Концепт «Гайна».

◇ Языковая память поддерживается знаниями истории Древнего Египта.

ИЭС 2007, 549.

Фразеологизмы, рассматриваемые в словаре-справочнике, представляют самые разные дискурсивные пространства: русской и зарубежной литературы, гетеростерейных типов, русской и зарубежной истории, инокультурных артефактов, отечественного и зарубежного кинематографа, научных открытий, мифологии и т. д. Таким образом, в словаре учитываются взаимосвязи языка, познания и культуры, взаимодействия когнитивных и дискурсивных факторов, что позволяет представить лингвокультурную ценность включенных фразем.

Фразеография начала XXI века представляется более глубокой, серьёзной, так как учитывает не только новые тенденции в составлении словарей, но и те сведения, которые появились в теории фразеологии в последние десятилетия благодаря успешной работе ведущих фразеологических школ страны.

Список использованных источников

1. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1986. – 543 с.

2. Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А. И. Федоров. – М. : Цитадель, 1997. – Т. 1 : А–М. – 391 с.

3. Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А. И. Федоров. – М. : Цитадель, 1997. – Т. 2 : Н–Я. – 396 с.

4. Толковый словарь фразеологических синонимов русского языка: ок. 5000 фразеолог. единиц; ок. 730 синоним. рядов / В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляр; под ред. В. П. Жукова. – 2-е изд., стер. – М. : Астрель: АСТ: Ермак, 2005. – 443, [5] с.

5. Русский идеографический словарь: мир человека и человек в окружающем его мире: 80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека / отв. редактор Шведова Н. Ю. – М. : Азбуковник, 2011. – 1615 с.

6. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Ин-т РЯ им. В. В. Виноградова; под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. – М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1135 с.

7. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / ответственный редактор В. Н. Телия. – М. : АСТ-Пресс книга, 2006. – 784 с.

8. Аглеева, З. Р. Учебные и академические фразеологические словари традиционного и нового типа в практике преподавания русского языка // Русский язык в поликультурном образовательном пространстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых с международным участием: к 30-летию кафедры русского языка / З. Р. Аглеева, К. Р. Карабалаева. – Астрахань, 2021. – С. 10–23.

9. Аглеева, З. Р. Фразеография как составляющая когнитивно-дискурсивного описания языка // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка : сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, приуроченной к юбилею Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Белгородского государственного университета Николая Федоровича Алефиренко / З. Р. Аглеева. – Белгород : Эпицентр, 2016. – С. 248–255.

10. Алефиренко, Н. Ф. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – М. : ЭЛПИС, 2008. – 472 с.

11. Лаптева, М. Л. «Чужое» в «своём» фразеологическом пространстве: познавательный словарь-справочник / М. Л. Лаптева. – Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2019. – 204 с.

Abstract. The article examines phraseological dictionaries of a new generation that appeared at the end of the 20th – beginning of the 21st century. The parameters for the presentation of phrasemes in traditional and new phraseological dictionaries, the introduction of linguocultural information, information about the linguopragmatic potential of phrasemes, and the theoretical justification for the selection of phraseological units for phraseography are noted.

Keywords: phraseography, discursive space, dictionary entry, linguocultural information, semantic groups, zone.

Аглеева Зухра Равильевна – доктор филологических наук, профессор; Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева (z.agleeva@yandeex.ru).

УДК 811.161.1'373.7

Г. В. Буркова, С. Б. Кураш

ВОБРАЗНА-ПАЭТЫЧНЫЯ КАНТЭКСТЫ З УСТОЙЛІВЫМІ АДЗІНКАМІ ЯК АБ'ЕКТ ПАРОДЫ

Анотацыя. У артыкуле даследуецца функцыянаванне ўстойлівых выразаў у сістэме адносін тэкстаў-пародый і тых паэтычных тэкстаў, на якія гэтыя пародыі створаны. Вызначана, што ўстойлівыя адзінкі розных тыпаў могуць захоўваць структуру і функцыі, якія былі ім уласцівыя ў зыходным тэксце, а таксама могуць падвяргаецца тым ці іншым парадыйным аперацыям (разгортванне ў гумарыстычны сюжэт; сутыкненне з кантэкстам, які кантрастуе тэматычна ці стылістычна; прачытанне ў прамым сэнсе і інш.).

Ключавыя словы: устойлівыя адзінкі, пародыя, паэзія, вобраз, стылістычны эфект.

Вобразная архітэктоніка паэтычнага тэксту – адзін з найбольш цікавых аб'ектаў парадывання. У парадыйным люстэрку могуць аказвацца разнастайныя вобразныя кантэксты моўнага паэтычнага кантынууму, у тым ліку такія, якія маюць у сваім складзе ўстойлівыя адзінкі розных тыпаў: фразеалагізмы, прыказкі і прымаўкі, афарызмы, калакацыі. Апошнія пры гэтым у большай ці меншай ступені могуць трапляць у пазіцыю сэнсавага фокуса вобразнага кантэксту.

Вядома, што адносіны тэкста, які парадывуецца, і тэкста-пародыі – гэта адносіны першаснага і другаснага (вытворнага) тэкстаў, у аснову якіх пакладзены пэўныя дэрывацыйныя механізмы. Вядома і тое, што фразеалагічныя і іншыя ўстойлівыя адзінкі могуць уваходзіць у паэтычны кантэкст як у звычайным, так і ў трансфармаваным выглядзе.

Мэта прапанаванага даследавання – вызначэнне гэтых самых механізмаў адносна структурна-семантычных і прагматычных характарыстык устойлівых адзінак розных тыпаў у зыходным тэксце (аб'екце пародыі) і ў парадыйным (вытворным) тэксце. Для вырашэння гэтай задачы намі выкарыстоўваліся метады кантэкстнага, інтэртэкстуальнага і інтэрпрэтацыйнага аналізу.

Назіранні паказалі, што ў пераважнай большасці выпадкаў тыя ці іншыя ўстойлівыя адзінкі, ужытыя ў кантэкстах, якія падвяргаюцца парадыванню, не застаюцца па-за ўвагай парадыста, паколькі, як правіла, ужываюцца паэтамі ў мэтах узмацнення вобразнага патэнцыялу тэксту, і нярэдка функцыянуюць у тэкста- і

вобразаўтваральнай функцыі, чаму садзейнічае сама іх прырода: «Сапраўды, для таго каб нейкі выраз запомніўся і спадабаўся і яго сталі б зноў і зноў паўтараць, трэба, каб ён быў вобразным, рытмічным» [1, с. 309]. Даследчыкамі нават вызначаюцца такія паняцці, як «фразеалагічная / прыказкавая дамінанты» мастацкага тэксту, якія «праяўляюць сваю спецыфіку ў кантэкстуальным асяроддзі, г. зн. у дыскурсіўнай практыцы пэўнага аўтара, а не ў моўнай сістэме ў цэлым» [2, с. 114–115].

Часцей за ўсё падставай для стварэння парадыйнага тэксту становіцца якая-небудзь прыкметная ўласцівасць прэцэдэнтнага пабудавання, улоўленая парадыстам з большай ці меншай ступенню аб'ектыўнасці, у прыватнасці, ступень эстэтычнай дасканаласці, навізна і арыгінальнасць альбо, наадварот, банальнасць, збітасць і да т. п. У якасці прыкладаў можна прывесці наступныя фрагменты паэтычных тэкстаў і парадыйных водгукаў на іх.

Аб'ект пародыі

*Няхай бяда наваліцца гарою –
Не траць ніколі добрага настрою:
Усмешка ўпрыгожыць чалавека,
А злосць нам скарачае чвэртку веку.*
(Мікола Вяршынін)

Пародыя

*І я за тое: бойся каня ззаду,
Не выпрабоўвай злую долю.
Калі забудзеш гэтую параду –
То паспытаеш капытоў уволю.*

*Яшчэ такі сакрэт я вам даверу:
Палена сукаватае ніколі
Не трэба біць звычайнаю сякерай,
А калуном – у міг яго расколіш.*
(Уладзімір Новік)

У гэтым прыкладзе, як можна бачыць, падставай для пародыі становіцца сцвярджанне паэтам агульнавядомых ісцін. Стылістычны эфект пародыі звязаны з пераносам сітуацыі (парады чытачу адносна жыццёвага накірунку, адносінаў да жыцця) у сферу прыземлена-побытавую (як падыходзіць да каня і калоць дровы).

Яшчэ адзін аналагічны прыклад.

Аб'ект пародыі

*Калі з душы спадае быту млосць,
Сціраю пыл з паліц бібліятэкі,
І мне здаецца, тут я – вечны госць,
Дзе кніжкі ўсе – жыцця майго люстэркі.*

*Адлюстравалі трапна вобраз мой
Гамер, Шэкспір, Петрарка і Купала...
Цвярозы штрых пра мой скразны запой
Пакінуў Блок, калі яго хістала...*

*Я ёсць паўсюль – Іешуа? Пілат?
Хоць цензары мой дух раскрыжавалі,
Ды геніям – класічнае «віват»!
Мой вобраз імі ўпісаны ў скрыжалі.*

*І ты, чытач, – а ты, магчыма, ёсць
Ці будзеш – над радкамі не глуміся,
Калі спадзе з душы зямная млосць,
На вобраз свой спрадвечны азірніся...*
(Леанід Галубовіч)

Пародыя

*Адпрэчваю няўпэўненасць і жаль,
Ці ж мала мы, паэты, падрыжгалі?
Мой кожны верш – гісторыя, скрыжаль,
Я й сам навекі ўпісаны ў скрыжалі!*

*Мяне хапала слава за каўнер,
Хоць я яшчэ не ездзіў на Пегасе.
І лазіў на слупы за мной Гамер,
Калі я быў манцёрам у калгасе.*

*Мне тых часоў ніколі не забыць.
Яшчэ ледзь-ледзь настроіў сваю ліру,
А ўжо класічным “быць або не быць”
Я дапамог гаротнаму Шэкспіру.*

*Разведаўшы, што ёсць на свеце я,
Мне дакучаў санетамі Петрарка,
Хоць знаў – у Галубовіча сям'я
І ўся, што неабходна, гаспадарка...*

*На сёмым небе з сонечных аблок
Я ў гонар свой узводзіў піраміды.
І піў на брудэршафт са мною Блок,
Забыўшы гістарычныя абіды.*

*Мяне Ясенін клікаў за мяжу,
Заўжды ў вясёлым, песенным настроі.
Я пра Купалу нават не кажу –
З мяне спісаны ўсе яго героі.*

*Пад ногі кожны зоркі мне страсаў
На росквіт паэтычнае планіды.
Навошта ж Караткевіч напісаў,
Што на зямлю не прыйдуць леаніды?..*

*Падумаю – пісаць перастаю:
Мой кожны твор – не показка пустая!
Я на скрыжальных ледзьве ўжо стаю,
Бо з непрывычкі ўсё ж такі хістае.
(Міхась Скобла)*

У прыведзеных двух тэкстах можна бачыць цэлы каскад устойлівых абаротаў, у якім сутыкаецца «высокае», «кніжнае» і «размоўнае», «зніжанае», што адпавядае прагматычнаму напрамку пародыі – юмарыстычна адлюстраванне спробу аўтара (Л. Галубовіча) паставіць сваю асобу ў адзін шэраг з персонамі класікаў.

Падобная стратэгія парадывання пакладзена ў аснову парадыйнага тэксту М. Шабоўіча, заснаванага на абыгрыванні прэцэдэнтных феноменаў – назваў вядомых літаратурных твораў:

Аб'ект пародыі

*«Нарачанскія сосны»,
«Жураўліны крык»,
«Лясная песня»
(Назвы вершаў Міхася Башлакова)*

*А я тут жыву, а я тут,
Дзе завеі звіае снежань.
(Міхась Башлакоў)*

Пародыя

*Ох, не паглядзяць па галоўцы,
Калісь наб'юць табе гузак
І Танк, і Быкаў, і Русак
За ўсе, што ўзяў ты, загалоўкі.
І Мележ сцішыцца ў самоце:
Калі бярэш, то меру знай:
«Завеі. Снежань» — забірай,
Але ж не «Людзі на балоце»!
(Мікола Шабоўіч)*

Яшчэ адной характэрнай стратэгіяй парадывання кантэкстаў з устойлівымі выразамі з'яўляецца прамое прачытанне вобразнага выразу, што прыводзіць да трансфармацыі вобраза ў гіпербалізавана-недарэчную (фантастычную, казачную) фэбулу тэксту і да эфекту «рэалізацыі метафары» [3, с. 171–172].

Аб'ект пародыі

*Калі ўмела жыць,
Дык можна і каня даіць.
(Рыгор Барадулін)*

Пародыя

*Чытач,
Ты, мабыць, не паверыш,
Як я ля вымя шчыраваў,
Акрыўшы ў ім такую неруш,
Якой ніхто не адкрываў.
(...)*

*Мая Пегасіца насецца
Каля Парнаса на аўсе,
Як гойкну – гэтак панясецца,
Што маладзік на дол страсе.
(Пятро Сушко)*

Матыў «даення каня», пакладзены ў аснову аўтарскага афарызму, які нагадвае прыказку, парадыст разгортвае ў цэлы сюжэт на класічную тэму паэта і паэзіі.

Блізкім да апісанага з’яўляецца такі парадыйны прыём, калі ў тэксце пародыі захоўваецца і нават умацняецца стылёвая ці тэматычная дамінанта, заданая нейкім устойлівым выразам, напр.:

Аб’ект пародыі

*Вада і шкло – два светы, дзве
празрыстасці.*

...

*Вугал падзення роўны вуглу адбіцця.
(Галіна Булыка)*

Аб’ект пародыі

*І ўвогуле – я дбаю пра сябе,
Сябе люблю, у сябе люблю капацца.
Сябе выносьць на сваім гарбе,
Каб потым жа сабе і падабацца.
(Славамір Адамовіч)*

Пародыя

*Сінус бэта-вугла упіраецца ў вазу,
Промень тангенса зырка ад люстры ідзе.
І сыпучасць пяску вам напамінь адразу,
Што цякучасці вод не стрымацца нідзе.
(Георгій Юрчанка)*

Пародыя

*Я ўсім паэтам даць гатоў адлуп.
З былога, як герой вядомай казкі,
Я сам сабе выцягваю за чуб,
Узвалаку ж і на бугор парнаскі!
(Міхаіл Скобла)*

Устойлівы выраз з зыходнага тэксту можа быць выкарыстаны парадыстам для выражэння іншага, у параўнанні з зыходным, сэнсу, для стварэння новага вобразу, параўн.:

Аб’ект пародыі

*Я працую і працую...
Век нядоўгі свой марную
пад гарой дзе свішча рак,
на каго хрыбетнік гну я? –
недаўмеюся ніяк.
(Алесь Давыдаў)*

Пародыя

*Я працую і працую,
сяду гэтак, сяду так;
вершык свой усё мудрую,
каб меў выгляд, пах і смак.
Ды нашто хрыбетнік гну я? –
недаўмеюся ніяк.
Кніжку выдаць абяцаюць
як пад горкай свісне рак.
Пэўна, кожны так мяркуюе
малады паэт-бядак.
(Анатоль Крэйдзіч)*

Як можна бачыць, ад роздому аб жыцці ў цэлым (зыходны тэкст) парадыст перайшоў да роздому лірычнага героя аб выданні сваёй кніжкі, выкарыстоўваючы для гэтага вядомую устойлівую адзінку ў трансфармаваным выглядзе.

Для параўнання можна прывесці і такія прыклады, дзе адна і тая ж устойлівая адзінка у тэксце пародыі і ў зыходным тэксце застаюцца функцыянальна тоесамі:

*З глухой выходжу каламуці,
У тумане ізноў хаджу...
З самім сабой я на нажах.
(Васіль Макарэвіч)*

*На мне прызначаным марируце
Не разабрацца – проста жах!
У тумане і каламуці
Я сам з сабою на нажах.
(...)*

*І ўсё ж Пегаса я гукаю,
А то другія пераймуць.
І ў іх паэзія такая –
Адзін туман і каламуць.
(Міхась Скобла)*

Аб'ект пародыі

*Вось дзяўчына дык дзяўчына!
Можна нават чараўніца.
Свет на ёй сышоўся б клінам,
Ды яшчэ бацькоў баіцца...
(Алесь Бажко)*

Пародыя

*Вось дзяўчына дык дзяўчына!
Чараўніца ды і годзе!
Свет на ёй сышоўся клінам,
А яна за нос штоць водзіць.
(Анатоль Зэкаў)*

Станавіцца аб'ектам пародыі, як было адзначана, могуць і такія вобразныя пабудаванні, якія выклікаюць асацыяцыі з больш шырокімі кантэкстамі. У сувязі з гэтым трэба ўзгадаць пра такую з'яву, як «фразеалагічнасць» тэксту, якая заключаецца ў набыцці тэкстамі ўласцівасцяў узнаўляльнасці і стэрэатыпнасці на структурна-семантычным узроўні, што, напрыклад, уласціва (хай і ў няроўнай ступені) цэламу шэрагу тэкстатыпаў (маўленчых жанраў) малога фармату (прыказкам і прымаўкам, афарызмам, заклікам, лозунгам, віншаванням, слоганам, інструкцыям, папярэджанням і г. д.) [4]. У прыватнасці, парадыравацца можна вобразная архітэктоніка такіх кантэкстаў, як літаратурныя напрамкі, стылі, жанры (напр., «Вянок парадыйных санетаў» Міхася Пазнякова, «Круглы стол вакол квадратнага акна» Міхася Скоблы, «Лічылка» Анатоля Зэкава і інш.).

Такім чынам, можна сцвярджаць, што ў структуры адносін тэкстаў-пародый і тых паэтычных тэкстаў, на якія гэтыя продыі пішуцца, устойлівыя адзінкі розных тыпаў могуць як захоўвацца ў тым стане і той функцыі, што выяўляліся ў зыходным тэксце, так і падвяргацца такім аперацыям, як разгортванне ў гумарыстычны сюжэт; сутыкненне з кантэкстам, які кантрастуе тэматычна ці стылістычна; прачытанне ў прамым сэнсе (прыём «рэалізацыі») і інш.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Арнольд, И. В. Интерпретация пародии и стилистические функции фразеологизмов / И. В. Арнольд // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. статей. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. – С. 304–313.
2. Ломакина, О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль : монография / О. В. Ломакина ; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : РУДН, 2019. – 344 с.
3. Кураш, С. Б. Метафорика белорусской и русской поэзии: тексто-дискурсивный аспект / С. Б. Кураш. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2020. – 322 с.
4. Кураш, С. Б. К проблеме «фразеологическая единица и текст»: от текстуализации фразеологизмов к фразеологизации текстов / С. Б. Кураш // Славянская фразеология и паремология в XXI веке : сб. науч. статей ; под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко. – Минск : Змицер Колас, 2010. – С. 143–147.

Abstract. The article examines the functioning of stable expressions in the system of relations between parody texts and those poetic texts on which these parodies were created. It is determined that stable units of various types can retain the structure and functions that were inherent to them in the source text, and can also be subjected to various parody operations (unraveling into a humorous plot; collision with a context that contrasts thematically or stylistically; reading in the literal sense, etc.).

Keywords: stable units, parody, poetry, image, stylistic effect.

Буркова Анна Викторовна – кандидат філолагічных наук; Мозырскі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна (sajtmzr@mail.ru).

Кураш Сяргей Борисавіч – кандидат філолагічных наук, доцэнт; Мозырскі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна (text2005@mail.ru).

УДК 811.161.3:373.2:392.1(476.5)

Т. В. Валодзіна

МЫЦЬ/БРЫЦЬ БАРОДЫ: УСТОЙЛІВЫЯ НАЙМЕННІ Ў СІСТЭМЕ СЯМЕЙНА-АБРАДАВАГА КОМПЛЕКСУ БЕЛАРУСАЎ ПАДЗВІННЯ

Анатацыя. Тыпалагічна абрад *мыць/брыць бароды* упісваецца ў шэраг рытуальных практык па сімвалічным ачышчэнні соцыума пасля прымання новага члена сям’і, што заключаецца перш за ўсё ў змыванні з удзельнікаў умоўнага бруду як маркёра датычнасці да засветаў. Устойлівыя найменні ў сістэме радзіннага комплексу кансервуюць архаічныя сэнсы, нягледзячы на набыванне адпаведным рытуалам гульнёвага характару.

Ключавыя словы: устойлівыя найменні, этнафразеалогія, радзіны, пераходныя абрады.

Нягледзячы на паступовы пераход многіх рытуалаў каляндарнага і сямейнага кола ў гульнёвую форму, іх устойлівыя найменні кансервуюць былыя архаічныя сэнсы, што раскрываюцца на больш шырокім светапоглядным фоне. Найбольшая колькасць этнафразем тычыцца пераломных момантаў у жыцці чалавека, і найперш радзіннага комплексу. «Па-першае, роды, як усякі пераломны момант жыцця, які вядзе да змены статусу чалавека ў грамадстве, непазбежна становяцца прадметам інтэнсіўнай рэфлексіі як асобнага чалавека, так і ўсяго калектыву. Па-другое, працэс цяжарнасці і родаў звязаны з асаблівым пагранічным станам, уяўленні пра які ў міфалагічнай карціне свету заўсёды звязаныя з узмацненнем небяспекі для чалавека і асаблівай яго ўразлівасці ў гэты час. Адпаведна ў топіцы, звязанай з нараджэннем дзіцяці, відавочна эксплікаваны міфалагічныя ўяўленні, характэрныя для дадзенай культуры, звесткі аб якіх атрымаць з іншай крыніцы часта немагчыма. Па-трэцяе, будучы ў сваіх вытоках адным з найважнейшых пераходных абрадаў (адметная яго асаблівасць заключаецца ў тым, што гэта “двайны” пераходны абрад: новы статус набывае як дзіця, так і яго маці), сацыяльнае “нараджэнне” дзіцяці адбывалася ў працэсе здзяйснення важных для сялянскага соцыума і замацаваных шматвяковай культурнай традыцыяй сімвалічных дзеянняў» [1, с. 5–6].

Шэраг этапаў шматступеннага радзіннага абраду атрымаў фразеалагізаваныя найменні. Так, асобныя абрады ў беларусаў Падзвіння маюць назвы *мыць/брыць бароды; збіраць на мыла; зліваць рукі* і інш. Так ці інакш такія тэрміны адбіваюць адпаведныя рытуальныя дзеянні.

«Вот у нас такі закон. На хрэсьбінах, як пасядзяць за сталом, тады баба берыць сваю кашу і абходзіць усіх, сабіраючы на мыла». Но перш таго, як ісці сабіраць “на мыла”, яна берыць і з калоссіка дзелаіць такое, як памазок, берыць вадку ў чашку, берыш адзекалон, памаду берыць губную. Ну і ідзець. Ну вот, падходзіш к чалавеку, хто там сядзіць. Перва начынаеш з кумоў. Ну і тады пяецца песня на кожнае імя. Ну вот, напрыклад:

Ой ты, Ванька, дзельца знай, дзельца знай.

А на мыла рубля дай, рубля дай.

Ой ні маеш рубля даць, рубля даць –

Хоць капеечак пяць.

У нас радзілася паненка.

Хочыць мыцца бяленька.

Нада так абысці і кожнаму чалавеку прапіяць. Там падкрасіш яго, пабрыіш. Тады ён дае ад душы грошы на мыла» (в. Доўбы Ушацкага р-на) [2, с. 97].

«Памазочак дзелалі з каласкоў жытніх, звязывалі пучок і вот гэтым і мылі, хадзілі “бароды мылі”... Місачка глыбокая, вада ў місачкі і памазочак еты ў руках насілі. Брылі мужыкоў, і тарка проста была, і пудрылі, ўсё, ну як абычна такое ўсё бываець. – <Як у парыхмахерскай?> – Да. – <І тока мужыкоў?> – Мужыкоў брылі і бароды ім мылі, і дзікалонілі, пырскалі вадзічкай – <А жэншчынам не мылі бароды? – Мылі бароды, як пайшоў абрад, так і мужыкоў і жэншчынам бароды мылі. Самі хазяева, хто-та вот з радні старейшы: там бабушка ілі цётка вот, хадзілі, мылі і песні пелі... і за гэта хто рубль, хто капейку давалі...» (Запісана ад Н. Д. Мясешка, 1938 г.н., аграгарадок Блізніца Полацкага р-на. Збор мясцовага Дома культуры).

«А вот такая манера правадзілася – бароды брыць мужыкам. Вот ідуць жанчыны самі, вот нясуць тарку, гэта места для люстэрка, такую шчэпку даўгую – гэта брытва. Вот ідуць утрох: гэта ідзець з зеркалам, гэта брыець, а другая стаіць з вадой. Гэта адзекалон. ... І тады пяюць: *Ай, Міколка, сорамна* (Нашмат часцей у даным радку спяваецца «сорам май»). *Нам на мыла рубля дай, А не рубля, чырвонца, А не рубля, чырвонца. Будзем гуляць без канца, Будзем гуляць без канца.* Ну, і гэта носяць тарэлку такую, ну, і за тое, што пабрылі бараду, вынімае з кармана і кладзець: хто там капейкі сыплюць, хто там грошы кладзець» (Запісана у в. Шпакоўшчына Полацкага р-на ад Т. К. Вышэнскай, 1935 г.н.) [3, с. 111–112].

«Баба звяжыць венік з каласкоў, вадзічку, адзекалону і гарэлкі:

А кумочак, добры наш,

На мыла грошы дай.

А хрэсьнічак маленькі

Любіць мыцца бяленька.

Сначала к бабінаму мужыку падходзіць. Мякінькім водзіць брыць, а як мала дась – крапівай, а то дзеравянным ножам» (Запісана Т. Валодзінай у 1995 г. у в. Падсобнае Лепельскага р-на ад Т. Я. Шавалда, 1918 г.н.).

Сэнсавым лейтматывам рытуальнай дзеі становіцца формульны песенны радок *У нас радзілася паненка / радзіўся маленькі. Хоча хадзіць / мыцца бяленька.* Сярод іншага абрад скіраваны на забеспячэнне таго, каб дзіця *хадзіла бяленька.* Перад намі цікавая апазіцыя беленькага дзіцяці ў проціпастаўленасць чырвонаму зародку, ці мясу яшчэ недааформленага да ўзроўню белага цела паўнаватаснага чалавека. Наогул, беларусы не спяшаліся паказваць немаўля чужым людзям; смаленскія беларусы матывавалі гэта, напрыклад, так: «Што сматреть *на красныя мяса?*» [4, с. 27]. Неабходнасць рытуальнага абмывання дзіцяці скіроўвалася таму на зацвярджэнне метаморфозы яго няўстойлівага аморфнага вобліку ў культурны статус і на канчатковы разрыў дзіцяці з тым светам, адкуль ён з’явіўся/нарадзіўся.

Пытанне ж узнікае адносна мыцца ці галення не самога дзіцяці, але іншых сямейнікаў, нават гасцей, усіх прысутных дарослых.

Арэал рытуальнага галення шчыльна пакрывае тэрыторыю Ушацкага, Глыбоцкага, Чашніцкага, Мёрскага, Верхнядзвінскага, Лепельскага раёнаў з эпіцэнтрам менавіта на Полаччыне. Згодна з матэрыяламі акадэмічнага тома «Радзіны. Абрад і песні» (1998), рытуальнае «галенне» прысутных мужчын фіксавалася ў в. Прысынак Уздзенскага раёна [2, с. 183]; у якасці люстэрка для галення скарыстоўвалася заслонка. У Нясвіжскім раёне ў канцы хрысціян бабка мыла ўсіх гасцей вадой з аўсом і выцірала ручніком. Блізкія ўкраінскія звычаі ўмывання гасцей адмысловай квіткаю, якую бабка мачала ў гарэлку і вадзіла прысутным па твары ў патрабаванні выкупу. Бабка падносіла па чарзе квітку са словамі: «Прожу на квіточку і на горілочку», а кум/кума кідалі ў талерку грошы: «Спасібі, бабуню, што вы бабували, од бога ласку мали». Потым павітуха макала кветку ў гарэлку і ўмывала ёю кумоў [5, с. 194].

Пад назвай *зліўкі* (*змуркі*) існаваў рытуал змывання святога мура. У час царкоўнага хрышчэння дзіцяці выконваўся абрад мірапамазання, які павінен быў

забяспечыць яму пры дапамозе наліпшага на цельца алею «благадаць Боскую». Раней на другі-трэці дзень пасля хрышчэння дзіцяці, а ў больш познай традыцыі і ў гэты ж дзень, павітуха рыхтавала ваду для купання малога, што акрамя ўласна гігіены ўключала яшчэ і рытуальнае абмыванне і «распаўсюджанне» святога мура на ўсіх прысутных. «Баба ўзяла міску і, трымаючы на руках распранутае дзіця, абліла яго вадой. Бацька прынёс 9 галінак з лістамі (калі зімой, хай яны будуць з веніка, але галінкі мусяць быць абавязкова з лістамі). Усё сямейства мыла гэтай вадой рукі і твары. Звярнуліся да госці-паненкі: “Прамый жа, панначка, вочы і рукі, каб твае вочы не балелі”» [2, с. 123]. Рытуал таксама меў назвы – *жмур*, *муравінкі*, *жмуркі*, *жмурынкі*: у ваду, у якой пакупалі дзіця, сыпалі авёс, затым гэтай вадой мылі ўсім прысутным рукі і твары [2, с. 88, 103, 134, 148]. Для гэтага бабка прыносіла авёс і хмель, стол засцілалі кажухом, на кажух ставілі голае дзіця, на галаву якому клалі дзе-нідзе абаранкі (в. Гарадзец Быхаўскага пав.) і аблівалі сумессю вады, аўса і хмелю. Затым бабка купала дзіця ў начоўках, як звычайна. Той жа сумессю, што заставалася ў місцы, павітуха мыла твары ўсім прысутным і выцірала іх ручніком. Некаторыя з гасцей кідалі пры гэтым грошы ў міску. У іншых месцах бабка ў місцы мыла рукі, потым гэтай вадой, у якую мачаюць галінку ці пук раслін, пырскалі на гасцей, што давалі грошы [6, с. 253].

У савецкі час пры адсутнасці царкоўнага хросту часцей пырскалі проста вадой з захаваннем формульнага абазначэння з’явы – *муравінкі змываць*: у в. Крывыя Талачынскага р-на бабка брала вядро з вадой, бярозавы венік і пырскала на кожнага госця. Перад гэтым да яе звяртаўся кум з наступнымі словамі: «Бабулька! Я ўжо нядзелю не мыўся, усё чакаў, калі ты будзеш муравінкі змываць». Бабка яму адказвала: «Я зараз усіх памыю». І ішла да гасцей з вядром вады. Жанчыны ў гэты час звычайна спявалі песню: «Ішлі мы дарогаю, / Ішлі мы шырокаю. / Зеллейка збіраючы, / Муравінкі змываючы, / Каб ты быў бялюсенькі, / Дзевачкам мілюсенькі». Кожны госць, якога памыла бабка, даваў ёй грошы (а за кашу тут грошы не збіралі) [2, с. 85].

У Беларусі, Украіне, у цэнтральнай і паўднёвай Расіі праз некалькі дзён пасля родаў адбывалася рытуальнае абмыванне рук парадзілі і бабкі-павітухі. Рытуал атрымаў тэрміналагізаванае найменне *зліўкі*, рус. *размывание рук*; укр. *злити на руки*; *помити руки*. У сярэдзіне XIX стагоддзя менавіта ў Полацкім павеце быў запісаны варыянт рытуалу, які ўлучае ўзаемнае мыццё рук парадзілі і бабкі і наступнае пырсанне на іх гэтай вадой [2, с. 104]. У нядаўні час на хрэсьбінах у в. Сякераўшчына Полацкага р-на існаваў звычай *змываць рукі*: бабка мые ў місцы рукі, потым гэтай вадой (у яе мачаюць галінку ці пук раслін) пырскаюць на гасцей, якія давалі грошы нованароджанаму «на мыла» [2, с. 598].

Структурна абрад мае два асноўныя сяміятычна значымыя складнікі: галенне/абмыванне твару і/або рук і адорванне кумоў або бабкі-павітухі, што можа перасякацца на роўні тэрміналогіі. Да прыкладу, на Магілёўшчыне парадзілля «*злівала на рукі*» бабе-павітусе, г.зн. што-небудзь ёй дарыла і частавала [7, с. 493]. Песенныя вобразы, якія суправаджаюць абрад, гэтаксама захоўваюць тэму ўзнагароды – «Нам на мыла рубля дай, / А не рубля, чырванца, / Будзем гуляць без канца» (в. Шпакоўшчына Полацкі раён).

Падарункі і грошы ў якасці выкупа патрабаваліся не толькі для таго, каб пазбегнуць галення калючай таркай ці каб «адвязаць» рукі бабцы-павітусе ў палескім варыянце абраду, але каб выкупіць у бабкі і кумоў дзіця. Пакуль яны цалкам не ўзнагароджаныя, дзіця належыць ім. Перад намі ізноў жа абыгранае ў мностве фразеалагізмаў і, здавалася б, гульнёвых сцэнках, песенных матывах атрыманне падарункаў, што, акрамя іншага, падкрэслівае імплікаваныя архаічныя матывы міжсветавага абмену. Адорванне бабкі і кумоў таму станавілася выявай абмену не толькі з імі, але і з тым светам. У традыцыйным светаразуменні яны ўспрымаліся як праваднікі ў наш свет пасланца з іншых сфераў, менавіта бабка судакранулася з таямніцай адкрывання міжсветавых межаў, успрыняла дзіця як дар Божы і адначасова «чужаземца». Атрыманая «чужасць» і мусіла быць змытаю. Становіцца відавочным абрадавы ізамарфізм змывання рук і твару, яго галення.

Як істота яшчэ недааформленая, немаўля асабліва ўразлівае для злога вока, сурокаў, псоты і любых нядобрых уплываў. У перспектыве яму належыць пераадолець стан пераходу, прайсці поўнае афармленне ў чалавечым статусе. А для гэтага яго прастора павінна валодаць «спрыяльнымі» ў прагнастычным сэнсе якасцямі, яна мусіць быць па магчымасці пазбаўленая бруду, залішняй калматасці і неахайнасці. І таму захады па арганізацыі «правільнага» і арганізаванага па прынятых узорах наваколля асабліва важныя, бо будуць спрыяць яго нармальнаму развіццю. Усе члены соцыуму мусяць адпавядаць патрабаванай для малога якасці «хадзіць бяленька».

Як бачым, самое дзіця ў час гэтага абраду фігуруе пасіўна, для яго збіраюцца грошы. У той жа час у абрад уключаліся разнастайныя пажаданні дзіцяці, у якіх знайшлі адлюстраванне маральныя нормы і прынцыпы беларускага сялянства, яго каштоўнасныя арыентацыі: працавітасць, здароўе, дабрабыт. Удзел у гэтым рытуале ўсіх прысутных пашырае яго сэнсавыя рамкі – увесь вясковы соцыум папоўніўся новым членам, гэтая яго інтэграцыя ў акультураны свет мусіла быць належным чынам аформленая.

Істотнай падаецца тая акалічнасць, што збіранне грошай за мыццё фактычна дублюе збіранне грошай за бабіну кашу. І яшчэ адзін архіўны запіс з Полаччыны: «Но вот бабка встала из-за стола, взяла глиняную чашку, наполнила ее водой и положила туда пучок березовых прутьиков. В это время к ней поспешило на помощь несколько женщин: одна из них взяла чашку с кашей, другая рюмку и бутылку с водкой. Вся процессия направилась вдоль стола и запела хресьбины. ... Каждому гостю подносили рюмку водки и закуску, в ответ на это гость незаметно клал в чашку с водой деньги. Если денег было положено мало, то бабка только легким взмахом березовых прутьиков кропила сделавшего пожертвование, если же положено было «гривеняка три-четыре», то бабка такому гостю довольно значительное количество воды взбрызгивала на голову» [8].

Відавочна, семантычна абрад мыцця барод працягвае або замяняе больш вядомы радзінны абрад збіраць грошы «на кашу». У в. Балоціна Верхнядзвінскага р-на «збіралі грошы на мыла. Кум клаў болей за ўсіх. Баба кашу паставіць, накрывець крышкай і гаворыць: “Вось каша, давайце грошы на мыльца дзіцяці”» [2, с. 366]. Акрамя глыбокіх ідэй сімвалічнага перададзелу долі ўсяго калектыву «продаж» бабінай кашы як правіла куму ўвасабляе той жа сэнс перадачы нованароджанага дзіцяці са свету прыроды, таго свету, які сімвалічна прэзентуе бабка-павітуха, у свет культуры, прадстаўлены падкрэслена кумам. Змяшчэнне ў цэнтр працэдуры рытуальнага галення не бабкі-павітухі, але кума не супярэчыць агульнай ідэі абраду па сацыялізацыі новага члена сям’і. Кумы – сацыяльна зацверджаныя духоўныя бацькі дзіцяці.

Вада ў кубку можа разглядацца як семантычны эквівалент кашы, атрыманне яе ў залежнасці ад сваёй шчодрасці гэтаксама можа прачытвацца як атрыманне сваёй сімвалічнай часткі ад пэўнай калектывнай долі.

Адкрытым застаецца пытанне аб галенні як рытуальным акце. Паводле ўяўленняў, калматасць, празмерная валасатасць уважаліся як хтанічная прыкмета, як пазнака прыналежнасці ці датычнасці да засветаў, якія пры пераходзе ў акультураны свет мусілі карэктавацца або нават выдаляцца цалкам.

Рытуальнае галенне уваходзіць у склад іншых вузлавых рытуалаў грамадскай і сямейнай абраднасці, дастаткова прыгадаць галенне навабранцаў перад адпраўкай у войска. Сустракаецца такое галенне і ў складзе вяселля. У в. Берлеж Пухавіцкага р-на А. С. Фядосік запісаў наступны звычай: «Звычайна жарты пачынаюцца з першага свата (шафера). Яго абуваюць у лапці, «брыюць» палкаю або трэскаю. Робяць для яго вянок і вешаюць на шыю, пырскаюць адэкалонам, абліваюць вадой. Нарэшце, патрабуюць выкуп (звычайна грошы, за якія потым прыданкі купляюць цукеркі). Сват скача, жартуе, а жанчыны скачуць, тоўпяцца ля яго, як хто зможа...» [9, с. 497].

Вось жа, працэс нараджэння дзіцяці звязаны з добра распрацаваным, складаным рытуалам, які ўключае ў сябе шэраг абавязковых або факультатывных абрадавых дзеянняў, накіраваных на забеспячэнне дабрабыту дзіцяці і ўсёй сям’і. Абрад *мыцця барод* адносіцца да рытуалаў сацыяльнага прызнання. Абрады сацыялізацыі ў роўнай

ступені важныя і для новага члена сям’і, і для ўсяго калектыву. Вясковая грамада папоўнілася і тым яшчэ раз сцвердзіла сваё існаванне, а маленькі чалавечак зацвярджаўся ў гэтым свеце з толькі атрыманай новай доляй, што дазволіць яму хадзіць бяленька ва ўсіх сэнсах гэтай этнафраземы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. Сост. Е. А. Белоусова. Отв. ред. С. Ю. Неклюдов. – М. : РГГУ, 2001. – 318 с.
2. Радзіны: Абрад. Песні / [Уклад. і сістэм. тэкстаў Г. А. Пятроўскай, апісанне абрадаў Т. І. Кухаронак; уступ. арт. і камент. Г. А. Пятроўскай, Г. В. Таўлай, Т. І. Кухаронак;]. – Мінск : Беларуска навука, 1998. – 637 с.
3. Новак, В. С. Традыцыі сямейнай абраднасці Полаччыны / В. С. Новак // Спадчына Скарыны: да 500-годдзя беларускага кнігадрукавання : зб. навуковых артыкулаў : у 2 ч. Ч. 1 / рэдкал.: А. М. Ермакова (гал. рэд.) [і інш.] ; М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны. – С. 109–113.
4. Добровольский, В. Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 1 / В. Н. Добровольский // Записки Импер. рус. географ. общества по отделению этнографии. – СПб. : Тип. Е. Евдокимова, 1891. – Т. XX. – 716 с.
5. Борjak, О. Баба-повитуха в культурно-історичній традыцыі украінців: між профанным і сакральным : монаграфія / О. Борjak. – К. : Ін-т мистецтвознавства, фольклористики та этнографіі ім. М. Т. Рильського НАНУ, 2009. – 400 с.
6. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. – Т. 2. Віцебскае Падзвінне / Т. Б. Варфаламеева, А. М. Боганева, М. А. Козенка і інш.; склад. Т. Б. Варфаламеева. – Мінск : Бел. навука, 2004. – 910 с.
7. Дембовецкий, А. С. Опыт описания Могилевской губернии / А. С. Дембовецкий. – Могилев : Типография Губернского Правления, 1882. – 832 с.
8. Северин, В. Состояние народных песен и обрядов в с. Навлицы Ветринской волости Витебской губ. / В. Северин // Рукапіс. 1911 г. // РГО. – Р. 5. Оп. 1. № 12. Л. 1–22. Мікрафільм.
9. Вяселле: Абрад / [Уклад., уступ. артыкул і камент. К. А. Цвіркі; муз. дадатак З. Я. Мажэйка; рэд. тома В. К. Бандарчык, А. С. Фядосік]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978. – 640 с., нот. іл.

Abstract. Typologically, the rite of washing beards fits into a series of symbolic purification ritual practices for the peasant community after accepting a new member of the family. It consists, first of all, in washing away from the participants the imaginary impurity as a marker of connection with the other world. Idioms in the system of the family complex preserve archaic meanings, despite the corresponding ritual acquires a ludic character.

Keywords: idioms, ethnophraseology, childbirth, rites de passage.

Валодзіна Таццяна Васільеўна – доктар філалагічных навук, дацэнт; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі (tanja_volodina@tut.by).

УДК 372.881.161.1

О. Н. Валуева

ФРАЗЕОЛОГИЯ В ФОРМАТЕ БУКТРЕЙЛЕРА: БИБЛИОТЕКА ПРИГЛАШАЕТ К ЧТЕНИЮ

Анотацыя. Стат’я посвящена изучению русских фразеологизмов в иноязычной студенческой аудитории. Представлена концепция спецкурса, на занятиях которого используются фразеологические словари из отдела хранения основного фонда Псковской областной универ-

сальной научной библиотеки им. В. Я. Курбатова. Показаны особенности изучения русской фразеологии с помощью видеотехнологии буктрейлер.

Ключевые слова: фразеология, фразеологический словарь, русский как иностранный, буктрейлер, библиотечный фонд.

Фразеологизмы являются неотъемлемым компонентом речи русского человека. Носители русского языка употребляют их не задумываясь, автоматически подбирая устойчивое выражение к речевой ситуации. Иностранцам студентам это удастся не всегда, так как часто им не понятен смысл фразеологического оборота. В первую очередь, трудности могут возникнуть, когда иностранцам неизвестна история возникновения фразеологизма и механизм развития фразеологического значения. Между тем, овладение фразеологическим материалом важно не только для развития коммуникативной компетенции иностранного студента и построения адекватного диалога с носителем русского языка, но и для расширения знаний о традициях, обычаях и быте русского народа.

Языковой материал, связанный с идиоматикой, чрезвычайно труден для восприятия. Следовательно, доносить эту информацию иностранцам обучающимся необходимо доступно и наглядно. Преподавателю следует также помнить о мотивации обучающихся, которым нужно читать и изучать дополнительный учебный материал самостоятельно. С данными задачами может справиться такое средство обучения, как буктрейлер, который синтезирует в своей структуре визуальное искусство, Интернет и литературу. Буктрейлер – это короткий книжный видеоролик, в содержание которого включены основные моменты книги [1, с. 42]. Главной задачей буктрейлера является мотивация к прочтению книги [2, с. 68], в нашей ситуации – научно-популярной книги по фразеологии или фразеологического словаря.

Для эффективного применения буктрейлера в своей профессиональной деятельности преподавателю следует знать характеристики данной технологии.

Во-первых, книжные видеоролики бывают трех видов:

- 1) игровые (фильм по книге);
- 2) неигровые (презентация по книге);
- 3) анимационные (мультфильм по книге) [3, с. 155].

В процессе подготовки занятий с использованием данной технологии преподавателю следует помнить о том, что иностранцам студентам с уровнем языковой подготовки А1–А2 лучше работать с неигровыми буктрейлерами; тем, кто владеет языком на уровне В1–В2 – с игровыми и анимационными. Это объясняется тем, что, во-первых, мультфильм сложнее по восприятию, чем набор слайдов, изображений и фотографий.

Во-вторых, структура буктрейлера состоит из трех частей, каждая из которых имеет особенности. **Вводная часть** обязательно должна включать библиографические данные книги, рассказ о ее авторе, демонстрацию обложки. В текст о создателе книги необходимо добавить информацию о компетентности и профессионализме автора. Особенно это актуально для научных и научно-популярных трудов, в которых важна достоверность материала. Задача **основной части** заключается в изложении ключевых моментов книги. Именно из этого отрезка видеоролика иностранный студент узнает, полезна ли она в изучении языка. В **заключительной части** снова демонстрируется обложка, озвучиваются библиографические данные.

В-третьих, хронометраж буктрейлера не должен превышать пяти минут. Данная характеристика отражает ориентацию буктрейлера на молодых людей с клиповым типом мышления: их мозг хорошо воспринимает короткие видео с быстроменяющимися яркими кадрами.

Учет характеристик книжного видеоролика делает процесс усвоения языкового материала более эффективным. Поэтому, при создании спецкурса с демонстрацией фразеологических словарей при помощи буктрейлера, все эти пункты были соблюдены. Главным было ознакомление иностранных студентов со словарями и обучение работе

с ними. При решении этих задач мы использовали фразеологические словари из отдела хранения основного фонда Псковской областной универсальной научной библиотеки им. В. Я. Курбатова.

Перед началом спецкурса мы провели беседу с иностранными студентами Псковского государственного университета. Беседа включала обсуждение вопросов чтения, получения и обработки информации. Помимо этого, обучающимся были заданы следующие вопросы:

Какое значение вы придаете чтению литературы? Читаете ли вы?

Читаете ли вы литературу на русском языке?

Какие книги вы предпочитаете? Какого жанра? Читаете ли вы научную и научно-популярную литературу?

Знаете ли вы что такое буктрейлер? Как он помогает узнать о книге больше?

Пользуетесь ли вы словарями? Если пользуетесь, то какими?

Знаете ли вы о фразеологических словарях? Какие русские фразеологизмы вы уже знаете?

Проведенная беседа помогла нам понять, какими знаниями о русской фразеологии владеют студенты, каковы их представления о значении чтения и предпочтения в литературе. В ходе анализа результатов беседы мы пришли к выводу, что студенты не знакомы с буктрейлером, плохо разбираются в русской фразеологии и мало времени посвящают чтению.

Первое занятие спецкурса было посвящено ознакомлению с технологией буктрейлера. С помощью видеоролика иностранные студенты узнали о книжном видео, его характеристиках и приемах и правилах создания. На занятии материал объясняла виртуальный педагог-библиотекарь Ольга.

На данном занятии была подробно рассмотрена структура буктрейлера. Особое внимание было уделено его вводной части. При этом студенты уяснили, что включают библиографические данные книги, где они указаны в печатном издании. Обсуждался и объем информации об авторе научной и научно-популярной книги, который следует включать в рассказ о нем при создании буктрейлера.

Значительное количество времени в рамках спецкурса было уделено основной части буктрейлера, в которой на нашем материале раскрывались ключевые содержательные моменты словарей. На примере трех книг мы продемонстрировали студентам особенности отобранных для демонстрации фразеологических словарей.

Книга «Сами с усами» Е. И. Роголёвой, Т. Г. Никитиной [4] является уникальным словарем, в котором, помимо учебного материала, после каждой словарной статьи даются задания на проверку усвоенных знаний. В словаре много красочных изображений, которые могут сделать чтение и изучение устойчивых выражений легче и интереснее. Для иностранных студентов был продемонстрирован буктрейлер, в котором на примере статьи *Во всю Ивановскую* [4, с. 21] была показана структура статьи. Помимо представления заголовочной зоны и стандартной семантизации фразеологизма, в анимационном режиме студентам был показан диалог героев словаря – членов детективно-фразеологического агентства ГАКОС, которые выбирают версию происхождения фразеологизма. После демонстрации буктрейлера иностранным студентам было предложено разыграть сценку, где они выступили в роли «сотрудников» детективно-фразеологического агентства.

«Словарь фразеологических синонимов русского языка» А. К. Бириха, В. М. Мокиенко и Л. И. Степановой [5] ориентирован на читателя, который хочет найти фразеологический ряд синонимов для выражения актуальных понятий. Для иностранных студентов данный вид словаря очень удобен. Если обучающийся хочет сделать свою речь богаче, с помощью этой книги к стилистически нейтральному слову он может подобрать ряд образных устойчивых выражений. В основной части буктрейлера

это было показано на примере словарной статьи *Важный человек* [5, с. 29]. Словосочетание на экране заменяли фразеологизмы *Важная птица; Птица высокого полета; Крупная шишка; Сильные мира сего*. К каждому фразеологизму давался стилистический комментарий из словаря (*Сильные мира сего. – Наиболее влиятельные, высокопоставленные люди* [5, с. 30]).

Словарь-справочник «Фразеологизмы в русской речи» Н. В. Баско [6] включает более 600 фразеологических оборотов. Словарь удобен для иностранных студентов тем, что помимо семантизации русских фразеологизмов здесь показаны особенности их употребления в речи. В словарных статьях приводятся иллюстративные примеры из текстов СМИ, произведений художественной литературы и авторских монологов. В буктрейлере особенности словаря были продемонстрированы на примере статьи *Бешеные деньги*. Указанные автором функционально-грамматические характеристики фразеологизма и его типичные лексико-синтаксические связи (*Обычно в функции дополнения. Получать, зарабатывать, тратить, платить...* [6, с. 12]) были продемонстрированы с помощью приема всплывающего текста, что позволило студентам проверить корректность собственных примеров употребления оборота.

Заключительные занятия спецкурса были посвящены самостоятельной работе обучающихся, которые разрабатывали свой буктрейлер. Студенты работали в парах, каждая из которых выбрала фразеологическую статью из трех представленных словарей. На трех занятиях, четко соблюдая алгоритм разработки материала, студенты (1) составили сценарий буктрейлера с учетом всех особенностей, о которых они узнали на предыдущих занятиях; (2) смонтировали книжное видео (многие дома заранее подготовили изображения и нарезки из фильмов, чтобы на занятии работать эффективнее); (3) продемонстрировали свои работы. После каждого показа студентам предлагались коммуникативные задания с ситуациями, в которых нужно было использовать фразеологизм, представленный в буктрейлере для закрепления материала.

Список использованных источников

1. Якина, Л. Н. Буктрейлер – Культурное явление? / Л. Н. Якина // Человек в мире культуры. – 2014. – № 1. – С. 42–45.
2. Шевцова, Н. В. Коммуникативная функция буктрейлеров к произведениям классической литературы // Челябинский гуманитарий. – 2021. – № 3 (20). – С. 68–74.
3. Щербинина, Ю. В. Смотреть нельзя читать. Буктрейлерство как издательская стратегия в современной России / Ю. В. Щербинина // Вопросы литературы. – 2012. – № 3. – С. 146–165.
4. Роголёва, Е. И. Сами с усами: веселый фразеологический словарь / Е. И. Роголёва, Т. Г. Никитина. – М. : Издательский Дом Мещерякова, 2018. – 192 с.
5. Бирих, А. К. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – Ростов н/Д. : «Феникс», 1996. – 352 с.
6. Фразеологизмы в русской речи: словарь-справочник / сост. Н. В. Баско. – М. : Флинта, 2002. – 272 с.

Abstract. Russian phraseological units are studied in this article when teaching foreigners the Russian language. With the help of a special course, the classes of which were compiled with the help of phraseological dictionaries from the storage department of the Pskov Regional Universal Scientific Library named after V.Y. Kurbatov, the features of the study of paremias using the booktrailer video technology were shown.

Keywords: phraseology, phraseological dictionary, russian as a foreign language, booktrailer, library collection.

Валодзіна Таццяна Васільеўна – доктар філалагічных навук, дацэнт; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі (tanja_volodina@tut.by).

Л. Б. Воробьева

ЧЕЛОВЕК В ПСКОВСКОЙ НАРОДНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются псковские устойчивые сравнения, отражающие отношение человека к труду. Выявлено, что уважительное отношение заслуживает трудолюбивый, хозяйственный человек и, наоборот, неодобрительно оценивается лентяй, бездельник. Среди устойчивых выражений, отражающих отношение человека к труду, преобладают единицы с негативной оценкой, т. е. лентяй характеризуется чаще, чем трудолюбивый человек.

Ключевые слова: человек, фразеология, устойчивое сравнение, отношение к труду, псковские говоры, диалектная картина мира.

В псковских говорах наиболее богато и разнообразно представлены устойчивые выражения, характеризующие человека: его внешний облик, интеллектуальные возможности, образ жизни, поведение, черты характера, общественное положение. Всё, что выделяет его среди других, получает в народной фразеологии меткое образное наименование. Широко псковские фразеологизмы привлекаются в качестве примеров для характеристики человека, его действий и состояний в «Очерках русской диалектной фразеологии» Л. А. Ивашко [1].

Богатый псковский диалектный материал представлен в «Словаре псковских пословиц и поговорок» (СППиП), составителями которого являются В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина [2].

Обратимся, в частности, к фразеологическим единицам, отражающим отношение человека к труду, которые показывают, что труд в них отражается не только как интенсивная деятельность, которая требует затраты огромных физических сил, но и как средство завоевания уважения и авторитета в обществе, морального самоудовлетворения. Так как коллективная оценка общественной значимости человека определяется по тому, насколько человек соответствует веками сложившейся общественной норме, то уважительное отношение заслуживает трудолюбивый, хозяйственный человек, и наоборот, неодобрительно оценивается лентяй, бездельник. По мнению И. А. Подюкова, «общественная значимость человека, его материально-общественное положение, семейный статус в народной среде определяются со стороны того, насколько человек соответствует веками сложившейся общественной норме. Уважительное отношение к крепкому хозяину, мастеровитому, работающему и ироническое к несерьезным, пустым, не думающим о деле» [3, с. 86–87].

Анализ показал, что среди фразеологизмов, отражающих отношение человека к труду, преобладают единицы негативного плана, т. е. лентяй характеризуется чаще, чем трудолюбивый человек.

Самой большой является группа устойчивых выражений со значением 'принимать позу, в которой невозможно ничего делать'. Значительную часть этих единиц составляют устойчивые сравнения (УС).

Сравнение – универсальная категория языка и познавательная категория человеческого мышления вообще, так как сам процесс познания есть процесс сравнения. Устойчивые сравнения как древнейший пласт фразеологического фонда любого языка – ценный источник сведений, отражающих многовековые народные представления и традиции.

В большинстве единиц интересующей нас группы основание сравнений представлено глаголами *сидеть* или *лежать*. Образный стержень (то, с чем сравнивается) выражен такими словами, как *бобыль*, *валуй*, *груз*, *квашня*, *клуша*, *колода*, *лежень*, *ленюга*, *мень*, *собака* и др.

Сравнение *сидеть бобылем* в СППиП представлено в значении 'о праздно проводящем время, сидящем без дела дома человеке'. Интересно само значение слова *бобыль*. В «Словаре русского языка» с пометой «устаревшее» дается следующее значение: 'бедный, безземельный крестьянин' [4, т. 1, с. 100]. Сходное значение подает «Словарь сравнений русского языка» В. М. Мокиенко с пометой «неодобрительно»: *жить как бобыль* 'о живущем крайне бедно, неустроенно (часто одиноко) человеке' [5, с. 46]. Таким образом, можно предположить, что исходное семантическое значение компонент *бобыль* в псковском сравнении утратил, так как это выражение приобрело другое значение. Это хорошо иллюстрирует иллюстративный контекст: *Смела сиди бабылем тут, кагда муж харашо зарабатывает, а дети взрослые*. Печ.

Сравнение *сидеть как валуй* в СППиП дается с пометой «бранно» в значении 'о сидящем без дела, ленивом человеке': *Што ты сидишь как валуй, уши апустил*. Себ. В картотеке Псковского областного словаря встречается употребление слова *валуй* в значении 'неподвижный, апатичный'. Контекст указывает на характеристику животного, а не человека, но пример очень яркий, и образ мог быть перенесен и на человека: *Пятун этат валуй быў, как замартвый, на корм ня глядеў, а тьяпер аташоў, живой стаў*. Вл.

Сравнение *лежать что груз* приводится в значении 'о подолгу и неподвижно лежащем в постели, постоянно отдыхающем человеке': *Мне грузна, тижало, а анна ляжит что груз* (Н-Рж.). В «Словаре сравнений русского языка» В. М. Мокиенко зафиксировано сходное УС *висеть как груз*, однако с совершенно другим значением: 'о чем-либо, о ком-либо чрезвычайно обременительном, вызывающем тревогу и заботы'. В представленных устойчивых выражениях, где тематическим стержнем является слово *груз*, используются разные глаголы – *лежать* и *висеть*, что позволяет сделать вывод о том, что значение глаголов определяет разницу в семантике устойчивых выражений.

Сравнение *лежать как лежень* в СППиП подается без помет (*Лежыт как лежынь полный день*) Вл. в значении 'о постоянно лежащем, не встающем (из-за болезни, слабости, лени и т. п.)'. В «Псковском областном словаре с историческими данными» (ПОС) дается более развернутое, конкретизированное УС: *лежать как подмосковный лежень*, с уточнением ('то же, что о старом человеке'). В ПОС значение не сформулировано, но проиллюстрировано другим контекстом: *Эта старуха ня ходит, ляжит как подмосковный лежень*. Пск. В «Словаре сравнений русского языка» В. М. Мокиенко зафиксировано сходное выражение *лежать лежнем* со значением 'о долго, праздно лежащем, ленивом или больном человеке'.

Сравнение *сидеть какмень* используется в значении 'о неподвижно, лениво сидящем неповоротливом человеке': *Сидишь какмень, ни с места*. Порх. В СППиП также приводится сравнение с факультативным компонентом *лежать какмень (под камнем)* (*Лежыт какмень пад камнем, ленивый*). Н-Рж. в значении 'о ленивом человеке, лежебоке'. Как известно, в псковских говорах *мень* – это название рыбы налим. Это крупная рыба, которая в теплой воде становится малоактивной. Поэтому такое сравнение человека с рыбой не случайно.

Сравнение (*ленивый*) *как собака* в СППиП подается в значении 'об очень ленивом человеке': *Лен стал как собак* (Вл.). В словаре говорится, что *лен* – это краткая форма слова *леной* в значении 'о не желающем работать, что-либо делать'. Образ собаки может основываться на чисто эмпирических наблюдениях над жизнью и поведением животного, поскольку символика животных часто зависит от той роли, которую они играют в жизни человека. Но здесь, скорее всего, полностью утратилась связь с образом собаки как домашнего животного, а компонент выступает в роли интенсификатора. Известно, что слова-интенсификаторы усиливают степень проявления оценочного признака, выражая субъективное и эмоционально-оценочное отношение говорящего.

Сравнение *сидеть как святой на картине* зафиксировано в значении 'о сидящем без дела человеке': *Што сидишь без дела, как святой на картине* (Печ.).

В ходе анализа выявилось, что среди поз, в которых невозможно что-либо делать, преобладает поза «сидеть»: *сидеть как валуй, сидеть бобылем, сидеть какмень*; реже «лежать»: *лежать как лежень, лежать что груз*. Единицы группы в основном характеризуются отрицательной оценочностью. В литературном языке подобные устойчивые выражения встречаются редко, что позволяет говорить о диалектной специфике.

Ряд устойчивых выражений имеют значения ‘абсолютно ничего не делать’, ‘ходить без дела’.

Сравнение *жить как аристократка* в СППиП подается в значении ‘о женщине, живущей богато и обеспеченно, не утруждающей себя тяжелым трудом’ с пометой «неодобрительно»: *Живе как аристократка*. Палк. В «Словаре сравнений русского языка» В. М. Мокиенко зафиксированы единицы с образным стержнем *аристократ*, но они не характеризуют человека по его отношению к труду.

Сравнение *дворяниться как буржуй* имеет значение ‘о важничавшем и бездельничавшем человеке’: *Иванов Андрей у нас был, рыбзавод у няво имелся, работяга был, а другой-та не работал, дворянился как буржуй* (Гд.). В русском литературном языке устойчивое сравнение *как (словно, точно) буржуй* характеризует человека, живущего хорошо, в полном достатке и довольствии [6, с. 77]. В этом случае толкование не дает характеристики бездельничавшего человека.

В структуре единиц со значением ‘бездельничать, слоняться без дела, не зная, чем заняться’ кроме глагола *ходить* встречаются экспрессивно окрашенные глаголы *болтаться* и *блукаться*.

Значение ‘о бесцельно слоняющемся человеке, бездельнике’ имеют сравнения *блукаться (ходить) как блыкуха* и *болтаться как холдей супостатский*: *Где он блыкаецца как блыкуха* (Гд.); *Болталась лета, ничаво ни научылась, балтает ногам как холдей какой супостацкий* (Остр.).

Устойчивое выражение *болтаться (шляться, вертеться) по заугольям* в Псковском областном словаре фиксируется в значении ‘бездельничать, слоняться без дела, не зная, чем заняться’. Представленное устойчивое выражение проиллюстрировано разнообразными контекстами: *Балтающца па заугольям приежжыи, лучшы бы рыботали* (Себ.). *А што сейчас в гораде эти дяфчята шляющца по заугольям*. Пуст. *Не по заугольям вертись, а дела делай* (Оп.).

Сравнения *ходить как гулевень, ходить как посадский* имеют значение ‘о праздно шатающемся человеке, бездельнике’: *Ходит как гулявень без дел*. Остр.; *Ходишь как посадский, никакой делинки не видишь* (Аш.).

Проанализированный материал позволил выделить группу выражений со значением ‘ничего не уметь делать’.

Значение сравнения *что баба рязанская* в СППиП сформулировано как ‘о необразованном, ничего не умеющем делать мужчине’: *Што баба рязанская, мушшина ня развитай, ни на какое дела*. (Кр.).

Сравнение *(делать что) как куренок* в СППиП дается с пометой «шутливо-иронично» в значении ‘о делающем что-либо крайне неумело, неловко, неаккуратно человеку’. Можно предположить, что значение в СППиП сформулировано на основе наблюдений над поведением цыплят: *Рवेशь ягоды как куренок* (Н-Рж.).

Сравнение *что путаный* в СППиП используется с пометой «неодобрительно»: *Другой приде на работу, что путаный*. Печ. Значение данного УС сформулировано следующим образом: ‘о неповоротливом, нерасторопном и неумелом работнике’. Возможно, сравнение *что путаный* можно связать с высказыванием *что черт попутал*. На наш взгляд, здесь речь идет именно о человеке, попутанном какой-либо нечистой силой. Именно по данной причине человек в работе неповоротливый, нерасторопный, неумелый.

Известно, что народное представление о лентяе как антагонисте труженика двойственно. По замечанию В. И. Белова, в народе всегда с усмешкой, а иногда с сочувстви-

ем, переходящим в жалость, относились к лентяям. Вместе с тем высмеивали и тех, кто не жалел в труде себя и своих близких [7, с. 12]. Эта же мысль прослеживается в работе И. Б. Левонтиной, которая, опираясь на русские пословицы, приходит к выводу об аксиологической неопределенности лени. С одной стороны, ленивый человек оценивается отрицательно, поскольку он любит перекладывать работу на других, некооперативен, с другой стороны, немотивированная чрезмерная активность выглядит в глазах русского человека неестественно и подозрительно [8, с. 343]. Проанализированный нами материал показал, что большинство единиц, характеризующих лентяя, ничего не умеющего делать человека имеют пометы «неодобрительно», «шутливо-иронично», «пренебрежительно». Это говорит об отрицательном отношении к бездельникам.

Список использованных источников

1. Ивашко, Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии / Л. А. Ивашко. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1981. – 110 с.
2. Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Норинт, 2001. – 178 с. (СПШП)
3. Подюков, И. А. Народная фразеология в зеркале народной культуры / И. А. Подюков. – Пермь : ПГПИ, 1991. – 124 с.
4. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 1. – 696 с. (МАС)
5. Мокиенко, В. М. Словарь сравнений русского языка / В. М. Мокиенко. – СПб. : Норинт, 2003. – 608 с.
6. Огольцев, В. М. Словарь сравнений русского языка / В. М. Огольцев. – М. : Рус. словари и др., 2001. – 797 с.
7. Белов, В. И. Лад: Очерки о народной эстетике / В. И. Белов. – М. : Современник, 1984. – 477 с.
8. Левонтина, И. Б. Родные просторы / И. Б. Левонтина // А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 341–349.

Abstract. The article discusses Pskov stable comparisons reflecting a person's attitude to work. It was revealed that a hardworking, economic person deserves respect, and vice versa, a lazy, idle person is disapproved of. Among the stable expressions reflecting a person's attitude to work, units of a negative plan prevail, that is, a lazy person is characterized more often than a hardworking person.

Keywords: man, phraseology, stable comparison, attitude to work, Pskov dialects, dialect picture of the world.

Воробьева Лина Брониславовна – кандидат филологических наук, доцент; Псковский государственный университет (lina5558@yandex.ru).

УДК 811.161.1'373.2:398.91

Го Цзюцин

КОЛОРНИМЫ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Аннотация. В статье рассматриваются состав и семантика лексических компонентов-колоронимов в русских пословицах. Компоненты пословиц, обозначающие цвет, дифференцируются по семантическим и грамматическим характеристикам. Отмечается, что в русских пословицах используется преимущественно семь наименований цвета (*белый, чёрный, красный, зелёный, серый, синий/голубой*), не зафиксированы четыре цветообозначения (*коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый*); используются дополнительные цветовые характеристики (*бледный, яркий* и под.), в том числе метафорические (*золотой, малиновый* и др.). Основные

цвета в пословицах – *белый, черный, красный*, образующие доминанты цветовой палитры русской национальной картины мира.

Ключевые слова: русский язык, пословица, лексический компонент, цвет, колороним, семантика.

В устойчивых выражениях часто встречаются лексические компоненты, обозначающие цвет (колоронимы). Особенно много их в пословицах [1; 2], а также в устойчивых сравнениях и фразеологизмах [3; 4]. Такие пословицы вместе с фразеологизмами, а также теми словами, которые обозначают цвет, образуют отдельную подсистему единиц в словарном фонде каждого языка и репрезентируют колористический компонент национальной языковой картины мира [5; 6]. Знание таких пословиц, как и всего комплекса колористических средств языка, является одной из важнейших языковых компетенций, которые должны формироваться при изучении языка как иностранного в аспекте межкультурной коммуникации [7; 8].

Целью нашего исследования является анализ компонентов-колоронимов в пословицах русского языка (имеющий самостоятельное значение и являющийся предварительным этапом для их дальнейшего сопоставления с компонентами-колоронимами в китайских пословицах).

Фактическим материалом для анализа послужили 250 русских пословиц с компонентами-колоронимами, извлечённых методом случайной выборки из «Большого словаря русских пословиц» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой (2010) [9].

Методологическим основанием исследования послужили основы теории паремологии как самостоятельной лингвистической дисциплины [10; 11; 12], теория пословиц как класса афористических единиц языка [13; 14; 15; 16; 17], теория лингвокультурологического комментирования пословиц при словарном описании для иноязычных пользователей [18; 19; 20], теория пословичного минимума и основного пословичного фонда [21; 22; 23], теория универсальности и национальной специфичности пословиц разных языков [24; 25; 26; 27; 28; 29], теория национальных особенностей восприятия цвета в устойчивых единицах разных языков [30; 31], в том числе китайского и русского языков [32].

Рассмотрим самые показательные тенденции употребления компонентов-колоронимов в русских пословицах.

Количественный анализ колоронимов показал, что в русских пословицах активно используется 7 наименований цвета – *чёрный, белый, красный, зелёный, синий/голубой, серый*, а цветообозначения *коричневый, фиолетовый, оранжевый, розовый* не зафиксированы. По частотности употребления среди колоронимов существенно преобладают два ахроматических цвета – *белый, чёрный* – и два хроматических цвета – *красный, зелёный* (рисунок 1).

Поскольку все колоронимы по семантике можно классифицировать на собственно колоронимы (*черный, малиновый, голубой* и т. д.) и слова, передающие дополнительные цветовые характеристики (*яркий, бледный, насыщенный* и др.), отметим, что в русских пословицах в основном используются первичные колоронимы, т. е. основные цветообозначения, напр.: *Молод виноград зелен, а млад ум не крепок; Серый волк на небе звёзды ловит; Хоть бы волос бел, да лишь бы сапог скрипел; Белый заяц бел, да цена ему пятнадцать копеек; Красная звезда светит всегда; Бело, да звону нет (да не серебро); Земелька черная, а хлеб белый родит; Камзолы зелёные, а щи не солёные.*

И только в единичных пословицах представлены вторичные, переносные цветовые значения, передающие дополнительные цветовые характеристики, напр.: *Слишком цветистое скоро линяет; Вороной да серый мужику не ко двору; Черная земля золотую рожь плодит.*

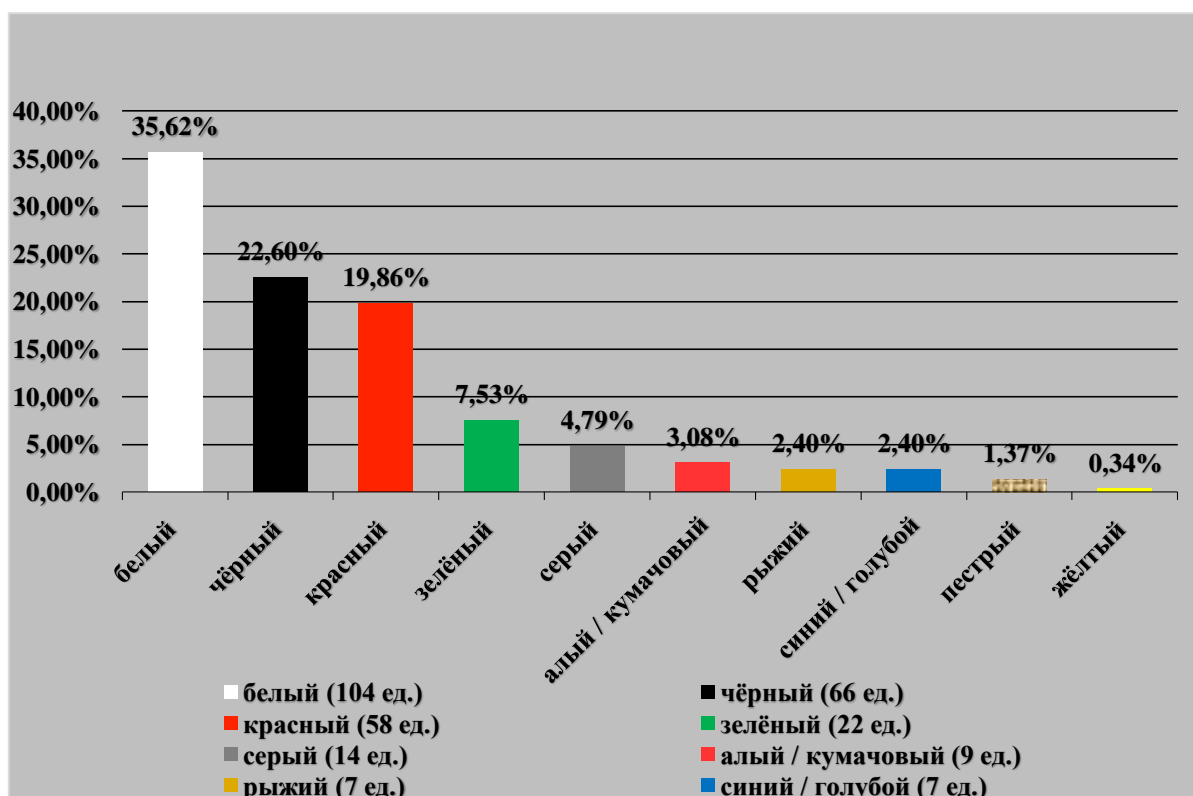


Рисунок 1 – Цветовой спектр компонентов-колоронимов в русских пословицах

Для русских пословиц характерно большое разнообразие способов частеречного выражения компонентов-колоронимов. Среди них назовем адъективные колоронимы (белый, бел, черный, черен, красный, красен, зелёный, зелен, серый, сер, синий и др.); адвербиальные (добела, красне, красно, вкрасне, вчерне и др.); субстантивные (белила, беляк, белячок и др.); вербальные (белит, белеет, белится; красит, краснеет, чернит, чернеет, чернится, синеет, зеленеет др.). По результатам анализа фактического материала в русских пословицах абсолютное большинство составляют адъективные компоненты-колоронимы, которые представлены целостным словом-цветообозначением, в остальных типах колоронимов цветообозначение передается корневыми морфемами: бел-, красн-, син-, черн- и т. д.

Компоненты-колоронимы в русских пословицах характеризуются широкой сочетаемостью, вступают в синтагматические связи с одушевленными существительными, называющими людей, животных и птиц, напр.: Мужик, хоть и сер, да у него чёрт ума не съел; Всего милее, у кого жена всех белее; Бей сороку и ворону – добьёшься и до белого лебедя; И чёрный ворон вещает, да невпопад; Ильин день серого коня из-за огорода не видать; Если бы гусь не сер, не там бы и сел; Какова ни будь красна девка, а придет пора – выцветет и др.

В такой сочетаемости компоненты-колоронимы в русских пословицах, как правило, употребляются в первичных значениях, то есть обозначают цвет, и выступают в атрибутивной или предикативной функциях.

Однако наиболее активно колоронимы сочетаются с неодушевленными существительными, называющими самые разнообразные предметы окружающего мира (пищу, одежду, предметы быта, постройки, растения и т. д.), напр.: Кафтан красен клиньями; Земля бела, семена черны; Береги белую денежку на чёрный день; Красно гумно стогами, а обед – пирогами; Любит вор чёрную работу; Чёрный глаз – прочь от нас (дале от нас, не гляди на нас, не сглазь нас); Бело бересто, да дёготь черен; Спасибо

тому зелёному кувшину, что развёл доброму молодцу кручину; Был кумачный сарафан, да променяла на бумажный и др.

В обоих случаях колоронимы могут употребляться как в прямом, так и в переносном значении. Однако переносные значения зафиксированы гораздо чаще в сочетаемости с неодушевленными объектами. В таких случаях цветообозначение утрачивается, а возникают качественные, символические значения 'чистый, чистота', 'красивый, красота', 'добрый, доброта', 'злой, зло', 'неопытный, неопытность', 'наивный, наивность' и т. д. В таком употреблении колоронимы становятся в пословицах ключевыми смысловыми компонентами и участвуют в формировании их обобщенных значений, напр.: *Черную душу и мылом не отмоешь* – «Невозможно исправить недостатки (злость, жестокость) человека»; *Чёрный день придёт – приятели откинутся* – «В беде ненадёжные друзья могут предать»; *Какова ни будь красна девка, а придет пора – выцветет* – «Красота временна, в старости исчезает»; *Говорит бело, а думает черно* – «На словах говорится хорошее, а в мыслях – дурное»; *Время красит, а безвременье чернит* – «Счастливая пора делает человека красивым, а плохие времена – старят»; *Что черно, что бело, вызолоти – все одно* – «И хорошее, и плохое изменить невозможно, как ни пытайся»; *Хоть кафтан и сер, а ум не чёрт съел* – «Невзрачный внешний вид (одежда) человека не означает отсутствие ума» и т. д.

Таким образом, в русских пословицах как «архаичных культурных текстах» наибольшей частотностью употребления отличаются колоронимы-ахроматизмы, имеющие глубокий символизм в русской культуре. Обобщенно-универсальная семантика пословиц определяются обобщенными значениями колоронимов как ключевых лексем в пословичных текстах.

Список использованных источников

1. Абакумова, О. Б. Семантика цвета в русских и английских фразеологизмах и пословицах с колоративами / О. Б. Абакумова. – Art Logos. – 2023. – № 1. – С. 97–108.
2. Перфилова, М. Н. Колоративы как способ передачи народного опыта в пословицах и поговорках / М. Н. Перфилова. – Вестник НовГУ. – 2014. – № 77. – С. 89–92.
3. Куличенко, Ю. Н. Символика зеленого цвета во фразеологической картине мира: сопоставительный аспект (на материале русского, английского, немецкого и итальянского языков) / Ю. Н. Куличенко, Е. М. Королевская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – Вып. 8. – С. 262–265.
4. Устойчивые сравнения в системе фразеологии / отв. ред. В. М. Мокиенко. – СПб.: СПбГУ : ЛЕМА ; Greifswald : E.M.A.-Universität, 2016. – 277 с.
5. Берлин, Б. М. Основные цветовые термины: их универсальность и видоизменения / Б. М. Берлин, П. Кей. – М.: Просвещение, 1969. – 196 с.
6. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство / Р. М. Фрумкина. – М.: Наука, 1984. – 278 с.
7. Иванов, Е. Е. Качество лингвистического образования в Республике Беларусь (в аспекте межкультурной коммуникации) / Е. Е. Иванов // Проблемы качества образования в Белоруссии и России в контексте интеграционных процессов : в 2 ч. / под ред. М. И. Вишневого, В. В. Мосолова. – М.: Российская академия образования, 2008. – Ч. 1. – С. 161–170.
8. Иванов, Е. Е. Общность задач преподавания русского и иностранных языков белорусам (в аспекте межкультурной коммуникации) / Е. Е. Иванов // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2012. – С. 3–7.
9. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1023 с.
10. Паремнология в дискурсе / под ред. О. В. Ломакиной. – М.: Ленанд, 2015. – 304 с.
11. Паремнология без границ / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. – М.: Изд-во РУДН, 2020. – 244 с.
12. Паремнология на перекрестках языков и культур / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. – М.: Изд-во РУДН, 2021. – 246 с.

13. Иванов, Е. Е. Аспекты эмпирического понимания афоризма / Е. Е. Иванов // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 381–401.
14. Иванов, Е. Е. Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах / Е. Е. Иванов // Вестник РУДН: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13. – № 4. – С. 898–924.
15. Иванов, Е. Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки / Е. Е. Иванов // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 659–706. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706.
16. Иванов, Е. Е. О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке / Е. Е. Иванов // Русистика. – 2019. – Т. 17. – № 2. – С. 157–170.
17. Иванов, Е. Е. Функции афористических единиц в русском языке / Е. Е. Иванов // Русистика. – 2022. – Т. 20. – № 2. – С. 167–185.
18. Бредис, М. А. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов // Вопросы лексикографии. – 2022. – № 26. – С. 5–29.
19. Иванов, Е. Е. Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре / Е. Е. Иванов // Новые исследования Тувы. – 2023. – № 1. – С. 243–258.
20. Лю, Тинтин. Китайско-белорусский словарь пословиц с русскими соответствиями / Лю Тинтин, Е. Е. Иванов // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов / отв. ред. В. И. Коваль. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – С. 114–119.
21. Ivanov, E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian) / E. Ivanov. – Prague : RSS, 2002. – 136 p.
22. Иванов, Е. Е. «Основной паремиологический фонд» русского языка и его соотношение с «паремиологическим минимумом» / Е. Е. Иванов // Мир русского слова и русское слово в мире : в 7 т. – София : Heron Press, 2007. – Т. 2. – С. 152–156.
23. Иванов, Е. Е. Антипословицы Рунета: типология и словарь / Е. Е. Иванов. – Минск : Право и экономика, 2009. – 72 с.
24. Иванов, Е. Е. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц / Е. Е. Иванов, Н. К. Романова // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica VII / под ред. Г. М. Мезенка. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2006. – С. 161–164.
25. Ivanov, E. E. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarussian and Russian Languages) / E. E. Ivanov, V. L. Feldman // Acta Germano-Slavica. – 2007. – Вып. 1. – С. 85–97.
26. Петрушевская, Ю. А. Универсальное и национальное в паремиологической системе языка (на материале английского и белорусского языков) / Ю. А. Петрушевская // Acta Germano-Slavica. – 2015. – Вып. 6. – С. 213–216.
27. Лю, Тинтин. Национально-культурная семантика китайских народных устойчивых изречений в лингвострановедческом аспекте (при преподавании китайского языка как иностранного русскоговорящим) / Лю Тинтин, Е. Е. Иванов // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов / отв. ред. В. И. Коваль. – Гомель : ГГУ, 2017. – С. 71–73.
28. Petrusheuskaya, Y. Linguistic universals and paremiological fund of the language / Y. Petrusheuskaya // Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity Science. – 2019. – № 2. – Pp. 115–121.
29. Иванов, Е. Е. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления / Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Ю. А. Петрушевская // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12. – № 4. – С. 996–1035.
30. Абакумова, И. А. Ахроматические цвета в английских фразеологизмах и варианты их перевода / И. А. Абакумова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12 (66). – Ч. 3. – С. 69–72.
31. Жаркова, Т. И. О национальных особенностях восприятия цвета во фразеологизмах / Т. И. Жаркова // Иностранные языки в школе. – 2010. – № 9. – С. 75–80.
32. Сунь, Умэн. Сравнительный анализ китайских и русских фразеологизмов с компонентом красного цвета / Сунь Умэн, Ма Линь // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – Vol. 3–2 (42). – Pp. 12–15.

Abstract. The article examines the composition and semantics of lexical components-coloronyms in Russian proverbs. The components of proverbs denoting color are differentiated according to semantic and grammatical characteristics. It is noted that in Russian proverbs mainly seven color names are used (white, black, red, green, gray, blue/cyan), four color terms are not fixed (brown, purple, pink, orange), additional color characteristics are used (pale, bright and etc.), including metaphorical ones (golden, crimson, etc.). The main colors in proverbs are white, black, red, forming the dominant colors of the color palette of the Russian national picture of the world.

Keywords: Russian language, proverb, lexical component, color, coloronym, semantics.

Го Цзюцин – магистр филологических наук; Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова (ling-msu@mail.ru).

УДК 811.161.1'373.421+811.161.1'366

В. К. Голубева

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ КОЛЛОКАЦИЙ И ГЛАГОЛОВ В АСПЕКТЕ КАТЕГОРИИ ВИДА

Аннотация. В работе рассматриваются глагольно-именные коллокации с точки зрения их функционально-грамматической синонимии с однословными глагольными коррелятами (*вести полемику – полемизировать, оказывать помощь – помогать*). Выявляется ряд семантических признаков, выражаемых устойчивым сочетанием, но недоступных для передачи глагольной лексической основой. Анализируется соотносимость глаголов-коллокаторов устойчивой конструкции и соответствующих однословных синонимов по категории вида.

Ключевые слова: коллокация, устойчивое сочетание, устойчивое глагольно-именное сочетание, монолексема, функционально-грамматическая синонимия, семантика, глагол, вид глагола, способы глагольного действия, словообразование глагола.

Устойчивые глагольно-именные сочетания (коллокации) типа *вести полемику – полемизировать, оказывать помощь – помогать* рассматривались лингвистами в самых разных ракурсах. В литературе отмечался промежуточный статус таких единиц между свободными сочетаниями и идиомами, изучались и классифицировались их типы (прежде всего авторами модели «Смысл ↔ Текст» и Толково-комбинаторного словаря – И. А. Мельчуком, А. К. Жолковским, Ю. Д. Апресяном, а также Л. И. Иорданской, В. В. Виноградовым, Н. М. Шанским, В. Л. Архангельским и др. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]); обсуждались классификационные свойства глагольных компонентов, составляющих грамматически главное слово таких сочетаний, но являющихся семантически неполнозначными (Ю. Д. Апресян, М. А. Романенко, А. Аль-Джаббар М. Хантоош [3; 8; 9]); выявлялся диапазон семантического и формального варьирования глаголов и именных компонентов сочетаний (Н. М. Лариохина, Э. Бялек [10; 11]), напр., *приводить суждение – суждение приводится, отмечать черты – черты отмечаются; приносить радость – доставлять радость; бросать взгляд – кидать взгляд; получить наследство – получить в наследство*. Неоднократно рассматривался и вопрос стилистической маркированности таких коллокаций, их преимущественное употребление в определенном роде текстах (М. В. Всеволодова, Г. А. Золотова, Е. В. Ягунова, Л. М. Пивоварова, О. С. Русанова [12; 13; 14; 15]).

Предметом нашего интереса стали глагольно-именные коллокации в аспекте их функционально-грамматической синонимии с однословными глагольными коррелятами («синтетическими синонимами» – Э. Бялек [11]). Цель данной статьи – выявить семантико-грамматические характеристики таких синонимов с точки зрения категории вида, обуславливающие смысловую эквивалентность данных единиц или ее отсутствие.

Функционально-грамматическая нацеленность нашего исследования обусловлена тем, что мы рассматриваем устойчивую конструкцию, ее компоненты и глагольный синоним сквозь призму их категориальных (частеречных) свойств. Сравнение возможностей каждой из функционально сопоставимых единиц позволяет отчетливее раскрыть структуру и потенциал русского глагольного слова, а также существительного (часто отглагольного), выступающего в составе устойчивого сочетания.

Методика отбора материала для анализа состояла в следующем. Источником глагольных коллокаций нам послужил словарь устойчивых сочетаний Е. Г. Борисовой [16] – относительно новый из числа словарей такого типа на материале русского языка (см. [17; 18]). Из данного источника нами были извлечены устойчивые сочетания, построенные по модели «глагол + существительное». В их структуре мы различали глагол-коллокатор – вспомогательный, часто семантически обедненный и конвенциональный компонент, и существительное-базу – главное в смысловом отношении слово, употребленное в прямом значении (термины *коллокатор* и *база* употребляются в [19, с. 73]). Субъектно-предикатные единицы типа *Ярость охватывает, Сложилась практика, Предложение поступает* в данной работе не рассматривались.

Далее к извлеченным коллокациям подбирались синтетические синонимы – монолексемы, т. е. глаголы, однокоренные по отношению к субстантиву устойчивой конструкции. Наличие общего корня как требование к базе коллокации и ее глагольному корреляту обусловлена направленностью наших исследований: при таких ограничениях отчетливее выявляются грамматические способности синонимов, роль их категориального оформления при тождестве денотативного содержания.

В целом при соотношении расчлененных и синтетических единиц очевидно, что неоднословная конструкция, как правило, способна дифференцированнее и конкретнее представлять информацию, а в монолексеме эти детали «смазываются» в силу ее конденсированной формы. Так, коррелятивная глагольная лексема в большинстве случаев не может синтетически выразить всего спектра семантических и стилистических оттенков, доступных разным коллокаторам с одной базой.

Сравн., с одной стороны, *бросать обвинения – предъявлять обвинения – выдвигать обвинения*, а с другой – *обвинять*. Из перечисленных конструкций единица *бросать обвинения* выделяется актуализацией сем ‘не подумав, безрассудно, безосновательно, эмоционально высказывать что-либо’ (*Перед тем, как бросать обвинения, вам лучше хорошенько посмотреть на себя в зеркало* (РИА Новости, 06.10.2020) (тут и далее иллюстративные контексты приводятся нами по [20]), а коллокаторы *предъявлять* и *выдвигать* маркируют устойчивое сочетание стилистически. Глагол же *обвинять* на их фоне выступает как наиболее нейтральное в семантико-стилистическом отношении средство.

Или сочетания *испытывать благодарность* и *выражать благодарность* дифференцируются по признаку «внутреннее – внешнее выражение отношения». Соответствующая глагольная лексема *благодарить* способна соотноситься с обеими устойчивыми конструкциями. Однако актуализация сем, обеспечивающих эквивалентность глагола с одной из приведенных коллокаций, осуществляется в контексте, посредством иных лексических средств. Так, в случае: *А торговец, видя, что парень любит, товар расхваливать начал: – Купи, век благодарить будешь* (Г. Белых) – глаголом фиксируется внутреннее ощущение человека, а, напр., в контексте: *Время от времени тетя Людмила звала свекровь переехать к старшему сыну, бабушка благодарила, выказывала невестке уважение, однако от настойчивого приглашения уклонялась* (А. Варламов) – речь идет о словесном выражении благодарности.

Анализ семантики компонентов коллокаций, способных иметь однословные синонимы, показывает, что глагол-коллокатор в них чаще выражает обобщенный смысл ‘делать/сделать’, а денотативное соответствие синонимов обеспечивается в таком случае за счет эквивалентности однокоренных существительного и монолексемы: *осущест-*

лать/осуществить [коллокация 'делать/сделать'] *контроль* [база] – *контролировать/проконтролировать* [однокоренной к базе глагольный коррелят]; *подводить/подвести итог* – *итожить/подытоживать/подытожить*; *проводить/провести испытания* – *испытывать/испытать*; *приносить/принести извинения* – *извиняться/извиниться*.

В тех же случаях, когда семантика коллокации осложняется, эквивалентность устойчивого сочетания с глагольной монолексемой устанавливается труднее. Закономерно, что синтетический глагол не способен реализовать метафору, заключенную во внутренней форме некоторых коллокаций: *взваливать вину* и *возлагать вину*; *сгорать от любви*; *хранить молчание*, *впасть в ошибку*, *погрузиться в печаль*. У соответствующих однословных синонимов наблюдается снижение степени экспрессивности: *обвинять*, *любить*, *молчать*, *ошибаться*, *опечалиться*. Однако если говорить о грамматической семантике, связанной с категорией вида глагола, то известное богатство глагольного словообразования и способность передавать разные способы действия в принципе не исключают возможности выражения монолексемой таких сем, как 'начинательность', 'завершение, доведение до конца', 'устранение, избавление от чего-л., приостановка действия', 'интенсивность действия', 'однократность, мгновенность' и др., заключенных в коллокациях.

Однако возможности глагольного аналитического способа оказываются ожидаемо шире, чем синтетического: так, у монолексемной корневая основа задействована в корреляции с существительным, а аффиксы уступают самостоятельным лексическим средствам в возможностях семантической детализации. Напр.: *идти в наступление* – *наступать*, но *развертывать наступление*, *переходить в наступление* ≠ *наступать* (этот глагол отличается от соответствующих коллокаций отсутствием сем 'осуществлять что-л. в широких размерах' и 'начать осуществлять что-л.'). Лексико-словообразовательная неспособность монолексемной выразить аспектуальную сему 'начинательности' и, следовательно, отсутствие эквивалентности коррелятивных единиц наблюдается также в следующих парах: *вставать на борьбу* ≠ *бороться* (сравн.: *вести борьбу* – *бороться*); *вступать в полемику* ≠ *полемизировать* (сравн.: *вести полемику* – *полемизировать*); *пойти на посадку* ≠ *сесть* (сравн.: *совершить посадку* – *сесть*); *приходить в восторг* ≠ *восторгаться* (сравн.: *быть в восторге* – *восторгаться*); *брать под наблюдение* ≠ *наблюдать* (сравн.: *вести наблюдение* – *наблюдать*); *получать название* ≠ *называться* (сравн.: *носить название* – *называться*); *занимать оборону* ≠ *оборонять* (сравн.: *держат, вести оборону* – *оборонять*); *открывать, разворачивать дискуссию, вступать в дискуссию* ≠ *дискутировать* (сравн.: *вести дискуссию* – *дискутировать*); *впасть в панику* ≠ *паниковать* (сравн.: *быть в панике, поддаваться панике* – *паниковать*) и т. д. Семантические ограничения монолексем преодолеваются их сочетаемостью с фазовыми глаголами (типа *стал называться, начинает паниковать*), однако в таких случаях речь уже не идет об аспектуальных возможностях собственно однословного синонима.

Случаи, когда семантика приставок в сочетании с основой глагола позволяет ему выступить синонимом устойчивого сочетания, весьма редки: *прийти в негодование* – *вознегодовать* и *занегодовать* (последнее зафиксировано только в словаре [21] и встречается, по нашим наблюдениям, преимущественно в устной и интернет-коммуникации), но в то же время *приходить в негодование* ≠ *негодовать*; *пробуждать/пробудить интерес* – *заинтересовывать/заинтересовать*.

Наш материал показывает, что глагольные монолексемы, которые могут выступать однословными эквивалентами коллокаций, обозначающих и устранение, избавление от чего-л., приостановку, прекращение действия, обозначенного именем, единичны. Напр.: *отнять, подорвать, убить веру* – *обезверить* (при этом монолексема не обрела пока нормативного статуса, встречается преимущественно в интернет-дискурсе). Однако практически все устойчивые конструкции с такой семантикой не имеют корреля-

лятивных глаголов: *пресекать попытку* (сравн.: *делать попытку – пытаться*), *устранять препятствие* (сравн.: *чинить препятствия – препятствовать*), *выбрасывать, вычеркивать из памяти* (сравн.: *хранить в памяти – помнить*), *выходить из доверия, терять, подрывать доверие* (сравн.: *оказывать, питать доверие – доверять*), *растраивать планы* (сравн.: *строить планы – планировать*) и др.

Такие же ограничения могут возникнуть и у глагольных монолексем при выражении сем 'однократность, мгновенность' (*испытывать восторг – восторгаться*, но *испытать восторг – *вострогнуться*) или при обозначении процесса достижения действием предела, после которого оно, исчерпав себя, прекращается (*проникнуться любовью – полюбить*, но *проникаться любовью ≠ любить*).

В целом с точки зрения категории вида, с учетом лексико-семантических и структурных (словообразовательных) ограничений, можно выделить несколько типов отношений между глагольно-именными конструкциями и коррелятивными им глагольными лексемами:

– видовая вариативность глаголов как в структуре коллокации, так и на уровне монолексем (1. СВ и НСВ – 2. СВ и НСВ): *предаваться/предаться тоске – тосковать/затосковать*; *выразить/выразить одобрение – одобрять/одобрить*; *вести/провести обстрел – обстреливать/обстрелять*; *подвергать/подвергнуть наказанию – наказывать/наказать*;

– видовая вариативность глаголов в структуре коллокации и двувидовость монолексема (1. СВ и НСВ – 2. [СВ + НСВ]): *давать/дать кредит – кредитовать*; *выдавать/выдать аванс – авансировать*; *ставить/поставить диагноз – диагностировать*; *брать/взять в (под) аренду – арендовать*;

– видовая глагольная лакунарность и коллокации, и однословного коррелята (1. Как правило, только НСВ – 2. Только НСВ): *тешить себя надеждой – надеяться*; *находиться под наблюдением – наблюдаться*; *иметь беседу – беседовать*; *водить дружбу – дружить*;

– видовая вариативность глаголов в структуре коллокации при наличии синонимического глагола только одного вида (1. СВ и НСВ – 2. Как правило, только НСВ): *идти/пойти в наступление – наступать*, но *≠ наступить*; *совершать/совершить путешествие – путешествовать*, но *≠ попутешествовать*; *испытывать/испытать презрение – презирать*, но *≠ презреть*; *окружать/окружить почтением – почитать*, но *≠ почесть*.

Итак, при рассмотрении функционально-грамматической синонимии коллокаций и глагольных монолексем оказывается, что, с одной стороны, последние способны выступать эквивалентами устойчивых конструкций, передающих не просто процессуальный признак, но и разный характер осуществления действия. С другой стороны, у коллокаций довольно часто в языке отсутствуют однословные глагольные синонимы: не каждая глагольная основа в силу своей лексической семантики может выражать тот или иной способ действия; существуют и словообразовательные ограничения на образование монолексем. В глагольно-именных же конструкциях, включающих отглагольный субстантив, глагольный признак дублируется: существительное-база выражает его семантически, своей корневой основой, а коллокатор выступает как носителем глагольных грамматических категорий, так и возможным средством выражения способов глагольного действия. Это расширяет диапазон возможностей коллокаций по сравнению с монолексемами на уровне грамматической семантики, однако устойчивые выражения часто выступают стилистически и экспрессивно отмеченными единицами, в отличие от нейтральных, за редкими исключениями, глагольных синонимов.

Список использованных источников

1. Мельчук, И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» / И. А. Мельчук // Вопросы языкознания. – 1960. – № 4. – С. 73–79.

2. Мельчук, И. А. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики / И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. – 2-е изд., испр. – М. : Языки славянской культуры, 2016. – 544 с.
3. Апресян, Ю. Д. О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 2004. – № 4. – С. 3–18.
4. Иорданская, Л. Н. Смысл и сочетаемость в словаре / Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук; под ред. Е. Н. Савиной. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 672 с.
5. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // А. А. Шахматов (1864–1920) / под ред. С. П. Обнорского. – М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1947. – С. 339–364.
6. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка : учебное пособие / Н. М. Шанский. – М. : Высшая школа, 1963. – 165 с.
7. Архангельский, В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В. Л. Архангельский. – Ростов н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 1964. – 315 с.
8. Романенко, М. А. Лингвометодическое описание структурно-семантической организации научного текста / М. А. Романенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/107080/1/romanenko_Lang_practice_2014.pdf. – Дата доступа : 02.09.2023.
9. Хантоош, А. Аль-Джаббар М. : Неполнозначные глаголы в современном русском языке: состав и функционирование : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. Аль-Джаббар М. Хантоош ; Липецкий гос. пед. ун-т. – Липецк, 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cheloveknauka.com/v/139535/d#?page=1>. – Дата доступа : 02.09.2023.
10. Лариохина, Н. М. Употребление устойчивых глагольно-именных словосочетаний с глаголами *делать*, *совершать*, *производить* / Н. М. Лариохина. – Русский язык за рубежом. – 1967. – № 2. – С. 35–38.
11. Бялек, Э. Коллокация как единица перевода / Э. Бялек // Cuadernos De Rusística Española. – 2005. – Vol. 1. – Pp. 223–231 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://revistaseug.ugr.es/index.php/cre/article/view/21013/22410>. – Дата доступа : 02.09.2023.
12. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка / М. В. Всеволодова. – М. : URSS, 2017. – 656 с.
13. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М. : Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.
14. Ягунова, Е. В. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов / Е. В. Ягунова, Л. М. Пивоварова // НТИ. Серия 2. – № 6. – М., 2010. – С. 30–40.
15. Русанова, О. С. Устойчивые глагольно-именные сочетания русского языка: проблемы изучения и описания / О. С. Русанова // Cuadernos de Rusística Española. – 2021. – № 17. – Pp. 165–176 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://revistaseug.ugr.es/index.php/cre/article/view/21013/22410>. – Дата доступа : 30.08.2023.
16. Борисова, Е. Г. Слово в тексте: словарь коллокаций (устойчивых сочетаний) русского языка с англо-русским словарем ключевых слов / Е. Г. Борисова. – М. : Филология, 1995. – 149 с.
17. Дерibas, В. М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка : словарь-справочник / В. М. Дерibas. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1983. – 256 с.
18. Регинина, К. В. Устойчивые словосочетания русского языка / К. В. Регинина, Г. П. Тюрина, Л. И. Широкова. – 3-е изд. – М. : Русский язык, 1983. – 300 с.
19. Баранов, А. Н. Основы фразеологии: краткий курс : учебное пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – 3-е изд., стереотип. – М. : Флинта Наука, 2016. – 307 с.
20. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorgo.ru>. – Дата доступа : 30.08.2023.
21. Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; О. Е. Иванова, В. В. Лопатин [и др.]. – изд-е 4-е, испр. и доп. – М. : АСТ-Пресс книга, 2015. – 879 с.

Abstract. The work examines verbal-nominal collocations from the point of view of their functional grammatical synonymy with single-word verbal correlates (*vesti polemiku – polemizirovat*’,

okazyvat' pomoshch' – pomogat'). A number of semantic features are revealed that are expressed by a stable combination, but are inaccessible for transmission by the verbal lexical basis. The aspect correlation between verb collocators of a stable construction and corresponding one-word synonyms is analyzed.

Keywords: collocation, stable collocation, stable verbal-nominal collocation, monolexeme, functional grammatical synonymy, semantics, verb, verb aspect, verb action mode, verbal derivation.

Голубева Виктория Константиновна – кандидат филологических наук; Белорусский государственный университет (v.k.golubeva9@gmail.com).

УДК 811.161.1'367'373.2:005.961-021.181

И. Г. Гомонова

ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ-ПАРЕМИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. В статье анализируются отрицательные инфинитивные предложения-паремии, в которых предикат выражен инфинитивом в сочетании с именным компонентом. Приводятся наблюдения над структурой таких паремий и особенностями выражения в них модального значения невозможности.

Ключевые слова: паремия, инфинитивное предложение, предложение-паремия, значение, невозможность, модальный.

Выполнение паремиями присущих им функций связано с выражением модальных значений. По мнению Е. В. Ничипорчик, семиотическая специфика паремий позволяет выделить как минимум три плана модальных значений, присущих паремиологическим единицам (модальность поверхностной структуры, модальность интерпретационной структуры и модальность актуализируемой речевой структуры) [1, с. 248–249]. Первый план модальных значений характеризуется как «тип отношения содержания паремии к действительности, эксплицированный специальными языковыми средствами (лексическими и/или грамматическими)» [1, с. 248]; данный тип отношения отражает оценку продуцентом паремии положения дел как реального или ирреального (возможного, невозможного, желаемого и др.).

Модальное значение невозможности выражается в русских паремиях разной структуры. Один из типичных для русского паремийника способов передачи данного значения – отрицательные предложения-паремии с независимым инфинитивом в функции предиката. Инфинитивные предложения, как известно, характеризуются синтаксическим способом выражения модального значения и, в силу большей лаконичности этого способа, более востребованы в паремийнике, чем безличные предложения, в которых модальное значение выражается лексическим способом (см., напр., безличные предложения-паремии со значением невозможности: *В своем деле самому судьбою быть нельзя* [2, с. 246]; *На деньги только совесть нельзя купить* [2, с. 266]; *Нельзя жизнь на жизнь менять* [2, с. 348]).

Исследователь пословичного синтаксиса З. К. Тарланов в монографии «Русские пословицы: синтаксис и поэтика» пишет, что «в языке пословиц представлены не все обычно выделяемые в русском языке типы инфинитивных предложений, а только те, которые представляют значения наиболее обобщенно» [3, с. 205], и, перечисляя модальные значения, характерные для инфинитивных предложений-паремий, модальное значение невозможности характеризует как одно из самых распространенных.

В инфинитивных предложениях-паремиях со значением невозможности предикат может быть выражен лексически самодостаточным глаголом (*Грустью моря не вычерпать* [2, с. 227]; *И большому гусю не высидеть телёнка* [2, с. 232]; *Не испортил дела,*

не сделать [2, с. 245]) или глаголом с бытийным значением, при котором именной компонент выражает основное лексическое значение. Инфинитивные предложения-паремии с предикатом типа «*не быть / не бывать* + именной компонент» составляют объект данного исследования. В структурном и семантическом аспектах анализируется 76 паремиологических единиц, представляющих собой простые предложения либо сложные предложения, части которых построены по данной модели.

Простые предложения-паремии, входящие в анализируемый материал, могут включать в себя в качестве распространителей (1) компонент с субъектным значением, (2) компонент с обстоятельственным (условным) значением.

(1) *Не бывать плешивому кудрявым* [2, с. 668]; *Не бывать бабе войтом* [2, с. 28]; *Не бывать бычком лягушке* [2, с. 104]; *Вороне соколом не бывать (не быть)* [2, с. 156]; *Не бывать калине малиною* [2, с. 397]. Дательный субъекта – типичный для инфинитивных предложений распространитель-детерминант – в большинстве анализируемых паремий отсутствует, что способствует обобщению пословичного суждения.

(2) *Не быв звонарём, не быть и пономарём* [2, с. 368]; *Не приняв муки, не быть во святых* [2, с. 570]; *Насилу не быть милу* [2, с. 537]; *Шумом праву не быть* [2, с. 1005]; *В чужой волости не быть на власти* [2, с. 145]. Как видно из приведенных паремий, обстоятельственный детерминант в них представлен разными способами и может иметь синкретичное значение, выражая при этом условие, при котором невозможно сообщаемое посредством предиката.

Сложные предложения-паремии, части которых построены по модели отрицательных инфинитивных предложений со значением невозможности, представлены в анализируемом материале конструкциями трех типов, выделяемых на основе отношений между частями: (1) предложениями с бессоюзной и/или сочинительной связью с полным либо (чаще) частичным параллелизмом частей, между которыми выражаются перечислительные или сопоставительные отношения; (2) предложениями с бессоюзной или подчинительной связью и условными отношениями между частями; (3) предложениями с подчинительной связью и уступительными отношениями между частями.

(1) *Не быть курице петухом, а бабе мужиком* [2, с. 466]; *Не бывать плешивому кудрявым, курице петухом, а бабе мужиком* [2, с. 466]; *Не бывать бражнику богату, не бывать костарю в славе доброй!* [2, с. 90]; *Не бывать холопу в попах, а попу в холопах* [2, с. 964].

(2) *Души в ад не отдать, так и богатым никогда не бывать* [2, с. 321]; *Волком родился – лисой не бывать* [2, с. 143]; *Кто родился волком, тому лисицей не бывать* [2, с. 194]; *Кто в двадцать лет не здоров, в тридцать не умён, а в сорок не богат, – тому век таким не бывать* [2, с. 185]; *Где приход и расход, там не быть без хлопот* [2, с. 723]. Обращает на себя внимание, что значение условия, при котором невозможно сообщаемое в главной части, передается в таких сложноподчиненных предложениях-паремиях с помощью придаточных других семантических типов.

(3) *Сколько воды ни пить, а пьяному не быть* [2, с. 133]; *Сколько ни говорить, а с разговором сыту (сытым) не быть* [2, с. 745]; *Лягушке волком не быть, сколько воды ни пить* [2, с. 511]; *Сколько б утка ни бодрилась, а гусем не бывать* [2, с. 937]; *Хоть дуйся, хоть не дуйся, уж не быть быком лягушке* [2, с. 102]; *Хоть под небеса летай, а всё сове соколом не быть* [2, с. 586]. Значение уступки в анализируемых паремиях выражается уступительно-усилительными придаточными с относительным подчинением (используется союзное слово *сколько* с частицей *ни*) и собственно уступительными придаточными с союзным подчинением (используется союз *хоть*).

Таким образом, значение невозможности какого-либо явления регулярно сопровождается в паремиях обозначением условия (либо уступки, т. е. условия, вопреки которому невозможно то, о чём говорится в главной части).

Каково же содержание анализируемых паремий со значением невозможности и какие образы используются для выражения этого значения?

Своеобразное ядро данных паремиологических единиц образуют паремии о невозможности изменить человека, его характер, его интеллектуальные способности, его статус и т. д. Такие паремии основаны на противопоставлении желаемого и реального. В них практически не используются образы людей. Исключение составляет пословица *Не бывать плешивому кудрявым* [2, с. 668]. См. также диал. *Плешатому не быть кудреватому*, где *плешатый* 'плешивый, лысый' [2, с. 668]. Большинство же таких паремий содержит зооморфные образы, включенные в антитетичные пары *бык (вол) – лягушка, ворона (сова) – сокол, волк – лиса, утка – гусь (лебедь)* и, наконец, *синица – журавль*: *Не бывать бычком лягушке* [2, с. 104]; *Хоть дуйся, хоть не дуйся, уж не быть быком лягушке* [2, с. 102]; *Лягушке волком не быть, сколько воды ни пить* [2, с. 511]; *Не бывать вороне соколом* [2, с. 156]; *Вороне соколом не бывать (не быть)* [2, с. 156]; *Хоть под небеса летай, а всё сове соколом не быть* [2, с. 586]; *Волком родился – лисой не бывать* [2, с. 143]; *Кто волком родился, тому лисицей (лисой) не бывать* [2, с. 143]; *Сколько б утка ни бодрилась, а гусем не бывать* [2, с. 937]; *Сколько утка ни бодрись, а гусем не быть* [2, с. 937]; *Сколько утка ни бодрись, [а] лебедем не быть* [2, с. 937]; *Синица, хоть тресни, не быть журавлём* [2, с. 810]; *Хоть тресни, синица, а не быть журавлём* [2, с. 810]. Безысходность и пессимизм звучат в приведенных пословицах, особенно тех, в которых выражение невозможности сопровождается выражением уступительного значения. См., напр.: – *Десятник!.. Пенек с глазами! Так всю жизнь в десятниках и проходит... Хоть тресни, синица, а не быть журавлем!.. Второго мужа донашиваю, а все банщица...* (Евгений Лукин. Катали мы ваше солнце (1997)) [4].

Невозможность изменить статус, обусловленный гендерной принадлежностью, выражается в пословицах, включающих противопоставленные пары *курица – петух* и *баба – мужик*, а также *баба – войт*: *Курице не быть петухом, а бабе мужиком* [2, с. 466]; *Не быть курице петухом, а бабе мужиком* [2, с. 466]; *Не петь курице петухом, не быть (не владеть) бабе мужиком* [2, с. 466]; *Не бывать бабе войтом*, где *войт* – староста, управляющий [2, с. 28]. См. также трёхчастную пословицу с уже звучавшими выше образами *плешивого* и *кудрявого* и, соответственно, более широким значением невозможности, обусловленным не только гендером: *Не бывать плешивому кудрявым, курице петухом, а бабе мужиком* [2, с. 466].

Противопоставление *плешивого кудрявому* звучит также в паремии, в которой параллельно используются фитоморфные образы *калины* и *малины*: *Не бывать калине малиной, плешивому – кудрявым* [2, с. 397]. В следующем контексте с использованием этой пословицы герой сетует о невозможности изменить себя, свой характер и отношение к окружающему: *Почему? Теперь мне трудно объяснить этот свой поступок. Как говорят, был уже не молод, а ума еще не набрался. «Не бывать калине малиной, а плешивому – кудрявым» – гласит русская пословица. Моя деревенская доверчивость не один раз подводила меня. Чутье изменило и на этот раз* (Александр Яковлев. Омут памяти. Т. 1 (2001)) [4].

Отметим, что в целом фитоморфные образы нетипичны для анализируемых пословиц (традиционные для русского фольклора «антиподы» – *калина* и *малина* – представляют собой исключение). О невозможности горькой калины стать сладкой малиной говорится также в паремии, представляющей собой простое по структуре предложение: *Не бывать калине малиною* [2, с. 397]. Интересно, что данная паремия, имеющая глубокий смысл, используется авторами в качестве названия статей, в которых говорится о полезных свойствах и применении калины (при этом происходит демегафоризация паремиологической единицы): **НЕ БЫВАТЬ КАЛИНЕ – МАЛИНОЙ!** *Есть такая поговорка. Я ее вспомнила, когда сегодня на рынке увидела калину и купила ее вместо запланированной тыквы. А дело в том, что калину я очень люблю, покупаю немного – пучочками продают, храню в морозилке и добавляю в чай. А тут целый ящик! Недавно что-то искала в интернете и нашла старинный рецепт наливки из калины. Я всё дума-*

ла, где мне столько купить, чтоб попробовать сделать, так что повезло (https://www.liveinternet.ru/users/lazy_mary/post194301301); **Не быть калине малиной?** ...Наливаются соком пурпурно-красные ягоды калины, свадебного дерева, как его еще величают в народе. Красный цвет у славян – символ девичьей красоты, любви и счастья. И именно расшитые калиной рушники дарила невеста жениху. Пучок плодов с алой лентой клали на угощения, которыми молодожены потчевали гостей. А знаменитые пироги-калинники! Со временем о калине забыли. Но теперь мы заново открываем для себя это полезное и удивительно красивое растение. Хоть народная мудрость гласит, что «не быть калине малиной», по количеству питательных и полезных веществ она вряд ли уступает ей (<https://www.sb.by/articles/ne-byt-kaline-malinoj.html>).

Остальные паремии рассматриваемого типа выражают невозможность приобрести какое-либо качество, испытать/испытывать какое-либо состояние, достичь желаемого результата. Субъектный компонент в таких паремиях, как правило, формально не выражен и, соответственно, мыслится как обобщенный.

Так, в анализируемом корпусе паремий представлен целый ряд пословичных вариантов о том, что невозможно быть *милым* (любимым, дорогим, приятным и т. п.) кому-либо против его воли: *Милому насильно не быть* [2, с. 537]; *Сильно милому не быть* [2, с. 537]; *Насилу милу не быть* [2, с. 537]; *Насилу не быть милу* [2, с. 537]; *Силой милому не быть* [2, с. 809]; *Силой милым не быть* [2, с. 809]; *Силою милу не быть* [2, с. 809]. Конечно, носителями языка более востребован вариант данной паремии со спрягаемым глаголом в роли предиката (в Основном корпусе НКРЯ представлено 96 вхождений пословицы с глагольной формой второго лица и 2 вхождения пословицы с формой инфинитива), однако инфинитивные предложения-паремии характеризует более высокая степень интенсивности модального значения невозможности. Сравн.: (1) *Сколько он ни говорил себе, что любовь слепа, что насильно мил не будешь, что людей любят не за их заслуги и не за их достоинства, чувство оскорбления у него все росло* (М. А. Алданов. Истоки (1942–1946)); *Властители ваших дум грешат поговорками, а главную забыли, что насильно мил не будешь, и укоренились в привычке освобождать и осчастливливать особенно тех, кто об этом не просит* (Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)) – (2) *Он засмеялся и взял ее за руку. – Уж это вы кого другого не отпускайте, Прасковья Ивановна, а я-то в таких делах ни при чем. – Да, я знаю, что вам все равно, – как-то печально ответила она, опуская глаза. – Что же делать, силою милому не быть* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)); – *А кто виноват? Не ты ли больше всех ходишь в лес стрелять птиц... Кто велел тебе зимой отсюда уходить? Сам ты не хочешь со мной якишаться. Насильно милому не быть* (Ф. М. Решетников. Где лучше? (1868)) [4].

О невозможности вернуть прожитые годы, о том, что нужно ценить жизнь, которая дается один раз, говорится в пословицах *Дважды молодому не бывать* [2, с. 547]; *Дважды молодому не бывать* [2, с. 547]; *Двою молодому не быть* [2, с. 547]; *Два раза молодому не быть, а смерти не отбыть (не избыть)* [2, с. 745]; *Дважды молодому не быть, а смерти не отбыть* [2, с. 832].

О невозможности достичь желаемого результата человеком, не прилагающим усилий, имеющим вредные привычки, ведущим асоциальный образ жизни, говорится в пословицах *Не приняв муки, не быть во святых* [2, с. 570]; *Тому не бывать в добре, кто часто сидит в тюрьме* [2, с. 278]; *Бранью праву не быть* [2, с. 91]; *Шумом праву не быть* [2, с. 1005]; *Не бывать бражнику богату, не бывать костарю в славе доброй!*, где *костарь* – это игрок в кости [2, с. 90].

Иронический характер имеют следующие пословицы о невозможности достичь состояния опьянения или сытости вопреки ирреальному условию: *Сколько воды ни пить, а пьяным с неё не бывать* [2, с. 133]; *Колко воды ни пить, а пьяну с неё не быть* [2, с. 133];

Сколько воды ни пить, а пьяному не быть [2, с. 133]; *Сколько воды ни пить, а пьяну не быть* [2, с. 133]; *Сколько ни говорить, а с разговором сыту (сытым) не быть* [2, с. 745].

Таким образом, проанализированные инфинитивные предложения-паремии со значением невозможности характеризуются высокой степенью обобщенности словосочинения, которая обусловлена грамматической формой предиката и отсутствием (в большинстве случаев) компонента с субъектным значением. В данных паремиях говорится либо о невозможности изменить человека, его характер, статус и т. д., либо о невозможности приобрести какое-либо качество, испытать/испытывать какое-либо состояние, достичь желаемого результата.

Список использованных источников

1. Ничипорчик, Е. В. О методах декодирования культураносных смыслов паремиологических единиц / Е. В. Ничипорчик // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2014. – Вып. 50. – С. 245–252.
2. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
3. Тарланов, З. К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика / З. К. Тарланов. – Петрозаводск : Издательство ПГУ, 1999. – 448 с.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 12.09.2023.

Abstract. The article analyzes negative infinitive sentences-proverbs, in which the predicate is expressed by an infinitive in combination with a nominal component. Observations are given on the structure of such proverbs and the features of expressing the modal meaning of impossibility in them.

Keywords: proverb, infinitive sentence, proverb-sentence, meaning, impossibility, modal.

Гомонова Инна Геннадьевна – кандидат филологических наук; Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины (gomonova@gsu.by).

УДК 811'373.2:398.9:005.57-028.27

О. С. Гуркова

О НЕКОТОРЫХ НЕОФРАЗЕМАХ, ВОСХОДЯЩИХ К СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Аннотация. В статье описываются неологизмы, восходящие к сфере электронных коммуникаций, в частности сочетания с зависимыми прилагательными *цифровой, электронный и информационный*, а также пути их образования. Среди последних отмечены приемы расширения состава фразеологизма, замены компонента устойчивого сочетания, создания новой фраземы по подобию общеизвестной.

Ключевые слова: фразеологизм, неологизм, электронные коммуникации.

Конец XX – начало XXI вв. отмечены стремительным развитием информационных технологий, едва ли не ежедневным появлением новых устройств и изобретений, которым необходимо давать названия. Современный мир погрузился в коммуникативное пространство Интернета, мессенджеров и мобильной телефонии, что привело к появлению значительного количества новых слов, рожденных в сфере электронных коммуникаций. Характерным явлением стал переход слов и фраз, рожденных в сфере электронных коммуникаций, в другие дискурсивные практики, в которых они проявляют тенденцию к метафоризации и фразеологизации.

Фразеологические неологизмы – неофраземы (созданные заново или заимствованные из других языков фразеологизмы, не зарегистрированные толковыми словарями) и фразеотрансформы (фразеологизмы, модифицированные структурно и/или семантически в новых социокультурных условиях) – давно стали объектом разноплановых лингвистических исследований [1, с. 81].

В числе факторов, стимулирующих появление новых фразеологизмов, следует особо отметить факторы экстралингвистические. Так, А. Н. Столярова отмечает, что в связи с расширением сферы информационных технологий переосмысливается работа компьютеров, смартфонов и действия пользователя с ними, наблюдается рост числа неофразем с компонентами *цифровой, электронный, информационный* [2, с. 8].

Основными репрезентантами концепта *цифра* в русском языке становятся словосочетания с именем прилагательным *цифровой* в качестве зависимого слова, представляющие собой кальки, частотность использования которых в дискурсивных практиках позволяет говорить о них как о потенциальных фразеологизмах, или неофраземах [3, с. 235].

Обратимся к следующим примерам: «*Поколение Z*», «*цифровое поколение*», «*сетевое поколение*», «*цифровые аборигены*» («*digitalnatives*») – все эти словосочетания используются сегодня для обозначения поколения детей и молодежи, прошедших социализацию в условиях широкого распространения цифровых технологий в сфере быденной жизни, образования и профессиональной деятельности (<https://goo.su/vFRgFr8>).

Термин *цифровое поколение* (Digital Native – досл. англ. «цифровой абориген») впервые ввел в обиход американский публицист Марк Пренски для обозначения представителей поколения, появившихся на свет в период с 1984 по 2000 годы. Им он обозначил людей, чье появление на свет пришлось на период цифровой революции и которые, тем самым, уже с самого своего рождения находятся в среде цифровых технологий [4, с. 79].

«Сегодня, когда мир стал терять материальные формы, а реальность становится виртуальной, энергичность слова неизмеримо возросла, и на мир стало возможным влиять энергией оцифрованного слова...», – отмечает М. И. Конюшкевич [5, с. 5].

Так, род деятельности человека, связанной со сферой электронных коммуникаций, отразился в следующих неофраземах: *цифровые кочевники, компьютерный мальчик, русский хакер, хакер в юбке* и др.: *К «цифровым» кочевникам относят сотрудников компаний, которые благодаря возможности удаленной работы, уезжают на постоянное или временное место жительства в другие страны* [6, с. 373]; *Компьютерный мальчик – ‘молодой программист высокого класса’* [6, с. 494]; *Впрочем, именно это и было главной изюминкой бизнес-модели Liberty Reserve. Так, к примеру, когда действовавший под прикрытием сотрудник полиции проверял эту систему, та невозмутимо срабатывала, даже если в графе «пользователь» он писал «русский хакер», а в графе «место проживания» – «выдуманный город, выдуманная улица, дом 123».* (Александр Полоцкий. Обезврежена самая крупная в истории группировка по отмыванию денег // РБК Дейли, 2013.05.30. <http://www.ruscorpora.ru>); *Интернет и «компьютерная вдова». Как бороться с зависимостью?* (<https://www.shkolazhizni.ru/love/articles/37769>); *Компьютерная вдова – ‘женщина, муж которой настолько занят компьютером, что не замечает её’* [8, с. 494]; *Лица женского пола стали называть хакерами в юбке, например, «Девушка, которая застряла в паутине»: хакер в юбке снова в деле* (<https://goo.su/nou3ST2>). Последний пример – аналогия построений по модели «слово (компонент) + в юбке (кто) – ирон., шутл. О женщине, которая занимается каким-либо мужским делом. Сравн.: *С каким мужчиной уживётся женщина – «генерал в юбке» в семейной жизни?* (<https://clck.ru/35vzmk>).

Тематически близкими являются неофраземы типа *стать мемом*, что значит «стать популярным в интернете, разделять сценарий или идею, которую люди могут легко повторять и к которой могут присоединяться» (<https://goo.su/O0BGs>). Сравн.: *Как стать мемом?* (https://yandex.ru/q/question/kak_stat_memom_e35088d1).

Следует обратить внимание и на ряд неофразем, отражающих негативные последствия от глобального внедрения информационных технологий, избыточности информации: *цифровая амнезия, эффект Google, информационное ожирение, электронное ожирение, цифровая диета* и др. По поводу первого выражения в статье В. И. Ковалёва читаем: «Явление *цифровой амнезии* представляет собой закономерную «расплату» современного общества за пользование таким благом, как оперативное получение нужной информации из интернет-источников» [7, с. 219].

Относительно других неофразем этой тематической группы находим следующие толкования: *Информационное ожирение* – ‘ситуация в организации, когда излишнее накопление информации оказывает отрицательное влияние на эффективность ее работы, приводя к существенному сокращению бюджета, замедлению реакции на изменения и проблемам с законом’ (<https://habr.com/ru/companies/alee/articles/150092/>); *Но все большую обеспокоенность вызывает и чрезмерное потребление технологий, которое создает проблему так называемого «электронного ожирения». Я имею в виду, что наши растущие аппетиты к гаджетам и Интернету делают нас ленивыми и менее активными* (Сибберг, Д. Цифровая диета: Как победить зависимость от гаджетов и технологий, (www.litres.ru/book/deniel-siberg/cifrovaya-dieta-kak-pobedit-zavisimost-ot-gadzhetrov-i-tehno/)).

Авторская неофразама российского исследователя искусственного интеллекта Игоря Шнуренко *цифровой Левиафан* – пример неофраземы, основанной на метафорическом переносе. Л. Н. Чурилина отмечает, что «традиционный, общеизвестный образный потенциал эксплицитно задействуется автором неофраземы, усиливаясь за счет объединения с концептом «Цифровой»» [3, с. 239]. Как известно, Левиафан – образ всепоглощающей мощи с демоническим оттенком; чудовище, которое будет сокрушено Богом: *В тот день поразит Господь мечом Своим тяжелым, и большим и крепким, левиафана, змея прямо бегущего, и левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище морское* (<https://foma.ru/kto-takoy-lefiafan.html>).

Неофраземы, восходящие к ЭК, можно по структуре разделить на несколько групп – неофраземы, которые образовались:

1) на базе свободных сочетаний слов: *цифровое поколение, электронное ожирение, компьютерный мальчик, русский хакер* и др.;

2) способом замены компонента в устойчивых словосочетаниях: *гугл в помощь* (сравн.: *бог в помощь*), *не транслейтом единым* (сравн.: *не хлебом единым*), *нашла коса на Яндекс!* (сравн.: *нашла коса на камень*), *ни бита совести* (сравн.: *ни грамма совести*) и др. Приведём примеры контекстов, включающих данные единицы: *Гугл в помощь: 7 сервисов от поисковика, которые помогают учить английский... Не транслейтом единым* (<https://goo.su/aP2Oaa>); *Нашла коса на Яндекс!* (<https://by.vesti.news/nashla-kosa-yandeks-18030311270844.htm>); *Ни бита совести у тебя нету!* (<https://overclockers.ru>);

3) способом расширения (за счёт добавления компонента): *в прокрустово ложе «пятилайкия»* (сравн. *прокрустово ложе*). В данном случае мы наблюдаем расширение состава фразеологизма благодаря введению производного слова *пятилайкие*, образованного от лексемы *лайк*. Сравн.: *Естественно, первым в прокрустово ложе «пятилайкия» был втиснут тридцатисловный словарь Элочки-людоедки»* (Комсомольская правда в Беларуси, <https://www.kp.by>).

Подводя итоги, отметим, что сочетания слов с зависимыми словами-прилагательными *цифровой, электронный и информационный*, часто употребляющиеся в дискурсивных практиках, можно назвать неофразами. Как показал собранный нами материал, неофраземы, восходящие к сфере электронных коммуникаций, чаще всего образуются с помощью приемов расширения состава фразеологизма, замены компонента устойчивого сочетания, создания новой фраземы по подобию традиционной с использованием неолексемы в составе фразеологизма.

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Аксиология неофразем и фразеотрансформаций в лексикографической интерпретации / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Вопросы лексикографии. – 2022. – № 25. – С. 81–107.
2. Столярова, А. Н. Неофраземы в современных русском и белорусском языках: источники, структура, семантика, прагматика : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02, 10.02.01 / А. Н. Столярова; Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2022. – 29 с.
3. Чурилина, Л. Н. Традиционные образы в «новой фразеологии» / Л. Н. Чурилина // Вестник Череповецкого государственного университета. Филологические науки. – 2022. – № 3. – С. 233–243.
4. Звонов, П. А. Цифровое поколение и его особенности / П. А. Звонов // Вестник магистратуры. – 2018. – № 12-4(87). – С. 79–81.
5. Канюшкевіч, М. І. Выбраныя працы: мова. Граматыка адносін / М. І. Канюшкевіч. – Мінск : Аверсэв, 2019. – 319 с.
6. Столярова, Е. В. «Цифровые» кочевники в мировой экономике // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце: материалы XIX Междунар. науч. конф., посвящ. 99-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 29 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 373–378.
7. Мечковская, Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта, 2016. – 584 с.
8. Коваль, В. И. Неофразама *цифровая амнезия*: происхождение, семантика, функционирование / В. И. Коваль // Текст. Язык. Человек : сборник науч. трудов / Мозыр. гос. ун-т им. И. П. Шамякина; редкол.: Кураш С. Б. (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2023. – С. 209–214.

Abstract. This article describes the neophrasemes dating back to electronic communications, in particular combinations with dependent adjectives digital, electronic and informational, as well as ways of their formation. Among the latter, the techniques of expanding the composition of phraseology, replacing the word (component) of a stable combination, creating a new phraseme in the likeness of the traditional one are noted.

Keywords: phraseology, neophraseme, electronic communications.

Гуркова Ольга Сергеевна – магистр филологических наук; Гомельский государственный колледж транспорта и транспортных коммуникаций (olga.gurkova.by@yandex.by).

УДК [81'373.612.2:37.016]:811.112.2

О. Г. Дедович

МЕТАФОРИКА УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ В ДИСКУРСЕ Е. И. ПАССОВА

Аннотация. Статья посвящена специфике функционирования фразеологических единиц и паремий в индивидуально-авторском дискурсе. Выявляются области-источники, коннотативное наполнение, случаи незуального употребления фразеологизмов и пословиц. Анализируются основные стратегии модификации (разбиение базовой формы, встраивание компонентов, приращение компонентного состава, перекомпозиция).

Ключевые слова: Е. И. Пассов, метафора, фразеологизм, пословица, семантика, модификация.

Обращение к научному творчеству выдающегося советского и российского лингвиста и исследователя с белорусскими корнями, доктора педагогических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Е. И. Пассова обусловлена несколькими причинами.

Отличительной чертой современной лингвистики является антропоцентризм, который «признан в качестве важного фактора актуализации человеческого, культурного значения во всех явлениях и предметах лингвообразовательной действительности» [1, с. 56]. Важным условием человекоцентричности выступает диалогичность. Е. И. Пассов неоднократно подчёркивал, что «суконный, наукообразный язык надо из науки изгонять. Любые сложные, трудные мысли можно изложить легко и прозрачно» [7, с. 394]. В этой связи пассовский стиль отличает живость изложения, выпуклость мысли, органичное вплетение метафор, фразеологизмов, паремий в ткань научного произведения. Как правило, наследие учёного рассматривается в двух ипостасях – педагогическом и методическом [1, с. 8–11, 12–17, 68–72, 128–135, 264–271, 304–310, 331–337; 2; 3; 4], тогда как его «точные метафоричные, образные, запоминающиеся суждения» [3, с. 368] практически не изучены.

Цель статьи – определить круг обладающих метафорическим потенциалом устойчивых сочетаний в трудах Е. И. Пассова, выявить основные источники мотивации, коннотативное наполнение и способы модификации на материале целенаправленной выборки из серии книг «Методика как наука», а также настольной книги преподавателя иностранного языка [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

В основе используемых Е. И. Пассовым фразеологизмов нередко находятся древнегреческие мифологические сюжеты: *Попытка обосновать необходимость создания лингводидактики как науки-мессии, призванной спасти методику, уже нависла над методикой как дамоклов меч* [9, с. 44]. *Вот такая политика кнута (постоянного контроля) и пряника (отметки), в основе которой лежит принуждение, превращает учение в борьбу двух противостоящих и противоборствующих сил: кто кого. Пока можно отметить, что в этой борьбе верх чаще всего одерживает ученик. Конечно, для него эта победа является пирровой победой, и то, что он не понимает этого, в этом его беда, и наша профессиональная беда* [11, с. 315].

Чаще всего привычные образы обогащены авторскими обертонами: *Если мы хотим направить методику по генеральному пути её развития, надо незамедлительно и всерьёз заняться очисткой авгиевых конюшен её терминологии* [9, с. 182]; *Герострат от образования* [8, с. 207]; *Умение аудировать стало поистине ахиллесовой пятой выпускников не только школ, но и институтов, факультетов иностранных языков* [6, с. 245]. Случаи неузвального употребления (модификации) фразеологизмов, при которых они выходят за рамки своих исходных значений и используются не в базовых формах, предполагают использование определенных стратегий, к примеру, разбиение базовой фразеологической формы, встраивание компонентов, приращение компонентного состава фразеологизмов и др. [12, с. 424–425].

Так, к стратегии приращения компонентов Е. И. Пассов прибегает с целью создания минимального контекста для расшифровки образа. Сравн.: *Важно заметить, что обозначенные стадии – не прокрустово ложе, в которое во что бы то ни стало должны укладываться компоненты урока* [11, с. 182]. *Отдача зачастую довольна мала именно потому, что в использовании звукозаписи имеют место кустарничество, дилетантство, стремление уложить новые формы работы в прокрустово ложе старой системы* [6, с. 159]. *Типология – не попытка уложить в прокрустово ложе схемы все мыслимые виды уроков* [8, с. 69]. В данных примерах разновекторные авторские ассоциации породил колоритный отсылочный образ разбойника Прокруста, однако первый фразеологизм использован в своей традиционной форме, а в последующих «отпочковываются» иные смысловые звенья, репрезентированные генитивными сочетаниями с различными конкретизаторами.

На протяжении всей своей научной и профессиональной деятельности Е. И. Пассов проявлял большую заботу о корректности использования терминов. Разбирая «авгиевы конюшни методической терминологии», учёный высказывал опасение, «как бы это не ока-

залось Сизифовым трудом» [9, с. 27]. Визуальная метафора (рисунок 1) [9, с. 28] наглядно демонстрирует тяжёлый, бесконечный, порой не приносящий долгожданных результатов труд автора по созданию толкового словаря, помогающего раскрыть содержание основных принципов коммуникативного иноязычного образования.

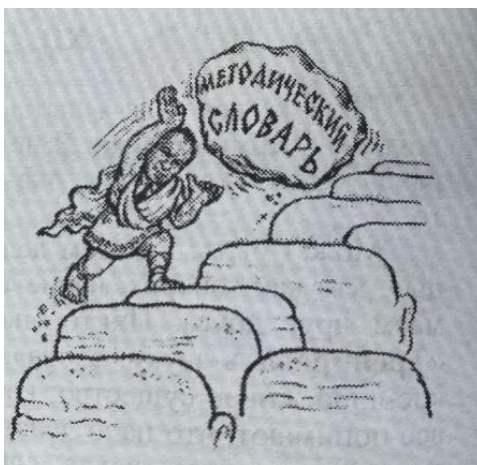


Рисунок 1 – Е. И. Пассов в роли Сизифа

Имена собственные также обладают метафорическим импульсом в дискурсе учёного: *Я обращаюсь ко всем читателям, от кого хоть как-то зависит судьба образования: давайте сделаем всё возможное, чтобы новая Атлантида не утонула в океане личных удобств, удовольствий, прагматических забот и своекорыстных страстей, служебных амбиций и прочей бытовой шелухи* [10, с. 159]. Пейоративные семы обмана, разрушения, нанесения ущерба легко прочитываются в смысловой структуре фразеологизма *троянский конь*: *Задуманная модернизация российского образования – не что иное как Троянский конь, или, если хотите, бомба замедленного действия* [7, с. 122]. *Здесь нас ожидает ещё один «троянский конь»: в качестве конечной цели для учащих-ся предписан «уровень функциональной грамотности»* [4, с. 217].

Для объяснения своей позиции по данному вопросу Е. И. Пассов в ряде случаев прибегает к фразеологизмам разговорной речи (*Всё поставлено с ног на голову, ибо ценности (а не навыки и умения) определяют главное для человека – его направленность, его развитие* [9, с. 228]. *Мы наступим на те же грабли, если сделаем снова содержанием образования социальный опыт, к которому у нас идеологически принято было относить ценности цивилизации* [9, с. 225]), а также к библейским сюжетам (*Именно мировоззрение человека духовного, а не менталитет, следует считать тем «камнем, который отвергли строители и который следует поставить во главу угла»* [9, с. 231]. *А уж останется ли этот «камень» лежать на обочине, или станет преградой на светлом пути строителей методики, или действительно будет положен во главу угла, зависит от Её Величества Истории* [4, с. 173]).

Аналогичное развитие ситуации наблюдаем в соседстве мотивированного библейским сюжетом фразеологизма *внести лепту* ‘дополнить что-либо чем-либо своим, новым’ [13, с. 114] и экспрессивной разговорной конструкции *взвалить на плечи* ‘сделать что-либо (обычно тяжёлое, обременительное, неприятное) чьей-либо обязанностью, заботой’ [14, с. 56]: *Каждая образовательная дисциплина вносит свою лепту в достижение общей цели, используя свои потенциальные возможности и сообразуясь с содержанием общей цели* [4, с. 163]. *Правомерно ли сваливать на плечи одного предмета груз, который должно нести образование в целом?* [4, с. 162].

В дискурсе Е. И. Пассова довольно широко представлены гастрономические номинации, в которых «интеллектуальная деятельность уподобляется процессу приготовления

пищи» [15, с. 278]. Неспособность мыслить продуктивно прочитывается в устойчивом выражении, связанном с нарушением процессов пищеварения: *Очень советую читателю при чтении методической литературы не проглатывать любую «пищу», а быть более вдумчивым и критичным, чтобы не получить «несварение мозгов»* [4, с. 499]. Антонимичным выступает фразеологизм *пища для размышлений* ‘то, что служит источником для чего-либо, даёт материал чему-либо’ [14, с. 49], в модификации Е. И. Пассова – ‘данные, на основе которых можно рассуждать на связанные с методикой темы’: *Теория Н. М. Амосова даёт много пищи для методических размышлений* [4, с. 432].

Указания на определенные сложности, неприятности, хлопоты традиционно фиксируются в значении частично модифицированного фразеологизма *заварить кашу*: *Сейчас вот и в образовании заварили такую кашу, что ни приведи Господь! – и расхлёбывать придётся потомкам* [4, с. 499]. На изъянах, существенно снижающих совокупность положительных качеств объекта, сфокусирована и следующая фразеологическая единица: *Если контроль не станет развивающим и воспитывающим (помимо его учебного воздействия), то он превратится в ту ложку дёгтя, которая испортит всю бочку мёда* [8, с. 141].

В смысловой структуре кулинарного фразеологизма наряду с акциональной семой ‘процессуальность’, хронологической семой ‘длительность’ актуализируется сема ‘жить и/или работать без общения с другими людьми, без использования их опыта’ [14, с. 397]: *Другие науки не принимаются в расчёт, так сказать, варение в собственном соку* [4, с. 7].

Элементом ментального пространства, через который автор раскрывает идею самостоятельности, независимости методики как науки, является разговорно-сниженное наименование съестных припасов: *И поскольку время бросило вызов – создать методику как самостоятельную науку, которая жила бы «на своих харчах», не ожидая «милостей» от добрых людей, надо специально готовить методистов-психологов* [4, с. 282–283]. Данный ассоциативный вектор продолжает авторский вариант фразеологизма *уйти на вольные хлеба* (замена атрибутивного компонента для акцентирования внимания на личной принадлежности): *И дидактике, как мне кажется, следует уйти на собственные хлеба, если дидакты найдут свой объект и предмет* [4, с. 248].

Семантика взросления, свободы заложена и в образной основе фразеологизма, связанного с понятийной областью детства: *Отсутствие у методики развитого самосознания проявляется в невозможности избавиться от поистине наркотической зависимости от смежных наук и невозможности порвать пуповину, связывающую методику с ними* [4, с. 6–7].

Действия взрослых с детьми при купании послужили образной основой для устойчивого выражения *с водой выплёскивать ребёнка*. Значение фразеологизма мотивировано типичным для традиций европейского Средневековья способом купания, когда в одном корыте по очереди мылась вся семья, последними уже в тёмной от грязи воде купали самых маленьких. Представление о том, что важное можно легко упустить, закрепилось в смысловой структуре фразеологизма: *Что же касается будущей методики как теории и технологии иноязычного образования, то она вряд ли будет нуждаться в наличии дидактики даже на уровне «стыковой науки». Разумеется, при таком подходе методика не должна с водой выплёскивать и ребёнка: всё, что дидактика накопила за годы своего существования, начиная с «Великой дидактики» великого Я. А. Коменского, остаётся в золотом фонде «теории обучения» в рамках методической историографии* [4, с. 248].

Во фразеологическом фонде Е. И. Пассова встречается единственный орнитоним, который ассоциативно связывается с удачей. Авторская модификация фразеологизма заключается в постпозитивном встраивании компонента, а также в замене нейтрального по окраске глагола *поймать* на разговорный и, соответственно, более экспрессивный: *Закон –*

Синяя птица Науки: мало кому удаётся ухватить её за хвост [5, с. 309]. Образы других зоонимов амбивалентны. Наполненные авторским содержанием одни используются в мелиоративном ключе (к примеру, «три кита», на которых держится земля под названием «анализ»: знания, опыт, умения [6, с. 92]), ряд других окрашен негативно: *священная королева нашего образования неприкасаема: нарушишь Стандарт, не будешь аттестован* [6, с. 269]; *ослиные уши бюрократизма* [4, с. 217]; *Если уж в рыночном мире образование стало услугой, то такое «образование» – медвежья услуга* [9, с. 228].

Разлад и несогласованность в действиях репрезентирует ставший крылатым фразеологизм из басни И. Крылова: *Те, кто занимается одним Делом (как в нашем случае – теоретически – методисты, преподаватели вуза, учителя иностранного языка школ, управленцы) должны понимать друг друга. Иначе – Лебедь, Рак и Щука* [9, с. 40]. Е. И. Пассов раскрывает, кто, по его мнению, «стоит» за данными образами: *Учитывая равенство всех категорий людей перед Богом, не желая никого обидеть, я представляю их в себе в виде крыловского воза («простой» народ), который пытается тащить Лебедь (наука), Рак (чиновники) и Щука (бизнес). Не потому ли «воз и ныне там»? [7, с. 372] Учёный предлагает превратить негативный образ в мелиоративный с семей созидания: *Многосторонний, продуктивный, нацеленный на сотрудничество, которое заменит «Лебедя, Рака и Щуку» на знаменитую тройку российских коней. Коренной конь в этой тройке – государство, два других – пристяжные* [7, с. 374–375]. *Мало иметь крылья, нужна еще и лётная погода. Создать такую погоду обязано государство, обязано, ибо способно на это только оно* [7, с. 376].*

Фразеологическая конструкция в одной упряжке используется Е. И. Пассовым в антонимическом смысле для разведения ключевых методических понятий: *Дело в том, что не может быть учения, если оно в одной упряжке с преподаванием* [7, с. 399].

Фразеологические единицы с фитонимическим компонентом или его партитивом демонстрируют свои исходные значения и укладываются в рамки традиционных представлений («не суметь разобраться в чём-либо простом, несложном» [13, с. 310], «действовать, поступать необдуманно» [14, с. 290]: *Чтобы не заблудиться в трёх соснах, имя которым «образование», «цивилизация», «культура»* [9, с. 225]. *Если же преподаватель объясняет суть (смысл) текста, т. е. переводит текст с языка художественной литературы на «учебный», то он рубит сук, на котором сидит* [6, с. 171].

Фразеологизмы локативной направленности, как правило, представлены в частично модифицированном виде. Для их создания характерна стратегия комбинирования (*Если бы деятели сферы иноязычного образования вовремя осознали это, не появилась бы в роли цели пресловутая компетенция, этот флогистон XXI века, а российское образование не свернуло бы со столбовой дороги своего развития и не зашло бы в тупик* [9, с. 95]) или стратегия перекомпозиции компонентов базовой формы («Диалог культур» представляется мне более сложным понятием и путь к нему более тернист [6, с. 124] (сравн. *тернистый путь*)).

Обращает на себя внимание явление замены исходного негативного значения «дать свободу силам зла (из арабских сказок о злом духе, запечатанном в сосуде и нечаянно из него выпущенном)» [13, с. 166] на позитивную оценку происходящего: *Будто джина выпустили из бутылки: культура буквально ворвалась в учебники, в классы, в умы учителей* [4, с. 355].

В заключение приведем примеры паремий в авторской обработке. Обнаруживаются следующие стратегии модификации:

1. Перекомпозиция компонентов базовой формы: *С миру по нитке – голому рубаха* > *Мы видим, что пока ещё «голому рубаха» не выходит, но те нитки, которые собраны «с миру», в той или иной степени сгодятся на шитьё* [4, с. 91]. Намеренный инверсивный порядок слов пословицы позволяет создать нарративный эффект и подвести читателя к определённому выводу.

2. Разбиение базовой формы фразеологизма: *Дураков не сеют, не жнут – сами растут > Методистов, так сказать, не сеют, не жнут, они сами растут. Как? Кому как удастся. В основном как сорная трава: где пробьётся и если не затопчут прохожие* [5, с. 571]. Разбиение базовой фразеологической формы основано на замене исходного ментального субстантива с пейоративной окраской на профессиональный термин, при этом иронический характер модификации сохраняется.

Таким образом, проведенное исследование опровергает тезис о сфере функционирования фразеологии как преимущественно в устной разговорной речи [16, с. 4]. В научном дискурсе Е. И. Пассова широко представлены узуальные и модифицированные пословицы и фразеологизмы, что обусловлено спецификой мировидения автора, особенностями индивидуального стиля изложения, богатством представлений и ассоциаций. Основными стратегиями модификации выступают разбиение базовой формы (замена стержневого компонента), встраивание компонентов (вербальное расширение по сравнению с оригиналом), приращение компонентного состава (расширение до уровня генитивного сочетания), перекомпозиция (инверсионный порядок). Выявлено значительное количество пейоративных номинаций, коннотативная окраска которых связана с размышлениями учёного о методике как науке, в которой «наметились и действуют несколько энтропийных (разрушительных) тенденций» [4, с. 6].

Список использованных источников

1. Научное наследие Е. И. Пассова в контексте развития иноязычного образования : материалы Международной научной конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения Е. И. Пассова / под общ. ред. В. Б. Царьковой, А. А. Люлюшина. – Липецк : ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. – С. 56–61.
2. Карташова, В. Н. Учитель и ученый (к юбилею Е. И. Пассова) / В. Н. Карташова // Елецк. гос. ун-т им. И. А. Бунина. – Психология образования в поликультурном пространстве. – 2020. – № 2 (50). – С. 109–118.
3. Колобкова, А. А. О педагогическом наследии Е. И. Пассова / А. А. Колобкова // Педагогический журнал. – 2019. – Т. 9. – № 6А. – С. 367–375.
4. Пассов, Е. И. Методика как теория и технология иноязычного образования. – Кн. 1. / Е. И. Пассов. – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2010. – 543 с.
5. Пассов, Е. И. Методология методики: теоретические методы исследования. Книга 3 / Е. И. Пассов. – Елец : МУП «Типография» г. Ельца, 2011. – 634 с.
6. Пассов, Е. И. Аналитика как условие развития методической науки. Книга 4 / Е. И. Пассов. – Елец: МУП «Типография» г. Ельца, 2015. – 495 с.
7. Пассов, Е. И. Теория методики: цель и содержание иноязычного образования. Книга 5 / Е. И. Пассов. – Елец : МУП «Типография» г. Ельца, 2013. – 452 с.
8. Пассов, Е. И. Теория методики. Иноязычное образование: организация и управление. Книга 8, ч. II / Е. И. Пассов. – Елец : МУП «Типография» г. Ельца, 2015. – 478 с.
9. Пассов, Е. И. Терминосистема методики как теории и технологии иноязычного образования. Книга 9. Серия «Методика как наука» / Е. И. Пассов. – Елец : ООО «Типография», 2016. – 735 с.
10. Пассов, Е. И. Образование как феномен и методика как наука: проблема конвергенции / Е. И. Пассов. – Липецк : ООО «Издатель», 2016. – 160 с.
11. Пассов, Е. И. Урок иностранного языка / Е. И. Пассов, Н. Е. Кузовлева. – Ростов н/Д. : Феникс; М. : Глосса-Пресс, 2010. – 640 с.
12. Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / отв. ред. И. В. Зыкова. – М. : Р. Вадент, 2021. – С. 424–425.
13. Морковкин, В. В. Большой универсальный словарь русского языка : в 2 т. / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; под ред. В. В. Морковкина. – М. : Аст-Пресс школа. – Т. 1 (А–О). – 2022. – 752 с.

14. Морковкин, В. В. Большой универсальный словарь русского языка : в 2 т. / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; под ред. В. В. Морковкина. – М. : Аст-Пресс школа. – Т. 2 (П–Я). – 2022. – 720 с.

15. Макаренко, Е. А. Кулинарный код культуры как способ создания образа человека (на материале английского и русского языков) / Е. А. Макаренко, Н. В. Хохлова // Учен. записки Таврич. нац. ун-та имени В. И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. – 2012. – № 4. – Т. 25 (64). – Ч. 2. – С. 277–284.

16. Ганапольская, Е. В. Фразеологический словарь современного российского детектива : в 2 т. / Е. В. Ганапольская. – СПб. : Златоуст. – Т. 1 : А–К. – 2015. – 312 с.

Abstract. The article is devoted to the specifics of the functioning of phraseological units and paroemias in the individual author's discourse. The areas of sources, connotative content, cases of non-casual use of phraseological units and proverbs are identified. The main modification strategies (splitting of the basic form, embedding of components, increment of component composition, recomposition) are analyzed.

Keywords: E. I. Passov, metaphor, phraseology, proverb, semantics, modification.

Дедович Ольга Геннадьевна – магистр; Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (olya-de@yandex.ru).

УДК 811.161.1:161.3

Е. Н. Денисенко

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИХОТОМИЯ «ДУБ-БЕРЕЗА» В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕО-ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. В статье показана бинарность функционирования компонентов *дуб* и *береза* во фразео-паремиологической системе восточнославянских языков. На основе сравнительного семантического анализа, с использованием описательного и логического методов исследования показана двойственность семантики дуба и березы. Сравнение фразео-паремиологических единиц с компонентами *дуб* и *береза* во всех восточнославянских языках показало, что в большом количестве случаев их противопоставленность стирается: фразео-паремиологические единицы с компонентом *береза* приобретают значение верховенства, признаки силы и крепости. Зафиксировано параллельное использование компонентов *дуб* и *береза* во фразео-паремиологической системе анализируемых языков. Наблюдения над противопоставленностью и сходством значений паремий и фразеологизмов свидетельствуют об амбивалентности восприятия восточными славянами окружающего мира.

Ключевые слова: дуб, береза, амбивалентность, фразео-паремиологическая система.

Последние десятилетия для компаративного изучения фразеологии и паремиологии славянских языков стали периодом развития и расцвета. В новых работах, с опорой на классические лингвистические, исторические, культурно-этнологические, фольклорные, мифологические, этнографические и др. исследования, в перечень которых входят труды ученых-славистов XIX–XX вв. А. Н. Афанасьева, А. Н. Веселовского, В. И. Даля, М. Забылина, Д. К. Зеленина, Н. И. Костомарова, К. Мошинского, А. А. Потебни, П. Шафарика и др., изыскания Н. Н. Велецкой, В. П. Жукова, В. В. Иванова, Ю. Н. Караулова, В. В. Мартынова, Н. И. и С. М. Толстых, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, многие факты рассматриваются в новаторской интерпретации, под другим углом зрения. Несомненное значение для изучения восточнославянской фразео-паремиологической системы, в том числе с компонентом-дендронимом, имеют работы Т. А. Агапкиной, А. С. Аксамитова, А. В. Гуры, Ю. А. Каминской, В. В. Колесова, А. В. Курочкина, В. М. Мокиенко, Ю. С. Степанова, Л. М. Шакуна, Ф. М. Янковского.

Источниками для анализа фразеологизмов и паремий белорусского, русского и украинского языков являются специальные словари и энциклопедии «Славянская мифология. Энциклопедический словарь», «Славянские древности. Энциклопедический словарь», «Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии», «Словарь славянской мифологии». Несмотря на большое количество работ, посвященных компаративистскому анализу использования лексических единиц, которые объединены гиперонимом «дерево», особенности репрезентации дихотомии «дуб-береза» в паремиях и фразеологизмах в русском, украинском и белорусском языках выявлены недостаточно. В статье предпринята попытка показать бинарность функционирования компонентов *дуб* и *береза* во фразео-паремиологической системе восточнославянских языков на основе сравнительного семантического анализа путем описательного и логического методов исследования. Источниками для рассмотрения послужили словари, энциклопедии, словарные источники, данные опубликованных работ.

Дуб и береза в системе воззрений восточных славян занимают особое место. Царь-дуб в Восточной Славии был идентифицирован как Мировое дерево, функционировал в качестве культового дерева, в мифологии и фольклоре выступал пристанищем потусторонних сил и духов низшего порядка, притягивал молнию, был купальским пристанищем ведьм и бесов, пограничным локусом между добром и злом, этим и потусторонним миром, соотносился со смертью и ее приближением, признавался хозяином леса и дома, играл определенную роль в лечебной магии, почитался в обычаях и обрядах и др. [1]. Святость дуба, его почитание сохранились на восточнославянских землях и в христианское время, когда дерево использовалось в церковных ритуалах и практиках – около дубов проводились молебны, отпевания, венчания, совершались таинства крещения, причащения и т. д. Общеизвестна символика дуба как мужского начала. Почитаема у восточных славян и береза, что связано с ее проявлениями в качестве «счастливого дерева», оберега, носителя добра, символа здоровья, исцеления, молодости, красоты, нежности и др. Береза активно функционирует в народных празднествах, обычаях, обрядах, традициях (русалочья неделя, купальские игры, гадания и др.), в лечебной магии. Но семантика березы двойственная. Ее негативная составляющая опирается на представление о дереве как связующем звене с душами умерших, демонами, о его назначении в качестве вместилища или обитания злых сил и др. Символика чистоты, невинности, слабости, печали противопоставлена маскулинности дуба. Дуальность реликтовой семантики дуба и березы входит в систему сложного знакового комплекса, определяющего дерево в народной культуре, и является отличительной чертой славянского мировосприятия [1; 2].

У лексических единиц *береза* и *дуб* общеславянское происхождение индоевропейского характера. Лексемы отмечены во всех славянских языках с практически идентичной семантикой [3, с. 80, 450; 4, с. 124, 807; 5, с. 83; 6; 7, с. 428; 8; 9]. Этимологи связывают общеславянское **berza*, восходящее к и.-е. **bherag'*, с понятием о блестящем, светлом, ясном, белеющем [10, с. 85; 11, с. 72]. В болгарский лексикон входит слово *брыз* в значении 'с белыми пятнами', а в украинский язык – наименование *березуна* в качестве клички овцы [12]. О происхождении слова *дуб* достаточно научных предположений, но так и нет единого мнения и ведутся споры [13, с. 3–5; 14, с. 200–201; 15, с. 547; 16, с. 272].

Обе лексические единицы и их производные, а также устойчивые сочетания с ними фиксируются во фразеологических словарях всех восточнославянских языков: бел. *бярозавая каша*; *бярозавый венік*; *бярозаю ліца*; *дубовая галава*; *урэзаць дуба/даваць дуба* [17; 18; 19, с. 47, 211]; русск. *завивать березку*; *березовая каша*; *березовый веник*; *плакучая береза*; *пень березовый*; *дуб дубом* (уместно заметить, что в белорусском языке последнее устойчивое выражение не зафиксировано со значением 'тупой человек', в качестве переносного разговорного значения слова *дуб* известно значение 'пра висо-

кага, мощнага чалавека’); *пройти дубцы; свинья под дубом; дубина стоеросовая; дать/врезать дуба/дубаря* [20, с. 139, 275]; *дубовая голова/башка* [21, с. 110]; *по сей дуб мля*; укр. *бути за березу; березу обирати; дівчина-береза; березова каша* [22], *дуба дати / врзати, ставати / стати дуба/дубом* [23, с. 428]; *дуба смаленого правити; дуба ставати* [24, с. 203–204].

В русском языке фразеологизмы с компонентом *дуб* и однокоренными словами представлены более широко, чем в других восточнославянских языках, напр.: *вводить в дуб; дуб дуба давит; втыкать дуба; на дуба; попереть в дуб; поставить на дуба; рухнуть с дуба; сорваться с дуба; на дубах /дубом ходить; вставать на дуба; гладить / женить / обихаживать / чесать дубиной; и дубиной, и грабиной; дубинка да корзинка; схватиться в дубки; встать дубом* [25]. Такое использование компонента *дуб* в русском языке, вероятно, объясняется и широкой распространенностью дерева и особым отношением к нему, ярко проявляющимся в восточнославянской мифологии и сохраняющимся на русском языковой почве.

Характеристики фразеологизма приобретают словосочетания, номинируемые В. Л. Архангельским как «устойчивые фразы» [26]: бел. *карэльская бяроза / русск. карельская береза / укр. карельська береза* ‘о красивом (чаще о мебели)’; бел. *стогадовы дуб / русск. вековой/столетний дуб* ‘о крепком пожилом мужчине’, русск. *тонкая березка* ‘стройная девушка’, русск. *дуб обыкновенный*, укр. *твердый дуб* ‘тупой, упрямый человек’, укр. *дуб-велет / дуб велеть* – ‘о высоком крепком мужчине’.

Компоненты *береза* и *дуб* органично входят в состав восточнославянских паремий: русск. *попарить березовым веничком; прописать березовую припарку; дать березовой каши; береза не угроза: где стоит, там и шумит; береза ума дает; дал бог сыночка, дал и дубочка*; бел. *бяроза – не пагроза: дзе стаіць, там і шуміць; плакаць, што бяроза ліецца; як ліпа з бярозай; як па белай бірозі*; русск. *теленка с дубом бодался, да комолий (безрогий) остался / олень с дубом бодался, да рога сломал; замахнулся на дуб, а срубил соломинку; велик дуб, да дупляст, а мал дуб, да здоров; в лесу дуб рубль, в столице по рублю спица; на дубу не мое, а в кулаке мое; ври с дуру, что с дубу; одному глазком мигни, а другого дубинкой подтолкни; не научили дубцем, а дубиной не научишь; черепком напьюсь, дубинкой отобьюсь; ласковое слово пуще дубины; не бей в чужие ворота плетью: не ударили б в ответ дубинкой; бесхмельное питье – дубинное битье; вертеться, как береза / береста на огне* [27]; укр. *дати (всипати) березової каші; пригостити / пригощати березовою кашею; скуштувати / покуштувати березової каші; частувати/почастувати березовою кашею; який дуб, така бочка, яка мати, така дочка; за єдиним разом дуба не зрубаєш / за один раз дуба не звалиш; дарую два дубочки, щоб жили в парі, як голубочки; дарую дуба, що в дуброві, будьте дужі та здорові; як дуба не нахилиш, так великого сина на добре не навчиш; кожний дубок хвалить свій чубок и др., аби дубки, а березкі будуть – аби парубки, а дівчата будуть; сидить голуб на дубочку, а голубка на вишні; скрипуча береза довші стоїть*. Поводом включения в дихотомию стало и традиционное восприятие дуба как символа маскулинности, мощи, крепости, здоровья, что опирается и на мифологическую принадлежность к богам высшего порядка, и на свойства самого дерева – рост, широкую крону, крепкую древесину и др., и березы как воплощения женской нежности, слабости, несмотря на двоякую семантику дерева – символа чистоты, невинности и др., и связью со злыми силами, их обиталищем. Однако, сравнивая фразеологические единицы с компонентами *дуб* и *береза* во всех восточнославянских языках, следует отметить, что в большом количестве случаев их противопоставленность стирается:

– береза приобретает признаки силы и крепости, напр., розги получают статус предмета наказания и воспитания: бел. *бярозава каша / русск. березовая каша / укр. березова каша*; русск. *дать березовой каши / укр. дати (всипати) березової каші*. Следует отметить, что в украинском языке во фразеологизмах функционирует большее

количество глаголов: *пригостити/пригощати березовою кашею; скуштувати/покуштувати березовою кашею; частувати/почастувати березовою кашею* в значениях не только ‘побити, суворо покарати’, но и ‘бути побитим’, а также ‘дуже виляяти, гостро покритикувати’. Семантику ‘розги’ имеют бел. *бярэзавыі венік* / русск. *березовый веник*; русск. *березовая лапша*, а процесс представлен фразеологизмами русск. *попарить березовым веничком; прописать березовую припарку*, последний из которых имеет значение ‘о наказании воров, плутов’ [28, с. 211]. Суть назначения наказания березой отражен в русск. поговорке *береза ума дает*. Дуб же может характеризоваться ослаблением терпения и твердости духа, напр., русск. *сорваться с дуба* – ‘потерять самообладание’; *на дубах /дубом ходить* – ‘злиться’; *вводить в дуб* – ‘заставлять сердиться, нервничать’;

– дуб традиционно воспринимается как перуново дерево, соотносится с богом высшего порядка, будучи его обиталищем – крепким и мощным. Однако, как пишет Н. А. Красс, фиксируются поверья о березе как о перуновом дереве, лечащем своим соком от болезней и предохраняющем от них;

– твердость дуба репрезентируется во фразеологизмах бел. *дубовая галава* / русск. *дубовая голова/башка*; русск. *дуб дубом; дубина стоеросовая; дубина безголовая; попереть в дуб*. Но в аналогичном значении употребляется и русск. *пень березовый*;

– принято считать, что дуб – самое значимое и величественное дерево: укр. *дуб-велет / дуб велетень; як дуба не нахилили, так великого сина на добре не навчили; за єдиним разом дуба не зрубаєш / за один раз дуба не звалиш*; русск. *теленка с дубом бодался, да комольи (безрогий) остался / олень с дубом бодался, да рога сломал; пройти дубцы; рухнуть с дуба*; русск. *держись за дубок, дубок в землю глубок*; бел. *здаровы, як дуб скарбовы*. Но сила и значимость дуба ставится под сомнение, напр., русск. *в лесу дуб рубль, в столице по рублю спица*; укр. *дуба смаленого правити* / бел. *плесці смаленага дуба* – ‘говорити нісенітницю’; *який дуб, така бочка, яка мати, така дочка* (сравн. русск. *какова березка, такова и отростка*); русск. *ври с дуру, что с дубу*. Береза же приобретает значение верховенства: *бути за березу* – ‘бути провідником та верхівником колядників, якому холостяцка громада доручає збирати подарунки, отримані за колядування, ватажком колядуючих’; *березу обирати* – ‘выбирати головуючого парубка на вечорницях’. Этимологический словарь украинского языка указывает, что подобные фразеологизмы являются реликтами архаичного прилагательного **березий* – ‘пестрый, черный с белыми пятнами’ и связаны с цветастым одеянием ряженого в период Святков. Интересно и использование дендронима во фразеологизме *дівчина/парубок-береза* – ‘головна особа серед дівчат чи парубків, головна особа, заспівувач в хорі’ [29];

– символика слабости, печали, горечи березы репрезентируется во фразеологизмах русск. *плакучая береза; береза не угроза: где стоит, там и шумит* / бел. *бярэза – не пагроза: дзе стаіць, там і шуміць*; бел. *бярэзаю ліцца; плакаць, што бярэза ліецца; бярэзінкаю слацца; была, што чырвоная роза, а стала, што белая бярэза*. Связь березы со смертью человека в народной культуре традиционно высока. Она – предвестник смерти, самой кончины и похорон: *собираться в березки; уйти по зеленую березку; под березки положить; найти последнюю березку* (пермск.); *под березки лечь* (псковск.); бел. *пайсці пад бярэзы; пойти в березовый сад* (сибирск.); *услан березки считать* (о сосланных в Сибирь); *в березки собирается* (калужск.) [30, с. 157]. Н. А. Красс отметила в русских говорах Литвы фразеологизм *под березы пора* в значении ‘пора умирать’. Сходной семантикой обладают и фразеологизмы с компонентом *дуб*: бел. *урэзаць дуба / даваць дуба*; русск. *дать/врезать дуба/дубаря*; укр. *дуба дати / врізати*; русск. *дубовыми досками пахнут; дубом пахнет*, что исследователи связывают со славянской традицией захоронения в дубовых колодах, позже в дубовых гробах. Интересна и интерпретация фразеологизма *встать дубом*. М. Малоха считает, что он идентичен *дать дуба* в значении ‘умереть’, так как компонент восходит к индоевр. **dheubh-* ‘стать неподвижным, цепенеть’ [31, с. 9];

– параллельное использование компонентов *дуб* и *береза* во фразеопаремиологической системе анализируемых языков также свидетельствует об амбивалентном восприятии деревьев: русск. *дубовая кашлица с березовым маслом; аби дубки, а березки будут*; бел. *раслі-раслі-пахіліліся, дуб з барозай саіччаніліся*; русск. *не радуйтесь, дубы, радуйтесь, березы*, присказки при сватовстве – русск. *у вас есть береза, а у нас дуб* [32, с. 209].

Таким образом, материалы анализа дихотомии «дуб-береза», несмотря на то что она является лишь отдельным фрагментом широкой темы, подтверждают свойственную целостной картине мира амбивалентность восприятия восточными славянами окружающего мира.

Список использованных источников

1. Агапкина, А. А. Дуб в мировоззрении славян [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.liveinternet.ru/users/palomnica59/posta422446818>. – Дата доступа : 08.09.2023.
2. Швед, І. А. Бяроза ў беларускім традыцыйным фальклоры / І. А. Швед // Проблемы славистики. – Луцк, 2004. – Число 3–4. – С. 225–235.
3. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1. – 702 с.
4. Толковый словарь русского языка : в 4-х т. / сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ. – Т. 1. – 1935. – 1562 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – М. : Терра-Терра, 1995. – Т. 1. – 627 с.
6. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений/ под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 2000. – Т. 2. – 672 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.slova.ru/vse/slovari/1.htm. – Дата доступа : 02.09.2023.
7. Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. – К. : Наукова думка, 1970–1980. – Т. 2. – 547 с.
8. Словник української мови : у 20 т. / НАН України, Укр. мов.-інформ. фонд. – К. : Наукова думка, 2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://1677.slovaronline.com/7242>. – Дата доступа : 02.09.2023.
9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы // Скарнік – слоўнік на аснове пяцітомніка 1977–1984 гг. (акадэмічнае выданне пад рэдакцыяй К. Крапівы). 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.skarnik.by/tsbm>. – Дата доступа : 28.08.2023.
10. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Русский язык, 1993. – Т. 1. – 624 с.
11. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт; М. : Рипол классик, 2008. – 1534 с.
12. Етимологічний словник української мови. Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України // Горох – українські словники [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gogoh.pp.ua/Етимологія/>. – Дата доступа : 01.09.2023.
13. Макаев, Э. А. Индоевропейские этимологии в словаре М. Фасмера / Э. А. Макаев // Лексикографический сборник. – М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1962. – Вып. V. – С. 3–5.
14. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / А. Г. Преображенский. – М. : ГИС, 1959. – Репродуцировано с изд. 1910–1914. – Т. 1. – 716 с.
15. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. члена-корр. АН СССР О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. – изд. 2-е, стер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 1. – 1986. – 573 с.
16. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Русский язык, 1993. – Т. 1. – 624 с.
17. Энциклопэдыя электронная. Бялорускія слоўнікі і энцыкляпэдыі [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.slounik.org/search?dict=fraza&search>. – Дата доступа : 28.08.2023.

18. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы. Склаў Ф. Янкоўскі. Выданне другое, дапоўненае. – Мінск : Выд. АН БССР, 1962. – 555 с.
19. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2008. – Т. 2. – 704 с.
20. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в. : в 2 т. / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск : Наука, 1994. – Т. 1. – 340 с.
21. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова; сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. – М. : Астрель, АСТ, 2001. – 543 с.
22. Фразеологічний словник української мови [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <https://123.slovaronline.com/>. – Дата доступа : 01.09.2023.
23. Словник української мови : в 11 т. / АН УРСР. Інститут мовознавства ; за ред. І. К. Білодіда. – К. : Наукова думка, 1970–1980. – Т. 2. – 547 с.
24. Жайворонок, В. В. Знаки української етнокультури : словник-довідник / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2006. – С. 203–204.
25. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
26. Архангельский, В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В. Л. Архангельский. – Ростов н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 1964. – 315 с.
27. Красс, Н. А. Концепт дерева в лексико-фразеологической семантике русского языка : на материале мифологии, фольклора и поэзии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Красс; РУДН. – М., 2000. – 194 с.
28. Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа : большой объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спирин. – изд. 4-е, стер. – М. : Цитадель ; Ростов н/Д. : Феникс, 2008. – 590 с.
29. Етимологічний словник української мови. Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України // Горох – українські словники [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <https://gogh.pp.ua/Етимологія/>. – Дата доступа : 01.09.2023.
30. Виноградова, Л. Н. Береза / Л. Н. Виноградова, В. В. Усачёва // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. – М. : Международные отношения. – Т. 1. – М., 1995. – С. 156–160.
31. Малоха, М. Фразеология и национальная картина мира, фразеологизмы с компонентом-названием дерева в восточнославянских и польском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / М. Малоха. – Минск, 1996. – 22 с.
32. Соколова, В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов / В. К. Соколова. – М. : Наука, 1979. – 288 с.

Abstract. The article shows the binary functioning of the oak and birch components in the phraseo-paremiological system of the East Slavic languages. On the basis of comparative semantic analysis, using descriptive and logical research methods, the duality of oak and birch semantics is shown. Comparison of phraseo-paremiological units with oak and birch components in all East Slavic languages has shown that in a large number of cases their opposition is erased: phraseo-paremiological units with birch component acquire the meaning of supremacy, signs of strength and strength. The parallel use of oak and birch components in the phraseo-paremiological system of the analyzed languages is recorded. The results of the analysis of the juxtaposition and convergence of the meanings of paroemias and phraseological units indicate the ambivalence of the perception of the surrounding world by the Eastern Slavs.

Keywords: oak, birch, ambivalence, phraseo-paremiological system.

Денисенко Елена Николаевна – кандидат педагогических наук; Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации (Москва) (olenaden@gmail.com).

З. К. Дербишева

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОТВОРЧЕСТВА ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

Аннотация. Статья посвящена лингвокогнитивному анализу авторских фразеологизмов Ч. Айтматова. Предпринимается попытка когнитивно-семантического структурирования понятийных областей, представленных авторскими фразеологизмами писателя, – таких как «Время», «Разум», «Зло», «Эмоциональное состояние» и «Законы жизни». Указанные понятийные области описываются на основе лингвокультурологического анализа путем выделения когнитивных признаков.

Ключевые слова: фразеология, авторская картина мира, концепт, концептуальная сфера, когнитивный признак.

Проблема фразеотворчества Чингиза Айтматова рассматривается в контексте художественной картины мира писателя. «Исследование художественной картины мира неминуемо приводит к соотнесению её с индивидуумом, генерационной и социальной характеристикой, национальной культурой и субкультурой, этносом, государством, цивилизацией и общечеловеческими ценностями. В результате такое исследование позволяет выявить комплекс как универсальных концептов, свойственных различным языкам и культурам, так и национально маркированные концепты <...>, отражающие ментальное своеобразие определённого писателя и – шире – соответствующего народа» [1, с. 16].

Источником анализируемых фразеологизмов явился сборник «Фразеологический мир Чингиза Айтматова» (сост. Л. И. Дмитриева, М. Ж. Тагаев, Г. П. Шепелева. – Бишкек, 2018). Объектом нашего исследования в рамках данной статьи являются авторские фразеологизмы которые «...формируются в когнитивно-прагматических категориях: представлениях, образах, обыденных (наивных) понятиях, концептах и фреймах, т. е. в тех структурах, которые служат ценностно-образным материалом синергетики ЯКМ для целостного видения мира» [2, с. 10].

Фразеологическую картину мира Ч. Айтматова формируют такие когнитивные структуры, как концепты и концептуальные сферы (определенная ментальная область). Когнитивно-семантический анализ авторских фразеологизмов позволил выявить такие концепты, как Время, Разум, Зло и определил следующие концептуальные сферы: Эмоциональное состояние и Законы жизни.

Концепт «Время»

Когнитивно-семантический потенциал концепта «Время» формируют следующие фразеологизмы автора: *безмолвный свидетель минувших эпох* («Верблюжий глаз») – ‘об участнике, очевидце чего-либо очень важного с точки зрения истории’; *безжалостное божество по имени Время* (Плач охотника над пропастью. Диалог с М. Шахановым) – в этом выражении содержится оценка сущности времени; *Вступил в зиму свою* («И дольше века длится день») – перифрастический оборот употребляется в значении ‘состариться, дожить до преклонного возраста’; *гноить потники своих скакунов* (Плач охотника над пропастью. Диалог с М. Шахановым) – в значении ‘без отдыха и перерыва’; *Конь по одному следу тысячу раз ступает* («Тополек мой в красной косынке») – в значении ‘все может повториться’; *Старость крылась за горами* («И дольше века длится день») – в значении ‘не скоро’; *Старость уже на плечах сидит* (там же) – в значении ‘старость наступила’; *улететь из гнезда* («Материнское поле») – в значении ‘рано начать самостоятельную жизнь’.

В рассматриваемой понятийной области актуализированы следующие когнитивные признаки:

- время как субъект;
- «возрастное» время;
- длительность.

Выделенные когнитивные признаки эксплицируют такие аспекты восприятия времени писателем, как цикличность, ограниченность человеческой жизни, периодизация жизни; создают целостный образ времени.

Национально-культурная специфика проявляется в таких фразеологизмах, которые отсылают к картинкам традиционного кыргызского быта. Идиома *гноить потники своих скакунов* раскрывает одно из рутинных занятий кыргызских кочевников, когда они, долгое время находясь верхом на коне, не имели возможности дать отдохнуть коню и сменить на нем потник под седлом. Афористическое выражение *Конь по одному следу тысячу раз ступает* обозначает неизбежность повторения подобной ситуации в будущем, он также связан с кочевым образом жизни кыргызов, для которых конь был не только средством передвижения, но и являлся мериллом оценки жизненных процессов.

Концептуальная сфера «Эмоциональное состояние»

Концептуальная сфера «Эмоциональное состояние» представлена рядом авторских фразеологизмов: *апокалиптическое терзание духа* (Диалог с Икэдой. Ода величию духа); *волочить кровавый след муки* (Тавро Кассандры); *всепоглощающее чувство горечи и злобы* (Диалог с Икэдой. Ода величию духа); *выплакать во весь голос свое горе* (Плач охотника над пропастью. Диалог с М. Шахановым); *выплакать свою долю* (Прощай, Гульсары); *Душа в кишках замирала* («И дольше века длится день»); *душу раскидывать по горам* («Когда падают горы»); *завыть как волк в зимнюю стужу* («Верблюжий глаз»); *загонять чувства в клетку* (Плач охотника над пропастью. Диалог с М. Шахановым); *изжигать себя мстью* (Диалог с Икэдой. Ода величию духа); *кулаками небо молотить* («Когда падают горы»); *натянуться как струны комуза* («Материнское поле»).

Семантическую сущность приведенных фразеологизмов выражают такие когнитивные признаки, как:

- интенсивность проявления чувств;
- характер проявления чувств.

Выявленные когнитивные признаки обнаруживают преобладание негативных эмоций, связанных со скорбью, страданиями, отчаянием, доведением до крайней озлобленности, стремлением к возмездию. Такие фразеологизмы, как *выплакать во весь голос свое горе*, *выплакать свою долю*, изображают этнокультурные ритуалы кыргызов, которые дошли до наших дней, – а именно, когда в семью приходит горе, связанное со смертью близкого человека, то в течение 40 дней женщины оплакивают покойного. Идиомы *душу раскидывать по горам*, *завыть как волк в зимнюю стужу* отражают эмоции через привычные символы родной природы (горы, волк), что подтверждается весомыми рассуждениями Н. Ф. Алефиренко: «Издавна через фраземику и паремику проецируются важнейшие свойства человека на среду его обитания. Таким образом физическая картина мира поддавалась познанию. Так или иначе это можно увидеть на всех уровнях языковой репрезентации мира. Древняя мифология, отразившаяся в семантике ФЕ, представляет мир как огромную космическую патриархальную семью. Древние создавали для себя картину мира в виде многочисленных природных явлений» [1, с.13].

Концепт «Разум»

Следующие когнитивные признаки: динамичность мыслей, «возрастной аспект» ума, «количественный аспект» ума – характеризуют идиомы, вербализующие концепт «Разум». Сравн.: *в памяти словно камнем высечено*; *мозгов меньше, чем у птаху*; *наивно-мудрое сердце детства*; *разбредутся, как стадо по горам (о мыслях)*; *разум летит впереди души*; *уйти в свои мысли*.

Разум, в понимании Ч. Айтматова, – это человеческое свойство, которое характеризуется скоростью и нередко хаотичностью, а также проявляется как способность, которая не детерминирована возрастом. Этнокультурная специфика таких выражений, как *мозгов меньше, чем у птахи; разбредутся, как стадо по горам* мотивирована тем, что они являются кальками соответствующих кыргызских фразеологизмов.

Концептуальная сфера «Законы жизни»

В концептуальную сферу «Законы жизни» вошли следующие фразеологизмы: *Жизнь замесила всех в одно тесто* (Материнское поле); *жить на коленях* («Когда падают горы»); *Когда зовут – не отказывайся, а не зовут – не напрашивайся* («Белый пароход»); *На лбу написано* («Тополек мой в красной косынке»); *поклониться духу предка* («Плач охотника над пропастью». Диалог с М. Шахановым); *У сироты семь судеб* («Белый пароход»); *хозяин скотины от бога* («И дольше века длится день»); *Хорошая весть на земле не лежит* («Тополек мой в красной косынке»); *Человек не умирает до тех пор, пока живут знавшие его* («Прощай, Гультары»).

Данные авторские идиомы актуализируют такие когнитивные признаки, как:

- жизнь как деятель;
- образ жизни;
- правила жизни;
- отношение к жизни;
- стереотипы жизни.

Указанные когнитивные признаки демонстрируют с одной стороны, философское понимание жизни, с другой стороны – ее восприятие через призму национальных традиций. Поговорка *Когда зовут – не отказывайся, а не зовут – не напрашивайся* имеет назидательный характер, а именно рекомендует не пренебрегать приглашением в гости, но при этом и не напрашиваться.

Очень популярной в кыргызском дискурсе является поговорка *Человек не умирает до тех пор, пока живут знавшие его*, которая часто адресуется людям, потерявшим родного человека. В разных ситуациях в разное время членам этой семьи могут встретиться люди, которые когда-то тесно общались с этим человеком, дружили с ним и при встрече с радостью делятся с родными теплыми воспоминаниями о нем.

Кыргызы, будучи скотоводами, были целиком зависимы от природной стихии, когда им приходилось в непогоду, в бескормицу спасать свой скот от болезней, падежа. Это была жесткая борьба, в которой не все зависело от человека, и поэтому все надежды были обращены к Богу. Отсюда и возникла идиома *хозяин скотины от бога*.

Фразеологизм *поклониться духу предка* отражает древние тенгрианские традиции кыргызов, в основе которых лежит культ поклонения предкам до седьмого колена. Этот обычай соблюдается и в современной жизни.

Концепт «Зло»

Зло у Ч. Айтматова – один из главных «персонажей», который пронизывает все произведения автора. Концепт «Зло» представлен следующими идиомами: *возбудить низменные инстинкты* (Диалог с Икэдой. Ода величию духа); *загнать в пожар ненависти* («Тавро Кассандры»); *накинуть петлю на мечту предка* («Плач охотника над пропастью». Диалог с М. Шахановым); *облака сил зла* (Диалог с Икэдой. Ода величию духа); *рукотворное зло* (там же). Контент концепта «Зло» формируется такими когнитивными признаками, как:

- инспирирование зла;
- образ зла.

Приведенные когнитивные признаки демонстрируют авторское представление зла, а также актуализируют действия, провоцирующие зло.

Лингвокультурная специфика фразеологизма *накинуть петлю на мечту* связана с рутинными занятиями кыргыза-скотовода, когда они укрощали необъезженных лошадей, накидывая им на шею петлю.

Таким образом, проведенный анализ авторских фразеологизмов Чингиза Айтматова, ориентированный на выявление их когнитивного потенциала и лингвокультурной маркированности, раскрыл ментальные особенности фразеотворчества писателя. Установленные для каждого концепта, а также концептуальной сферы когнитивные признаки, формирующие семантическую структуру концептов, демонстрируют знания, имеющие как универсальную значимость, так и этнонациональную специфику, что свидетельствует о «двументальности» писателя.

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Русские крылатые слова-библейзмы в художественной картине мира / В. М. Мокиенко // «Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры»: сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции по когнитивной фразеологии. – Белгород, 2019. – С. 15–26.

2. Алефиренко, Н. Ф. Идиоматический «камертон» когнитивно-прагматического регистра в языковой картине мира / Н. Ф. Алефиренко // «Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры»: сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции по когнитивной фразеологии. – Белгород, 2019. – С. 9–15.

3. Дмитриева, Л. И. Фразеологический мир Чингиза Айтматова / Л. И. Дмитриева, М. Ж. Тагаев, Г. П. Шепелева. – Бишкек, 2018. – 322 с.

Abstract. The proposed article is devoted to the linguocognitive analysis of the author's phraseological units of Ch. Aitmatov. The main goal was the cognitive-semantic structuring of the writer's phraseological material, which is represented by three concepts (“Time”, “Mind” and “Evil”) and two conceptual spheres (“Emotional state” and “Laws of Life”). These structures have been described in terms of cognitive features and linguistic and cultural analysis.

Keywords: phraseology, author's picture of the world, concept, conceptual sphere, cognitive attribute.

Дербишева Замира Касымбековна – доктор филологических наук, профессор; Кыргызско-Турецкий университет (Манас) (dezami2015@gmail.com).

УДК 811.161.3'282.2'373.4(476.5)

А. С. Дзядова

РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ МАЎЛЕНЧЫХ ПАВОДЗІН ЧАЛАВЕКА Ў НАРОДНА-ДЫЯЛЕКТНАЙ ФРАЗЕАЛОГІІ ВІЦЕБШЧЫНЫ

Анатацыя. У артыкуле выяўлена спецыфіка рэпрэзентацыі маўленчых паводзін чалавека ў фразеалагічных адзінках дыялектнага паходжання, якія ўжываюцца ў народных гаворках Віцебшчыны. У большасці даследаваных устойлівых выказаў вызначаны і прааналізаваны сэнсаўтваральныя кампаненты з нацыянальна-культурнай семантыкай, якія з'яўляюцца цэнтрамі культурнай канатацыі і звязаны са светапоглядам беларускага народа, асаблівасцямі яго псіхікі і менталітэту.

Ключавыя словы: маўленчыя паводзіны, народна-дыялектная мова, нацыянальна-культурная семантыка, фразеалагізм.

Дыялектная мова з'яўляецца найбагацейшай нацыянальна-культурнай скарбніцай любога народа. У сучасным грамадстве актуальнасць вывучэння і засваення этнічных

каштоўнасцей народа праз призму дыялектнай мовы абумоўлена многімі фактарамі, у тым ліку і тым, што ў наш час нацыянальныя каштоўнасці паступова нівеліруюцца і страчваюцца. Гэта адбываецца як пад уплывам глабалізацыйных працэсаў, так і з прычыны паступовай урбанізацыі вясковага насельніцтва, а таксама ў выніку парушэння пераемнасці пакаленняў, калі молодзь далёка не ў поўным аб'ёме валодае духоўнай спадчынай і культурнымі традыцыямі свайго народа.

Даследаванне мовы рэгіёнаў – гэта адзін са складнікаў вывучэння гістарычнага мінулага, этнічнай культуры, сацыяльна-эканамічнага жыцця народа, які пражывае на пэўнай тэрыторыі. У айчыннай лінгвістыцы на сённяшні дзень недастаткова распрацаванымі і асэнсаванымі застаюцца этнакультурны і краіназнаўчы аспекты функцыянавання беларускай мовы ў рэгіянальным соцыуме. Таму вывучэнне нацыянальна-культурнай адметнасці фразеалагічнага фонду народна-дыялектных гаворак з'яўляецца сёння дастаткова актуальным і перспектыўным, бо ў пэўнай ступені запаўняе сабой «лакуну» па праблемах, звязаных са спецыфікай мовы тых ці іншых рэгіёнаў Беларусі.

У апошнія гады выкладчыцкім калектывам кафедры беларускай і рускай філалогіі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава праведзена работа па даследаванні рэгіянальных фразеалагічных адзінак, якія функцыянуюць у вусным маўленні жыхароў паўночна-ўсходняй часткі Беларусі. Штогод падчас дыялекталагічных практык студэнты факультэта гуманітарныя і моўных камунікацый папаўняюць скарбніцу дыялектнай фразеалогіі цікавымі ўстойлівымі моўнымі выразамі, якія адсутнічаюць у сучасных фразеаграфічных даведніках. На сённяшні дзень выкананы значны аб'ём лексікаграфічнай працы па ўкладанні «Слоўніка дыялектнай фразеалогіі Віцебшчыны». Вызначаны прынцыпы і асноўныя параметры лексікаграфічнага апісання зафіксаваных фразеалагізмаў рэгіянальнага тыпу, якія ў сваёй большасці сістэматызаваны і раскласіфікаваны па тэматычных групах.

Крыніцамі нашага даследавання з'яўляюцца матэрыялы дыялекталагічных практык студэнтаў, а таксама наступныя лексікаграфічныя выданні: аўтарскі слоўнік народнай лексікі, фразеалогіі і парэміялогіі «Вушацкі словазбор Рыгора Барадзіна» [1], «Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны» [2; 3], «Полацкія дыяменты» [4].

Нацыянальна-культурная самабытнасць мовы, як вядома, найбольш глыбока і выразна праяўляецца ў фразеалогіі, у тым ліку ва ўстойлівых моўных выразах народна-дыялектнага характару. Сярод фразеалагічных адзінак з агульнай семантыкай 'паводзіны чалавека' адну з найбольш пашыраных і ўжывальных тэматычных груп уяўляюць сабой фразеалагізмы, якія ў сваім значэнні выяўляюць спецыфіку маўленчай дзейнасці чалавека.

Цікавым адлюстраваннем асаблівасцей характару, менталітэту і этнапсіхічнага складу беларускага народа з'яўляюцца ідыёмы з ідэаграфічным полем вербальных паводзін. Іх колькасная перавага над іншымі фразеалагізмамі, семантыка якіх звязана з абазначэннем псіхічнай дзейнасці чалавека, тлумачыцца тым, што беларусы з даўніх часоў верылі ў магічную сілу слова. Яшчэ Арыстоцель казаў, што «слова – самая моцная зброя чалавека». Згодна са светабачаннем продкаў слова магло вылучыць чалавека ад хваробы, абараніць яго ад злых духаў. Акрамя таго, яно магло і моцна параніць. У фразеалагічнай карціне свету нашага народа атрымліваюць асуджэнне і адмоўную ацэнку такія рысы чалавечага характару, як празмерная гаварлівасць, балбатлівасць, неабдуманасць і неразважлівасць у размовах.

Са значэннем 'гаварыць абы-што, пустасловіць, плявузгаць' на Віцебшчыне функцыянуюць наступныя ўстойлівыя адзінкі: *сбіраць з дуба веце* (Чуцькі Сенненскага р-на), *з дуба веце (збіраць)* (Курына Віцебскага р-на). Згодна са старажытнымі традыцыямі для славян-язычнікаў дуб з'яўляўся свяшчэнным дрэвам, сімвалам Перуна – бога маланкі і грому. Славяне звязвалі значныя падзеі ў сваім жыцці

(ахвярапрынашэнні, сходы, суды і вяселлі) са старымі дубамі. Апрача таго, традыцыйна дуб з'яўляецца ўвасабленнем мудрасці, вялікай жыццёвай сілы і даўгалецця. Можна меркаваць, што ў аснову прыведзеных фразеалагізмаў (пазбаўляць дуб ад непатрэбнага лісця) лягла менавіта характарыстыка гэтага дрэва як сімвала мудрасці. Зборны назоўнік *веще* метафарызаваўся, увабраўшы ў сябе значэнне 'хлусня, выдумка, небыліца'. Адсюль і адпаведная семантыка – 'гаварыць пустое'.

Значэнне 'падманваць, выдумляць; гаварыць глупства' рэалізуюць у сваёй структуры такія дыялектныя фразеалагізмы, як *ваду ў бубен ліць* 'залішне многа гаварыць; гаварыць не па справе' (Кавалі Лёзненскага р-на), *торбу арыштантаў нагаварыць* 'вельмі многа і абы-чаго навядумляць гаворачы' (Канашы Гарадоцкага р-на), *памяло таптаць* 'пустасловіць, пляткарыць' (Альхоўцы Шаркаўшчынскага р-на, Дзёрнавічы Верхнядзвінскага р-на) [3, с. 108], *збіранкі збіраць* (Іванск Чашніцкага р-на) [2, с. 209], *сабяруху сабіраць* (Вярэчча Гарадоцкага р-на) [3, с. 238], *пустальгу гаваріць* 'гаварыць абы-што, хлусіць' (Канашы Гарадоцкага р-на) [3, с.200], *індзеі разводзіць* (Ушацкі р-н) [1, с. 201], *гламазду гламаздзіць* (Полацкі р-н) [4, с. 101] (параўн. літ. *тары-бары разводзіць, разводзіць антымоні*), у якіх структурныя кампаненты з неакрэсленай семантыкай *збіранкі, сабяруха, пустальга, індзеі, гламазда* абазначаюць балбатню і пустыя размовы паміж людзьмі. Засведчаны на Ушаччыне фразеалагізм *байка-тарабайка* [1, с. 193], таксама характарызуе чалавека, які гаворыць пра нешта безмястоўнае, не вартае ўвагі, пустое.

Устойлівыя адзінкі дыялектнага тыпу, якія абазначаюць маўленчыя паводзіны, нярэдка змяшчаюць у сваім складзе кампаненты-саматызмы. Так, большая частка даследаваных рэгіянальных фразеалагізмаў гэтай тэматычнай групы ўтрымлівае ў сваёй структуры назоўнікавы кампанент *язык*, які «не страчвае сувязі з абазначаемай рэаліяй – органам моўнага апарату, хоць пры гэтым і актуалізуюцца розныя аспекты як самой рэаліі, так і яе ролі ў працэсе маўлення» [5, с. 55]: *язык свабодны* 'пра чалавека, які многа гаворыць' (Ноўка Віцебскага р-на), *хоць ты яму на язык стань* 'пра балбатлівага чалавека' (Ушацкі р-н) [1, с. 217], *язык за вухі пусціць* 'пра таго, хто гаворыць лішняе' (Лужкі Глыбоцкага р-на) (параўн. літ. *мазолиць язык* 'гаварыць упустую, пустасловіць', *язык без касцей* 'пра таго, хто вельмі балбатлівы і гаворыць лішняе', *язык доўгі* 'пра балбатлівага чалавека, які не ўмее стрымліваць сябе ў размове ці захоўваць сакрэты'). Няцяжка заўважыць, што прыведзеныя моўныя адзінкі характарызуюць чалавека, надзвычай схільнага да размоў і ахвочага пагаварыць. І гэта невыпадкова, бо язык – адзін з тых органаў, якія «адказваюць за маўленчую дзейнасць». Тых людзей, якія часта і не «па справе» выкарыстоўваюць дадзены орган моўнага апарату, называюць *языкастымі*.

У шэрагу дыялектных фразеалагізмаў з кампанентам *язык* звяртаюць на сябе ўвагу ўстойлівыя выразы, якія нясуць пэўную нацыянальна-культурную інфармацыю. У склад такіх фразеалагічных адзінак уключаюцца рэгіяналізмы тыпу *язык як калаўродак* 'хто-небудзь вельмі балбатлівы' (Кавалі Лёзненскага р-на) (параўн. літ. *язык як калаўротак*); *язык як млыташка* 'пра чалавека, здольнага гаварыць упустую, пустасловіць' (Полацкі р-н) [4, с. 108] (параўн. літ. *пусты млын* 'чалавек-пустаслоў').

Звернемся да аналізу нацыянальна-культурнай асновы гэтых устойлівых параўнальных выказаў. Заўважым, што *калаўродак* – гэта дыялектная назва калаўрота (прыстасавання для ручнога прадзення кудзелі), які складаўся з кола, прываднай педалі і ўласна прадзільнага апарата. Пры націсканні на педаль кола пачынала круціцца, тым самым прыводзячы ў рух прадзільны апарат. Відаць, на аснове актыўнага руху кола і з'явілася параўнанне яго з рухамі языка. Таму на Віцебшчыне, калі чалавек гаварыў многа і гэтым самым дакучаў сваім суразмоўнікам, спрадвеку казалі: «Язык у цябе як калаўродак».

Асабліва цікавым, на нашу думку, з'яўляецца параўнанне языка чалавека з млынам ва ўстойлівай адзінцы *язык як млыташка*. Дыялектны назоўнік *млыташка*, хутчэй за ўсё, паходзіць ад слова *млын*, якім у беларусаў называюць гаспадарчае збудаванне, абсталяванае механізмам для абмалоту зерня. Магчыма, раней *млыташкай* называлі адзін з элементаў рухаючага механізма. Таму, як і ў папярэднім выпадку, у структуры дадзенага фразеалагізма адбываецца прыпадабненне рухаў языка да рухаў гэтага механізма.

Саматычныя кампаненты *барада* і *зубы* ўваходзяць у склад фразеалагічных адзінак *бараду біць* 'плявузгаць, гаварыць абы-што' (Багданава Сенненскага р-на), *ласкатаць зубамі* 'гаварыць пустое, пустасловіць, балбатаць' (Полацкі р-н) [4, с. 103]. Фразеалагізм *ласкатаць зубамі* ў сваёй сруктуры мае дыялектны дзеяслоўны кампанент *ласкатаць*, які ў «Рэгіянальным слоўніку Віцебшчыны» тлумачыцца як 'шмат гаварыць, балбатаць' [2, с. 283]. Такім чынам, адбываецца перанос семантыкі слова на семантыку фразеалагічнай адзінкі.

Са значэннем 'крычаць, лаяцца' жыхарамі асобных раёнаў Віцебшчыны выкарыстоўваецца фразеалагізм *гарлянку драць* (Баева Дубровенскага р-на) [2, с. 147], у структуры якога сэнсаўтваральным кампанентам выступае дыялектны назоўнік *гарлянка* 'горла' (параўн. літ. *крычаць на ўсё горла* 'вельмі моцна', *браць горлам* 'дабівацца чаго-небудзь крыкам, лаянкай', *драць горла* 'вельмі моцна гаварыць, крычаць, спяваць' і інш.). Семантычна блізкімі выступаюць рэгіянальныя ўстойлівыя выразы *раўці дзіччу* 1) 'злосна крычаць, сварыцца'; 2) моцна плакаць, крычаць' (Баяры Чашніцкага р-на) [3, с. 227]; *ратункі (ратуначкі) крычаць* 'лямантаваць, нястрымана плакаць' (Баравікі Сенненскага р-на, Верамееўка Гарадоцкага р-на) [3, с. 227].

Імкненне да сварак і канфліктаў ва ўсе часы асуджалася беларусамі, пра што сведчыць семантыка такіх фразеалагічных адзінак дыялектнага паходжання, як *даваць жызні* 'сварыцца' (Вярэчча Гарадоцкага р-на), *чорта ганяць* 'прабіраць, сварыцца, пясочыць' (Лужасна Віцебскага р-на, Ноўка Гарадоцкага р-на) [3, с. 227]; *укінуць калатоўку* 'плёткамі пасеяць разлад' (Беразіно Докшыцкага р-на) і інш. Адносна апошняга фразеалагізма адзначым, што назоўнік *калатоўка*, выкарыстоўваючыся з літаратурным значэннем 'хатняя прылада ў выглядзе палачкі з прадаўгаватымі сучкамі на ніжнім канцы, якой таўкуць бульбу, збіваюць масла і інш.', абазначае на Віцебшчыне таксама гаваркую, балбатлівую жанчыну [2, с. 227] і функцыянуе як семантычны дыялектызм.

У якасці лаянкавага выразу са значэннем моўных паводзін у Гарадоцкім раёне Віцебскай вобласці выкарыстоўваецца ўстойлівая моўная адзінка *трапло вавілонскае*, у структуры якой асноўную сэнсавую нагрузку нясе слова *трапло* 'чалавек, які гаворыць лухту, бязглуздзіцу; пустазвон'.

Народна-дыялектная фразеалагічная адзінка *карміць мармешэлямі* 'ілгаць, падманваць' (Обаль Шумілінскага р-на) з'яўляецца сінанімічнай да літаратурнага фразеалагізма *вешаць лапішу на вушы* (дзе *мармешэлі* – размоўны варыянт літаратурнага слова *вермішэль*). Можна меркаваць, што пры ўзнікненні гэтага дыялектнага фразеалагізма ў аснову лягло значэнне агульнапашыранага ў беларускай мове адпаведніка.

Неабходна адзначыць, што, як і ў літаратурнай мове, большую частку даследаваных фразеалагічных адзінак, якія семантызуюць маўленчыя паводзіны чалавека, складаюць устойлівыя выразы негатыўнай кваліфікацыі. І гэта невыпадкова: паказ адмоўных якасцей чалавека як у дыялектнай фразеалогіі, так і ў фразеалогіі ў цэлым тлумачыцца тэндэнцыяй звяртаць увагу найперш на адмоўны вопыт чалавека, а не на станоўчы, які ўспрымаецца як норма. Менавіта акцэнтуючы ўвагу на адмоўным, беларускі народ стагоддзямі выпрацоўваў правілы этыкету і паводзін у грамадстве.

Такім чынам, фразеалагічныя дыялектныя адзінкі, якія рэпрэзентуюць асаблівасці маўленчай дзейнасці чалавека і дастаткова актыўна функцыянуюць у народных гаворках жыхароў Віцебскай вобласці, ілюструюць нацыянальную адметнасць паўночна-ўсходняй часткі Беларусі, выяўляюць дыялектныя рысы народнай мовы Падзвіння, словаўтваральныя магчымасці і вобразнасць народна-гутарковага слова, з'яўляюцца паказчыкамі культурных асаблівасцей як мясцовага насельніцтва, так і беларускага народа ў цэлым. Між тым прааналізаваныя ўстойлівыя выразы – толькі невялікая частка па-свойму арыгінальнага фразеалагічнага фонду народна-дыялектнай мовы Віцебскага рэгіёна, якая адлюстроўвае асаблівасці ментальнасці і культурна-нацыянальнае светабачанне беларусаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Вушацкі словазбор Рыгора Барадуліна / укл. Н. Давыдзенка. – Мінск : Кнігазбор, 2013. – 388 с.
2. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны : у 2 ч. / Л. І. Злобін (рэд.) [і інш.]. – Віцебск : УА «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2012. – Ч.1. – 304 с.
3. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны : у 2 ч. / склад.: Г. К. Семянькова, Т. А. Грачыха, А. С. Дзядова [і інш.]; пад рэд. А. С. Дзядовой. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2014. – Ч.2. – 358 с.
4. Полацкія дыяменты: дыялектны слоўнік / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Філ. «Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа»; навук. рэд. В. М. Курцова. – Мінск : Беларуская навука, 2016. – 116 с.
5. Дзядова, А. С. Чалавек у лютэрку беларускай фразеалогіі і парэміялогіі : манаграфія / А. С. Дзядова. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. – 161 с.

Abstract. The article reveals the specifics of the representation of human speech behavior in phraseological units of dialectal origin, which are used in the folk speech of Vitebsk region. In most of the studied stable expressions, the meaning-making components with national-cultural semantics, which are the center of cultural connotation and are connected with the worldview of the Belarusian people, features of their psyche and mentality, have been identified and analyzed.

Keywords: speech behavior, folk-dialect language, national-cultural, phraseology.

Дедова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент; Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (honey.dedova@bk.ru).

УДК 811'373.2:398.91-048.77

П. С. Дронов

ВАРЬИРОВАНИЕ ЕДИНИЦ В ПАРЕМИОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к варьированию в паремиологии как в широком («антипословицы», созданные по образцу существующих и на основе реальных ситуаций общения), так и в узком смысле (грамматические и лексические трансформации обычных пословиц). Делается вывод о том, что, несмотря на определенную специфику исследований варьирования пословиц, сохраняется близость к исследованиям варьирования иных фразеологических единиц, в частности идиом.

Ключевые слова: варьирование, паремиология, фразеология, трансформации, антипословицы.

Варьирование фразеологических единиц – это комплексное явление, проявляющееся в существовании фразеологизмов, близких по форме и по значению до такой

степени, что они при определенных условиях могут считаться разновидностями одного и того же выражения. Это явление исследуется в течение долгого времени (см., напр., [1; 2; 3]). По поводу истории вопроса, основных точек зрения и понятий, связанных с варьированием, см. нашу работу [4].

Поскольку варианты встречаются у фразеологизмов и со структурой словосочетания, и со структурой предложения, варьирование также является предметом изучения паремиологии. В словарях и рукописных сборниках пословиц на разных языках обнаруживается множество вариантов (вплоть до четырех) [5, с. 6]. Напр., в словаре В. И. Даля «Пословицы русского народа» мы обнаруживаем: *Кому сон, кому явь/быль; Кому сон, кому явь; кому клад, кому шиш / Кому чин, кому блин, а кому и клин / Кому блин, кому клин, а кому и просто шиш; Гора с горой не сойдется, а человек с человеком / горшок с горшком столкнется / Гора с горой не сходится, а человек с человеком сходится* [6, с. 54]. Сравн. также замечание А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко: «Пословицы, подвергаясь трансформациям, становятся фразеологизмами или сближаются с ними функционально» [7, с. 6].

Вопрос варьирования в паремиологии заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку паремиологию часто выделяют в отдельную от фразеологии дисциплину [8; 9] или рассматривают как лингвистику афоризма [10; 11]. Основанием для этого может являться как структура пословиц (предложение, а не словосочетание; особая фонетическая и синтаксическая упорядоченность и симметрия) (сравн.: *Всяк сверчок знай свой шесток; Дитя падает – бог перинку подстилает, стар падает – черт борону подставляет*). В то же время подобную фонетическую и синтаксико-морфологическую организацию можно встретить и у идиом, сравн. рус. *брать быка за рога; пан или пропал*) [12, с. 152–153], так и особенности их семантики. Пословицы различаются по степени идиоматичности и прозрачности внутренней формы; это находит свое отражение в паремиологической концепции В. П. Жукова, который выделял 8 групп пословиц и поговорок на базе метода аппликации. Эти группы можно, в свою очередь, свести к следующим типам выражений: сильноидиоматичные паремиологические сращения (*В ногах правды нет*), среднеидиоматичные паремиологические единства (*Черного кобеля не отмоешь добела, Нашла коса на камень*) и пословично-поговорочные выражения (*Быль молодцу не в укор*), слабоидиоматичные пословично-поговорочные выражения (*Горбатого <одна> могила исправит*) [13; 14].

М. Кууси группирует изменения пословиц по трем критериям – идее (фразеологическому значению), структуре и ядру; соответственно, выделяются пословицы синонимичные, пословицы с общей структурой и пословицы с общим ядром [15]. При совпадении у пословиц идеи и ядра М. Кууси именует их вариантами одной пословицы [15, с. 98].

В паремиологической литературе можно встретить термины «вариант» и «формальный вариант», причем совокупность формальных вариантов пословицы, зафиксированных в различных паремиологических источниках, может быть представлена в виде одной структурно-семантической модели [8, с. 38, 39]. Понятие структурно-семантической модели часто используется в связи с тем, что пословицы в разных языках мира могут обнаруживать сходство как в плане выражения, так и в плане содержания (в частности, этот термин использует Д. Пацолаи в словаре «European Proverbs in 55 Languages with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese» [16]).

В рамках концепции Г. Л. Пермякова варианты пословиц понимаются как «такие формы, которые варьируются или заменяются равноценными для данного изречения элементами низких уровней – вставными фразеологическими оборотами или отдельными словами, а также синтаксическими конструкциями, изменение которых, однако, не приводит к изменению смысла» [17, с. 137].

Помимо формальных вариантов, паремиология рассматривает и трансформации пословиц: широко представлен термин «трансформ», описывающий результат трансформации, сравн. [18; 19; 20]. В работах по паремиологии представлены и другие термины: *вариант*, *вариация*, *мутация*, *изменение* (*alteration*) и, как замечает П. Гржибек, «возможно, еще какие-либо «*ации*», даже без учета разнообразия терминов, обозначающих пословичные результаты, или продукты, этих процессов» («and probably some more *ations* – not even taking into account the variety of terms for the proverbial results, or products, of these processes») [21, с. 138–139].

П. Гржибек подразделяет «*ации*» на четыре категории: генерация (*generation*), модификация (*modification*), трансформация (*transformation*) и варьирование (*variation*) [21, с. 139]. При этом единицы первой категории представляют собой не столько варианты конкретных пословиц, сколько вариацию на тему пословиц как жанра («*proverbial genre as a whole*»), имитацию структуры паремий; в паремиологической литературе они получают название «псевдопословицы» (*pseudo proverb, fake proverb, hoax proverb, mock proverb*). Паремиологические единицы второй категории – окказиональные и часто игровые преобразования конкретных пословиц (в том числе структурные и количественные), обусловленные авторской интенцией, а также специально созданные единицы, – часто получают названия «антипословица» (*anti-proverb*), «перверб» (франц. *perverbe* от *pervers* ‘извращенный’ и *proverbe* ‘пословица’ – термин литературного течения OULIPOU), «амальгамы пословиц» (*proverb amalgamations*), «контаминации пословиц» (*proverb contaminations, proverb blendings, portmanteau proverbs, spliced proverbs*) [21, с. 139–141]. Термин «антипословица» употребляется чаще других, сравн. [18; 22; 23; 24].

Кроме того, выделяются антипословицы, основанные на синтаксической и семантической неоднозначности – «*garden-path proverbs*» (от идиомы *to lead sb up/down the garden path* ‘обмануть, соблазнить’, букв. «повести кого-л. [вверх/вниз] по садовой тропинке»). Единицы третьей и четвертой категорий не являются сознательными модификациями, а являются следствием «естественного» варьирования пословиц в их обыденном употреблении. П. Гржибек сопоставляет их с классификацией логико-тематических групп пословиц по Г. Л. Пермякову, в которой содержатся как инварианты, так и трансформы [25, с. 23–25].

С логико-тематическими группами и инвариантами по Г. Л. Пермякову можно также соотнести понятие семантического тождества вариантов пословиц и поговорок по В. П. Жукову. Разделяя варианты на лексические, формальные (формально-грамматические изменения), словообразовательные, лексико-грамматические (одновременные лексические и формально-грамматические изменения) и структурные, В. П. Жуков оговаривает, что варианты «не вносят каких-либо смысловых оттенков в содержание пословицы (поговорки). <...> Таким образом, явление вариантности не приводит к нарушению тождества пословиц и поговорок. Этим вариантность отличается от синонимии» [26, с. 16–17]. В то же время автор отличает от вариантности факультативность, т. е. функционирование единицы в полном или неполном составе (напр., *Голод не тетка, пирожка не подсунет vs. Голод не тетка* [26, с. 17]). Иными словами, В. П. Жуков выводит различные виды изменения компонентного состава из вариантности.

М. Л. Ковшова, анализируя пословицы с компонентами-антропонимами, разграничивает виды варьирования следующим образом: а) изменения не нарушают семантического тождества пословиц, не влияют на предметно-образный и структурно-композиционный план, тем самым, пословицы являются вариантами; б) изменения не нарушают семантического тождества пословиц, но воздействуют на предметно-образный и структурно-композиционный план пословиц, вносят существенные смысловые и экспрессивные добавки и/или создают композиционные изменения, что позволяет квалифицировать пословицы как вариации; в) изменения обуславливают

нарушение семантического тождества пословиц, которые определяются как автономные единицы» [27, с. 24].

В целом, варьирование пословиц рассматривается как в широком смысле (сюда можно отнести «антипословицы», созданные по образцу существующих и на основе реальных ситуаций общения), так и в узком (грамматические и лексические трансформации обычных пословиц).

Исследование варьирования пословиц имеет свою специфику, но в целом близко к исследованиям варьирования идиом. Специфика варьирования пословиц связана с их амбивалентностью: поскольку пословица является «свернутым» фольклорным текстом, в ее плане содержания имеются отсылки к ситуации общения, в которой допустимо и приемлемо ее употребление (то, что П. Гржибек называет «model situation» и «situation model»). Сходство варьирования пословиц и фразеологизмов-идиом проявляется в выборе фразеологами и паремиологами похожих терминов. Близость пословиц и фразеологизмов проявляется также в явном сходстве классификаций тех и других по В. П. Жукову и В. В. Виноградову.

Список использованных источников

1. Диброва, Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке / Е. И. Диброва. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1979. – 192 с.
2. Телия, В. Н. О вариантности лексического состава идиом (В связи с проблемой соотношения «формы» и «содержания» лингвистических единиц. К постановке вопроса) / В. Н. Телия // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума. Ноябрь 1968 г. / отв. ред. В. Л. Архангельский. – Тула, 1968. – С. 140–147.
3. Телия, В. Н. Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов / В. Н. Телия // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума (1968). – Тула, 1972. – С. 30–69.
4. Дронов, П. С. Варьирование, трансформация, модификация идиом: уточнение понятий / П. С. Дронов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2021. – № 4. – С. 200–209. DOI: 10.52452/19931778_2021_4_200.
5. Селиверстова, Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Е. И. Селиверстова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 296 с.
6. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – Т. 1. – издание второе, без перемен. – СПб.: М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1879. – LXIV + 685 с.
7. Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи: словарь: ок. 1000 единиц. – 2-е изд., стер. / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005. – 864 с.
8. Бредис, М. А. Паремеиология на перекрестках языков и культур / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелюбова, Ю. А. Петрушевская; под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. – М.: РУДН, 2021. – 246 с.
9. Мокиенко, В. М. Проблемы славянской паремеиологии (лингвистические аспекты) // Славянская фразеология и паремеиология в XX веке / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко. – Минск: Зм. Колас, 2010. – С. 167–188.
10. Иванов, Е. Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки / Е. Е. Иванов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – Том 11. – № 4 (2020). – С. 659–706. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706.
11. Иваноў, Я. Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове. Манаграфія / Я. Я. Иваноў. – Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – 208 с.
12. Крикманн, А. А. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы / А. А. Крикманн // Паремеиологические исследования: сборник статей. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – С. 149–178.
13. Жуков, А. В. Паремеиологическая теория В. П. Жукова и семантическая классификация пословиц / А. В. Жуков, К. А. Жуков // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – № 77. – С. 18–21.

14. Жуков, В. П. Формоизменение фразеологизмов русского языка / Жуков В. П. // Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. 1991. – № 2 (6). – С. 36–40.
15. Kuusi, M. Ein Vorschlag für die Terminologie der parömiologischen Strukturanalyse / M. Kuusi // Proverbium, 5, 1966. – P. 97–104.
16. Paczolay, G. European Proverbs in 55 Languages with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese / G. Paczolay. – Veszprém : Veszprémi Nyomda, 1997. – 527 p.
17. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1988. – 236 с.
18. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Нева, 2005. – 576 с.
19. Вальтер, Х. Словарь ковидных русских антипословиц-карантинок // Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко; отв. ред. М. Н. Приемышева. – СПб. : Ин-т лингвистических исслед. РАН, 2021. – С. 432–487.
20. Федорова, Н. Н. Современные трансформации русских пословиц : автореф. дис.... канд. филол. наук / Н. Н. Федорова. – Великий Новгород, 2007. – 20 с.
21. Grzybek, P. Proverb Variants and Variations: A New Old Problem? // Outi Lauhakangas, Rui J. B. Soares (Eds.), Proceedings of the Fifth Interdisciplinary Colloquium on Proverbs. – Tavira : IAP, 2012. – P. 136–152.
22. Mieder, W. Proverbs are never out of season: Popular wisdom in the modern age / W. Mieder. – New York; Oxford : Peter Lang, 1993. – 304 p.
23. Litovkina, T. A. Old Proverbs Never Die, They Just Diversify / T. A. Litovkina, W. Mieder. – Burlington, Vermont – Veszprém, 2006. – 396 p.
24. Litovkina, T. A. Anti-Proverbs in Five Languages: Structural Features and Verbal Humor Devices / T. A. Litovkina, H. Hrisztova-Gotthardt, P. Barta, K. Vargha, W. Mieder. – London : Palgrave Macmillan, 2021. – 252 p.
25. Пермяков, Г. Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише) / Г. Л. Пермяков. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970. – 240 с.
26. Жуков, В. П. Предисловие. О словаре пословиц и поговорок // Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. / В. П. Жуков. – М. : Русский язык, 2000. – С. 9–17.
27. Ковшова, М. Л. Вариативность русских пословиц с компонентом-антропонимом / М. Л. Ковшова. – VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2021. – 2 (2). – С. 20–32. DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-20-32.

Abstract. The paper deals with different approaches to variation in proverbs, both in the broad sense (anti-proverbs based on pre-existing ones and referring to actual model situations) and in the stricter one (grammatical and lexical transformations of regular proverbs). It reveals that, although paremiological studies of proverb variation do have some specificity related to the nature of the units in question, they still retain a great deal of similarity to studies and approaches in the variation of idioms.

Keywords: variation, paremiology, phraseology, transformations, anti-proverbs.

Дронов Павел Сергеевич – кандидат филологических наук; Институт языкознания РАН (pavel.s.dronov@gmail.com; dronov@iling-ran.ru).

УДК 811'373.211:39

Е. М. Дубровская

УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ С КОМПОНЕНТАМИ-ОЙКОНИМАМИ КАК НАИМЕНОВАНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТИПАЖЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются известные в русском языке и русской языковой картине мира устойчивые сочетания, содержащие в своем составе компоненты-ойконимы. На наш взгляд, подобные устойчивые сочетания, несмотря на отсутствие фиксации в словарных источниках, могут рассматриваться в качестве наименований этнокультурных лингвокультурных типажей.

Ключевые слова: ойконимы, устойчивые сочетания, лингвокультурные типажи, этнокультурные типажи.

В современной антропоцентричной парадигме научного знания лингвокультурные типажи, являясь воплощенными, в значительной мере типизированными и типизируемыми образами конкретных людей или групп людей, представляют особый интерес для исследователей лингвокультурологии в целом и языковой картины мира в частности.

По словам В. И. Карасика, «лингвокультурные типажи могут иметь этнокультурную значимость, выражать ценности всего сообщества, подчеркивая национально-культурное своеобразие этноса (этнокультурные типажи, напр., *английский аристократ, американский ковбой, русский интеллигент*) [1]. На наш взгляд, этнокультурные типажи с компонентом-ойконимом могут быть важны для описания и категоризации представлений, авто- и гетеростереотипов, существующих в сознании носителей русского языка и, следовательно, составляющих русскую языковую картину мира.

К моменту написания данной статьи исследователями смоделировано и описано более 400 лингвокультурных типажей, большую часть из которых составляют этнокультурные типажи, в названиях которых содержится компонент-этноним (*русский, американский, новозеландский, калмыцкий, французский* и др.), однако в то же время было обнаружено лишь 3 лингвокультурных типажа, номинации которых содержат компонент-ойконим (*светский парижанин, светский москвич* [2] и *астраханский носитель ногайского и русского языков молодого поколения* [3]).

В то же время топонимические фразеологизмы (фразеологизмы, в основе метафорической модели которых заложен определённый топонимический компонент) являются одним из наиболее репрезентированных разделов фразеологического фонда славянских языков.

Для нас же особое значение имеют устойчивые выражения с компонентом-ойконимом, так как именно ойконим можно считать топонимическим маркером фразеологического значения, «в ядре которого содержится какая-либо историко-культурологическая или экстралингвистическая информация, вызывающая те или иные ассоциации, причем не только в исторической памяти, но нередко и на подсознательном уровне» [4, с. 58].

Возможно предположить, что в сознании современных носителей русского языка нет устойчивых сочетаний (вслед за Т. А. Лапаевой «устойчивые сочетания» мы понимаем, как «разновидность словосочетаний, являющихся синтаксически свободными, но лексически ограниченными. Лексические ограничения сочетающихся компонентов обусловлены не их лексико-семантическими свойствами, а применением всего сочетания в качестве цельной единицы номинации в определенной сфере общения» [5, с. 6]) и коллокаций, описывающих человека, для которых был бы значим компонент-ойконим. С целью выявления устойчивых сочетаний с компонентом-ойконимом нами был проведен опрос, в котором предлагалось назвать известное информанту описывающее человека устойчивое сочетание, в котором при этом фигурировало бы название города или местности (в качестве примера такого сочетания мы предлагали сочетание *ивановские невесты*). В результате нами были получены следующие сочетания: *ивановские невесты, пермяк – солёные уши, алтайский шаман, сибирский сказитель, брянские партизаны, кузнецкий металлург, Маша с Уралмаша, уральские пельмени, донецкий шахтёр, курский соловей, сирота казанская*.

На основании полученных ответов мы сделали вывод о том, что на формирование словосочетаний влияют как прецедентные феномены, часть которых ложится в основу номинации (как, напр., *ивановские невесты* или *брянские партизаны*) так и названия спортивных и юмористических и других организаций (*донецкий шахтер, кузнецкий металлург* или *уральские пельмени*). Таким образом, мы можем сделать промежуточный вывод о том, что в сознании современных носителей русского языка представлены устойчивые сочетания с компонентами, связанными с названиями городов или геогра-

фических объектов, однако для дальнейшего уточнения, категоризации, параметризации и верификации потребуется дополнительное экспериментальное исследование, в котором заранее будут заданы ойконимы, и респондентам потребуется лишь дополнить их существительными и пояснить, какое именно значение они вкладывают в это словосочетание (таблица 1).

Таблица 1 – Опросник

| Какой? | Кто? | Опишите, какой это человек, каковы его основные характеристики |
|---------------|------|--|
| Московский | | |
| Петербургский | | |
| Сибирский | | |
| Уральский | | |
| Бурятский | | |
| Вологодский | | |

Список стимулов-ойконимов, конечно же, не является исчерпывающим; кроме того, информантам будет предложено несколько свободных строк, чтобы дополнить формируемый набор своими предположениями.

С целью установления устойчивости и бытования полученных в результате опроса сочетаний, мы сочли нужным рассмотреть контексты, представленные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) [6] и в результатах поисковых выдач портала Яндекс.ру [7] (таблица 2).

Таблица 2 – Контексты

| НКРЯ | Яндекс |
|---|---|
| 1 | 2 |
| <i>Ивановские невесты</i> | |
| Отсутствуют варианты в сочетании <i>ивановские невесты</i> <i>Город невест</i> – 7 текстов. <i>Несмотря на устойчивый мем про «город невест», сегодня Иваново скорее город студенческий, в нем много учебных заведений, много молодежи из окрестных областей</i> [Алена Солнцева. Хрупкое «зеркало» // «Огонек», 2014]. <i>Александр Володин: Кому-то нравятся такие словосочетания и звания: город невест, кузница кадров, родина валенок, родина пуховых платков, оазис комфорта, побережье дружбы, янтарный край, город металлургов...</i> [Д. Н. Каралис. Дневник (2000)]. | <i>Ивановские невесты покоряют мировые подиумы</i> https://ivgazeta.ru/read/17823?ysclid=ln0bvxp35d387552307 <i>Ивановские невесты – какие они?</i> https://polit-gramota.ru/istoriya/ivanovskie-nevesty-kakie-ni?ysclid=ln0bw7sask290762123 <i>Город невест</i> https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4_%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82 |
| <i>Пермяк – солёные уши</i> | |
| 11 текстов <i>Добродушное ехидство народной молвы нередко проявлялось в таких прозвищах, как «пермяк – солёные уши», «ярославский водохлеб», «вологодские телята», «чудь белоглазая»</i> [О крестьянских истоках национального бытия (2002) // «Жизнь национальностей», 14.10.2002]. | <i>Почему в России называли «солёными ушами» жителей Перми?</i> https://kulturologia.ru/blogs/020222/52467/?ysclid=ln0c2el48j108341243 <i>«Солёные уши»: почему русские так называли пермяков?</i> |

Окончание таблицы 2

| 1 | 2 |
|--|--|
| <p><i>Бессемейных, пьяниц, босяков звали обидной кличкой «галах», сибиряков – «чалдон», пермяков – «пермяк – соленые уши», вятских – «водохлебы», «толоконники», волжских – «кацапы», мордвинов – «лягушатники» («Лягва, а лягва [Александр Грин. Автобиографическая повесть (1912)].</i> Встречаются также употребления <i>сибиряк – солёные уши:</i> – <i>Неосновательный мужик! – Сибиряк соленые уши. Не попадайся, убьет [Ф. М. Достоевский. Записки из Мертвого дома (1862)].</i> <i>Сибиряки-с. Соленые уши, – ха-ха-ха! Я – Курлянков, а она, по отцу, Черных [А. В. Амфитеатров. Побег Лизы Басовой (из сборника «Бабы и дамы») (1907)].</i></p> | <p>https://cyrillitsa.ru/narody/173235-solenye-ushi-pochemu-russkie-tak-nazy.html?ysclid=ln0c3olp5x68559584</p> |
| <i>Алтайский шаман</i> | |
| <p>2 текста – <i>Настоящий алтайский шаман Ашахат, он приехал в аул Аргына из Алтая, из долины Чарота [А. С. Сорокин. Гнев Ашахата (1926)].</i> <i>Из Барнаула в Россию едет алтайский шаман с целью показать публике алтайское камлание, т. е. моление горным духам [На лету по провинции (14.11.1913) // газета «Раннее утро», 1913].</i></p> | <p>Множество публикаций в СМИ о шаманах (конкретных и абстрактных), шаманизме, ритуалах и исследованиях феномена.</p> |

Таким образом, рассмотрев несколько устойчивых сочетаний, содержащих в своем названии компонент-ойконим, мы пришли к выводам, что, несмотря на то что в сознании современных носителей русского языка подобные устойчивые сочетания представлены и могут при необходимости быть как озвучены, так и описаны, в источниках, поиск по которым предоставляет Национальный корпус русского языка, сочетания представлены минимально (зачастую исключительно как констатация факта) или не представлены вообще. В текстах СМИ, актуализированных нами с помощью обращения к поисковым выдачам Яндекс.ру, большая часть упоминаний сочетания *алтайский шаман* содержит конкретное имя, сочетание *пермяк – солёные уши* – культурологическую справку о памятнике и др.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что устойчивые единицы с компонентом-ойконимом существуют в сознании современных носителей русского языка и могут быть ими описаны и конкретизированы, а также могут подвергаться моделированию с позиции описания лингвокультурных типажей, но в то же время нет четкой фиксации в художественных и публицистических текстах (если и есть, то в текстах медиадискурса или в устной речи), что говорит о том, что описывать подобные единицы следует исключительно посредством обращения к языковому сознанию носителей и в ходе проведения ряда экспериментов.

Список использованных источников

1. Карасик, В. И. Социокультурный типаж «шпана» в русском языковом сознании / В. И. Карасик // Вопросы психолингвистики, 2008. – № 7. – С. 101–108.

2. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX в. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / О. А. Дмитриева. – Волгоград, 2007. – 40 с.
3. Щеглова, И. В. Коммуникативный паспорт лингвокультурного типажа «астраханский носитель ногайского и русского языков молодого поколения» / И. В. Щеглова // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2018. – № 12-2(90). – С. 402–406.
4. Савченко, А. В. «Города и веси» в русской фразеологии в концептуальном и лингвострановедческом освещении / А. В. Савченко, М. С. Хмелевский // Мир русского слова, 2020. – № 4. – С. 56–65.
5. Лапаева, Т. А. Проблемы интерпретации устойчивых субстантивно-адъективных словосочетаний в толковых словарях: на материале Словаря русского языка в 4-х томах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. А. Лапаева. – Великий Новгород, 2011. – 24 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorgo.ru>. – Дата доступа : 26.09.2023.
7. Яндекс.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.ya.ru>. – Дата доступа : 26.09.2023.

Abstract. The article draws attention to the existing in the Russian language and the Russian linguistic picture of the world stable combinations containing components of oikonoms. In our opinion, such stable combinations, despite the lack of fixation in dictionary sources, can be considered as ethno-cultural linguocultural types.

Keywords: oikonoms, stable combinations, linguocultural types, ethnocultural types.

Дубровская Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент; Новосибирский государственный технический университет (schitat.do.sta@gmail.com).

УДК 811.161.1'367.627:398.91

Жу Юэ

НУМЕРАТИВЫ В РУССКИХ ПОГОВОРКАХ И ПОСЛОВИЦАХ

Аннотация. В статье рассматривается состав и семантика компонентов-числительных в русских поговорках и пословицах. Компоненты, обозначающие числа, дифференцируются по семантическим характеристикам. Отмечается, что в русских поговорках и пословицах встречаются названия всех чисел первого десятка, преимущественно употребляются шесть названий чисел (*один, два, семь, десять, три, девять*), числительное *шесть* не зафиксировано, *пять* и *восемь* встречаются спорадически. Нумеральные фразеологизмы могут обозначать как определенное, так и неопределенное количество. Большинство лексических компонентов, имеющих количественное значение, в поговорках и пословицах десемантизируются, теряя свое конкретное числовое значение, но образуя обобщенное значение всего устойчивого выражения в целом.

Ключевые слова: русский язык, поговорка, пословица, число, лексический компонент, нумератив, семантика.

В устойчивых выражениях часто встречаются лексические компоненты, обозначающие числа (нумеративы). Много их в поговорках и пословицах [1; 2], а также в устойчивых сравнениях и фразеологизмах [3; 4]. Такие поговорки, пословицы и другие устойчивые выражения вместе с теми словами, которые обозначают число и количество, образуют отдельную подсистему единиц в словарном фонде каждого языка и представляют числовой код национальной языковой картины мира [5; 6]. Знание таких поговорок и пословиц, как и всего комплекса нумеративных средств языка, является одной из важнейших языковых компетенций, которые должны формироваться при изучении языка как иностранного в аспекте межкультурной коммуникации [7; 8].

Целью нашего исследования является анализ компонентов-нумеративов в поговорках и пословицах русского языка, – анализ, имеющий самостоятельное значение и

являющийся предварительным этапом для их дальнейшего сопоставления с компонентами-колоронимами в китайских поговорках и пословицах.

Фактическим материалом для анализа послужили 300 русских поговорок и пословиц с компонентами-нумеративами, извлечённых методом случайной выборки из справочников «Большой словарь русских поговорок» (2007) В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной [9] и «Большой словарь русских пословиц» (2010) В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой [10].

Методологическим основанием исследования послужили основы теории паремиологии как самостоятельной лингвистической дисциплины [11; 12; 13], теория паремий как класса афористических единиц языка [14; 15; 16; 17; 18], теория лингвокультурологического комментирования паремий при словарном описании для иноязычной аудитории [19; 20; 21], теория паремиологического минимума и основного фонда [22; 23; 24], теория универсальных и национально-специфичных паремий [25; 26; 27; 28; 29; 30], теория национально-культурных особенностей восприятия числа в устойчивых единицах разных языков [31; 32], в том числе китайского и русского языков [33; 34].

Рассмотрим самые показательные тенденции употребления компонентов-нумеративов в русских поговорках и пословицах.

Первым этапом исследования нумеральных фразеологизмов русского языка стало выявление частотности отдельных чисел из числового ряда. Отметим, что к наиболее частотным компонентам в составе нумеральных фразеологизмов русского языка относятся такие числа, как: *один, два, семь, десять, три, девять* (рисунок 1).

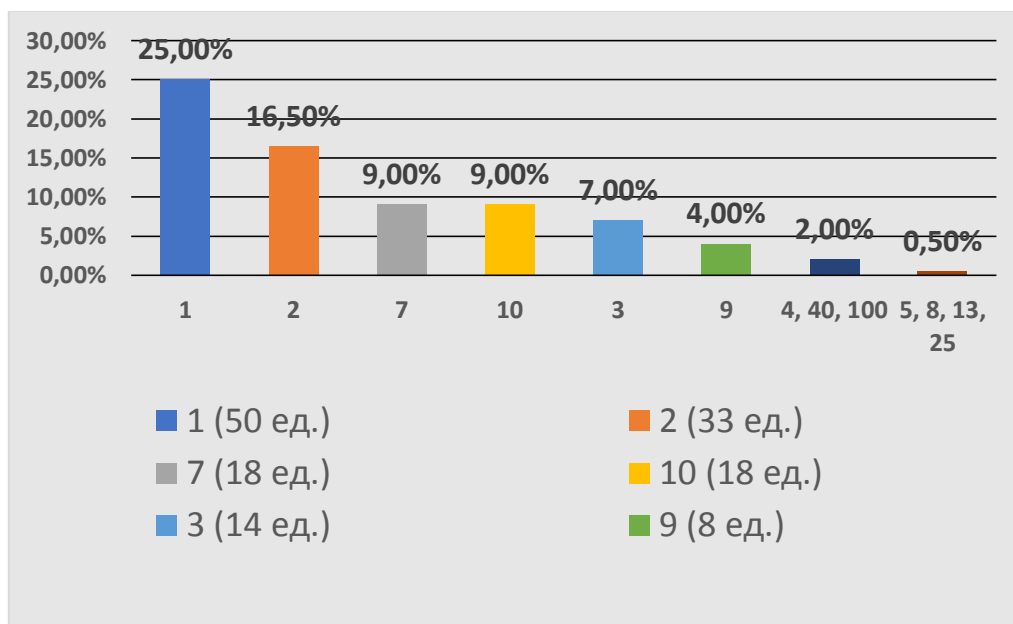


Рисунок 1 – Частотность чисел как компонентов фразеологизмов

Как можно видеть, в русских нумеральных фразеологизмах встречаются практически все числительные первого десятка (*один Бог да порог, по два воза тянуть, видеть на три аришина под землей, в четырех стенах, пятое колесо в телеге, семь верст в одну гору, девятый вал, обходить десятой дорогой*), можно также встретить числа 25, 40, 100 (*опять двадцать пять, продли Бог веку на сорок сороков, сто годов (лет) в [эту] субботу*). Не зафиксировано фразеологизмов с компонентом-нумеративом *шесть*, единичные случаи фиксируются с числительными *тринадцать, пять, восемь, двадцать пять*. К наиболее «активным» компонентам в составе нумеральных фразеологизмов русского языка относятся такие числа, как *один, два, семь, десять, три, девять*. Такая закономерность объясняет-

ся русской национально-культурной традицией существования символической мотивировки для каждого из чисел первого десятка и лакунарностью языкового числового ряда по сравнению с общепринятым «математическим» рядом.

Вторым этапом исследования стало рассмотрение семантики поговорок и пословиц с компонентами-нумеративами.

Семантика нумеральных фразеологизмов русского языка многообразна и неоднородна, поскольку ее формируют самые разнообразнейшие лексемы со значением количества. Нумеративы, т. е. слова с количественным значением, входя в состав устойчивого выражения, могут употребляться как в прямых числовых значениях, так и во вторичных, нечисловых.

Как и специализированные единицы языка, нумеральные фразеологизмы могут обозначать как определенное, так и неопределённое количество. Данные семантические типы нумеральных фразеологизмов можно представлять в виде противопоставленных рядов.

Так, определенно-количественную группу представляют фразеологизмы, в состав которых входят имена числительные (количественные или порядковые) или существительные с количественным значением. Числительные или существительные с числовым значением не подвергаются десемантизации, а сохраняют количественное значение, напр.: *два Аякса* – ‘о двух неразлучных верных друзьях’; *разменять десяток* – разг. «начать жить очередное десятилетие своей жизни (о преклонном возрасте)»; *весить на одну веревочку* – кого, что. арх. ‘судить о чём-л. односторонне’. Однако отметим, что удельный вес таких нумеральных фразеологизмов русского языка незначителен.

Группа неопределенно-количественных нумеральных фразеологизмов передает такие значения, как ‘неопределённо’, ‘много’, ‘немало’, ‘немного’, ‘мало’, ‘столько’, ‘несколько’ и др., которые сформированы на основе различных лексем, утративших предметную семантику.

Фразеологизмы с количественной семантикой можно классифицировать на основе передаваемого значения. В русском языке достаточно распространены фразеологизмы со следующими значениями.

«Неопределённо», напр.: *бабка надвое сказала: либо сына, либо дочь* – народн. шутил.-ирон. ‘о чём-л. неопределённом’; *бабушка еще надвое сказала* – разг. ‘неизвестно, сбудется ли то, что предполагают, на что рассчитывают; неизвестно, как будет: так или по-иному’; *бабушка гадала да надвое сказала* – народн. ‘неизвестно, сбудется ли то, что предполагают, на что рассчитывают; неизвестно, как будет: так или по-иному’.

– «Много» (‘увеличиваться’, ‘дорого’), напр.: *в три горла* – прост. презр. ‘очень много, жадно (есть, пить)’; *больше тысячи* – арх. 1. чего. ‘о большом количестве чего-л.’; 2. ‘о крупной сумме’; *косой десяток* – чего. шутил. ‘о большом количестве чего-л.’; *хоть граблями гребни* – ‘о большом количестве чего-л.’.

– «Целиком, полностью», напр.: *на все сто, на все сто двадцать* – ‘целиком, полностью’.

– «Мало» (‘уменьшаться’, ‘дешево’), напр.: *на грош* – разг. ‘ничтожно мало’; *на один зуб* – разг. ‘очень мало, недостаточно’; *гроши* наплакал – чего. новг. шутил.-ирон. ‘об очень малом количестве чего-л.’.

– «Пусто», «ничего», «нисколько», напр.: *семь дней в неделю да сон свой* – шутил.-ирон. ‘абсолютно ничего’; *ни на одну граммину* – разг. ‘нисколько, абсолютно ничего’; *ни гроха* – ‘абсолютно ничего, нисколько’; *ни грамма* – разг. ‘нисколько, абсолютно ничего’; *ни [одного] грана* – книж. ‘нисколько, абсолютно ничего’.

Формирование значения ‘много’ связано с фразеологизацией определенных лексико-семантических или лексико-грамматического разрядов существительных – собирательных, несчитаемых, абстрактных и др., напр.: *вагон и маленькая тележка (тачка)* – чего разг. шутил. ‘о большом количестве чего-л.’; *наговорить (наказать) сорок бочек арестантов* – прост. ирон. ‘очень много наговорить чего-л. неправдоподобного’.

Многие из таких фразеологизмов имеют особенности употребления: используются преимущественно в определенном стиле языка (книжном или разговорном) и сопровождаются эмоционально-экспрессивной оценкой, могут использоваться для выражения иронии, одобрения, презрения, шутки и других эмоциональных оценок в речи говорящего.

Фразеологизмы со значением 'столько' также относятся к неопределенно-количественной группе: *ни больше ни меньше* – разг.

1. 'ровно столько, сколько названо, указано'. 2. 'как раз так, именно так (действовать, поступать)'. Из этих примеров видно, что при обозначении количества указанные слова семантически отличаются от числительных, которые выступают как точные количественные определители существительных. Нумеральным фразеологизмам также могут быть свойственны значения 'увеличиваться' и 'уменьшаться'. Устойчивые сочетания с количественным значением имеют значения ценности и стоимости. Так, напр., значение 'дешево' свойственно фразеологизмам типа *не стоит и ломаного гроша* – разг. 'не представлять абсолютно никакой ценности, не стоит ничего'.

Отметим, что группа нумеральных фразеологизмов с неопределенно-количественным значением отличается показательной частотностью на фоне группы с определенно-количественным значением.

Для семантики русских поговорок и пословиц с нумеративами характерны следующие закономерности. В целом семантические особенности нумеральных фразеологизмов связаны с противопоставлением группы фразеологизмов с количественным значением (определенно-количественное; неопределенно-количественное; величина и мера) (57,7%) группе фразеологизмов с качественным значением (42,3%). В группе фразеологизмов с количественным значением по частотности преобладают нумеральные фразеологизмы с неопределенно-количественными значениями (58,6%), напр.: 'неопределенно', 'много', 'все, целиком, полностью', 'мало', 'немного', 'совсем ничего, ничтожно мало', 'увеличиваться', 'уменьшаться', 'дешево', 'несколько'. Частотность 25,5% зафиксирована для нумеральных фразеологизмов со значениями величины и меры (роста, времени, расстояния и др.). Менее всего (15,9%) представлены фразеологизмы с определенно-количественными значениями (*один, два, десять*).

Такие тенденции в особенностях семантики пословиц и поговорок с нумеративами в русском языке и частотности компонентов-нумеративов объясняются механизмами адаптации наименований чисел в устойчивых оборотах. Закономерно, что большинство лексем с количественным значением десемантизируется, утрачивая конкретное числовое значение, и при этом формирует обобщенную, отвлеченную значимость всего устойчивого оборота в целом.

Список использованных источников

1. Чжан, Ц. Числительное в пословицах и поговорках в русском, английском и китайском языках / Ц. Чжан, Х. Чжан. – Новосибирск : СибАК, 2021. – 82 с.

2. Бредис, М. А. Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) / М. А. Бредис, О. В. Ломакина, А. С. Борисова, О. В. Лазарева // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 4. – С. 276–293.

3. Бредис, М. А. Числовой код лингвокультуры: анализ нумератива *четыре* как компонента фразеологизмов и паремий (на материале разноструктурных языков) / М. А. Бредис, О. В. Ломакина, Б. Сюэ // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. – 2023. – Вып. 1 (13). – С. 72–82.

4. Устойчивые сравнения в системе фразеологии / отв. ред. В. М. Мокиенко. – СПб. : СПбГУ : ЛЕМА ; Greifswald : E.M.A.-Universität, 2016. – 277 с.

5. Гуревич, Т. М. Счастливые числа в Китае и Японии / Т. М. Гуревич, А. А. Войцехович // Концепт: философия, религия, культура. – 2020. – Т. 4. – № 3(15). – С. 137–148.

6. Бредис, М. А. Числовой код русинской лингвокультуры (на фразеологическом материале) / М. А. Бредис, О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 2 (45). – С. 202–212.
7. Иванов, Е. Е. Качество лингвистического образования в Республике Беларусь (в аспекте межкультурной коммуникации) / Е. Е. Иванов // Проблемы качества образования в Белоруссии и России в контексте интеграционных процессов: в 2 ч. / под ред. М. И. Вишневого, В. В. Мосолова. – М.: Российская академия образования, 2008. – Ч. 1. – С. 161–170.
8. Иванов, Е. Е. Общность задач преподавания русского и иностранных языков белорусам (в аспекте межкультурной коммуникации) / Е. Е. Иванов // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев: МГУ имен А. А. Кулешова, 2012. – С. 3–7.
9. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
10. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1023 с.
11. Паремнология в дискурсе / под ред. О. В. Ломакиной. – М.: Ленанд, 2015. – 304 с.
12. Паремнология без границ / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. – М.: Изд-во РУДН, 2020. – 244 с.
13. Паремнология на перекрестках языков и культур / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. – М.: Изд-во РУДН, 2021. – 246 с.
14. Иванов, Е. Е. Аспекты эмпирического понимания афоризма / Е. Е. Иванов // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 381–401.
15. Иванов, Е. Е. Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах / Е. Е. Иванов // Вестник РУДН: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13. – № 4. – С. 898–924.
16. Иванов, Е. Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки / Е. Е. Иванов // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 659–706. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706.
17. Иванов, Е. Е. О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке / Е. Е. Иванов // Русистика. – 2019. – Т. 17. – № 2. – С. 157–170.
18. Иванов, Е. Е. Функции афористических единиц в русском языке / Е. Е. Иванов // Русистика. – 2022. – Т. 20. – № 2. – С. 167–185.
19. Бредис, М. А. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов // Вопросы лексикографии. – 2022. – № 26. – С. 5–29.
20. Иванов, Е. Е. Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремнологическом словаре / Е. Е. Иванов // Новые исследования Тувы. – 2023. – № 1. – С. 243–258.
21. Лю, Т. Китайско-белорусский словарь пословиц с русскими соответствиями / Т. Лю, Е. Е. Иванов // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов / отв. ред. В. И. Коваль. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – С. 114–119.
22. Ivanov, E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian) / E. Ivanov. – Prague: RSS, 2002. – 136 p.
23. Иванов, Е. Е. «Основной паремнологический фонд» русского языка и его соотношение с «паремнологическим минимумом» / Е. Е. Иванов // Мир русского слова и русское слово в мире: в 7 т. – София: Heron Press, 2007. – Т. 2. – С. 152–156.
24. Иванов, Е. Е. Антипословицы Рунета: типология и словарь / Е. Е. Иванов. – Минск: Право и экономика, 2009. – 72 с.
25. Иванов, Е. Е. Типы межъязыковых сходств и различий паремнологических единиц / Е. Е. Иванов, Н. К. Романова // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica VII / под ред. Г. М. Мезенка. – Витебск: ВДУ им. П. М. Машэрава, 2006. – С. 161–164.
26. Ivanov, E. E. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarussian and Russian Languages) / E. E. Ivanov, V. L. Feldman // Acta Germano-Slavica. – 2007. – Вып. 1. – С. 85–97.

27. Петрушевская, Ю. А. Универсальное и национальное в паремиологической системе языка (на материале английского и белорусского языков) / Ю. А. Петрушевская // *Acta Germano-Slavica*. – 2015. – Вып. 6. – С. 213–216.

28. Лю, Т. Национально-культурная семантика китайских народных устойчивых изречений в лингвострановедческом аспекте (при преподавании китайского языка как иностранного русскоговорящим) / Т. Лю, Е. Е. Иванов // *Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов* / отв. ред. В. И. Коваль. – Гомель : ГГУ, 2017. – С. 71–73.

29. Petrusheuskaya, Y. Linguistic universals and paremiological fund of the language / Y. Petrusheuskaya // *Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity Science*. – 2019. – № 2. – Pp. 115–121.

30. Иванов, Е. Е. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления / Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Ю. А. Петрушевская // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. – 2021. – Т. 12. – № 4. – С. 996–1035.

31. Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : URSS, Ленанд, 2014. – 528 с.

32. Хуан, Ц. Симпатия и антипатия к числам в русской и китайской культурах / Ц. Хуан // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. – 2010. – № 3. – С. 138–144.

33. Ди, Я. Репрезентация символических смыслов числового кода культуры в русском и китайском языках (на материале фразеологизмов с компонентами два – 无 и пять – 五) / Я. Ди, Л. А. Киселева // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. – 2019. – № 2 (135). – С. 195–199.

34. Ма, Ш. Числовая концептуализация мира в русских и китайских поговорках (на примере чисел первого десятка) / Ш. Ма // *Региональная картина мира в языковой концептуализации: универсальное и уникальное* / под ред. Е. А. Горобец. – Казань : КФУ, 2021. – С. 61–70.

Abstract. The article examines the composition and semantics of lexical components-numeratives in Russian sayings and proverbs. Components denoting numbers are differentiated according to semantic characteristics. It is noted that in Russian sayings and proverbs the names of all the numbers of the first ten are found, six names of numbers are predominantly used (one, two, seven, ten, three, nine), the numerative six is not recorded, five and eight are found sporadically. Numerical phraseological units can denote both a definite and an indefinite quantity. Most lexical components with quantitative meaning are desemantized in sayings and proverbs, losing their specific numerical meaning, but forming a generalized meaning of the entire stable expression as a whole.

Keywords: Russian language, saying, proverb, number, lexical component, numerative, semantics.

Жу Юе – магистр филологических наук; Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова (ling-msu@mail.ru).

УДК 811.161.1'373.4:398.92

П. С. Завтрикова

О ВАРИАТИВНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА С КАКОЙ СТОРОНЫ НИ ГЛЯНЬ

Аннотация. В статье охарактеризованы варианты фразеологизма *с какой стороны ни глянь*, выявленные на основе ресурсов Национального корпуса русского языка. Описаны изменения глагольного компонента устойчивой единицы. Определена степень распространенности вариантов фразеологизма в речи носителей русского языка.

Ключевые слова: фразеологизм, вариант, уступительное значение, НКРЯ, статистический анализ.

Значение уступительности распространено в языке и может быть выражено при помощи разных языковых единиц, а значит, «оно является, по терминологии

Ю. Д. Апресяна, системообразующим смыслом – смыслом, формирующим семантическую систему языка в целом» [1, с. 17]. Уступительные конструкции «обнаруживают замысел автора противопоставить определенные явления и факты, подчеркивают его оценку событий, создают у читателя определенное впечатление о реальности, <...> демонстрируют способы организации автором фонового диалога с читателем» [2, с. 3].

Многообразность и многофункциональность конструкций с уступительным значением обуславливает их распространение в паремioфонде русского языка. Одним из способов выражения такого значения становятся конструкции, содержащие в своем составе сочетания относительных наречий и местоимений с усилительной частицей *ни*. Исследователь И. Г. Гомонова в статье «Русские предложения-паремии с уступительным значением» отмечает, что предложения-паремии с сочетаниями *как ни*, *сколько ни*, *что ни*, *где ни* и другие «широко представлены в русском языке, во многом вследствие способности выражать значение обобщенности, которое является характерным признаком пословиц и поговорок» [3, с. 367].

В настоящей статье объектом изучения является фразеологизм *с какой стороны ни глянь*. Главной задачей работы является выявление вариантов данной фразеологической единицы и определение степени их распространенности в речи носителей языка.

Анализируемый фразеологизм фиксируется во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» под редакцией А. И. Фёдорова и характеризуется следующим значением: «во всех отношениях» [4]. В словаре также приведено несколько единиц, которые являются синонимами исследуемого фразеологизма (*куда ни глянь*, *куда ни кинь*, *куда ни повороти*, *как ни верти*, *как ни поверни* и др. [4]). Устойчивость фразеологической модели «относительное наречие (реже – местоимение)» + «усилительная частица *ни*» + «глагол в форме повелительного наклонения 2 лица единственного числа» и стереотипность выражаемого посредством такой модели значения наводят на мысль о том, что фразеологизм *с какой стороны ни глянь* может существовать в речи носителей языка в разных вариантах.

Для проверки этого предположения закономерно обратиться к ресурсам Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [5]. По замечанию В. П. Захарова, специалиста в области компьютерных технологий в языкознании, «корпусы и инструментарий корпусной лингвистики позволяют выявить и существенно расширить лексический фонд устойчивых словосочетаний и особенности их бытования» [6, с. 91].

В НКРЯ представлено всего 7 иллюстраций употребления словарного варианта фразеологизма *с какой стороны ни глянь*:

Потому что оно действительно чисто. С какой стороны ни глянь – чисто. Это всё равно, что войти в дом к хорошим хозяевам – чистота бросается в глаза (А. Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (1999)) [5];

И что-то сходное со смущением обозначилось в его сердечном состоянии, но не так, чтобы потревожить, напротив, ему сделалось приятно, что такой, с какой стороны ни глянь, удивительный человек посетил его (К. Балков. Балалайка // «Сибирские огни» (2013)) [5].

Расширенный поиск в НКРЯ по словам *с* + *какой* + *стороны* + *ни* + «глагол» позволил собрать картотеку фактического материала из 72 контекстов, в которых фиксируется вариант исследуемого фразеологизма с измененным глагольным компонентом:

– *Это тебе виднее, ты шеф безопасности, тебе такие делишки не новость. – Не новость. И вот одна штука мне никак не нравится. Да, с какой стороны ни крути, а не нравится* (В. Валеева. Скорая помощь (2002)) [5];

С какой стороны ни посмотри, у всех полная уверенность, что мы страшно разбогатели (И. Сахновский. Острое чувство субботы. Восемь историй от первого лица (2012)) [5].

Представляет интерес список глаголов, фиксируемых в той или иной форме в составе фразеологизма вместо формы глагола *глянуть*, а также частотность их употребления (в скобках после инфинитива указано количество иллюстраций с данным глаголом): *посмотреть* (22), *подойти* (10), *взглянуть* (5), *подходить* (5), *смотреть* (4), *зайти* (3), *заходить* (3), *поглядеть* (3), *взять* (2), *глядеть* (2), по одному вхождению – *брать*, *ехать*, *идти*, *крутить*, *любоваться*, *начинать*, *поезжать*, *подступиться*, *прикоснуться*, *приниматься (за дело)*, *проверять*, *рассматривать*, *спать*.

Большинство глаголов приведенного списка можно отнести к одной из двух семантических групп – «зрительного восприятия» или «движения».

Как и в исходном фразеологизме *с какой стороны ни глянь*, в большинстве контекстов с использованием другого варианта фразеологизма – 38 из 72 (53%) – описывается ситуация «зрительного восприятия», а точнее, разностороннего осмысления, обдумывания:

Капнист опять жил в Петербурге, вел трудную тяжбу с соседом своим Тарковским и дописывал комедию; с какой стороны ни взгляни – ему нужны были покровители; державинская беда приходилась ему некстати (В. Ходасевич. Державин (1929–1931)) [5];

Так что забудьте все, что вы знали о престижных марках мужских костюмов, – с какой стороны ни посмотри, все равно у Borrelli практически нет конкурентов (Февраль. Достать чернил. Не плакать! // «Домовой» (2002)) [5].

Использование в вариантах фразеологизма глаголов, синонимичных глаголу *глянуть*, закономерно. Согласно данным НКРЯ, наиболее частотным является вариант *с какой стороны ни посмотри*, однако фактического материала в 72 иллюстрации недостаточно, чтобы с уверенностью судить о перевесе статистической устойчивости в пользу того или иного варианта анализируемой единицы. Судя по всему, можно сделать вывод о том, что устойчивой в данном случае является метафора рассмотрения ситуации с разных сторон.

Глаголы движения, наряду с глаголами зрительного восприятия, образуют значимую для исследования вариативности исходного фразеологизма семантическую группу и фиксируются в 26 из 72 (36%) анализируемых контекстов:

В самом сумасбродном поступке есть своя логика, а тут ни малейшей, ибо, с какой стороны ни подойди, в означенном тексте нет ни смысла, ни лада (Д. Биленкин. Загадка века (1958–1988)) [5];

А поскольку человек многогранен, то с какой стороны ни подступись, родится новая теория (М. Попов. Призыв к труду. Как заставить мужика работать? // «Бизнес-журнал» (2004)) [5].

Контексты показывают, что при использовании в составе анализируемого фразеологизма глаголов семантической группы «движение» описываемая ситуация не меняется, поскольку речь идет не о движении в прямом смысле, а вновь о восприятии и осмыслении, только теперь это значение представлено имплицитно («с какой стороны ни подойди и ни посмотри», «с какой стороны ни подступись и ни взгляни» и т. п.).

Вероятно, частотность использования носителями языка в исследуемой конструкции глаголов со значением движения может быть обусловлена пространственной семантикой слова *сторона*. В НКРЯ фиксируются примеры нефразеологического употребления сочетания *с какой стороны ни* + «глагол движения»:

Наша цель была – прорваться во Владивосток. А это означало – с какой стороны ни заходи, но нам не миновать Японского моря (А. Новиков-Прибой. Цусима (1932–1935)) [5];

Глаза его горели лихорадочным блеском, и с какой стороны ни подойти к плакату, глаза неотступно следовали за тобой, как будто старик поворачивал голову (А. Рыбаков. Кортик (1946–1948)) [5].

Интересно, что в составе фразеологизма слово *сторона* может брать на себя дополнительную смысловую нагрузку:

Хотя мы уже числимся только почетными гражданами, но наши родные, все больше очень самостоятельные купцы, и целый ряд моих предков, с какой стороны ни

поглядишь, – с бабушкиной, с дедушкиной, отцовской, материнской – все торговые люди (Е. Дьяконова. Дневник русской женщины (1893)) [5];

Таким образом, с какой стороны ни подойти – экологической или техницистской, не удастся найти никаких убедительных оснований для постановки вопроса о содружественном развитии биосферы и общества (Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России (2005)) [5].

В 45 из 72 контекстов (63%), в которых фиксируется лексическая вариация глагольного компонента фразеологизма, не наблюдается его грамматической вариации, то есть носители языка используют такую же форму глагола, какая представлена в исходном фразеологизме, – форму повелительного наклонения 2 лица единственного числа. В других контекстах встречаются разнообразные формы глаголов:

Как он ни разглядывал ее, как ни пытал, с какой стороны ни заходил, а все видел пока только, что Марфенька была свежая, белокурая, здоровая, склонная к полноте девушка, живая и веселая (И. Гончаров. Обрыв (1869)) [5];

С какой стороны ни взглянуть, предыдущий период, 1860–1863 годов, и в Петербурге и в Москве был гораздо ярче, живее, полнее новыми движениями и крупными фактами общественного и литературного характера (П. Боборыкин. Воспоминания (1906–1913)) [5].

Как показывает анализ корпусных данных, фразеологизм *с какой стороны ни глянь* характеризуется вариативностью при употреблении в речи. Изменения касаются глагольного компонента, причем варьируется как сама глагольная лексема, так и форма глагола.

Регулярное использование носителями языка глаголов со значением зрительного восприятия и движения в составе вариантов фразеологизма, а также существование многих фразеологизмов подобного компонентного состава (к примеру, *куда ни глянь, куда ни кинь, куда ни повороти, как ни верти, как ни поверни* [4]) свидетельствуют о перспективе формирования фразеологической устойчивости другими вариантами анализируемой единицы. Так, профессор А. В. Кунин отмечает: «Динамический характер устойчивости проявляется не только в возможности выделения ее различных степеней, но также и в том, что объем инвариантности может увеличиваться или уменьшаться. Увеличение объема инвариантности – путь становления ФЕ, который проходит любой фразеологизм» [7, с. 55].

Изучение вариативности устойчивых единиц представляет особый интерес для исследователей, так как способствует определению границ фразеологического фонда языка и пониманию закономерностей формирования и использования фразеологических единиц.

Список использованных источников

1. Апресян, В. Ю. Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке / В. Ю. Апресян. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 288 с.
2. Мяосой, Ю. Способы выражения уступительных отношений в публицистическом стиле современного русского литературного языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. Мяосой, ФГБУН «Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН». – М., 2012. – 24 с.
3. Гомонова, И. Г. Русские предложения-паремии с уступительным значением / И. Г. Гомонова // Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья : Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума (г. Новозыбков, Брянская область, 18–21 мая 2021 г.) / под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова, С. М. Пронченко. – Брянск : РИСО «БГУ», 2021. – С. 364–368.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А. И. Фёдорова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://phraseology.academic.ru>. – Дата доступа : 17.09.2023.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 12.09.2023.

6. Захаров, В. П. Лингвистика больших корпусов / В. П. Захаров // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии : сборник научных статей. Труды XVIII объединенной конференции «Интернет и современное общество» (г. Санкт-Петербург, 23–25 июня 2015 г.). – СПб. : Университет ИТМО, 2015. – С. 82–93.

7. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – Дубна : Феникс+, 2005. – 488 с.

Abstract. This article describes the variants of the phraseological unit *from any side*, identified with the resources of the Russian National Corpus. The changes in the verbal component of the phraseological unit are described. The prevalence degree of the variants of the phraseological unit in the speech of native Russian speakers has been determined.

Keywords: phraseological unit, variant, concessional meaning, RNC, statistical analysis.

Завтрикова Полина Сергеевна – магистр филологических наук; аспирант; Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины (tumanika1@gmail.com).

УДК 811.161.1'37'38"18/20":177

И. П. Зайцева

**УЗЫ ДРУЖБЫ, БРАТСТВА, РОДСТВА...:
СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЛЕКСЕМЫ УЗЫ
В XIX–XXI СТОЛЕТИЯХ**

Аннотация. В статье представлены результаты наблюдений, полученных на основе диахронно-синхронического анализа материалов лексикографических источников (толковых и фразеологических словарей), а также текстов «Национального корпуса русского языка», над динамикой семантико-стилистических характеристик лексемы *узы*, современным значениям которой свойственна преимущественно стилистическая ограниченность. Делается вывод о том, что при включении данной лексической единицы в состав некоторых устойчивых выражений её значение приобретает признаки фразеологически связанного.

Ключевые слова: лексема, синхронно-диахронический анализ, стилистическая маркированность, семантический объём, фразеологически связанное значение.

В процессе длительного функционирования языка (на протяжении нескольких веков или, как минимум, нескольких десятилетий) большинство его единиц, в первую очередь – лексических, как известно, подвержены различного рода трансформациям, могущим изменить их вплоть до полной неузнаваемости. В результате таких трансформаций, обусловленных комплексом причин, среди которых факторы как экстралингвистического, так и внутриязыкового свойства, слово, к примеру, может изменить не только собственно смысловые характеристики, но также стилистическую принадлежность, сочетаемостные и иные грамматические признаки и т. п.

Лексема *узы* известна русскому языку с его древнерусского периода, о чём свидетельствуют данные этимологических словарей – ср., в частности, сведения, содержащиеся в «Сравнительном этимологическом словаре русского языка» Н. В. Горяева и в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера: «Уз-а въ ульѣ см. вязнуть при слове вязать» [1, с. 385; при цитировании данного источника сохранена оригинальная орфография]; «уза I «пчелиная смола, масса, которой пчелы защищают внутренность улья от света и воздуха. Из *vqza, связанного с *узел, вязать*, то есть «то, что связывает»; см. Горяев, ЭС 385»; «уза II, мн. *узы, узник*, др.-рус. *оуза*, «оковы», ст.-слав. жза. ... См. *узел, вязать, уже*. Родственно предыдущему» [2, с. 152].

Таким образом, уже в древнерусском языке сосуществовали две восходящие к общему корню – *вяз-* (*вязать, узел*) – омонимичные лексические единицы. Примеча-

тельно, что в этот период они практически полностью совпадали по своим грамматическим (морфологическим) характеристикам – в частности, обе употреблялись в формах как единственного, так и множественного числа (в отличие от современного нормативного употребления второго из омонимов – только во множественном числе).

Дальнейшее развитие значений лексем-омонимов шло разными путями. Семантический объём одной из них в течение тысячелетия изменений практически не претерпел: ‘уз-а въ ульѣ’ (этимологический словарь Н. В. Горяева) – «Уzá ж. ўза, вор. та часть обножья или поноски пчель, изъ которой выдѣлывается воскъ; сотовая сушь, безъ меду; вощина из подь сотовъ. Въ плохую погоду, или когда мало цвѣту, пчелы одну, узу готовятъ, а медь, въ жаркіе дни» [3, с. 575; при цитировании данного источника сохранена оригинальная орфография]; «У’ЗА ... и УЗА’ ... *пчел.* Пчелиный клей, прополис» [4, с. 474]; «Уза ... и узá *Спец.* Выделяемое пчѣлами клейкое вещество, которым пчѣлы закладываютъ доступ в пчелиный улей; пчелиный клей» [5, стб. 380]. Как можно убедиться, данная лексема

в современном языке сохраняет своё единственное (прямое номинативное) значение без изменений, однако сфера его функционирования сужается в результате отнесенности к специальной (пчеловодческой) лексике.

Характер функционирования лексемы-омонима, более интересующей нас в данном случае (уза – изначально ‘оковы’ (1073) [6, с. 421]), оказывается существенно отличным. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, зафиксировавший нормы русского языка второй половины XIX века, отмечает у данной лексемы два значения, одно из которых характеризуется как стилистически ограниченное (церковное): «Уза ж. *црк.* а нынѣ узы мн. вязи, цѣпи, оковы, путы (откуда: *узкій, узголь* или *уголь, узда, обуза, узгъ и вязать*). *Совлецы узу выи твоя, Ис. Преступникъ приводится къ допросу безъ узы.* || *Все что привязываетъ или связываетъ нравственно; что привлекаетъ и держитъ, или ограничиваетъ, стѣсняетъ; связь. *Узы родства, дружбы. Узы долга, обязанности*» [3, с. 575]. В приведённом описании значений толкуемой лексемы отражены те изменения, которые в процессе функционирования затронули и её семантику, и грамматические свойства. В. И. Даль, во-первых, разграничивает **стилистически маркированное** (функционирующее в сфере религиозной коммуникации) и **общеупотребительное** значения данной лексемы, подтверждая каждое из них иллюстративным материалом из соответствующих источников, причём по отношению к последнему отмечает его грамматическую особенность: употребление в описываемый период («ныне») только в форме множественного числа. Во-вторых, в словарной статье отмечено формирующееся у данной лексемы **переносное** значение – ‘связь нравственного свойства’, – иллюстрируемое несколькими свободными словосочетаниями: *узы родства, узы дружбы, узы долга*.

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, изданный более чем полувеком позже, из трёх значений, отмеченных в словаре В. И. Даля, фиксирует два, среди которых и сформировавшееся переносное, особо выделяя при этом один из оттенков второго значения; при этом переносное значение и его оттенок квалифицированы как стилистически ограниченные – **книжные**, а первое снабжено пометой «старинное», свидетельствующей о его переходе в пассивный запас лексических средств языка: «УЗЫ, уз, *ед.* нет. 1. Цепи, оковы (старин.). 2. *перен.* То, что связывает, создаёт стеснение, гнёт (книжн.). *Борьба за освобождение от империалистических уз.* || То, что соединяет, создаёт внутреннее единение, связь (книжн.). *Мы чужды низких уз.* Жуковский. *Уз любви я не знал.* Полежаев. *Братские узы*» [7, стб. 912].

В первом из изданных в советский период академических толковых словарей – в «Словаре современного русского литературного языка» (далее – БАС), соответствующий том которого был издан двумя десятилетиями позднее словаря под редакцией Д. Н. Ушакова (1964), – приводятся два значения и один оттенок значения рассматри-

ваемой лексемы *узы*; все они снабжены пометами «устаревшее» и «поэтическое»: «УЗЫ, уз, мн. Устар. и поэт. 1. Цепи, оковы. Глад, жажда, скорбь, темница, узы и самая смерть мало его трогают. Радищ. Житие Ф. В. Ушакова. ... || Перен. О чём-либо, что связывает, стесняет, угнетает кого-либо. Узы чего или какие. Прорву теперь молчанья узы для друга сердца моего. Батюшк. Н. И. Гнедичу. ... 2. Тесные связи, отношения, объединяющие кого-, что-либо. – Нет уз святее товарищества. Гог. Тарас Бульба» [5, стб. 420–421].

Как можно убедиться, первое из помещённых в этой словарной статье значений толкуется аналогично представленному в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова; наряду с этим переносное значение и его оттенок, помещённые в упомянутом словаре, в БАС поданы иначе: последний как значение самостоятельное, а первое – содержащее в своей семантике негативный коннотативный компонент («о чём-либо, что связывает, стесняет, угнетает кого-либо») – квалифицировано как оттенок значения, причём значения основного, первичного, а не производного переносного. Представляется, что в данном случае лексикографически зафиксирована актуализация в одном из значений рассматриваемой лексемы – «то, что объединяет, в том числе создаёт и внутреннее единение» – позитивного коннотативного компонента, где акцент ставится прежде всего на сходстве, общности, единстве и т. п., причём преимущественно человеческих отношений.

В связи с высказанным предположением видится закономерным, что именно в БАС впервые зафиксированы устойчивые выражения с компонентом *узы* во втором из отмеченных этим словарём значений («тесные связи, отношения, объединяющие кого-, что-либо»): «<> У з ы дружбы, товарищества и т. п. Эти два господина сильно возбудили моё любопытство... Что могло связать узами дружбы два существа, столь разнородные? Тург. Чертопх. и Недопускин. ... <> Кровные узы, узы крови. О ближайших родственниках, отношениях. – Я понял, что ни единое существо, связанное с вами узами крови, не подлежит проклятию. Пушкин. Дубровский ... <> Брачные, супружеские узы, узы брака, супружества и т. п. ... Швейцару как бы в первый раз пришла мысль, что он поторопился несколько, связав себя брачными узами. Григор. Гуттаперч. мальчик» [5, стб. 421] (в соответствии с принятой данным источником системой помет, значок <> используется для обозначения употребления слова в речи (в образной речи, в сравнении, в устойчивых сочетаниях, фразеологических оборотах и т. п.). Помимо этого, в данной словарной статье содержится отсылка к ещё одному устойчивому выражению с компонентом *узы* – *узы Гименей*: «Гименей ... <> В выражениях: Связать себя узами, цепями Гименей, наложить на себя узы, цепи Гименей – вступить в супружество. Молоденькая дама очень недавно связала себя узами Гименей. Салт. Мелочи жизни [8, стб. 101].

В толковых словарях, изданных в конце XX и в XXI столетии, у лексемы *узы* (в языке современного периода она употребляется только во множественном числе), как правило, отмечаются три значения: первичное, всегда снабжаемое пометой о его нахождении в пассивном запасе языковых средств (чаще всего – «устаревшее»), и два производных, которые уже были приведены при рассмотрении соответствующей словарной статьи БАС, как правило, снабжаемые пометами, свидетельствующими об их стилистической ограниченности («книжное», «высокое» и т. п.). Так, напр., «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова содержит такую информацию: «УЗЫ, уз; мн. 1. Устар. Цепи, оковы, путы. Носить узы. 2. чего или с опр. Книжн. То, что стесняет, обременяет, ограничивает свободу действий. Узы рабства. Узы финансовых обязательств. Порвать узы семейного быта. 3. Книжн. Тесные связи, отношения, объединяющие кого-, что-л. Крепить узы дружбы. Брачные узы. Узы крови, кровные узы (о кровном родстве)» [9, с. 1379].

Выражения с компонентом *узы*, квалифицируемые БАС как устойчивые, толковыми словарями трактуются неоднозначно: иногда они подаются именно как устойчивые единицы языка (напр.: ««УЗЫ ... <> Кровные узы и узы крови – кровное родство»

[4, с. 477]); в некоторых случаях приводятся как иллюстративный материал без каких-либо комментариев (сравн., к примеру: «УЗЫ ... 2. *перен.* То, что связывает, соединяет (высок.). *Узы брака. Узы дружбы, любви. Братские узы*» [10, с. 1022] и т. п.

Свидетельством того, что ряд устойчивых выражений с компонентом *узы* весьма прочно вошёл на протяжении XX–XXI столетий в состав единиц русского языка, служит их системное отражение в специальных – фразеологических – словарях. Так, во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Фёдорова находим: «УЗЫ ◊ КРОВНЫЕ УЗЫ. Устар. То же, что узы крови.

УЗЫ КРОВИ. Кровное родство. – *Ни единое существо, связанное с вами узами крови, не подлежит моему проклятию* (Пушкин. Дубровский)» [11, с. 701].

Наиболее полный перечень устойчивых выражений с компонентом *узы* содержит «Фразеологический словарь русского литературного языка» под редакцией А. Н. Тихонова (интересующие нас единицы языка входят в две словарные статьи – с заголовочными словами «Узы» и «Гименей»):

«УЗЫ. ◊ Узы дружбы, товарищества и т. д. – *Эти два господина сильно возбудили мое любопытство... Что могло связать узами неразрывной дружбы два существа, столь разнородные?* Тургенев.

◊ Кровные узы, узы крови – о ближайших родственных связях, отношениях. – *Я понял, что ни единое существо, связанное с вами узами крови, не подлежит моему проклятию.* Пушкин.

◊ Брачные, супружеские и т. д. узы; узы брака, супружества и т. д. – [Добчинский:] *Всё это, как следует, я завершил потом законными-с узами супружества-с.* Гоголь.

~ Узы Гименя – см. Гименей» [12, с. 583];

«ГИМЕНЕЙ, (перен., устар.) Узы Гименя – супружество.

~ Связывать / связать себя узами Гименя – жениться или выходить замуж» [13, с. 241].

Процитированный материал свидетельствует о том, что в современный период устойчивые выражения с компонентом *узы* в большинстве случаев связаны с обозначением родственных связей – как при наличии общих предков (*кровные узы*, или *узы крови*), так и сформировавшихся в результате брачных отношений (*супружеские узы*, *узы Гименя*). При этом часть таких устойчивых выражений при подаче сопровождается пометами, ограничивающими их употребление и, соответственно, указывающими на довольно редкое их использование в речи современной – как, напр., помета «устаревшее» при выражении *кровные узы* в словаре А. И. Фёдорова и при фразеологизме *узы Гименя* в словаре под редакцией А. Н. Тихонова (значком тильда (~), который предваряет эту единицу в данном словаре, обозначаются фразеологизмы, отличающиеся по сравнению с устойчивыми выражениями большей слитностью компонентов). Ограниченность в современном употреблении практически всех приведённых выражений подтверждается и тем, что высказывания, их иллюстрирующие (причём как во фразеологических, так и в толковых словарях), полностью взяты из произведений классической русской литературы, созданных в XIX в. (произведения В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, К. Н. Батюшкова, Н. В. Гоголя, А. И. Полежаева, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Д. В. Григоровича) и даже в конце XVIII ст. («Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева).

В то же время нельзя не отметить, что при современном употреблении рассматриваемых выражений их стилистическая маркированность в результате введения в разножанровые контексты различной функционально-стилистической принадлежности нередко нивелируется. Так, данные электронного ресурса «Национальный корпус русского языка» [14] свидетельствуют об употреблении устойчивых выражений с компонентом *узы* в публицистических произведениях современных авторов, и даже в текстах

учебно-научной принадлежности, где эти единицы практически утрачивают свойственную им книжность или, во всяком случае, существенно её снижают:

1. *Все подозреваемые связаны узами родства, они считали Эльджаркиева participantным к организации нераскрытого убийства их родственника и лидера Ибрагима Белхароева в 2018 году* (Лидер ОПГ арестован по делу об убийстве главы ингушского ЦПЭ // Известия, 2019.12);

2. *Это родство кровное, родство через узы брака (так называемое свойство) и родство через обряд крещения* (Р. М. Фрумкина. Психолингвистика (2001);

3. *У нас была очень дружная семья, которую объединяли не только узы кровного родства, но и сердечная душевная дружба* (Коновалов Валерий, обозреватель «Труда». Алёша, Алексей Михайлович, Алексей П // Труд-7, 2006.06);

4. *«Очевидно одно: вряд ли этот шаг можно расценивать как шаг, который в интересах украинцев – тех самых украинцев, с которыми нас связывают узы родственных и братских отношений, несмотря ни на что», – цитирует ТАСС его заявление* (В Кремле прокомментировали разрыв договора о дружбе между Украиной и Россией // Парламентская газета, 2018.12).

Введение выражений с ореолом книжности в коммуникативно-речевые образования, предназначенные широкому кругу носителей языка (это находит отражение прежде всего в текстах, принадлежащих к публицистическому дискурсу), ожидаемо способствует значительной утрате ими этого ореола под влиянием преобладающей в таких произведениях **общеупотребительных** единиц языка, нередко к тому же взаимодействующих с **разговорными** (как это наблюдается, в частности, в примере 4, грамматический строй которого демонстрирует несколько явлений, свойственных разговорной речи: использование оценочной частицы, вводного выражения и т. п.). В этом русле в контексте подвергаются определённой авторской трансформации и устойчивые выражения с интересующим нас компонентом: в публицистическом тексте функционирует словосочетание *узы родственных и братских отношений*, образованное на основе объединения языковых единиц *узы родства* и *узы братства*, которое отличается более высокой степенью обозначения общности между двумя братскими народами, чем каждое из исходных, что придаёт ему и большую экспрессивность. Явления, подобные описанному, как представляется, могут быть интерпретированы в русле одной из тенденций развития современного русского языка – тенденции к демократизации, находящей выражение в том числе в утрате некоторыми единицами лексико-фразеологического уровня свойственной им прежде стилистической окраски, в частности – книжной.

Наряду с этим следует отметить, что как данные лексикографических источников, так и анализ особенностей функционирования одного из значений лексемы *узы* в составе выражений устойчивого характера, включая и явный фразеологизм (*узы Гименея*), свидетельствуют об определённой «привязанности» этого значения прежде всего к семантике обозначения реальных **родственных отношений** (причём родства как **кровного**, так и **некровного** – свойства), что, безусловно не исключает использования их для обозначения общности иного рода между людьми, в частности – сходства жизненных взглядов, устремлений, ценностей и т. п. Эта «привязанность» при введении рассматриваемых единиц в коммуникативно-речевые произведения различной жанрово-стилевой принадлежности, как правило, актуализируется контекстуальными средствами и способами, в том числе и индивидуально-авторского свойства, которые, как нам представляется, заслуживают отдельного, более тщательного рассмотрения.

Список использованных источников

1. Горяев, Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка / Н. В. Горяев. – Тифлиси : Типография канц. Главнач. гр. ч. на Кавказѣ Лорисъ-Мелик. у., дом казѣ, 1896. – 605 с.

2. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер // Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс. – Т. 4 (Т–ящур). – 1987. – 864 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живаго великорускаго языка / В. И. Даль. – М.: Типография Т. Рись у Мясницкихъ ворот 7 Домъ Воейкова. № 2. – Часть четвертая: Р–V. – 1886. – 651 с.
4. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык. – Т. 4: С–Я. – 1988. – 800 с.
5. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Ин-т русского языка АН СССР. – М.–Л.: Наука. – Т. XVI: У–Ф. – 1964. – 1610 стб.
6. Колесов, В. В. Словарь русской ментальности: в 2 т. / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – СПб.: Златоуст. – Т. 2: П–Я. – 2014. – 592 с.
7. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; Сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов. – Т. 4: С–Ящурный. 1940. – 1502 стб.
8. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Ин-т русского языка АН СССР. – М.–Л.: Наука. – Т. III: Г–Е. 1954. – 1294 стб.
9. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2002. – 1536 с.
10. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с.
11. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
12. Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. проф. А. Н. Тихонова / Сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное издание: в 2 т. – Т. 2. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.
13. Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. проф. А. Н. Тихонова / Сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное издание: в 2 т. – Т. 1. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.
14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 15.09.2023.

Abstract. In the article, in the process of analysis from diachronic-synchronic positions of lexicographic sources (explanatory and phraseological dictionaries), as well as texts of the Russian National Corpus, the dynamics of semantic and stylistic characteristics of the lexeme “ties” is considered, modern meanings of which are predominantly characterised by stylistic restriction; when this lexical unit is included in the composition of some stable expressions, its meaning acquires the features of phraseologically connected.

Keywords: lexeme, synchronic-diachronic analysis, stylistic marking, semantic volume, phraseologically connected meaning.

Зайцева Ирина Павловна – доктор филологических наук, профессор; Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (irinazaj91@mail.ru).

УДК 811.161.3'374.8:398.91

Я. Я. Иваноў

ДА СКЛАДАННЯ СЛОЎНІКА КРЫЛАТЫХ АФАРЫЗМАЎ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ З ІНШАМОЎНЫХ КРЫНІЦ

Анатацыя. У артыкуле разглядаюцца прынцыпы будовы слоўніка крылатых афарызмаў беларускай мовы, якія паходзяць з іншамоўных літаратурных і іншых тэкставых крыніц.

Іншамоўныя крылатыя афарызмы апісваюцца ў слоўніку паводле формы (інварыянтнай і варыянтнай), семантыкі (значэння і сітуацыі ўжывання), паходжання (этымалогіі і гісторыі), функцыянавання (у зыходнай і ў перафразаванай форме). Падаюцца ўзоры слоўнікавых артыкулаў на прыкладзе крылатых афарызмаў, запазычаных з англійскай, нямецкай, французскай і іншых моў.

Ключавыя словы: беларуская мова, крылатыя афарызмы, запазычанне, літаратурная крыніца, фальклорная крыніца, слоўнік.

Даследаванне выканана ў межах НДР «Беларуская фразеалогія, парэміялогія, моўная афарыстыка ў кантэксце еўрапейскіх моў і культур (сінхранічны і дыяхранічны аспекты)» (ДР № 20211335) падпраграмы «Беларуская мова і літаратура» Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў 2021–2025 гг.

На сённяшні дзень крылатыя афарызмы, якія функцыянуюць у беларускай мове лексікаграфічна апісаны толькі ў трох спецыяльных слоўніках. Найперш, гэта крылатыя афарызмы з уласна беларускіх літаратурных тэкставых крыніц, якія адлюстраваны ў двух слоўніках: «Крылатыя выразы і афарызмы» (1960) Ф. М. Янкоўскага [1] і «Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў» (1997) С. Ф. Івановай і Я. Я. Іванова [2]. Крылатыя афарызмы з іншых моў апісаны толькі ў адным спецыяльным слоўніку «Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц» (2011) Я. Я. Іванова [3], у якім адлюстравана каля 160 афарыстычных цытат з антычных (грэчаскіх і рымскіх), заходнееўрапейскіх (англійскіх, іспанскіх, італьянскіх, нямецкіх, французскіх), лаціна- і паўночна-амерыканскіх, а таксама рускіх літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст. н. э. Яшчэ некалькі дзясяткаў крылатых афарызмаў зафіксаваны ў двух слоўніках крылатых выразаў (2004) [4] і (2006) [5], а таксама ў даведніку «Этымалагічны слоўнік прыказак» (2014) І. Я. Лепешава [6].

Даследаванне паказала, што ў сучаснай беларускай літаратурнай мове ўжываецца значна больш крылатых афарызмаў. Толькі афарыстычных цытат з біблейскіх крыніц функцыянуе не менш за 300 [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]. Біблейскія афарызмы складаюць істотную частку моўнай спадчыны Бібліі ў беларускай мове [14; 15; 16]. Крылатыя афарызмы з беларускамоўных крыніц складаюць заўважную частку корпуса афарыстычных адзінак і апісваюцца як яго нацыянальна-культурны кампанент [17, с. 33–62; 18]. Шмат афарыстычных адзінак (не менш за 450), якія паходзяць з рускамоўных крыніц, а таксама з тэкставых крыніц на славянскіх, германскіх, раманскіх мовах, зафіксавана пры апісанні сістэмы афарыстычных адзінак беларускай мовы [19; 20; 21; 22; 23]. Афарыстычныя цытаты былі зафіксаваны і пры вывучэнні крылатых выразаў з іншамоўных крыніц [24; 25; 26; 27; 28]. Такім чынам, прадстаўнічы новы матэрыял патрабуе адлюстравання ў новым слоўніку крылатых афарызмаў беларускай мовы з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц.

Крылатыя афарызмы з іншамоўных крыніц лексікаграфічна апісваюцца паводле формы (інварыянт і варыянтныя трансформы), семантыкі (значэння і сітуацыі ўжывання з адзначэннем стылістычных характарыстык), паходжання (этымалагічнай даведкі аб тэкставай крыніцы і гістарычнага каментарыя, калі тэкставых крыніц некалькі), функцыянавання (у мастацкіх і публіцыстычных творах у зыходнай і ў мадыфікаванай форме), што будзе адлюстравана (паводле актуалізацыі адпаведных паказчыкаў) у асобных зонах слоўнікавага артыкула. Напр.:

Вайна – гэта працяг палітыкі іншымі сродкамі ← ням. *Der Krieg ist <nichts anderes als> die Fortsetzung der Politik mit anderen Mitteln* – афарызм з ваеннага трактата «Аб вайне» («Vom Kriege», 1832–1833) прускага генерал-маёра і ваеннага тэарэтыка Карла Клаўзевіца (1780–1831). □ **Аб прамой залежнасці ўзброеных сутыкненняў паміж дзяржавамі ад палітыкі, якая праводзіцца іх лідарамі.** 📖 За апошнія гадоў

дваццаць праблемы вядзення баявых дзеянняў адышлі некуды ўбок. Але возьмем класічнае вызначэнне Клаўзевіца: «Вайна – гэта працяг палітыкі іншымі сродкамі». Такім чынам, сацыяльна-палітычны аспект, гуманітарны – гэта ўсё добра, але гэта не паказвае сутнасць самой з’явы вайны. Па-другое, вывучэнне баявых дзеянняў мае вялізнае практычнае значэнне, прынамсі, для ваенных (Звезда).

Геній – гэта цяпенне ⇐ фр. *Le génie n'est qu'une grande aptitude à la patience* (Геній – усяго толькі вялікая здольнасць да цяпення) – афарызм французскага натураліста, біёлага, матэматыка, прыродазнаўцы і пісьменніка Жоржа-Луі Леклерка, графа дэ Бюфона (1707–1788), які быў сказаны ім у прамове 25 жніўня 1753 г. пры абранні яго ў члены Французскай акадэміі. У прамове, аднак, гэтага афарызма няма, хоць блізкія думкі выказваюцца ў яго прыцы «Натуральная гісторыя, агульная і прыватная, з апісаннем каралеўскага кабінета» («Histoire naturelle, générale et particulière, avec la description du cabinet du roi», 1749–1804) і перадаюцца ва ўспамінах сучаснікаў. □ **Гаворыцца пра чалавека, які дзякуючы свайму цяпенню і ўпартасці дасягнуў выдатных вынікаў; ужываецца як жартаўліва-іранічная парада каму-н. набрацца на больш цяпення для паспяховага рашэння якой-н. задачы.** 📖 – Дарэмна ты караеш сябе і абражаеш сваю цудоўную прафесію, – супакойвай яго Міхась. – Бо ў кожнай справе, у кожнай прафесіі, у тым ліку і бухгалтарскай, ёсць свая прыгажосць, свая паэзія. Дарэчы, можна працаваць з лічбамі і адначасова займацца літаратурнымі справамі, – працягвай ён. – Вось Антон Паўлавіч Чэхаў па прафесіі ўрач, а Гарын-Міхайлоўскі – інжынер, а якія яны пісьменнікі! Дай божа кожнаму. І вось другі прыклад. Наш беларускі паэт Альберт Паўловіч – бухгалтар, як і ты, а піша цудоўныя вершы. – Дык гэта ж геніі, а я што – пасрэднасць. – А ты ведаеш, што сказаў Гётэ? А вось што: «Геній – гэта цяпенне і праца». – Чаго-чаго, а цяпення ў нас з табой хапае, – горка ўсміхнуўся Чумакоў (П. Пруднікаў. Паўночнае пекла).

Есці, каб жыць, а не жыць, каб есці ⇐ фр. *Manger pour vivre et non pas vivre pour manger* – афарызм з камедыі «Скупы» («L'avare», 1668) французскага камедыёграфа Жана Баціста Мальера (1622–1673). Думка аб гэтым узыходзіць да спадчыны старажытнагрэчаскага філосафа Сакрата (470–399 да н. э.). □ **Духоўныя запатрабаванні вышэй за матэрыяльныя.** 📖 *– А ты што, жывеш, каб есці, ці ясі, каб жыць? – пачынаў тады сваю філасофію Ёрчык. – Бліны-ы, бо-о-оршч. А я сала напруся, бульбы звару альбо супчыку грыбнога (у мяне мех грыбоў у запечку вісіць), і нічога больш не трэба. (А. Крэйдзіч. Ёрчыкаў слуп). – Дзіва што! Каб жыць – трэба нешта есці. Сам як сам, а жонка з малымі – вельмі не самавіта. (С. Баранавых. Калі ўзыходзіла сонца). – І ўвогуле, ты хоць ведаеш, што людзям трэба есці, каб жыць? Многа ўсякіх прадуктаў трэба з раслін, і мяса-малочных, і рыбы? Каб іх здабыць, трэба круглы год працаваць – во як! – чыркнуў Ваня пальцам па горле (П. Місько. Эрпіды на планеце Зямля).

Ілгун (Хлус) павінен мець добрую памяць ⇐ фр. *Il faut bonne memoire après qu'on a menti* ('Патрэбна добрая памяць пасля таго, як схлусіш') – афарызм з камедыі «Ілгун» («Le menteur», 1644) французскага паэта і драматурга П'ера Карнэля (1606–1684) ⇐ лац. *Mendacem memorem esse oportet* ('Ілгуну трэба быць памятливым') – выслоўе прыпісваецца старажытнарымскаму аратару і тэарэтыку красамоўства Марку Фабію Квінтыліяну (каля 35 – каля 96 н. э.), аўтару твора «Настаўленні прамоўцу» («Institutio oratoria»). Сустрэкаецца і ў спадчыне іншых антычных і сярэднявечных аўтараў (Апулея, Тэрэнцыя, Святога Іераніма і інш.). □ **Чалавек, які гаворыць няпраўду, павінен запамінаць усё, што ён кажа іншым людзям, каб не быць злоўленым на хлусні.** 📖 Маніць не выпадала. Шмат людзей бачыла мяне ў Замшанах, некаторыя (познія смаржкі, відаць, збіралі для аптэкі) – на сцежцы, што вяла да ўрочышча. Дый не люблю я гэтага занятку, акрамя тых выпадкаў, калі іначай – зарэз. І, самае галоўнае, чаму вучыла нябожчыца маці і што я запамятаў на ўсё жыццё: «Хлус

павінен мець добрую памяць». Сапраўды, павінен, каб пра нейкія падзеі не збрахаць таму ж самаму чалавеку зусім па-іншаму (У. Караткевіч. Чорны замак Альшанскі).

Каханне сляпое ← англ. *Love is blind* – афарызм з трагедыі «Венецыянскі купец» («The Merchant of Venice», нап. 1596, апубл. 1600) англійскага паэта і драматурга Уільяма Шэкспіра (1564–1616) ← выслоўе з камедыі «Ганарысты воін» («Miles Gloriosus», каля 204 да н. э.) старажытнарымскага камедыёграфа Ціта Макція Плаўта (250–184 да н. э.). □ **Пачуцці перашкаджаюць цвяроза ўспрымаць аб’ект свайго кахання.** ☞ Андрэй толькі цяпер па-сапраўднаму адчуў, якую праўду гаварыў Ян, што Алену трэба як мага хутчэй аддаваць замуж. Сувязь яе з Юзікам Халустам аказалася мацнейшай, чым ён думаў. Халустава сям’я ёй цяпер даражэйшая, чым свая. Ён не мог сабе гэтага ўявіць, бо не лічыў сястру зусім дурною. Што яна знайшла ў гэтым Громе, што ў ім ёсць, акрамя дзікага голасу? Нават прыгожым назваць нельга. Няўжо ж і сапраўды каханне сляпое! (А. Чарнышэвіч. Засцэнак Малінаўка). Сувязь іхняя – Чубара і Гапкі Азаравай – была бяльмом на воку ў людзей: асабліва асуджалі іх за тое, што Чубар пачаў хадзіць да гэтай жанчыны неўзабаве па гібелі мужа яе ў фінскую вайну. Такое лічылася вялікім грэхам не толькі ў вёсцы... Тым часам самі вінаватыя, здавалася, зусім не звярталі аніякай увагі на чужыя абгаворы, мусіць, лічачы іх за звычайныя плёткі – вось ужо праўда, што каханне сляпое!.. (І. Чыгрынаў. Апраўданне крыві). – А ты, Галя, кахала ўжо каго-небудзь? – зусім недарэчна, як здалося Галі, спытала Альбіна. – Не, не, любая! Яго першага і, мабыць, апошняга пакахала, – прызналася Галя. – А ты ведаеш, дзяўчынка, што першае каханне часам бывае сляпое? – Не ведаю і ведаць не хачу. – А ці варта табе яго так кахаць? Мы з ім людзі незвычайныя. І хто яго ведае, што з намі можа здарыцца: от паклічуць і скажуць – ідзіце зноў туды! (Р. Сабаленка. Незамужняя ўдава).

Не будзіце звера ← ням. *Entfesseln Sie die Bestie nicht!* – афарызм нямецкага эканаміста і палітычнага дзеяча Франца Германа Шульцэ-Дэліча (1808–1883). □ **Не трэба злаваць, раздражняць каго-н. без вельмі важнай на тое прычыны. Ужываецца звычайна жартам.** ☞ – Я пайду да Антона і ўсё яму раскажу, каб ведаў, што невінаватая. (Соня села на табурэтку і выцягнула ногі.) – Думаеш, што Антон табе паверыць? Не будзі звера ў ягонай бярлозе. Запомні гэта, Людэчка (А. Якімовіч. На Вялікдзень). – А то ты б трымаўся яго, калі б яно для цябе з’явілася! І табе ж, як любо-му, патрэбна не разумная, а мяккая, пакорная ў тваіх руках, баба, – не хавала іроніі Стэфа. – Што б ты са мною, такою вось, рабіў, галубчык? – У пасцелі ўсе аднолькавыя: заплюшчышыся – і... – Не будзі ўва мне звера, зайка, добра? Я ж яшчэ не выпіў і згараю ад нецярпення, – спыніўся ён у яе за спіною, і Стэфа тут жа адышла ўбок, падцягнула нагою бліжэй да стала крэсла (Т. Бондар. Мечаная).

Не можа быць вольным народ, які прыгнятае іншыя народы ← ням. *Ein Volk, das andere unterdrückt, kann sich nicht selbst emanzipieren* – афарызм з артыкула «Эмігранцкая літаратура» («Flüchtlingsliteratur», 1874–1875) нямецкага філосафа і палітычнага дзеяча Фрыдрыха Энгельса (1820–1895). □ **Ужываецца як прыцып раўнапраўя ўсіх народаў на Зямлі.** ☞ Тое агіднае, антылюдскае, што ідзе следам за вызваленнем таго ці іншага народа: яго прэтэнзіі да іншых, яго жаданне дзяўбаць іх зверху. Словы Дастаеўскага: «Нізкая душа, вырваўшыся з-пад прыгнёту, прыгнятае сама» – трэба аднесці да нізкасці ў кожным нацыяналізме. І ў Маркса яно: «Не можа быць свабодным народ, які прыгнятае іншыя народы» (Я. Брыль. Пераход). *– Калі паўстанне пераможа, гэта будзе спрыяць вызваленню і маёй Радзімы, – ломкім голасам сказаў паранены. – Вы пачынаеце займацца сафістыкай. Ваш народ і ваша Радзіма свабодныя. – Народ, які пануе над іншымі, не можа быць свабодным. Ён разбэшчваецца і жыве ў духоўным рабстве (У. Арлоў. Пяць мужчын у леснічоўцы).

Няма міру пад алівамі ← іт. «*Non c'è pace tra gli ulivi*» – афарыстычная назва мастацкага кінафільма-драмы (1950) італьянскага рэжысёра і сцэнарыста Джузэпэ дэ

Сантыса (1917–1997). □ *Паміж людзьмі на зямлі ніколі не будзе міру. Гаворыцца аб складанай, напружанай, багатай канфліктамі сітуацыі.* 📖 [Жора:] – Тваё дабро горш за ліха. Ад яго ўчадзееш. А я хачу свежым паветрам дыхаць. І каб неба светлае над галавою... [Жур:] – Бач ты які? Табе ж пры святле горш будзе. [Жора:] – Прыладжуся. [Жур:] – Яно то так. Ты спрытны! Давай у згодзе жыць. [Жора:] – Няма міру пад алівамі. Кропка. [Жур:] – Не, яшчэ не кропка... Ты мне шыферу павінен прывезці... (П. Васілеўскі. Любоў, надзея, вера...).

Памерці – заснуць ⇐ англ. *To die, to sleep: no more* ('Памерці, заснуць: не больш') – афарызм з трагедыі «Гамлет» («Hamlet», 1601) англійскага паэта і драматурга Уільяма Шэкспіра (1564–1616). □ *Сон тое ж самае, што смерць.* 📖 Мар'ян тады думаў, што дзедка загаворваецца, з ім такое ўжо было. І, не дбаючы сабе, кінуўся да хлопцаў. А вярнуўся – дзедку памылі ўжо. Так на гэтым мосціку ён і памёр, заснуў, што матылёк. (В. Казько. Хроніка дзетдомаўскага сада). – А нямашака даўно ўжо. Ад саменькае етае вайны. Праўда, прыйшоў быў з фронту ў сорок пятым, як пабеда настала. Пабыў дома, пажыў з паўгода. Кволіўся, увесь зранены, зрашэчаны, як тое дзіравае рэшата. Адночы лёг і з начы не ўстаў. Памёр – як заснуў усё адно... За чатыры гады фронту хіба мала яму дасталася!.. Сем разоў, казаў, паранены быў, падлечыцца, і зноў на перадаваю (С. Кухараў. На вакзале). Праз некалькі дзён Гануля памерла. Памерла лёгка, бы заснула. Памерла раніцаю. Апошнюю ноч у хаце праспала ў труне. А назаўтра, калі сонца павярнулася з поўдня, завезлі Ганулю на могілкі (М. Гіль. Старая яблыня).

Рабіць, што магчыма ⇐ афарызм аўстрыйскага міністра фінансаў графа Ёзэфа фон Валіса (1767–1818), сказаны ў 1811 г. аўстрыйскаму дзяржаўнаму дзеячу і дыпламату графу Клеменсу Венцэлю Лотару фон Метэрніху (1773–1859). □ *Трэба прыкладаць усе магчымыя намаганні.* 📖 Звыклы браць цяжар працы на свае плечы, адказваць за раён, за людзей, ён [Апейка] з прыкрасцю адчуваў, што задача гэта – проста непасільная, што гэта, як ён ні будзе старацца, не зробіць, бо зрабіць гэта немагчыма за такі час, пры тых умовах, якія былі вядомы яму з бясконных паездак. Але рашэнне ёсць рашэнне, трэба было рабіць, што магчыма і – больш таго (І. Мележ. Подых наваліныцы). *Сяргейка падбег да бяздомніка, падхапіў яго на рукі і кінуўся з ім да свайго ганку: – Мама! Тата! – крыкнуў ён. – Дапамажыце! Спалоханая маці выбегла на двор і жахнулася: – Божа літасцівы! Які ён худы! – Мамачка, дай хутчэй яму што-небудзь паесці! – узмаліўся хлопчык, але, пакуль маці забегла ў хату за ратавальнай ежай, сабака памёр у Сяргейкі на руках. Большага гора ў хлопчыкавым жыцці пакуль не было, таму ён не стрымліваў сябе і ўголас плакаў. Прышлося рабіць апошняе, што магчыма было зрабіць для гэтага сабакі – пахаваць яго (С. Давідовіч. Сучасны гном).

У кожнага ўзросту свае задавальненні, свой розум і звычкі ⇐ фр. *Chaque âge a ses plaisirs, son esprit et ses mœurs* – афарызм з паэмы «Паэтычнае мастацтва» («L'art poétique», 1674) французскага паэта і літаратурнага крытыка Нікола Буало-Дэпрэа (1636–1711). □ *У кожнага накалення (узроставай групы) свае перавагі, звычкі, густы, погляды, меркаванні.* 📖 *Вось яна, калматая малеча! Іх іголачкі сапраўды блакітныя. Але якая разнастайнасць адценняў! Ад колеру чыстай нябеснай вышыні вясенняга ранку да амаль поўнай попелнасці ўсходняга небакраю пасля захаду сонца. Ад насычанай сінявы пераднавальнічнага неба да пяшчотнай зеляніны з налётам на ёй танюткага слою блакітнага пылку. У кожнага яруса лапак свая палітра. У кожнага ўзросту сваё адценне (В. Гарбук. Блакітныя елкі). У той час у грамадстве была мода на актывістаў, на грамадскіх работнікаў, на тых, хто стваральна працаваў на агульную карысць, быў патрыётам. Гэтыя ідэі былі самі па сабе зразумелыя і вытокі іх былі ў акцябрацкім, піянерскім і камсамольскім руху – для кожнага ўзросту свае ідэі і свае ўваабленні грамадскіх ідэалаў. Гэта была для нас як другая рэлігія, так нас выхоўвалі бацькі, школа, ВНУ (Белта). – Я набіраю двухгодак і «вяду» іх да самага выпуску. У кожнага ўзросту свае асаблівасці, калі маленькім уласціва перайманне, лёгкая ўнушаль-

насць, пераважае зрокава-эмацыянальная памяць і наглядна-дзеяснае мысленне, то ў дзяцей старэйшай групы больш ярка выступае сувязь маральных якасцяў з інтэлектам (Бераставіцкая газета).

Усе жанры добрыя, акрамя сумнага ⇐ фр. *Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux* – выслоўе французскага пісьменніка і філосафа Вальтэра (Мары Франсуа Аруэ, 1694–1778) з прадмовы да яго камедыі ў вершах «Блудны сын» («L'enfant prodigue», 1738). □ **Усе жанры ў мастацтве і літаратуры маюць права на існаванне, але сумныя, нецікавыя, малаэстэтычныя творы незалежна ад жанру не павінны з'яўляцца на свет.** □ Упэўнены, што складана будзе знайсці ахвотнікаў прачытаць як я «сузмрочныя» аповесці Южыка і Казлова тройчы. Адзін з артыкулаў Стральцова так і называецца – «Усе жанры добрыя, акрамя сумнага». Дык дзе ж, калегі-празаікі, «па-сапраўднаму сонечныя творы»? У сучаснай прозе пераважае змраката, штучна нагнятаюцца паныласць і апатыя, а так хочацца трошкі праўдзівага сонца ў каламутнай халоднай вадзе нашай белетрыстыкі (І. Запрудскі. Горад і сейбіты ветру, ці У цянотах магічнага рэалізму). Тым больш, што дзяліць віды літаратурнай дзейнасці на першасныя і другасныя ў літаратуры – справа няўдзячная і марная. Вядома, калі гэта літаратура сапраўдная. Дарэчы, сам Стральцоў, як ніхто іншы, гэта добра разумеў і прызнаваўся ў адным са сваіх выступленняў («Усе жанры добрыя, акрамя сумнага»): «Можа ўзнікнуць пытанне, памагае ці замяна вопыт крытыка, асэнсаванне «кухні пісання» стварэнню ўласна мастацкіх твораў? Мне здаецца, памагае, хаця б у тым сэнсе, што перасцерагае ад спакусы браць штурмам адчыненыя дзверы» (Звязда).

Усё тленна <вечна толькі магутнае мастацтва> ⇐ фр. *Tout passe, l'art robuste seul à l'éternité* – афарызм з верша «Мастацтва» («L'art», 1858) французскага празаіка і паэта-рамантыка, журналіста, літаратурнага крытыка, падарожніка П'ера Жуля Тэафіля Гацье (1811–1872). □ **Усё ў гэтым свеце недаўгавечна, але толькі мастацтва несмяротна.** □ *Не зло і насілле, а – сеяць дабро, // інакшая вартасць багацця, не сіла, // а попел нікчэмны // яго перад ахвярай Распяцця! // Усё тленна, дачасна. Гасціна – жыццё, // а вечнасць – дабра перамога. // Любоў – не смяротнасць. Яна – адкрыццё // нябеснае, райскай дарогі (Л. Геніюш. Даўніна).

У слоўніку крылатых афарызмаў беларускай мовы з іншамоўных крыніц будзе адлюстравана больш за 250 найбольш ужывальных адзінак, якія не былі зафіксаваны ў існуючых эптаграфічных крыніцах. Слоўнік прызначаны для ВУ і школы, будзе карысны літаратурным рэдактарам і перакладчыкам, а таксама ўсім тым, каго цікавяць іншамоўныя запазычаныя крылатыя слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Янкоўскі, Ф. М. Крылатыя словы і афарызмы (з беларускіх літаратурных крыніц) / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1960. – 135 с.
2. Іванова, С. Ф. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў / С. Ф. Іванова, Я. Я. Іваноў. – Мінск : БФС, 1997. – 262 с.
3. Іваноў, Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст. : тлумачальны слоўнік / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2011. – 164 с.
4. Крылатыя выразы ў беларускай мове : з іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. : тлумачальны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Іванова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. – 136 с.
5. Крылатыя выразы ў беларускай мове: з рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. : тлумачальны слоўнік. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2006. – 208 с.
6. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Вышэйшая школа, 2014. – 141 с.

7. Іваноў, Я. Я. Беларускія прыказкі з біблейных крыніц (матэрыялы да руска-беларуска-англійскага слоўніка біблейскага) / Я. Я. Іваноў // *Аврааміевскія чтэння* / пад рэд. А. В. Корольковай. – Смоленск : Радопа, 2014. – С. 11–24.
8. Іваноў, Я. Я. Да складання слоўніка «Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з біблейскіх крыніц» (лексікаграфічныя матэрыялы) / Я. Я. Іваноў // *Філолагічны часопіс*. – 2018. – Вып. 2 (11). – С. 16–33.
9. Іваноў, Я. Я. Крылатыя выразы з Бібліі ў беларускай мове (лексікаграфічны аспект) / Я. Я. Іваноў // *Філолагічны студыі*. – 2018. – Вып. 18. – С. 35–47.
10. Іванов, Е. Е. О лексикографическом описании крылатых афоризмов из библейских источников в современном белорусском языке (с эквивалентами библейских афоризмов в русском языке) / Е. Е. Иванов, Д. С. Кравцова // *Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева*. – 2019. – № 3 (103). – С. 54–63.
11. Іваноў, Я. Я. Састаў і структура руска-беларускага слоўніка крылатых біблейскіх выказаў і афарызмаў / Я. Я. Іваноў, В. М. Макіенка // *Труды БГТУ. Серія 4: Прынт- і медыатэхналогіі*. – 2019. – № 2 (225). – С. 108–117.
12. Вальтер, Х. Национально-культурная маркированность библейских выражений и афоризмов русского языка (лингвострановедческая зона русско-белорусского словаря библеизмов с соответствиями в немецком языке) / Х. Вальтер, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко // *Но мы сохраним тебя, русский язык! : колл. монография, посвящ. 90-летию акад. В. Г. Костомарова*. – М. : Флинта, 2019. – С. 134–160.
13. Іванов, Е. Е. О словаре крылатых библейских выражений современного белорусского литературного языка (с историко-этимологическими комментариями и соответствиями в современном русском языке) / Е. Е. Иванов // *Славянская историческая лексикология и лексикография*. – 2019. – Вып. 2. – С. 185–199.
14. Лепта біблейскай мудрасці: біблейскія крылатыя выражэнні і афарызмы на руском, англійском, беларуском, немецком, словацком і украінском мовах. – Могилев : МГУ ім. А. А. Кулешова, 2014. – 208 с.
15. Лепта біблейскай мудрасці: руска-славянскі слоўнік біблейскіх выражэнняў і афарызмаў з адпаведнасцямі ў германскіх, рымаўскіх і іншых мовах : у 2 т. / пад рэд. Е. Е. Іванова [і др.]. – Могилев : МГУ ім. А. А. Кулешова, 2019. – Т. 1. – 334 с. ; Т. 2. – 308 с.
16. Іванов, Е. Е. Наследзіе Бібліі ў мовах і культурах народаў Расіі і Беларусі / Е. Е. Іванов, В. А. Маслова, В. М. Мокиенко. — М. : Изд-во РУДН, 2022. – 406 с.
17. Іванова, С. Ф. Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы) / С. Ф. Іванова, Я. Я. Іваноў, Н. Б. Мячкоўская. – Мінск : Веды, 1998. – 112 с.
18. Іваноў, Я. Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы як аб’ект лінгвакраіназнаўства (пры вывучэнні беларускай мовы як замежнай і як другой ва ўмовах блізкароднаснага руска-беларускага білінгвізму) / Я. Я. Іваноў // *Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы* / гал. рэд. Г. Цыхун. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. – С. 285–290.
19. Іваноў, Я. Я. Праблемы лінгвістычнага вывучэння афарызмаў / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : Брама, 2003. – 194 с.
20. Іваноў, Я. Я. Дыферэнцыяльныя прыметы афарызмаў / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : Брама, 2004. – 160 с.
21. Іваноў, Я. Я. Аб другасным спосабе дэрывацыі непрэцэдэнтных афарызмаў / Я. Я. Іваноў // *Грані слова : к 65-летию проф. В. М. Мокиенко*. – М. : Изд-во ЭЛПИС, 2005. – С. 463–468.
22. Іваноў, Я. Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – 208 с.
23. Глуханько, Л. У. Афарызм і малыя тэкставыя формы: суадноснае і агульнае (на матэрыяле беларускай, рускай, польскай, англійскай моў) / Л. У. Глуханько, Я. Я. Іваноў // *Językoznawstwo*. – 2021. – № 1 (15). – С. 123–146.
24. Теплякова, А. Д. Источники происхождения крылатых слов в современном немецком литературном языке / А. Д. Теплякова // *Веснік МДУ імя А. А. Куляшова*. – 2006. – № 4 (25). – С. 152–161.

25. Іванова, С. Ф. Крылатыя словы са старажытнагрэчаскіх крыніц у сучаснай беларускай літаратурнай мове / С. Ф. Іванова, А. Д. Цеплякова // Славянская фразеологія і парэміялогія в XXI веце / под ред. Е. Е. Іванова, В. М. Мокиенко. – Минск : Зміцер Колас, 2010. – С. 284–292.

26. Цеплякова, А. Д. Крыніцы паходжання лацінскіх запазычанняў крылатых слоў у сучаснай беларускай мове / А. Д. Цеплякова // Acta Germano-Slavica : зборнік навуковых артыкулаў / пад рэд. Я. Я. Іванова. – 2011. – Вып. 4. – С. 96–101.

27. Tepljakowa, A. Die deutschen Entlehnungen geflügelter Worte in der modernen belarussischen Schriftsprache / A. Tepljakowa // Філолагічны часопіс. – 2019. – № 1 (13). – С. 122–129.

28. Tepljakowa, A. Über den Aufbau des Wörterbuchs der geflügelten Worte der modernen deutschen Schriftsprache (für Belarussen, die Deutsch als Fremdsprache studieren oder lernen) / A. Tepljakowa // Языкознаўство. – 2020. – No. 1(14). – S. 107–128.

Abstract. The article discusses the principles of constructing a dictionary of winged aphorisms of the Belarusian language, originating from foreign literary and other text sources. Foreign-language catchphrases are described in the dictionary by form (invariant and variant), semantics (meaning and situation of use), origin (etymology and history), and functioning (in original and paraphrased form). Samples of dictionary entries are given using the example of popular aphorisms borrowed from English, German, French etc.

Keywords: Belarusian language, winged aphorisms, borrowings, literary source, folklore source, dictionary.

Іванов Евгений Евгеньевич – доктар філолагічных навук, доцент; Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Кулешова (ivanov-msu@mail.ru).

УДК 811.161.1'373.2'373.612.2

Е. В. Іванова

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИИ

Анотацыя. В статье уточняются принципы выделения сферы-источника и сферы-цели при описании концептуальной метафоры на материале фразеологии. Подчеркивается важность и правомерность учитывать в процессе моделирования концепта его метафорический потенциал, то есть способность входить в сферу-источник. Обосновывается целесообразность выделения концептов, тяготеющих к одной из двух сфер, в том числе и при проведении сопоставительных исследований.

Ключевые слова: концептуальная метафора, сфера-источник, сфера-цель, концепт, фразеология, сопоставительный анализ.

Тэорыя канцэптуальнай метафоры Дж. Лакоффа і М. Джонсона [1] шырока іспользуецца ў даследаваннях мовнай абразнасці пачынаючы з канца прашлага века і па цяперашняе час. Крытычныя заўважэнні ў яе адрас як у замежнай, так і ў адчужаенай лінгвістыцы [2; 3; 4] не ўплываюць на безусловную эфектыўнасць практычнага прымянення данай тэорыі пры апісанні мовнага матэрыяла і спосабствуюць ўточненню і далейшаму развіццю яе асноўных палажэнняў. Савершэнна естэсвенна і заканамерна, што некаторыя аспекты гэтай тэорыі, як і любой новай канцэпцыі, падвергаліся і падвергаюцца крытычнаму осмысленню і модыфікацыі, як, напр., заўважэнне аб тым, што мовныя адзінкі могуць быць звязаны не з адной, а некалькімі канцэптуальнымі метафарамаі [3], ўвядзенне ў сувязі з гэтым паняцця метафарычнага кластэра [5].

Теория концептуальной метафоры успешно применяется при анализе фразеологических единиц [6; 7; 8; 9 и др.], в том числе и в сопоставительном аспекте [10; 11 и др.]. Последнее позволяет выявить общее и национально-специфическое в образной интерпретации мира во фразеологии двух или более языков.

Суть теории концептуальных метафор, как хорошо известно, заключается в постулировании взаимодействия двух концептуальных сфер, находящего отражение в семантике целого ряда отдельных метафорических языковых единиц. Так, в универсальной по своей природе зооморфной метафоре [12; 13] происходит взаимодействие сферы-источника «Животное» и сферы-цели «Человек», записываемое формулой «ЧЕЛОВЕК – это ЖИВОТНОЕ». Напр., по отношению к человеку, с излишним рвением охраняющему интересы кого-либо, служащему кому-либо / чему-либо, можно применить слово «собака» в его вторичном метафорическом значении [14, с. 66]. Если мы хотим поменять эти сферы местами, то возникнет иная, тоже широко распространенная метафора – антропоморфная. Так, для наименования собак разного пола и возраста могут быть использованы слова *ребенок, мальчик, девочка, парень, малыш* [14, с. 67]. Таким образом, меняется тип метафоры и реализующие ее лексические единицы. Если обратиться к фразеологическим единицам (ФЕ), то антропоморфная метафора со сферой-целью «Животное» вряд ли может быть обнаружена в силу направленности фразеологии на человека, его внутренние и внешние характеристики. Говорить о смене типа концептуальной метафоры и репрезентирующих ее ФЕ в данном случае не приходится.

Взаимодействие может происходить между двумя абстрактными сферами, как, напр., в концептуальной метафоре MOTION DOWN is FAILURE, анализируемой в исследовании Д. Ю. Шидловской [16, с.182]. Правомерно ли в последнем случае также выделить метафору FAILURE is MOTION DOWN (*fall flat on one's face*), соответственно в русском – НЕУДАЧА – это ДВИЖЕНИЕ ВНИЗ (*ударить лицом в грязь*)? И можно ли при рассмотрении ФЕ, описывающих смерть (*go the way of all flesh* и др.), говорить не только о метафоре DEATH is MOTION, но и о MOTION is DEATH вопреки стереотипному знанию о том, что движение – это жизнь, а вовсе не смерть? Иными словами, поменять концептуальные сферы местами, не меняя при этом репрезентирующие их ФЕ? Обыденному сознанию человека, очевидно, в равной мере привычны представления как о смерти и неудаче, так и о движении. Человек находится в движении каждый день и в среднем большую часть дня, что имеет своим результатом внушительное количество глаголов, именующих процесс движения как в русском, так и в английском языках. Однако, как показывает, напр., исследование Д. Ю. Шидловской, сфера движения как таковая не получает номинации во фразеологии английского языка [19]. Иными словами, практически отсутствуют ФЕ, именующие движение, но достаточно широко представлены ФЕ с семантикой движения во внутренней форме (буквальном значении). Данный факт является косвенным подтверждением того, что человеку нет большой необходимости в образном осмыслении самого процесса движения, хотя полное отсутствие метафор в его осмыслении отрицать нельзя (сравн. *лететь, fly* в значении 'быстро бежать' / 'to move or go quickly'). В то же время языковое представление смерти требует иносказательности в силу своей табуированности в социуме, нежелания человека прямо называть неприятные явления, и в первую очередь смерть. Представление смерти как движения, перемещения в иное место, иной мир присутствует в русской и английской лексике (*yūti, depart*) и фразеологии:

отправиться в лучший мир, отправиться на тот свет [15];

come to a bad end, go to one's reward, go west [9, с. 265].

Данный факт позволяет утверждать, что смерть выступает в рассматриваемых метафорических номинациях в качестве сферы-цели, а движение – сферы-источника (СМЕРТЬ – это ДВИЖЕНИЕ; DEATH is MOTION). Кроме того, прямым, а не косвенным подтверждением этого является внутренняя форма ФЕ, непосредственно указывающая на сферу-источник, в данном случае – на движение в определенном направлении.

Аналогично, в метафоре со сферами НЕУДАЧА / FAILURE и ДВИЖЕНИЕ ВНИЗ / MOTION DOWN к сфере-источнику относится именно концепт движения.

Однако принадлежность концепта движения к сфере-источнику не означает, что указанные метафоры не могут быть учтены при его моделировании. Литература о концептах в современной лингвистике столь обширна, что в рамках небольшой статьи не представляется возможным даже слегка затрагивать этот вопрос. Поэтому примем здесь самое обобщенное понимание концепта, не противоречащее большинству его определений, как концентрированного знания об объекте, репрезентированного в семантике языковых единиц. При таком определении лингвист вправе моделировать любой концепт, как концепт смерти, так и концепт движения. Таким образом, если в центре внимания находится концепт смерти, описываются метафоры, в которых смерть выступает в качестве сферы-цели, и метафоры, в которых смерть является сферой-источником. Аналогично, если исследуется концепт движения, то необходимо рассмотреть и те случаи, где концепт движения представляет собой сферу-источник, и те, где он является сферой-целью.

При проведении сопоставительного анализа концептов, репрезентированных ФЕ, как и при их моделировании в рамках одного языка, целесообразно учитывать «обратную сторону» концепта, его метафорический потенциал, позволяющий выступать в качестве сферы-источника, что успешно и реализуется, напр., в диссертационном исследовании А. А. Бутиной [6]. Подобный подход позволяет получить наиболее полное описание языковой репрезентации концептов, выявить все связанные с ними ассоциативные связи и построить их детализированные модели.

Очевидно, что существует ряд концептов, которые по своей природе тяготеют в модели метафоры к той или иной сфере. Фразеологический концепт движения явно относится к сфере-источнику, судя по результатам проведенного исследования. Полную «инвентаризацию» подобных характерных для одной сферы концептов еще предстоит осуществить, включая их сопоставительный анализ во фразеологии разных языков. Выделение наиболее частотных сфер-источников и сфер-целей [9, с. 265] можно рассматривать как уже сделанный в этом направлении шаг.

Список использованных источников

1. Lakoff, G. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago, London : The University of Chicago Press, 1980. – 275 p.
2. Баранов, А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73–94.
3. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие / М. В. Никитин. — 2-е изд., доп. и испр. – СПб.: Изд-во Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, 2007. – 819 с.
4. Gibbs, R. W. *Metaphor in Cognitive Linguistics* / R. W. Gibbs, G. Steen. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1997. – 225 p.
5. Русецкая, Н. Н. Когнитивный анализ английских глагольных фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц с глаголами предметно-практической направленности): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. Н. Русецкая; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2007. – 26 с.
6. Бутина, А. А. Концепты CAT и DOG в английской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. А. Бутина; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2012. – 22 с.
7. Москаленко, А. В. Концепт «ПТИЦА» в английской фразеологической картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Москаленко; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2015. – 22 с.
8. Силинская, Н. П. Концепты отрицательных эмоций в английской фразеологической картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. П. Силинская; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2008. – 22 с.

9. Шидловская, Д. Ю. Концептуализация движения в британской лингвокультуре : дис. ... канд. филол. наук : 5.9.6 / Д. Ю. Шидловская; Российский гос. пед. ун-т. – СПб., 2023. – 345 с.
10. Авраменко, О. В. Пищевая метафора русского и английского языков в аспекте межъязыковой образности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 5.9.8. / О. В. Авраменко; Томский гос. ун-т. – Томск, 2023. – 24 с.
11. Насибуллова, Г. Р. Концептуальная метафора в фразеологических единицах английского и татарского языков, репрезентирующих концепты “OLD” (“КАРТ”) “YOUNG” (“ЯШЬ”) / Г. Р. Насибуллова, Д. П. Шейнина // Казанская наука. – 2021. – № 8. – С. 34–36.
12. Гак, В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – С. 11–26.
13. Ullmann, S. Semantics: An Introduction of the Science of Meaning / S.Ullman. – Oxford : Basil Blackwell Publisher, 1972. – 278 p.
14. Путилина, Т. Г. Лексема «собака»: языковое выражение идеологического конфликта / Т. Г. Путилина [Электронный ресурс]. – // ГСНТИ 16.21.51, 2020, С. 62–80. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/leksema-sobaka-yazykovo-vyrazhenie-ideologicheskogo-konflikta/viewer>. – Дата доступа : 06.09.2023.
15. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров [Электронный ресурс]. – М. : Астрель, АСТ, 2008. – Режим доступа : <http://www.terminy.info/russian-language/phrasebook-russian-literary-language/>. – Дата доступа : 07.09.2023.

Abstract. The article is aimed at specifying some principles of outlining the source domain and the target domain in the description of conceptual metaphor represented by phraseological units. The article emphasizes the importance and credibility of taking into account the metaphorical potential of a concept, i.e. its inclusion into the source domain, in the process of modeling. The article gives reasons for delineating concepts typical of one or the other domain in cross linguistic analysis.

Keywords: conceptual metaphor, source domain, target domain, concept, phraseology, cross linguistic analysis.

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (e.v.ivanova@spbu.ru).

УДК 811.161.1 811.161.3

Н. Д. Игнатьева

НЕ ВСЕ ТО БЛАГО, ЧТО ИМ НАЗЫВАЕТСЯ (ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности лексикографирования материала при составлении «Большого русско-белорусско-украинско-русинского словаря библеизмов» на примере единиц с корнем *благ-* в русском и белорусском языках. Представлено сопоставление семантического объема лексических, фразеологических и паремиологических единиц с указанным корнем в русском и белорусском языках.

Ключевые слова: энантиосемия, библеизмы, перевод, пословицы, языковая картина мира, русский язык, белорусский язык.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00252, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

В каждом языке существует группа слов, в которой сконцентрирована и кристаллизована языковая картина мира данного народа [1; 2; 3 и др.]. В русском языке к таким концептам относятся, напр., ДУХ, ДУША, ТОСКА, АВОСЬ, БЛАГО и др. Концепт БЛАГО, являющийся одним из универсальных базовых концептов, связан с такими по-

нятиями, как «любовь», «милость», «добро», «счастье». Свое основное содержание он сохраняет на протяжении всей истории русского языка, несмотря на некоторые семантические сдвиги: в начале и середине XX века, по наблюдениям лексикологов, увеличивается доля абстрактности данного концепта ввиду наполнения его идеологическими смыслами, а к концу XX века вновь актуализируются этические смысловые компоненты, свойственные ему в древнерусский период [4, с. 504]. Слово *благо* сейчас является широко употребительным, о чем свидетельствуют тысячи его вхождений в известные современные СМИ [4, с. 503].

Однокоренное прилагательное *благой* в русском языке обнаруживает явление энантиосемии; сравн. толкование его в словаре В. И. Даля: «Благий или благой выражает два противоположных качества...» [5, с. 222]. До сих пор не существует однозначной версии, объясняющей формирование в слове противоположных значений. Согласно одной из них, *благой 1* и *благой 2* – это этимологически не связанные между собой омонимы, произошедшие от различных древних основ, которые с течением времени случайно совпали по произношению. Однако на сегодняшний день большинство ученых склоняются к тому, что эта версия мало достоверна.

Еще одним объяснением возникновения противоположных значений у слова *благой* является точка зрения известного этнографа и фольклориста Д. Зеленина, который считал, что значение ‘плохой, худой’ является результатом использования слова *благой* в качестве эвфемизма. Ученый полагал, что «отрицательное» значение возникло вследствие описательного табуистического употребления именованной *благая* для болезни, нечистой силы и т. д. [6, с. 155]

В современных украинском и белорусском языках и их диалектах прилагательное известно в значении ‘плохой’ – в современном же русском языке слово *благой* употребляется преимущественно со значением положительной оценки ‘хороший, добрый’, за исключением выражения *благим матом* (кричать) [см.: 7, с. 121–122] и диалектных единиц с негативной семантикой ‘дурной, плохой; неблагоприятный, приносящий беду’ и др. [8, с. 306–308].

Цель работы заключается в том, чтобы продемонстрировать ценность Проекта «Большого русско-белорусско-украинско-русинского словаря библеизмов» в сопоставительных исследованиях по лексикологии, в частности в аспекте анализа способов перевода библеизмов и их интерпретации в славянских языках, в том числе в диахроническом плане – начиная с текстов Библии и заканчивая источниками второй половины XX – начала XXI веков. В качестве источника материала для данного исследования послужил масштабный проект «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации» под руководством д. ф. н., профессора Т. Г. Никитиной. Теоретическая и практическая мотивация данного Проекта заключается в проблеме реального употребления библейских выражений в современном речевом узусе русских, белорусов, украинцев и русинов и осознания их сакрального источника носителями их языков.

Обратимся к материалам Проекта Большого русско-белорусско-украинско-русинского словаря библеизмов. Открывает словарную статью на единицу *благо* следующее толкование: ‘милость, благодетельное, добро, счастье’; приводимый далее иллюстративный материал указывает на многократное употребление данной лексемы в русском переводе Библии. В белорусском переводе она звучит как *дабро, даброць*.

Задача иллюстративного материала обычно начинается с фрагмента текста из Библии:

Рус. *Еккл 2, 24: Не во власти человека и то благо, чтобы есть и пить, и усладить душу свою от труда своего. Пс 118, 65: Благо сотворил Ты рабу Твоему, Господи, по слову Твоему. Лк 1, 53: алчущих исполнил благ, и богатящихся отпустил ни с чем.* – Бел. *Ср. Экл 2, 24: Няма чалавеку ўлады над тою даброцьцю, каб есьці і піць і каб душа*

мела радасьць ад працы ягонаі. Я ўбачыў: і гэта – з рук Божых. Лк 1, 53: галодных напоўніў **дабром**, а багатых пусьціў ані з чым (Здесь и далее белорусский текст Библии приводится в переводе В. С. Семухи).

Далее следуют примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [9], в частности из параллельного русско-белорусского подкорпуса. Здесь приводится перевод на белорусский язык: для *благо – дабро, ичасце, карысьць, заслуга, узвышэнне*; для *блага – даброты, выгоды*.

Рус. *Однако никому не известно, что таит в себе опыт вземной цивилизации – благо или зло для человечества?* (Чингиз Айтматов. И дольше века длится день (Буранный полустанок) (1980–1984). – Бел. *Аднак ніхто не ведае, што тойць у сабе вопыт пазаземнай цывілізацыі – дабро або зло для чалавецтва?* (Чынгіз Айтматаў. Буранны паўстанак (І вякуе дзень даўжэй за век) (Міхась Стральцоў, 1987)); Рус. *Ордену зачтется как благо, если там пресекутся эти две вредные делу мира жизни* (Константин Тарасов. Погоня на Грюнвальд (1986)). – Бел. *Ордэну залічыцца заслугай, калі там скончацца гэтыя два шкодныя для міру жыцці* (Кастусь Тарасаў. Пагоня на Грунвальд (Кастусь Тарасаў, 1997)); Рус. *Все ждали разного: одни готовились благо принять, другие мечтали избежать бесчестия* (Константин Тарасов. Погоня на Грюнвальд (1986)). – Бел. *Усе чакалі рознага: адны рыхтаваліся пра ўзвышэнне сваё пачуць, другія марылі пазбегнуць ганебнай абразы* (Кастусь Тарасаў. Пагоня на Грунвальд (Кастусь Тарасаў, 1997)).

В русском языке активное использование получили такие фразеологические единицы библейского происхождения, как *всех благ, желать блага, во благо, на благо, творить/сотворить благо, блага жизни, земные блага, ни за какие блага в мире* и др. При переводе на белорусский язык используются следующие сочетания: *зямныя даброты, выгоды, на дабро* и др.

Рус. *Однако это не мешало ему бороться за земные блага* (Владимир Короткевич. Колосья под серпом твоим (Валентина Щедрина, 1974)). – Бел. *Аднак гэта не перашкаджала яму змагацца за зямныя даброты* (Уладзімір Караткевіч. Каласы пад сярпом тваім)); Рус. *По их расчетам, они должны были через несколько часов подойти к реке, где ждали их катер, отдых, покой, безопасность и чуть ли не все земные блага* (Янка Мавр. В стране райской птицы (В. Жиженко, 1957)). – Бел. *Па іх меркаваннях, яны павінны былі праз некалькі гадзін падысці да ракі, дзе чакаў іх катэр, адпачынак, спакой і ўсе выгоды* (Янка Маўр. У краіне райскай птушкі (1926)); Рус. *Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию* (Послание к Римлянам (синодальный перевод) (1816–1862)). – Бел. *Кожны з нас павінен дагаджаць бліжняму на дабро, для ўмацавання* (Да Рымлян Пасланне святога Апостала Паўла (Біблійная Камісія Беларускай Праваслаўнай Царквы, 2010)).

В русском языке зафиксировано также значительное количество сложных слов с корнем *благ-*. Так, в «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847) помещено более 520 единиц с данным корнем (*благовест, благовестить, благовещение* и т. д.) [10].

Рус. *Да, говорят, что и до сих пор критик Латунский бледнеет, вспоминая этот страшный вечер, и до сих пор с благоговением произносит имя Берлиоза* (Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 2) (1929–1940)). – Бел. *Ага, гавораць, што і дасюль крытык Латунскі палатнее з твару, калі ўспамінае гэты страшны дзень, і да гэтага часу як святое вымаўляе Берліёзава імя* (Міхаіл Булгакаў. Майстар і Маргарыта (ч. 2) (А. Жук, 1994)); Рус. *Такого богатого урожая я ещё никогда не собирал. Как будто благодать какая-то на землю... Вот мешки* (Андрей Курейчик. Потерянный рай (2001)). – Бел. *Такога багатага ўраджаю я яшчэ ніколі не збіраў. Нібыта ласка Божая на зямлі... Вось мяхі* (Андрэй Курэйчык. Згублены рай (Андрэй Курэйчык, 2001)); Рус. *...очередное соглашение с китайскими партнерами заключено в благоприятный для мирового калийного рынка период* (БЕЛАПАН. БКК заключила контракт с Китаем на поставку калийных удобрений по 470 долларов за тонну (2011)). – Бел. *...чарговае пагадненне з кітайскімі партнёрамі за-*

ключана ў **спрыяльны** для сусветнага калійнага рынку перыяд (БЕЛАПАН. БКК заключыла кантракт з Кітаем на пастаўку калійных угнаенняў па 470 долараў за тону (2011)); Рус. *Людское стадо еще не успело отрезветь от патриотического угара, и шикарные N-ские фабрикантики и дородные купчихи вперегонки играют в благотворительность* (Максим Горьцкий. На империалистической войне (Идалия Кононец, 1988)). – Бел. *Людскі статак не паспеў яшчэ ацверазець ад патрыятычнага чаду, і шыкарныя N-скія фабрыканціхі і самавітныя купчыхі навыверадкі бавяцца ў дабрадзейнасць* (Максім Гарэцкі. На імперыялістычнай вайне (1914–1928)).

Материал, отражающий употребление белорусских лексических единиц с корнем *благ-*, указывает на единичные фиксации совпадения данной лексемы по форме и содержанию в русском и белорусском языках с положительной семантикой. Это касается слов *благаславенне* и *благавешчанне* (христианский праздник).

Рус. *Каков поп, таково и благословенье*. – Бел. *Які поп (ксьёндз), такое благаславенне* (Грынблат 1976, 1, 330); *Якое благавешчанне, такі вялікдзень будзе* (Грынблат 1976, 1, 97); *Да благавешчання зіму не лай і сані трымай* (Грынблат 1976, 1, 97); *На благавешчанне ў звон, а із морквы дух вон* (Грынблат 1976, 1, 97).

В ряде случаев белорусскому *благі* соответствуют русские прилагательные *лихой, злой, плохой, худой*: Бел. *Паступова Чубар пачынаў разумець, што сёння ці ўдасца выбавіцца з цемры, каб трапіць у Журынічы, – на **благі канец** нядрэнна набрысці хоць на якую вёску*. – Рус. *Постепенно Чубарь начинал понимать, что сегодня вряд ли удастся попасть в Журиничи, **на худой конец** было бы неплохо набрести хоть на какую-нибудь деревню* (Иван Чыгрынаў. Плач перапёлкі (1970) | Иван Чигринов. Плач перепелки (М. Горбачев, Иван Чигринов, 1972)).

При анализе белорусского паремиологического материала было зафиксировано активное употребление единиц с корнем *благ-* в значении ‘лихой, злой, плохой’, в то время как русские паремии с компонентом *благой* и его производными активно не представлены (за исключением отдельных производных): *Смиренье – Богу угожденье, уму – просвещенье, душе – спасенье, дому – благословенье и людям – утешенье*. Тан. 1986, 140.

Дискуссионным представляется включение в одну словарную статью единиц, совпадающих по форме, вынесенных в качестве заглавного слова, но имеющих противоположное значение. Было принято решение в подобных ситуациях использовать указатель «Сравн.» (Сравните) и оставлять их, так как подобное соотношение важно для понимания смысла паремий. В противном случае они бы затерялись в корпусе словаря и не было бы возможности обратить внимание на случаи межъязыковой энантиосемии. Представленные ниже белорусские паремии были помещены в словарные статьи с заголовочным словом *благо* и производными от него.

Рус. *Худо лето, когда солнца нет (нету)* (русские пословицы приводятся по изданию: [11]). ~ Бел. *Благое лета, калі сонца нету* (Грынблат 1976, 1, 84) [12]; Рус. *Добро помнится долго, а **лихое** вдвое (вдвойне)*. ~ Бел. *Добрае чуваць далёка, а **благое** яшчэ далей* (Грынблат 1976, 2, 428) [13]; Рус. *Доброму везде добро*. ~ ~ Бел. *Добраму чалавечку добра і ў запечку, а **благаце** (ліхаце) дрэнна (кепска) і на куце* (Грынблат 1976, 2, 256); *Добрае для добрых, а **благое** нам* (Грынблат 1976, 2, 429); *Добры і богу трэба, а **благага** і чорт не бярэ* (Грынблат 1976, 2, 254); *Не так скоро стане добрае, як **благое*** (Грынблат 1976, 2, 427); *На **благага** чалавека хлебам кідай* (Грынблат 1976, 2, 259); *Благага як ні кармі – **благое** **благім** будзе* (Грынблат 1976, 2, 260); *Леней з добрым згубіць, як з **благім** знайці* (Грынблат 1976, 2, 262).

Отмечаются также и лакунарные случаи, когда при переводе на белорусский или русский язык единица *благо* и ее производные просто были опущены.

Рус. *Главное, не лило за ворот и то **благо***. *Сначала на четвереньках, а затем немало привстав, он пробрался в гулкую глубь трубы и свалился задом на ее покатую выгнутость* (Василь Быков. Труба (Василь Быков, 1998)). – Бел. *Галоўнае – не ліло за*

каўнер. Сьпяраша на чатырох, а пасля трохі прыўстаўшы, ён прабраўся ў гулкую глыб трубы і наваліўся задам на яе бакавіну (Васіль Быкаў. Труба (1998)); Рус. Потом он отскочил в траншею. Ему вдруг показалось, что немцы уже рядом, а они только вдвоем (Василь Быков. Журавлиный крик (В. Рудов, 1985)). – Бел. Пасля баец ускочыў у траншею, працяты **благой думкай**, што немцы ўжо побач, а іх засталася ўсяго двое (Васіль Быкаў. Жураўліны крык (1959)).

Таким образом, подробный анализ отдельных библеизмов русско-белорусского корпуса на основе материалов к составляемому Проекту Словаря позволяет глубже проанализировать семантическую значимость библеизмов в сопоставительном аспекте. Благодаря привлечению максимально полного паремииологического материала, в том числе и пословиц с расхождениями в семантике отдельных компонентов, появляется возможность продемонстрировать тождество содержательного наполнения значимых духовных концептов, являющихся основой библейских выражений, известных восточнославянским языкам.

Список использованных источников

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е / Ю. Н. Караулов. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
2. Зиновьева, Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике : учебник / Е. И. Зиновьева. – СПб. : СПбГУ; Нестор-История, 2016. – 182 с.
3. Колесов, В. В. «Жизнь происходит от слова...» / В. В. Колесов. – СПб., 1999. – 703 с.
4. Дмитриева, Н. М. Семантические сдвиги в вербализации этического концепта «благо» / Н. М. Дмитриева, И. И. Просвиркина // Русистика. – 2019. – № 4. – С. 502–514 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-sdvigi-v-verbalizatsii-eticheskogo-kontsept-a-bлаго>. – Дата доступа : 05.09.2023.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – 8-е изд. – М. : Русский яз., 1981–1982. – Т. 1 : А–З. – 1981. – LXXXVIII, 699 с.
6. Зеленин, Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии / Д. К. Зеленин. – Ч. 2. – Л. : Изд-во АН СССР, 1930. – С. 120–198.
7. Федорова, К. В. Эмоционально-оценочные производные в аспекте межславянской энантиосемии / К. В. Федорова // Вестник ВолГУ. Серия 2 : Языкознание. – 2011. – № 2. – С. 120–124 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalno-otsenochnye-proizvodnye>. – Дата доступа : 05.09.2023.
8. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка. – М. : Наука; Л. : Наука, Ленинградское отд-ние, 1965. – Вып. 2: Ба–Блазниться / сост. И. А. Попов [и др.]; гл. ред. Ф. П. Филин. – 1966. – 315 с.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 01.09.2023.
10. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук : в 4 т. – СПб. : Тип. Императ. Акад. Наук, 1847 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elib.shpl.ru/nodes/9370>. – Дата доступа : 01.09.2023.
11. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева / под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
12. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. – Кн. 1 / [Складанне, сістэматызацыя тэкстаў, уступны артыкул і каментарыі М. Я. Грынблат; рэд. А. С. Фядосік]. – Мінск : Навука і тэхніка. – 1976. – 556 с. (АН БССР. ІМЭФ. БНТ).
13. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. – Кн. 2 / [Складанне, сістэматызацыя тэкстаў, уступны артыкул і каментарыі М. Я. Грынблат; рэд. А. С. Фядосік]. – Мінск : Навука і тэхніка. – 1976. – 615 с. (АН БССР. ІМЭФ. БНТ).

Abstract. The article raises the issue of enantiosemia as one of the possible reasons for the formation of opposite meanings in the Belarusian and Russian languages of words and phraseological

units with the root of good. The functioning of these units in texts is considered and their semantic scope in the Russian and Belarusian languages is compared.

Keywords: enantiosemy, biblical texts, translation, proverbs, linguistic picture of the world, Russian language, Belarusian language.

Игнатъева Наталья Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент; Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (nataliagasheva@yandex.ru).

УДК 811.161.1.37

Н. А. Илюхина

ГЕШТАЛЬТ И СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Аннотация. В статье вопросы становления и развития фразеологической семантики рассматриваются в рамках концептологического подхода, который означает анализ фразеологической единицы в ее связи с тем или иным типом концепта. Осмыслению подвергаются фразеологические единицы, которые связаны с гештальтным типом концепта и на его основе развивают образный компонент фраземы.

Ключевые слова: фразеологическая единица, концепт, гештальт, образный компонент.

Сложная семантическая структура языковых единиц, особенно лексических и фразеологических, неизменно остается в центре внимания исследователей на протяжении всей истории лингвистической науки. Неизменным остается и интерес к чувственно-наглядной стороне семантики: «...только абстрактные значения без остатка расчленяются на элементарные компоненты (абстрактные семы), напр. значения местоименных слов, глаголов типа *находиться, присутствовать, останавливаться* и т. п. При расчленении же значений конкретных слов типа *дуб, слон, голова, сидеть, плясать, красный, горький* и т. п. мы всегда получаем эмпирический остаток, обычно сугубо индивидуальный, не повторяющийся в значениях других слов» [1, с. 4]. Не менее последовательно этот комплекс вопросов обсуждается в рамках фразеологической науки, – см., в частности, работы В. И. Коваля [2 и др.].

В истории изучения этой проблематики чувственно-наглядный компонент семантики имеет разные терминологические обозначения: *«внутренняя форма», «представление; эмпирический макрокомпонент, образный компонент* и др.

В лингвокогнитивной интерпретации таких явлений используются термины *представление* («картинка») для обозначения простого типа концепта или *гештальт* для обозначения сложного типа концепта, включающего в свою структуру чувственно-наглядный элемент. Примем следующее определение гештальта как единицы структурированного знания: «Гештальт – это целостный ментальный образ, единица знания, которая совмещает в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности, как результат целостного, нерасчлененного восприятия объекта или ситуации; единица знания, которая не сводится к суммарному знанию характеристик составных частей объекта (целое доминирует над составными частями) и потому не требует дискретизации, структурирования в процессе использования» [3, с. 57].

Наличие в значении «чувственных и рациональных компонентов в их единстве и целостности» особенно важно для формирования, функционирования и семантического развития фраземы. В научной литературе чаще дискутируется вопрос о природе, специфике слова и его фразеологически связанного значения: «Внутренняя форма фраземы закономерно выступает смысловым образующим звеном между этимологическим образом и актуальным значением фраземы, центром смыслогенерирующего образа, ко-

торый является идиоэтническим фактором формирования и развития фразеологического значения. Внутренняя форма фраземы, являясь эпидигматическим компонентом, источником и стимулятором вторичной номинативной деривации, с одной стороны, выступает важным регулирующим фактором формирования фразеологического значения, а с другой, – как ассоциативно-образный элемент, формирующийся в семантической структуре, стимулирует в процессе речевой реализации смысл фразеологических единиц» [4, с. 168.]

Наряду со значимостью для фразеологической семантики «внутреннего значения» в целом, о чем в данном случае пишут Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых, отметим и роль собственно эмпирической, чувственно-наглядной составляющей в структуре «внутренней формы» фразеологической единицы.

Цель статьи – оценить механизм развития фразеологической семантики с точки зрения роли и статуса чувственно-наглядной (образной) составляющей исходного выражения на основе концептологического подхода.

Такой подход акцентирует в осмыслении семантических вопросов когнитивный аспект, поскольку так или иначе опирается на «языковую личность как креативный механизм языковой деятельности» [5, с. 11], на учет аспектов порождения и восприятия/понимания речи.

В наших статьях предпринималась попытка рассмотреть логику становления фразеологизмов с точки зрения их соотношения с концептами нескольких типов: фреймом, пропозицией, сценарием и гештальтом [6].

В данном случае внимание привлекается к гештальтной природе единицы хранения знания (концепта), которая играет важную роль в становлении семантики фразеологической единицы, в «межпоколенческой» трансляции этой семантики, предопределяет некоторые функции фразеологической единицы в языке и речи.

Как показал проведенный нами анализ [7], гештальтная природа обнаруживается у фразем, восходящих к концептам разного типа: фрейму, пропозиции, сценарию. Приведем небольшой перечень единиц, «внутренняя форма» которых включает в себе «картинку» предмета, ситуации, сценария (толкование значений рассматриваемых фразеологических единиц приводятся по словарю А. Н. Тихонова [8]): *до седых волос* – ‘до преклонных лет, до старости’; *белые воротнички* – ‘о служащих учреждений в некоторых западных странах’; *благородная кость, благородная кровь* – ‘о человеке, принадлежащем к знатному роду’; *правая рука* – ‘о главном помощнике, главном доверенном лице’; *держат язык за зубами* – ‘молчать, не болтать, не говорить лишнего’; *надуть губы* – ‘сердиться, обижаться, делая недовольное лицо; выражать неудовольствие, досаду и т. п.’; *задирать нос* – ‘заснаваться, важничать, чваниться’; *засучив рукава* – ‘усердно, старательно, энергично (делать что-л.)’; *гнуть спину перед кем* – ‘унижаться, заискивать, раболепствовать’; *владеть пером* – ‘обладать способностью писать выразительно, искусно, уметь свободно излагать свои мысли’; *ударить по рукам* – ‘заклучить соглашение’; *дать по рукам кому* – ‘решительно пресечь какие-л. действия, попытки что-л. сделать, предупреждая нежелательные последствия’; *бить в набат* – ‘обращать всеобщее внимание’; *заглядывать в бутылку* – ‘время от времени напиваться’; *запускать руку во что, куда* – ‘присваивать, пользоваться в корыстных целях, красть, обычно что-л. казенное, государственное, общественное’; *гладить по головке кого* – ‘хвалить, потворствовать, потакать кому-л.’; *рыться, копаться в чужом, грязном белье* – ‘проявлять излишний, повышенный интерес к чужой интимной жизни или к неприглядным, скандальным и т. п. сторонам жизни, поведения кого-л.’

Подчеркнем, что в сознании носителей языка и в структуре концептов, отражающих знание о соответствующих ситуациях, «картинка», запечатленная в семантике фразеологизма, и сопряженное с ней понятийное содержание связаны отношениями

смежности – отражают один и тот же денотат в двух разных формах, понятийной и чувственной. Это условие предопределяет возможность сдвига фокуса коммуникативного внимания (метонимического по своей природе) – сдвига с одного компонента на другой в процессе развития семантики исходного выражения.

Сдвиг фокуса коммуникативного внимания в выражении *повести кого-л. к алтарю* постепенно в сознании носителей языка происходит с внешней, запечатленной в «картинке», стороны ситуации (перемещения к алтарю) к ее сути – совершению церковного обряда вступления в брак. Повторим: исходя из предложенной логики, метонимический сдвиг происходит в рамках одного концепта.

Буквально аналогичный сдвиг фокуса внимания происходит в выражениях, также включающих в свой состав глагол движения: *ходить по врачам* – ‘обследоваться, лечиться’, *ходить по магазинам* – ‘делать покупки’, *идти по миру* – ‘нищенствовать, просить милостыню’, а также в соотносительных выражениях с глаголами статического положения в пространстве: *стоять с протянутой рукой* – ‘просить’, *стоять у плиты, лежать под капельницей*.

Покажем проявление когнитивной операции сдвига фокуса внимания, который приводит к особой актуализации понятийной части выражения, и на других примерах.

Как видим, метонимический по своей сути механизм развития фразеологической семантики в таких случаях выражается в сдвиге фокуса внимания исключительно на понятийную часть семантики устойчивого словосочетания (*синий чулок, ходить с протянутой рукой, валяться в ногах, гладить по головке* и др.). При этом эмпирическая (чувственно-наглядная, образная) часть семантики такого словосочетания деактуализируется в коммуникативном отношении, нередко перестает соответствовать обозначаемому фрагменту реальной ситуации (человек о чем-то просит, но при этом не протягивает руки в жесте просьбы; не встает на колени и не валяется в ногах, умоляя о прощении; его не гладят по голове в буквальном смысле в ситуации похвалы и поощрения; женщина с известными принципами поведения не носит чулок синего цвета и т. д.).

Иными словами, эмпирическая часть семантики словосочетания в большинстве случаев не входит в актуальный смысл высказывания. Однако (и это общее мнение фразеологов) она полностью не утрачивается и не ускользает от внимания в процессе общения, – но остается факультативным образным фоном. Ее условность при выражении соответствующего фразеологического значения ощущается, но при этом она приобретает иную функцию – становится средством выражения экспрессии.

Однако в разных фраземах результат этого процесса выглядит не одинаково. В одних случаях даже при сдвиге внимания на понятийную часть (*стоять у плиты, ходить по врачам*) эмпирическая «картинка», даже будучи деактуализованной на фоне понятийной части (‘готовить еду’, ‘лечиться’), не утрачивает с ней естественной связи по смежности в рамках отражаемой ситуации, не прекращается в условный образный фон.

В других случаях сдвиг фокуса внимания приводит к более существенной структурной перестройке соотношения понятийного и чувственного элементов в структуре концепта: деактуализированный чувственный элемент гештальта остается в семантической структуре фраземы лишь условным образным фоном для сохранения и трансляции ее обобщенной семантики.

Такому расхождению двух элементов гештальта могут дополнительно способствовать внеязыковые факторы – изменения действий, поведения, этикета, артефактов, иных обстоятельств в той или иной ситуации. Это касается таких выражений, как *бить челом, ударить по рукам*. Несмотря на то, что соотносятся, по сути дела, прямое и метонимически производное значения (*бить челом* – не только низко кланяться, но и просить), эмпирическая составляющая заметно отрывается от понятийного смысла, превращается в условный образ.

Итак, в процессе становления фразеологической единицы начальный концепт-гештальт сохраняется, но в той или иной мере может нарушаться (иногда и вовсе разрушается) его целостность: кристаллизуется понятийная часть, в которой при этом системообразующую роль начинают играть только некоторые, наиболее важные смыслы (*глядить по головке* – «функциональное назначение жеста»), и уходит на коммуникативную периферию образная составляющая, которая начинает играть экспрессивную роль.

И хотя, как говорилось выше, сам механизм расхождения эмпирической и понятийной части словосочетания – сдвиг фокуса внимания с семантики выражения в целом на его понятийную составляющую – имеет метонимический механизм, осуществляется в рамках отношений смежности, тем не менее возникающий экспрессивный эффект оказывается сродни метафорическому – такому, который создается метафорой или сравнением. Так, выражения, которые в предыстории имеют метонимический сдвиг (*валяться в ногах* – ‘просить прощения’), могут в качестве ФЕ носителями восприниматься как метафорические или, по крайней мере, гиперболические.

Фразама *запустить руку в чужой карман* применительно к воровству, не связанному с действием рук (напр., о банковских и др. махинациях), может оцениваться как метафорическая и интерпретироваться через сравнительную союзную группу *как если бы* (*как если бы запустил руку в чужой карман*).

Такая трансформация, на наш взгляд, наблюдается в процессе семантического развития фраземы *рыться, копаться в чужом, грязном белье*. Если в первой части значения (‘проявлять излишний, повышенный интерес к чужой интимной жизни кого-л.’) с известной долей вероятности можно усмотреть следы метонимического сдвига фокуса внимания, то вторая часть значения (‘проявлять излишний, повышенный интерес к неприглядным, скандальным и т. п. сторонам жизни, поведения кого-л.’) воспринимается как откровенно метафорическая.

Список использованных источников

1. Васильев, Л. М. Достоинства и недостатки компонентного анализа в семантических исследованиях / Л. М. Васильев // Исследования по семантике. Межвузовский научный сборник. – Уфа, 1984. – С. 3–8.
2. Коваль, В. И. Текст и язык: поиски истоков: монография / В. И. Коваль. – Минск : РИВШ, 2012. – 269 с.
3. Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. – 2-е изд. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2019. – 480 с.
4. Алефиренко, Н. Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия): Монография / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – 2-е изд., испр. и доп. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2004. – 296 с.
5. Чумак-Жунь, И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков: монография / И. И. Чумак-Жунь. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 215 с.
6. Илюхина, Н. А. О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа / Н. А. Илюхина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2015. – № 7. – С. 36–48.
7. Илюхина, Н. А. Фразеологическая семантика и типы концептов / Н. А. Илюхина // Языкознание, литература и гуманитарные науки народов Евразии: прошлое, настоящее, будущее : мат-лы Всерос. научно-практ. конф., посвящ. 90-летию проф. Т. М. Гарипова. – Уфа : Издательство БГПУ, 2019. – С. 108–113.
8. Тихонов, А. Н. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / под ред. проф. А. Н. Тихонова; сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова // Справочное издание. – М. : Флинта : Наука – Т. 1. – 2004. – 832 с.

Abstract. In the article, the issues of the formation and development of phraseological semantics are considered within the framework of a conceptological approach, which means the analysis of a phraseological unit in its connection with a particular type of concept. Phraseological

units that are associated with the gestalt type of the concept and develop the figurative component of the phraseme on its basis are subject to comprehension.

Keywords: phraseological unit, concept, gestalt, figurative component.

Илюхина Надежда Алексеевна – доктор филологических наук, профессор; Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (ilnadezhda@rambler.ru).

УДК 811.161.3'272'373.2:398.91(476.7)

І. У. Каліта

ЗАЛАЦІНКІ З КУФЭРКУ ЗАХОДНЯГА ПАЛЕССЯ

Ішоў да Пінска (Мінска) – раскідваў лупінска.

Ішоў з Пінска (Мінска) – збіраў лупінска

Анатацыя. Артыкул прысвечаны незанатаванай ў слоўніках устарэлай прыказцы *Ішоў да Пінска (Мінска) – раскідваў лупінска. Ішоў з Пінска (Мінска) – збіраў лупінска.* Аналіз раскрывае моўныя асаблівасці кампанента *лупінска*, які выступае як прыхаваны этнамаркер. Тэрыторыя ўжывання выразу і яго фанетычная абалонка сведчаць пра аўтэнтчны характар прыказкі, звязанай з Заходнім Палессем.

Ключавыя словы: лінгвакультуралагічны аналіз, парэміі, прыказкі, Заходняе Палессе, адметныя адзінкі, фанетычныя асаблівасці.

Лёс парэмій – фразеалагізмаў, прыказак і прымавак – непрадказальны. Таксама як і словы, некаторыя ўстойлівыя адзінкі маюць тэндэнцыю да выхаду з ужытку, іншыя пераасэнсоўваюцца і актуалізуюцца, часам на паверхню «ўсплываюць» незразумелыя сучаснікам, але прысутныя ў гутарковай мове выразы. Менавіта такому выразу прысвечаны дадзены артыкул. Мы разгледзім малавядомую прыказку *Ішоў да Пінска (Мінска) – раскідваў лупінска. Ішоў з Пінска (Мінска) – збіраў лупінска.* Мэтай з'яўляецца лінгвакультуралагічны аналіз адзінкі, тлумачэнне асаблівасцяў ўтварэння і семантыкі незразумелага кампанента *лупінска* і вызначэнне арэалу распаўсюджвання прыказкі.

Выраз *Ішли ду Пінска – кідалі лупінска, ішли з Пінска – збыралі лупінска* сустраўся аўтарцы дадзенага артыкула ў выступленні В. Філософа на канферэнцыі, прысвечанай сістэмна-апісальным і сацыякультурным даследаванням славянскіх моў, якая адбылася ў Брэсце ў 2018 г. Семантыка прыказкі была высветлена так: 'пры добрых абставінах чалавек раскідваецца тым, да чаго ў нястачы і цяжкай сітуацыі зноў звяртаецца' [1, с. 170].

Пазней прыказка сустралася ў 2021 г., у кнізе Аляксея Дзікавіцкага «Он'дэ», напісанай пінскім варыянтам заходнепалескай гаворкі. Частка гэтай кнігі складаецца з абразкоў, адзін з якіх расказвае пра ўжыванне гэтага выразу.

То ты оно стулько йды з собой взял в дорогу? На три дни?

– Ну, куплю, можэ, шчо в місті тому, як вжэ свое скончытса...

– Дывыса ты – пан який богатый знайшовса, шчо купляты будэ вун! Нашчо купляты, як свое можна взяты – кумпячка, яйцэ, гурочка, цыбулыну яку пудсылковатыса... Можэ ты шчэ по рэсторанах в тому городі ходытымэш?!'

– По рэсторанах то не, алэ в буфеті на вокзалі нішчо мо куплю, пірожка якого...

– От в нас колысь про таких, як ты, шчо мало в дорогу йісты бралы, казалы так: «Йшов до Пыньска – роскыдав лупынска. Йшов з Пыньска – збырав лупынска». Так шчо будэш он'дэ нэ пірожкы, а лупынкы йісты за три дни! [2, с. 20].

Гукавая абалонка і тапонім *Пыньск / Пінск* падштурхоўваюць выказаць гіпотэзу пра Заходняе Палессе як магчымую крыніцу паходжання дадзенай прыказкі. Неабходнасць распрацоўкі гіпотэзы і падмацавання яе доказнай базай прывялі да

пошукаў крыніц і больш дэтальнага разгляду самой адзінкі. Пошукі ў рэгіянальных і дыялектных слоўніках, слоўніках прыказак і прымавак не далі вынікаў, а непрацоўны стан Беларускага N-корпусу ўскладніў даследчыцкую працу. Аднак ў працэсе пошукаў знайшлося яшчэ некалькі крыніц, якія далі матэрыял для аналізу.

Праца з гіпотэзай

Парэміі валодаюць культураносным абсягам і ў большай ці меншай ступені захоўваюць этнакультурную інфармацыю, якая пранізвае розныя сістэмныя ўзроўні мовы. Будучы «скруткамі» этнамоўнай інфармацыі, парэміі ўтрымліваюць звесткі пра тое, як чалавек успрымае наваколле і будзённасць, нормы і антынормы ў агульнапрынятых традыцыйных паводзінах. Кожная адзінка назіпавае інфармацыю пра пэўную культурную з’яву ці рэгіструе парушэнне традыцыйных схем паводзін.

З дэфініцыі В. Філасаф семантыка выразу зразумелая, але не стае кантэксту – у якой сітуацыі можна выкарыстаць выраз. А. Дзікавіцкі ў абразку дае разгорнуты адказ на гэтае пытанне, а таксама фіксуе канкрэтную кропку на карце, дзе прыказка ўжываецца – Пінскі раён, в. Месткавічы, дзе аўтар жыў да сваіх шасці гадоў, у свайго дзеда і бабы. Яго кніга выйшла ў 2021 г. і была напісана пад вялікім уражаннем ад смерці маці. Пасля яе пахавання некаторы час аўтар правёў у роднай вёсцы і ў той час мова дзяцінства пачала вяртацца да яго. Дзікавіцкі напісаў кнігу на мове сваіх родных і аднавяскоўцаў, акрамя адлюстраваных у ёй лексічных, граматычных і фанетычных асаблівасцяў, занатаваны там і немалы пласт парэмій. Перш за ўсё прыцягвае ўвагу прыведзеная прыказка.

Далейшыя пошукі прывялі да наступнай крыніцы – кнігі Сяргея Чыгрына «Іншых шляхоў не было» (2013), напісанай па-беларуску, у якой прыказка змешчана па-беларуску, але замест тапоніма *Пінск* ў ёй ужыты *Мінск*. Варыянтнасць кампанентаў у парэміях не з’яўляецца выключнай з’явай, таму новы тапонім не абвяргае выказаную намі здагадку пра палескае паходжанне адзінкі. Таксама як Дзікавіцкі, С. Чыгрын дае дакладную, больш шырокую лакалізацыю – дзе так гавораць – на Заходнім Палессі, але па іншы – польскі бок мяжы, на Беласточчыне.

Вярнуліся на бацькаўшчыну. Прыехалі ў Мінск. Але ён сустрэў далёка не шчыра. Як быццам гэта вярнуліся не беларусы, а чужакі. У Прытыцкіх скончыліся харчовыя запасы, ды і грошай не было. Беларусы Беласточчыны казалі: «Ехалі да Мінска – кідалі лупінска, а ехалі з Мінска – збіралі лупінска» [3, с. 96–97].

Прыведзеныя ўрыўкі сведчаць пра бытаванне выразу на Заходнім Палессі, аднак наяўнасць прыказкі ў беларускім афармленні ў кнізе С. Чыгрына прымушае разгледзець пытанне распаўсюджанасці прыказкі ў беларускай гутарковай мове. Пры адсутнасці інфармацыі ў навуковых крыніцах аўтарка звярнулася да метаду апытання. У якасці рэспандэнтаў было вырашана апытаць людзей, якія прафесійна ці па-аматарску цікавяцца пытаннямі беларускай мовы. Найбольш прыдатнай аўдыторыяй для гэтай мэты здаліся групы «Толькі пра мову» і «Прыказкі і прымаўкі» ў сацыяльнай сетцы Фэйсбук, аўдыторыя якіх прадстаўлена беларусамі з розных куткоў Беларусі і замежжа. Першы запыт быў змешчаны з агульным пытаннем і варыянтам прыказкі па-беларуску: «Прашу дапамогі калектыўнага розуму. Дзе геаграфічна сустракаецца выраз? Ведаеце яго, як часта чулі і дзе? *Ішоў да Пінска (Мінска) – раскідваў лупінска. Ішоў з Пінска (Мінска) – збіраў лупінска*». Рэзультатом былі два рэспандэнты, выраз быў для іх незразумелым і абодва яны засяродзіліся на кампаненце *лупінска*. Адзін з іх выказаў думку, што слова мае аказіянальны характар. Пасля ўдзельнікам абедзвюх груп была прапанавана анкета з 5 пытаннямі і магчымасцю выбраць толькі адзін адказ: (1) Выраз сустракаўся мне ў мастацкай літаратуры. (2) Выраз недзе чуў/чула. (3) Ніколі не чуў/чула. (4) Разумею, што значыць гэты выраз. (5) Не разумею, што значыць гэты выраз.

У групе «Прыказкі і прымаўкі» (колькасць членаў 6 554) у апытанні ўдзельнічалі 39 чалавек, а вынікі паказалі наступнае.

1. Выраз сустрэкаўся мне ў мастацкай літаратуры – 1%.
2. Выраз недзе чуў/чула – 1%.
3. Ніколі не чуў/чула – 76%.
4. Разумею, што значыць гэты выраз – 12%.
5. Не разумею, што значыць гэты выраз – 10% (малюнак 1).



Малюнак 1 – Група «Прыказкі і прымаўкі»

У групе «Толькі пра мову» (колькасць членаў 10 446) ў апытанні прынялі ўдзел 79 чалавек, якія далі падобныя адказы.

1. Выраз сустрэкаўся мне ў мастацкай літаратуры – 1%.
2. Выраз недзе чуў/чула – 1%.
3. Ніколі не чуў/чула – 74%.
4. Разумею, што значыць гэты выраз – 6%.
5. Не разумею, што значыць гэты выраз – 18% (малюнак 2).



Малюнак 2 – Група «Толькі пра мову»

Па выніках відаць, што пераважная большасць – звыш сямідзесяці працэнтаў рэспандэнтаў не сустрэкаліся з гэтай прыказкай.

Лінгвакультуралагічны аналіз

Прыказка мае складаную структуру, складаецца з двух сказаў, кожны з якіх нясе інфрамацыю пра арыенцір (тапонім) і кажа пра асноўнае і суправаджальнае дзеянне (ісці і раскідваць). Усе кампаненты, акрамя *лупінска*, цалкам зразумелыя носьбіту беларускай мовы. Значэнне слова *лупінска* незразумела, таму што ўтворана з дапамогай нетрадыцыйнага для назоўніка фарманта, хаця на першы погляд здаецца, што можна вылучыць карань і з яго адвесці значэнне слова.

Лупіна ж., *лупіны* мн. 1. Вонкавая абалонка плада, семя, стручка [4, с. 686].

Пераважная большасць слоўнікаў у якасці першага прыклада прыводзіць спалучэнне *лупіны з бульбы*. Само слова *лупіны* мае агульнаславянскае паходжанне: **lupina*: сербохорв. *лупина* ж. р. ‘кожіца, кожура, шелуха, скорлупа, кора’ (...), ст.-блр. *лупина* (Сие же рыбы ести будете еже во водах суть, все иже тмають на собѣ плиты и лупины ежте. Скарына 1, 303), *лупіна* ж. р. ‘скорлупа, кожура’, мн. *лупіны* ‘очистки’ (Блр.-русск.), диал. *лупіна* ж. р. ‘кожура плода, шелуха семені; яичная скорлупа’ (Слоўн. Паўн.-заход. Беларусі 2, 686; Сцяшковіч, Грод. 268), *лупіны* мн. ‘очистки’ (Тураўскі слоўнік 3, 48). Производное с суф. *-ina* от гл. *lupiti*” [5, с. 183].

У аналізаванай прыказцы сваю ролю іграе нязвыклы для беларускага назоўніка фармант *-ск-а*. З дапамогай суфікса *-ск-* ў беларускай мове ўтвараецца прыметнік, а невялікая група ацэнных назоўнікаў мае суфікс *-іск-/-ыск-*, як напрыклад, слова *вятр-ыск-а* ‘моцны, колкі вецер’, ці *гультайска* ‘вялікі гультай’, якое ў наш час праяўляе тэндэнцыю да актыўнага распаўсюджвання. У адносінах да такіх прыкладаў размова ідзе не толькі пра суфікс, але менавіта пра агульнае спалучэнне. Марфалагічны фармант *-ск-а* як фармальны паказчык граматычнага значэння кампанента *лупінска* – зах.-палес. *лупыньска*, утворанага ад слова *лупіна/лупына*, па сваім значэнні набліжае яго да слоў, якія ў гаворках Заходняга Палесся маюць фармант *-ыск-о* – у беларускіх *-іск-а*. Гэта асаблівы рэлікт, які ў сучаснай мове не з’яўляецца актыўным, але старыя словаформы з ім захоўваюцца ў гаворках. Значэнні такіх адзінак набліжаны да зборных і рэчыўных назоўнікаў, семантыка афармляецца з дапамогай канцавога *-а* ці *-о*, а не толькі суфікса. Дзякуючы канцавому галоснаму (у беларускай мове *-а*, у палескіх гаворках *-о*) гэтыя словы ўтвараюць невялікія, семантычна разнародныя групы слоў сярэдняга роду, як напрыклад, *назвыско* ‘імя’, ‘прозвішча’, ‘назва’; часцей за ўсё словы называюць месца, звязанае з сельскагаспадарчай працай: *лныско* ‘поле, дзе рос лён’, *картоплыско* ‘бульбянішча’, *гумныско* – ‘месца перад клуняй, сараем’, *пасовыско* ‘паша’, ‘пастбішча’.

Калі суфікс далучаецца да назоўнікаў адушаўлёных, то яны «набываюць за кошт афіксаў пэўныя сацыяльна-характаралагічныя і канататыўныя адценні. Напр., <...> лях. *кани/ско* ‘вялізны конь; бальшун» [6, с. 158]. Гэты суфікс афармляе таксама некаторыя характарыстыкі людзей. «Ацэньваючы адносіны да працы як гультайскія, часта ўжывалі слова з арыгінальным суфіксам: ну і гультаіско!» [7, с. 124].

Утварэнне назоўнікаў з фармантам *-іск-а* ў беларускай мове – праблематычная з’ява, перадусім па прычыне яе недаследаванасці. Па-першае, назоўнікі такога тыпу ў многіх слоўніках, у тым ліку ў «Гістарычным слоўніку беларускай мовы» лічацца запазычанымі з польскай мовы. Пра неапраўданасць такога падыходу яшчэ ў 1963 г. пісала А. У. Арашонкава [8], закраналі гэтую тэму Г. А. Цыхун і П. У. Сцяцко. Нядаўна нявырашанае пытанне падняла А. І. Кавальчук, якая прывяла прыклады падобных форм у гаворках Гродзеншчыны: «Лексема *дзяціска* і яе акцэнталагічны варыянт *дзеціска* маюць выразнае канатацыйнае значэнне, выражанае фармантам *-іск-а*, які надае назве павелічальна-зняважлівае адценне, як і ў словах *нядбайліска*, *гультайска* і інш. Аднак у дачыненні да лексем *дзяціска* (*дзеціска*) суфікс *-іск-* выконвае, відаць, не толькі эмацыйна-ацэнкавую функцыю, але з’яўляецца і паказальнікам катэгорыі зборнасці, як у *бацвініска*, *картафліска* ‘бацвінне бульбы’, *бурачкавеніско* ‘бацвінне буракоў» [9, с. 211].

Названыя функцыі суфікса *-іск-* далёка не вычэрпваюць увесь абсяг яго ўласцівасцяў – адзначае А. Кавальчук, і згаджаецца з А. Арашонкавай, што асноўная яго функцыя – утвараць назоўнікі, якія абазначаюць месца, на якім што-небудзь знаходзіцца ці захоўваецца (*ржыско, аўсяніска, касавіска*), а таксама назоўнікі, якія абазначаюць частку прылады, як напрыклад, *тапарыско*.

Такім чынам, ў пераважнай большасці выпадкаў фармант *-іск-а/-ыск-о* вядзе да афармлення абагуленай семантыкі нейкай з’явы, характарыстыкі ці месца. «Праблематычны» кампанент *лупінска / лупынска* ўтвараецца з дапамогай фарманта *-ск-а*, а не *-іск-а/-ыск-о*, але гэты фармант надае слову падобныя канатацыі і абагуленае значэнне, надзяляе яго пэўнай доляй эмацыйнасці.

Выраз *Ішоў да Пінска (Мінска) – раскідваў лупінска. Ішоў з Пінска (Мінска) – збіраў лупінска* – прыклад пераасэнсавання канкрэтнага значэння ‘бульбяныя лупіны’ і перафарматавання яго семантыкі ў абагуленую ‘непатрэбны лішак’, якая ў другой частцы прыказкі атрымлівае супрацьлеглае значэнне ‘нешта вельмі каштоўнае’, ‘нешта жыццёва неабходнае’. Пры непасрэдным дзеянні ‘абіраць лупіны з бульбіны’ чалавек аддзяляе непатрэбнае (лупіны) ад карыснага, ядомага (бульбы). Але, па-першае, *бульба* ў Беларусі / *картопля* на Заходнім Палессі – нацыянальны сімвал і адзін з асноўных прадуктаў харчавання. Па-другое, адвараныя гарачыя лупіны – карысны лекавы сродак, а летам маладую бульбу ў Беларусі вараць у лупінах. Таму ў бульбе як харчовым прадукце ўсё карысна і знаходзіць сваё прымяненне. Сімвалізм бульбы ў беларускай канцэптасферы набліжаецца да свайго роду ўніверсальнасці, пра што сведчыць уласнабеларускі выклікавы фразеалагізм *хавайся ў бульбу*, звязаны з нацыянальнай карцінай свету. У ім прыналежнасць да нацыянальнай прасторы сімвалізуе слова *бульба*.

«Семантыка, якую матывуе дэнатат (карняплод), шматзначная, валодае глыбокім унутраным зместам і кагнітыўным сэнсам. З гэтым прадуктам звязаны жыццёвы ўклад беларуса – ежа, праца, ландшафтная і культурная прастора. Доўгі час існуе тэндэнцыя ўспрымаць фразеалагізм *хавайся ў бульбу* як адлюстраванне адмоўных рыс беларускага менталітэта, але такі падыход азначае разгляд толькі аднаго боку медаля. Па-першае, адзінка выступае як этнамаркер, па-другое, указвае на змену сімвалічнага раду (коноплі – бульба), па-трэцяе, адлюстроўвае працэс неалагізацыі мовы» [10, с. 117].

Метафара *лупінска / лупынска* рэалізуецца ў кантэксце. Пра гэта сведчыць яе тлумачэнне ў больш ранняй публікацыі В. Філософ, дзе значэнне прывязана да сучаснасці – ‘калі чалавек на высокай пасадзе – адмаўляецца ад старых сяброў, калі ён ужо не начальнік – звяртаецца да іх па дапамогу’ [11, с. 94].

Кампанент *лупінска/лупынска* – «гнуткі элемент» з дуальнай семантыкай – у залежнасці ад сітуацыі ён азначае ці ‘лішняе’, ‘непатрэбнае’, ці ‘надзвычай запатрабаванае’, ‘жыццёва неабходнае’. Гэта адлюстроўвае і нацыянальная гісторыя – у галодныя гады перад першай сусветнай вайной і пасля вяртання з бежанства людзі збіралі і елі лупіны. Лупіны былі тым, што ратавала іх ад галоднай смерці.

Яе маці хадзіла жабраваць, каб хоць чым накарміць сваіх дзетак. Елі лупіны ад бульбы, збіралі змерзлыя бульбачкі на полі... А ўжо кулеш з брукваю, то быў прысмак! [12, с. 10].

Была вясна. На яду збіралі шчаўё і крапіву. Пасадзілі агародчык. Бульбу саджалі, збіраючы ў аднавяскоўцаў лупіны. Восенню крыху накапалі [13, с. 44].

Ва ўсіх створаных канцэнтрацыйных лагерах для яўрэйскага насельніцтва ўмовы жыцця былі складанымі. <...> Вязням у гэта было наканавана паўгалоднае існаванне. <...> Тыя, хто не працаваў, а гэта – старыя людзі і дзеці, перабіваліся хто чым мог: варылі крапіву, траву, а калі перападалі бульбяныя лупіны, то гэта лічылася вялікім шчасцем [14, с. 52].

У аналізаванай намі прыказцы няма слоў *бульба/картоплі*, але ёсць назва яе «непатрэбнай» часткі – *лупінска*, якая прыхоўвае сімваліку нацыянальнага прадукта.

Структура адзінкі і рухомасць кампанентаў

Выраз адлюстроўвае працэс аўтастэрэатыпізацыі, які падцвярджае фраза з абразка А. Дзікавіцкага: «...колысь про таких, як ты, што мало в дорогу йісты бралы, казалы так...», што сведчыць пра вядомую, усталяваную схему паводзін, замацаваную ў свядомасці як тыповую.

Аналізаваны выраз не з’яўляецца цалкам застылай формулай, зменны кампанент – тапонім *Пінск (Мінск)* цягам часу змяніў уласна прамы геарафічны план значэння на адтапанімічны. У працэсе фармавання асацыятыўных сувязяў, якія дазволілі тапоніму ўвайсці ў склад устойлівага спалучэння, сам тапонім ўпісаўся ў тыповую сітуацыю і ператварыўся ў посттапанімічны сімвал.

Пра тапанімічную стэрэатыпізацыю сведчыць астрамечаўскі краянавец І. А. Панасюк, які пры апісанні *астрамечаўскай мовы* (Заходняе Палессе) прывёў падрабязнае тлумачэнне гэтай прыказкі: «*Йшов (йхав) до Пинска – роскидав лупыньска, ишов з Пинска – збырав лупыньска*. Крестьянин в 1939/40 году, ехавший в город брал с собой на определённое время еду. В первый день кушал её не экономя, выбрасывая картофельные очистки («мундиры»). Прошло 2–3 дня, продуктов не стало, он едет домой и думает, что распорядился не рачительно запасом еды, готов был бы собрать и «лупинска», т. е. картофельные очистки. *А город мог быть любой*. Услышал я это выражение в 1962 году от мужа моей крёстной – Практика Василия Филипповича, который в те годы работал кондуктором в вагонах поездов Брест-Пинск. Он был уроженцем д. Малые Сухаревичи Брестского района» [15, с. 92–93].

Аўтар сцвярджае, што можна ўставіць любую назву горада. Замена магчымая, але пры ўмове, што назва будзе рытмічна падобнай – выкарыстаць можна толькі такі тапонім, які ўпішацца ў акцэнталагічную схему прыказкі. Назваў, падобных *Пінску/Мінску* на карце Беларусі няма, магчыма таму і не ўзнік іншы варыянт. Падобныя адзінкі не падлягаюць перакладу па прычыне іх непарыўнай сувязі з нацыянальнай спецыфікай і наяўнасцю тапакампанента.

Вар’іравацца можа і лік удзельнікаў тыповай сітуацыі (*йшов – роскидвав – збырав і ішли – кідалі – збыралі*), а таксама і спосаб іх перамяшчэння (*ехалі – ішли*). З пункту гледжання адлюстравання культурнай інфармацыі ў вобразнай аснове парэмій разглядаемы намі выраз адносіцца да нацыянальна-культурных адзінак з тапанімічным кампанентам, пра гэта сведчаць абодва тапонімы, прысутныя на карце Беларусі, а ў калектыўнай памяці і свядомасці звязаныя з гісторыяй Беларусі, што наўпрост вылучае якія заўгодна магчымасці запазычання гэтага выразу з суседніх моў.

Заклучэнне

Падсумоўваючы, можам канстатаваць наступнае. У наяўнасці чатыры пісьмова зафіксаваныя варыянты прыказкі, якія адрозніваюцца сваімі фанетычнымі асаблівасцямі.

1. У мастацкай літаратуры, у кнізе «Оньдэ» А. Дзікавіцкага выраз перадаецца ў адпаведнасці з вымаўленнем у пінскіх гаворках і ўяўляе сабой найбольш аўтэнтычную форму: *Йшов до Пыньска – роскидвав лупыньска. Йшов з Пыньска – збырав лупыньска*.

2. Часткова набліжаны да заходнепалескага вымаўлення варыянт, прыведзены І. Панасюком. Заўважым, што ў першай частцы прымаўкі слова *лупыньска* ўжыта з цвёрдым [п], у другой *лупыньска* – з мяккім. Безумоўна, прыклад пайшоў у друк праз неўважлівасць, але такія знешне памылковыя выпадкі даюць карысны матэрыял для даследчыка, таму лічым гэта не памылкай(!), а падказкай, якая адлюстроўвае няўпэўненасць (як правільна напісаць слова?). Другая падказка знаходзіцца на пачатку сказа – першае і другое слова *Йшов (йхав)* у палескіх гаворках пры вымаўленні маюць пачатковы [й], і калі аўтар у першым слове напісаў *и*, то словам *йхав* ён падцвердзіў наяўнасць пачатковага [й]. Гэты прыклад паказальны для сітуацый, калі гісторыю, і асабліва фанетыку адной мовы апісваюць праз пасярэдніцтва іншай мовы (*Йшов (йхав) до Пинска – роскидав лупыньска, ишов з Пинска – збырав лупыньска*).

3. Дзве публікацыі В. Філософ – этнографа з Камянца, што на Брэсцкім Палессі, адлюстроўваюць мясцовую асаблівасць у вымаўленні – [y] замест [o] ў прыназоўніку, але непаслядоўна перадаюць цвёрдасць (кідалі, але збыралі); ігнаруецца цвёрдасць [n] у слове *лупінска*. Гэты варыянт, як і папярэдні, звязаны з перадачай адзінкі праз моўнае пасярэдніцтва (*Ішлі ду Пінска – кідалі лупінска, ішлі з Пінска – збыралі лупінска*).

4. У цалкам беларускамоўнай кнізе С. Чыгрына выраз прыведзены па-беларуску: *Ехалі да Мінска – кідалі лупінска, а ехалі з Мінска – збіралі лупінска*.

Рэканструкцыя прыказкі ў форме рэстравай адзінкі мела б выгляд:

Йшов (ишов, йхав/ишли, ехалі) до (ду) Пыньска (Пинска, Пінска, Мінска) – роскыдвав (роскидав/кідалі) лупыньска (лупінска). Йшов (ишов, йхав/ишли, ехалі) з Пыньска (Пинска, Пінска, Мінска) – збырав (збыралі, збіралі) лупыньска (лупиньска, лупінска).

Разгледжаная ўстарэлая прыказка не зразумела носьбітам сучаснай беларускай мовы. Пра гэта сведчыць праведзенае намі апытанне, у якім прынялі ўдзел 118 рэспандэнтаў з розных рэгіёнаў Беларусі, каля 75% з іх ніколі выраз не чулі і яшчэ 14% адказалі, што не разумеюць яго сэнс. У абедзвюх групам гэты выраз сустрэўся 1% апытаных у мастацкай літаратуры і 1% «недзе чуў» гэтую прыказку. Такім чынам, калі прывесці сярэдні паказчык па абедзвюх групам, то прыказка была невядомай ці незразумелай у сярэднім 89% апытаных і толькі 9% падцьвердзілі, што разумеюць яе сэнс.

Семантыку прыказкі тлумачаць чатыры крыніцы, звязаныя з Заходнім Палесsem (Брэсцка-пінскія і заходнепалескія гаворкі Польшчы). Названыя аўтары незалежна адзін ад аднаго аднолькава тлумачаць сэнс прыказкі. Адзінка рэдкая, у беларускай мастацкай літаратуры яна не сустракаецца. Наяўнасць тапанімічнага кампанента *Пінск (Мінск)* вылучае магчымасць запазычання аналізаванай намі прыказкі з суседніх моў – украінскай, польскай, літоўскай, латышскай ці рускай. Таму аўтарка артыкулу мяркуе, што асноўным арэалам бытавання і крыніцай паходжання прыказкі *Йшов до Пыньска – роскыдвав лупыньска. Йшов з Пыньска – збырав лупыньска* з’яўляюцца палескія гаворкі.

Безумоўна, для даследвання адзінкі гэта вельмі малая выбарка, каб зрабіць правільны вывад, пошукі доказнага матэрыяла мусяць працягвацца.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Філософ, В. М. З бабулінага куфэрка: прыказкі і фразеалагізмы Камянецкага раёна Брэсцкай вобласці / В. М. Філософ // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб. науч. тр. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина; редкол.: Л. А. Годуйко [и др.]; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2018. – Ч. 1. – С. 168–170.

2. Дыковыцькый, О. Онъдэ / О. Даковыцькый. – Варшава, 2021. – 416 с.

3. Чыгрын, С. Іншых шляхоў не было. Гісторыка-краязнаўчыя і літаратуразнаўчыя артыкулы, гутаркі / С. Чыгрын. – Мінск : Кнігазбор, 2013. – 240 с.

4. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5-ці т. / уклад. Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, А. М. Рамановіч і інш. – Мінск : Навука і тэхніка. – Т. 2 : Д–Л. – 1980. – 728 с.

5. Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / под ред. О. Н. Трубачева. – М. : Наука. – Вып. 16 (*lokadlo–*lǝživъsь). – 1990. – 264 с. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://www.proto-slavic.ru/dic-trubachev/essja-l/pslf-l'up.htm>. – Дата доступу : 22.09.2023.

6. Старычонак, В. Дз. Полісемія ў беларускай мове (на матэрыяле субстантываў) / В. Дз. Старычонак. – Мінск : БДПУ, 1997. – 232 с.

7. Рачэўскі, С. Р. Асаблівасці і лёс мовы роднай вёскі / С. Р. Рачэўскі // Этнасы і судыбы в современном социуме: теория и практика : коллективная монография / под ред. М. П. Жигаловой. – Брест : БрГТУ, 2020. – С. 122–127.

8. Арашонкава, А. У. Аб так званых паланізмах у беларускай мове (Суфіксы -дл- і -іск-) / А. У. Арашонкава // Весці АН БССР. Сер. Грам. навук, 1963. – № 2. – С. 85–95.

9. Кавальчук, А. І. Зборныя назоўнікі ў складзе лексікі з семантыкай персанальнасці ў гаворках Гродзеншчыны. / А. І. Кавальчук // Рэспубліканскія Купалаўскія чытанні : зб. навук. прац. / рэдкал.: І. В. Жук (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна: ТАА «ЮрСаПрынт», 2013. – С. 210–213.
10. Калита, И. В. Актуальные вопросы современной славянской фразеологии : монография / И. В. Калита. – Чебоксары : ИД «Среда», 2020. – 136 с.
11. Філософ, В. М. Народная фразеология ў гаворцы жыхароў горада Камянца / В. М. Філософ // Актуальныя праблемы функцыянавання і развіцця лексікі славянскіх моў : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 60-годдзю універсітэта, 7–8 кастрычніка 2004 г., г. Мазыр / Адк. рэд. А. В. Солахаў. – Мазыр : УА МДПУ, 2004. – С. 93–94.
12. Рута. Працавітае жыццё / Рута // Ніва №6(2648), 11.02.2007. – С. 10.
13. Кудла, В. Экскурс у гісторыю беларускага бежанства Першай сусветнай вайны / В. Кудла // Лідскі Летпісец, 2015. – №3(71). – С. 25–44.
14. Корсак, А. І. Правядзенне нацысцкай палітыкі ізаляцыі яўрэйскага насельніцтва і стварэнне гета на тэрыторыі Віцебскай вобласці ў 1941–1942 гадах / А. І. Корсак // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2007. – № 1. – С. 50–55.
15. Панасюк, И. А. Наша рідна остромышська мова / И. А. Панасюк // Астремчаўскі рукапіс, 2016. – № 2. – С. 89–96.

Abstract. The article is dedicated to the outdated proverb “Ishoŭ da Pinska (Minska) – raskidvaŭ lupinska. Ishoŭ z Pinska (Minska) – zbirauŭ lupinska”. The analysis reveals the linguistic peculiarity of the component “lupinska”, which acts as a hidden ethnic marker. The area where the phrase is used and its phonetic aspect testify to the authenticity of the unit and its connection with the Western Polesia.

Keywords: linguistic and cultural analysis, paremia, proverb, Western Palessie, distinctive units, phonological features.

Каліта Іна Уладзіміраўна – кандыдат філалагічных навук, доктар філасофіі; Беларускі інстытут у Празе (inna.kalita@belarus-institute.cz).

УДК 811.161.1’374.8:398.91(=161.1)

Ж. Квон

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ РУССКО-КОРЕЙСКОМ СЛОВАРЕ

Аннотация. В статье представлена концепция русско-корейского кросс-культурного словаря фразеологизмов и паремий. Показаны результаты сопоставительного анализа, предшествующего составлению словарных статей. Демонстрируются приемы лексикографического описания сходств и различий в образной структуре паремий. Комментируется этнокультурная специфика фразеологизмов и паремий каждого из языков.

Ключевые слова: пословица, фразеологизм, кросс-культурный словарь, словарная статья, фразеологический образ, лингвокультурологический комментарий.

Корейские преподаватели русского языка как иностранного (РКИ) при работе с пословицами и поговорками (под поговорками в данной статье понимаются фразеологизмы-идиомы) опираются на лингвокультурологические исследования этого материала [1; 2 и др.] и словари, представляющие русскую фразеологию и паремии в лингвокультурологическом аспекте [3; 4 и др.].

Корейские пословицы и поговорки фрагментарно исследованы в сопоставлении с русским материалом, в том числе в лингвокультурологическом аспекте, но не разработаны в этом плане лексикографически. Целью нашего исследования и является создание такого словаря пословиц и поговорок, в котором как русский, так и корейский фразео-

логический и паремиологический материал будет представлен в лингвокультурологическом плане с указанием межъязыковых сходств в семантической и образной структуре, этнокультурной специфике оборотов и их ключевых компонентов.

Исходным языком в проектируемом словаре является русский, так как в первую очередь этот лексикографический источник адресован корейским учащимся, которые хотят получить исчерпывающую информацию о новой изучаемой русской пословице или поговорке. Словарь будет полезен и русскоязычным студентам, а также широкому кругу читателей, изучающих корейскую лингвокультуру, интерес к которой с каждым годом возрастает в России. Объединение в словаре фразеологизмов и паремий оправданно с позиций культурологически ориентированного обучения неродному языку, так как именно эти единицы особенно многогранно и полно отражают историю создавшего их народа, его быт, материальную и духовную культуру, особенности национального метафорического видения окружающего мира.

Словарь будет организован по стержневому принципу, использование которого целесообразно с позиций лингвокультурологии и реализуется в лексикографической практике Санкт-Петербургскими фразеологами под руководством В. М. Мокиенко [5; 6; 7]. Объединение русских пословиц и поговорок под стержневым компонентом дает возможность показать все его образные реализации и символические смыслы, – таким образом, не только фразеологизмы и пословицы, но и лексические единицы будут охарактеризованы в лингвокультурологическом плане.

Перед непосредственным составлением словарных статей проводится подробный сопоставительный анализ пословиц и поговорок с определенным стержневым компонентом в русском и корейском языках. Особенно интересны в этом плане обороты с компонентами-зоонимами и компонентами-фитонимами, поскольку они создавались в странах с разными природными условиями, разной флорой и фауной, а общие для двух географических зон природные реалии по-разному осмысливались с позиций практической пользы и образной символики.

Напр., курица в русских пословицах и фразеологизмах – это чаще всего негативно окрашенный образ, который используется для характеристики болтливой, прожорливой, суетливой, беспокойного человека: *Скажешь курице, а она – всей улице; Пусти курицу на грядку, а она на весь огород* [5, с. 466]; *кудахтать как курица; носиться как курица с яйцом; бегать как угорелая курица* [6, с. 326–327]. Во многих пословицах встречается шутивно-ироническое утверждение *курица – не птица* (*Курица – не птица, баба – не человек; Курица не птица, Болгария – не заграница* и т. п. [5, с. 465]). В корейской культуре двойственная сущность курицы (она имеет крылья, но ходит по земле) придает этому образу мистическую окраску и исключительно положительные коннотации. Курица, как и другие птицы, символизирует связь земли и неба, а поскольку курица живет с человеком, то связывает с небом и мир человека. К тому же в большинстве корейских пословиц используется компонент 닭 (*дак*) – общее, родовое обозначение и курицы, и петуха (только в особых случаях, когда нужно разделить эти понятия, употребляются особые наименования: *петух – сутак* (암닭) и *курица – амтак* (수닭). Поскольку в пословицах такого разграничения нет, то здесь положительных коннотаций добавляет и ассоциация этой птицы с зарей, с востоком. В русской фразеологии тоже отражается утреннее пение петуха, но корейцы в связи с символикой рассвета, утренней зари, соединения мира ночи и мира дня не различают курицу и петуха. Все эти отличия должны найти отражение в кросс-культурном русско-корейском словаре пословиц и поговорок – в зоне словарной статьи, отражающей этнокультурную специфику оборотов.

Некоторое сходство образных ассоциаций в двух культурах прослеживается в таких выражениях, как русск. презр. *мокрая курица* – 1) ‘о жалком, беспомощном человеке’; 2) ‘о ничтожном человеке’; 3) ‘о безвольном, бесхарактерном человеке’ [7, с. 344] – корейск. *비 맞은 장닭갈다* (буквально: *как петух под дождем* – ‘о человеке, который

внезапно потерял уверенность в себе или внезапно утратил бодрость, стал вялым, апатичным'). В этой пословице используется старинное слово *чандак* (장닭 – петух). У корейцев петух издавна воспринимается как очень достойное существо, но если он намочнет под дождем, то будет выглядеть неприглядно. Такая параллель будет показана в словарной статье в зоне частичных совпадений семантики и образной структуры оборотов.

Кроме того, при определенном сходстве семантики пословицы и поговорки двух языков могут различаться образными компонентами, которые все-таки принадлежат к одной сфере (напр.: русск. *курица* – корейск. *фазан*). Такие случаи также будут подаваться в словарной статье под русским стержневым компонентом, как, напр., следующие пренебрежительные метафорические обороты: русск. *как курица ощипанная* ('о продрогшем, замерзшем человеке'), сравн.: корейск. *털 뜯은 꿩* (букв.: *ощипанный фазан* – 'о костлявом, неприглядном существе').

В целом же структуру статьи русско-корейского кросс-культурного словаря пословиц и поговорок покажем на материале оборотов с образным стержнем *арбуз*. После толкования этого заголовка будут даваться обороты с выявленным образно-семантическим сходством. Напр., что-то большое и круглое русские и корейцы могут сравнивать с арбузом, но такие устойчивые сочетания шире представлены в русском языке (случаи их отсутствия в корейской культуре будут прокомментированы). Далее в статье предполагается описание специфических русских фразеологизмов, а затем пословиц с данным компонентом, – все они получают толкование и лингвокультурологический комментарий. Для русских оборотов будут приведены корейские функциональные эквиваленты с другими фразеологическими образами, специфика которых также будет разъясняться (под знаком **). Полные сходства оборотов в двух языках будут отмечены знаком (=), частичные сходства – (~), национально-специфические обороты как русские, так и корейские, которые даются вслед за русскими, – (#).

АРБУЗ, -а, м. *Бахчевое растение, плоды которого употребляются в пищу.*

• Арбуз как образ метафоры, сравнения:

~ Круглые как арбузы, *шутл.* О больших круглых камнях [6, с. 21]. ~ 크기가 수박만 하다 (букв.: большие, как арбузы). О крупных яблоках, грушах, дынях.

Пузо как у арбуза, *шутл. Разг.* О большом и круглом животе мужчины [6, с. 21].

** Корейцы в шутку спрашивают у такого мужчины: «У тебя будет ребенок?» или «На каком ты месяце?». ** Такие шутки возможны и в русской лингвокультуре.

Арбуз проглотила (купила), *шутл. Мол.* О беременной женщине [7, с. 19]. ** В Корее не принято говорить о животе беременной женщины.

수박 먹다 이 빠진다 (букв.: он ел арбуз и сломал зуб), *шутл.-ирон.* О невезучем человеке, который терпит неудачу в самых простых ситуациях [8]. ** В русских фразеологизмах данная образная модель не реализуется, а на уровне пословиц она зафиксирована с наименованием традиционного русского жидкого блюда – киселя, при поедании которого также невозможно сломать зубы, как и при употреблении арбуза: *Когда счастье отвернулось, и от киселя ломаются зубы* [9].

수박 걸 핥기 (букв.: облизать корку арбуза), *шутл.-ирон.* Не получить нужного результата, не достичь конкретной цели при невнимательном, небрежном, поверхностном отношении к делу. ** Вероятно, от обычая *сеори* – веселой сезонной игры, когда дети или подростки воруют зерно и фрукты для утоления голода, не причиняя при этом особого ущерба хозяевам. Люди, родившиеся до 1960 г. хорошо помнят особенно популярный «арбузный сеори»: двое или трое детей присматривали за хозяином в хижине, а один или двое членов «сеори» прокрадывались на поле за арбузами. Как правило, владельцы арбузных полей относились к этому снисходительно. Однако иногда хозяин ловил детей и ругал их. ** Сравн.: в русских пословицах и поговорках также используется мотив облизывания посуды, пальцев, губ (но не арбуза), когда необходимо показать, что человек не получил желаемой пищи: *Был Елизар, да только блюдо облизал*

[5, с. 327]; *Кто к столу поспел, тот и съел, а кто опоздал, тот только чашу облизал* [5, с. 875]; *Облизнуть палец, шутл.-ирон. Разг.* Остаться голодным [7, с. 476]; *Поймать (схватить) облизня. Народн.* 1. Остаться ни с чем, не получить желаемого. 2. Не получить еды, дармовой выпивки, закуски [7, с. 455]. Арбуз как ритуальный предмет (в образах фразеологизмов).

** От обычая многих народов: при отказе жениху вручался символический предмет.

Дать (поднести, покатить) арбуз *кому, ирон. Народн.* Отказать жениху при сватовстве [7, с. 19]. # Получить арбуз, *ирон. Народн. Ирон.* Получить отказ при сватовстве [7, с. 19]. ** В корейской культуре сватовство и отказ жениху не связаны ни с какими ритуальными предметами. По традиции (во времена династии Чосон семья жениха через сваху отправляла семье невесты письмо с просьбой о браке. На этом этапе жених может получить (также через сваху) письменный отказ. На следующем этапе семья невесты получает Саджу жениха (год, месяц, день и час его рождения) и проверяет Гунхап – возможность удачного или неудачного брака, сопоставляя соответствующие данные жениха и невесты с Инь и Ян и пятью элементами. На этом этапе семья невесты также может отказать жениху, не приняв его Саджу.

• В пословицах:

~ Не суди об арбузе по корке, о человеке по платью [5, с. 21]. ~ 수박은 속을 봐야 알고 사람은 지내 봐야 안다 (букв.: Чтобы узнать, какой арбуз, вы должны увидеть его изнутри, и чтобы узнать людей, вы должны жить с ними [8]).

수박은 쪼개서 먹어 봐야 안다 /старинная корейская пословица, которая редко используется в современной речи/ (букв.: Чтобы узнать, каков арбуз, придется разрезать его и съесть), то есть формальный подход к выполнению чего-либо не приведет к ожидаемым результатам [10]. ** Сравн.: в русских пословицах с более широкой семантикой зависимости результата работы от ее качества используются более привычные для русских образы: *Какие труды, такие и плоды; Не разбивши яиц, не сделаешь яичницы* [5, с. 915, 1016].

되는 집에는 가지 나무에 수박이 열린다 /старинная корейская пословица, которая редко используется в современной речи/ (букв.: В успешном доме арбузы растут на баклажановом кусте) [<https://wordrow.kr>], то есть всё, что делается в удачливой семье приносит хорошие результаты. ** Арбуз – один из любимых плодов у корейцев, он ассоциируется с летом, вызывает положительные эмоции, поэтому его появление на баклажановом кусте – метафора успеха, хорошего результата. ** В русской лингвокультуре по этой модели создаются пословицы, отражающие ситуацию в доме богатого человека: *У богатого и петух несется; Богатому и чёрт ребёнка качает* [5, с. 78].

Таким образом, русско-корейский кросс-культурный словарь пословиц и поговорок позволит показать специфику русской фразеологии и паремий в сопоставлении с корейскими, при этом лингвокультурологические комментарии получат единицы обоих языков. Такой лексикографический источник будет полезен как для корейцев при обучении их русскому языку, так и в группах носителей русского языка, изучающих корейский язык и культуру.

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
2. Мокиенко, В. М. Славянский мир в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурологическая репрезентация / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : СПбГУ, 2022. – 358 с.
3. Фелицына, В. П. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. – М. : Русский язык, 1990. – 220 с.
4. Роголёва, Е. И. Путешествуем по России с русскими пословицами и поговорками /

- Е. И. Роголѣва, Т. Г. Никитина. – М. : Русский язык. Курсы, 2019. – 136 с.
5. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : Олма Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
6. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Олма Медиа Групп, 2008. – 800 с.
7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Олма Медиа Групп, 2013. – 784 с.
8. Naver Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dict.naver.com/kokodict/#!/main/>. – Дата доступа : 05.09.2023.
9. Изречения архимандрита Павла (Груздева) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hram-anevskogo.prihod.ru/2016/02/11/starec-pavel-gruzdev-i-ego-izrecheniya/>. – Дата доступа : 07.09.2023.
10. Basic korean Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://wordrow.kr/basicn/en/>. – Дата доступа : 05.09.2023.

Abstract. The article presents the concept of a Russian-Korean cross-cultural dictionary of phraseological units and proverbs. The results of a comparative analysis preceding the compilation of dictionary entries are shown. Techniques for lexicographic description of similarities and differences in the figurative structure of linguistic units are demonstrated. The ethnocultural specificity of phraseological units and proverbs of each language is commented on.

Keywords: proverb, phraseological unit, cross-cultural dictionary, dictionary entry, phraseological image, linguocultural commentary.

Квон Жоонунг – аспирант; Псковский государственный университет (shisliva96@gmail.com).

УДК 811.161.1'373.2:769.82:355

В. И. Коваль

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ В РУССКИХ ЛУБОЧНЫХ КАРТИНКАХ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются русские народные картинки, которые в визуальной и текстовой формах представляют фразеологические единицы и поговорки. Для анализа привлекаются рисунки, посвященные событиям Отечественной войны 1812 года, Русско-японской войны 1904–1905 годов и Первой мировой войны. Определяется характер взаимодействия содержания народной картины с внутренней формой фразеологизмов и поговорок.

Ключевые слова: лубок, фразеологизм, поговорка, семантика, визуализация, выразительность.

Лубочные картинки (лубки) занимали важное место в русской культуре на протяжении XVIII – начала XX веков. Для страны, значительная часть населения которой была неграмотной, яркие, выразительные картинки в доступной и образной форме выражали самую разнообразную информацию. Немалый интерес в данном случае представляет рассмотрение русских дореволюционных сатирических лубочных картин, которые отражали военную действительность, «уравновешивая» тем самым своим позитивным смеховым «зарядом» негативные последствия военных событий.

Разумеется, «военные» лубки, в отличие от картинок мирного времени, имели не только развлекательное и «наглядно-образовательное», но и воспитательно-патриотическое значение, формируя у людей чувство гордости за свою страну и ее защитников. «Сатирические лубки (так называемые «балагурники») во время войны пользовались огромной популярностью у народа. Для них характерно высмеивание противника (причем как первых лиц вражеского государства, так и простых солдат) и

превознесение собственных воинов. В этих картинках русский солдат неизменно представлен могучим богатырем, всегда находчивым, не теряющим бодрости духа, способным «повалить врага насмешкой». На его фоне гротескно маленькие противники (неважно, кто: турки, немцы или японцы) изображались слабыми, карикатурными, не представляющими никакой опасности для «непобедимой» российской армии» [1, с. 30]. Высоко оценивалась в свое время деятельность русских авангардистов, являвшихся авторами лубочных картинок периода Первой мировой войны: «Футуристы как могли нарисовали (с некоторым бахвальством, впрочем, вполне добродушным) ряд картин из театра военных действий. Веселые глупости и преувеличения в духе народных сказок и курьезная примитивность рисунка веселят, а подписи совсем хороши» [2, с. 17].

Важную роль в текстах многих лубков выполняют выразительные языковые средства – фразеологизмы и поговорки, использование которых, несомненно, значительно повышает эстетическую и познавательную значимость народных картин, поясняя и дополняя их содержание.

Особый интерес в этом отношении представляют такой тип лубочных картинок, в которых смеховой эффект обеспечивается за счет одновременного употребления фразеологизма (в тексте) и его прототипа – омонимичного свободного словосочетания, достаточно легко «восстанавливаемого» из ситуации, представленной на рисунке.

Так, в центре лубочной картинки «Наполеонова слава» (рисунок 1) изображена держащая в руке оливковую ветвь женская фигура – символ славы Наполеона; с её лица русский солдат своим штыком решительно срывает миловидную маску, под которой открывается страшная личина дьявола. Изобличают славу Наполеона и другие типично русские персонажи: *Попалась в просак! Русский солдат штыком снял с нее маску, как-зак нагайкою все венцы ее лавровые охлестал, а Вавила Мороз и громкую трубу ее заткнул снегом!* Сравн.: *срывать маску* ‘обнаруживать, показывать истинную сущность, настоящее лицо; разоблачать’ [3, с. 450].

На рисунке 2 сидящий на императорском троне Наполеон, демонстрируя приближенным свой огромный крючковатый нос, рассказывает о неприятной для него ситуации: *Вот какой нос приставили мне русские! Не знаю, как мне с ним показаться парижской публике! Нет ли средств укоротить его?* Сравн.: *приставить нос* ‘обмануть, одурачить, провести кого-либо’ [4, с. 448].



Рисунок 1 – Наполеонова слава



Рисунок 2 – Наполеон в Париже

Значение фразеологизма *плясать под дудку* ‘поступать, вести себя так, как угодно кому-либо; безоговорочно подчиняться кому-либо, выполнять чью-либо волю’ [3, с. 325] наглядно иллюстрируется лубочным рисунком 3, на котором изображен танцующий вприсядку под игру на дуде Наполеон, принуждаемый русскими: один из них держит в руках плеть, а другой – играет на дуде. Лубок сопровождается текстом в

стихах: *Не удалось тебе нас переладить на свою погудку – / Попляши же, басурман, под нашу дудку.*

Иную направленность обнаруживает лубок *Страшен враг, но милостив Бог* (рисунок 4), иллюстрирующий события Русско-японской войны. Герой лубка – бегущий русский мужик, легко перепрыгивающий через пролив Лаперуза с острова Сахалин (то есть с территории России) на японский остров Хоккайдо. В правой руке этого персонажа, а также за его рукавицей, за поясом и за голенищем сапога помещены маленькие и беспомощные фигурки врагов – японцев, спасающихся от него бегством. Текст в нижней части картинки (монолог бегущего мужика, символизирующего победоносную мощь России) насыщен угрозами и оскорбительными по отношению к японцам словами: *Куда бежишь, желтолицый? Места хватит всем за рукавицей! Не гляди, что подпоясан кушаком, а как хвачу мужицким кулаком – забудешь, косоглазый, воевать и ночью нападать!.. Вишь, поганый, расхотелся, знать, у янки научился брандерской науке!.. Старые, брат, штуки! Дай ему, лешему, Корею! Подставляй-ка свою шею. Коль ты не в меру пылок, я насыплю в затылок, курносый дурачище... Не то – засуну за голенище! Не тревожь матушку-Русь: русский ведь тоже не трус!.. Постоим за себя!*



Рисунок 3 – Пляска Наполеона



Рисунок 4 – Страшен враг, но милостив Бог

В данном тексте употреблены устаревшие фразеологизмы *насыпать в затылок* (сравн. его современный эквивалент *намять шею (холку)* ‘побить, избить, отколотить кого-либо’ [3, с. 266]), а также *засунуть за голенище*. Очевидно, что использование именно этого довольно грубого оборота в данном случае вполне оправданно с учетом общей «сниженности» и рисунка, и текста, в то время как более употребительный «приличный» фразеологизм *заткнуть за пояс* ‘превзойти кого-либо в чем-то’ [3, с. 171] был бы здесь менее уместным.

Следующая лубочная картинка (рисунок 5) является иллюстрацией фразеологизма *сесть в калошу* ‘оказаться в нелепом, смешном положении; потерпеть неудачу’: на рисунке изображен кайзер Германии Вильгельм, садящийся в калошу, где уже находится австрийский император Франц Иосиф. Сатирическое воздействие лубка усиливается содержанием расположенного в верхней части картинке стихотворного текста, завершающегося словами *И теперь, как он ни рвется, / А в калошу сесть придется. / Ведь его союзник смелый – Франц-Иосиф переспелый – / В ней давно уже сидит, / И Вильгельм туда ж летит. / Худо было – будет плоше – завершать союз в калоше.*

В текстах некоторых лубочных картинок военной тематики фразеологизм «в чистом виде» отсутствует, но он легко «восстанавливается», поскольку в лубочном тек-

сте используется смыслообразующий компонент фразеологизма, а сам рисунок отчетливо «подсказывает» то или иное устойчивое словосочетание.

Так, шуточный лубочный рисунок 6 и его название – «Наполеон у русских в бане» безошибочно соотносятся с фразеологизмом, отражающим популярную русскую реалию – *здать баню* ‘жестоко побить, поколотить кого-либо’ [3, с. 162]. Лубок сопровождается текстом-полилогом, в котором используются оценочные слова и фразеологизмы, соответствующие изображенной ситуации: «Наполеон: *Эдакого мученья я сроду не терпел! Меня скоблят и жарят, как в аду...;* Ратник: *Отдувайся, коли сам полез в русскую баню, попотей хорошенько, а мы не устанем поддавать пару!;* Солдат: *Нагрет тебе и затылок, и спину, и бока. Будешь помнить легкую нашу руку;* Казак: *Побреем тебя, погладим, молодцом поставим». Сравн. также: баня ‘о строгом наказании’; кровавая баня ‘о массовом расстреле, убийстве людей’ [5, с. 58].*



Рисунок 5 – Кайзер в калоше

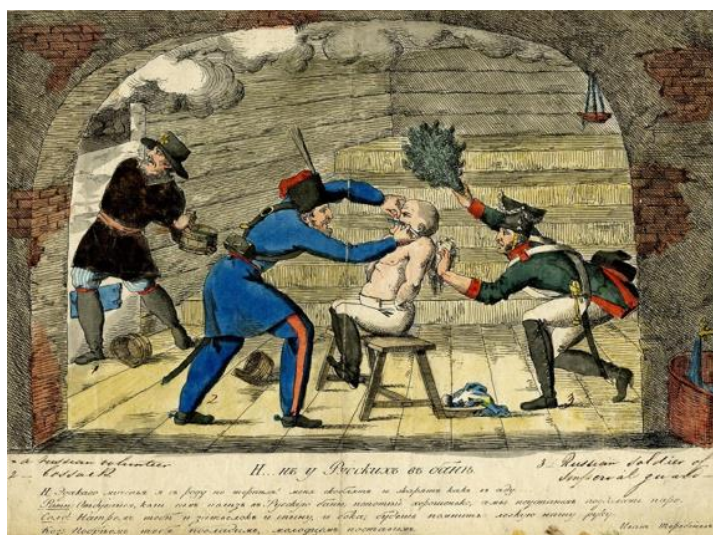


Рисунок 6 – Наполеон у русских в бане

Такое же не прямое, опосредованное указание на фразеологизм содержит следующий лубок (рисунок 7), иллюстрирующий устойчивое словосочетание *играть в бирюльки* ‘заниматься пустяками’ [3, с. 179] благодаря использованию в тексте смыслообразующего слова-компонента: *Русский ратник, домой возвращаясь, для курьёзу ребятишкам бирюлек принес*. В центре лубка изображен возвращающийся с войны русский крестьянин, несущий на винтовке маленькие фигурки своих врагов – поверженных французских солдат. Слово *бирюльки*, таким образом, отождествлено в этом случае со словосочетанием *вражеские солдаты*, что не может не расцениваться как открытое унижение противника. Суть игры в бирюльки заключалась в том, что «из беспорядочно разбросанных бирюлек (крошечных вещичек: топориков, лопаток, рюмочек, бочонков, корзиночек и т. п.) нужно было вытащить маленьким крючком одну за другой бирюльки, но так, чтобы не задеть остальные» [3, с. 179].

Рисунок 8, автором которого является Казимир Малевич, а автором текста (*Шел австриец в Радзивилы, / Да попал на бабы вилы*) – Владимир Маяковский, в не прямой форме визуализирует фразеологизмы, относящиеся к числу жаргонных и включающие в свой состав слово-компонент *вилы*: *вилы в бок* ‘сложная, безвыходная ситуация’; *сесть на вилы* ‘попасться с поличным, подвергнуться аресту’; *поставить вилы кому* ‘нанести кому-либо колотое ранение’ [4, с. 88].



Рисунок 7 – Русский ратник с бирюльками



Рисунок 8 – Австриец на бабьих вилах

Следующая лубочная картинка (рисунок 9) однозначно иллюстрирует фразеологизм *волк в овечьей шкуре* ‘человек, прикрывающий свои дурные намерения, действия маской добродетели; лицемер’ [3, с. 76]: это «подсказывается» как самим рисунком, так и текстом, в котором используются компоненты *овечки* и *зверь*. На лубке изображен русский старик-крестьянин, который, держа в руках волка с головой Наполеона, излеченного им из военного мундира – аналога овечьей шкуры, успокаивающе-назидательно обращается к разбегающимся в разные стороны французским офицерам: *Радуйтесь, пастухи добрые! Уже вы больше не потерпите недочету в ваших овечках: зверь обнаружен.*

В пределах лубочной картинки фразеологизм может «развертываться» в более сложную конструкцию, обогащая свою образную основу. Показателен в этом отношении лубок «Посидим у моря, подождем погоды» (рисунок 10), визуализирующий фразеологизм *ждать у моря погоды* ‘рассчитывать на что-либо неопределённое, не предпринимая никаких действий, усилий, оставаясь пассивным’. На картинке изображен сидящий на берегу моря добродушно улыбающийся русский казак, облокотившийся на ствол огромной пушки. В иронично-пренебрежительной манере он обращается к японцу и к стоящим за ним «заморским покровителям», используя при этом негативно-оценочную лексику: *Вишь, какие странные уроды виднеются из-за японской спины, должно быть, это – опекуны? Заморские покровители! Покурить, господа, не хотите ли нашей русской махорочки, что виднеется на горочке? А это – тебе, японец, игрушка – наша российская пушка! Ну скорей, что ль, начинай, к нам на сушу вылезай! Сойдемся, брат, по чести; а все-таки я посижу на этом месте. Докажу желтолицым врагам, что Бог на помощь нам – заступником!*

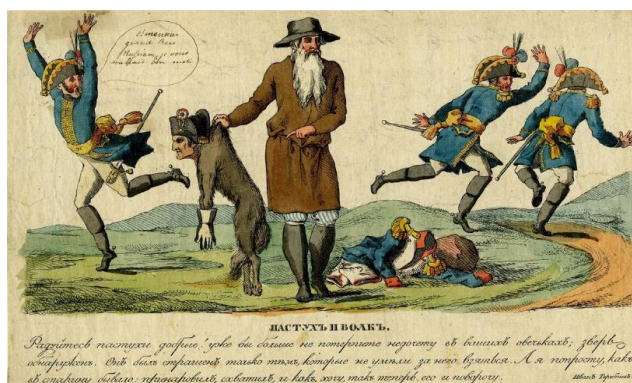


Рисунок 9 – Волк в овечьей шкуре



Рисунок 10 – Посидим у моря, подождем погоды

В данном случае следует отметить довольно удачное обыгрывание внутренней формы фразеологизма *ждать у моря погоды*: слово *море* употребляется здесь не столько для обозначения какого-то отвлеченного географического объекта, сколько как номинация, наполненная особым, вполне конкретным, соответствующим времени смыслом: «Япония», «Японское море», «война с Японией как морской державой».

В ряде лубочных картинок представлено использование пословиц в неизменном виде. Особенностью визуализируемых ими паремий является, однако, наполнение их необычной военной тематикой.

Пословица *Мал, да удал* иллюстрируется лубочной картинкой, на которой изображен обескураженный японец-моряк с окровавленными руками, которыми он намеревался схватить «ежа», символизирующего Порт-Артур – русскую военно-морскую крепость на Дальнем Востоке (рисунок 11).

Эта же идея превосходства русских и неизбежного «наказания» противника представлена лубочной картинкой, визуализирующей пословицу *Кулак да плеть знают, кого погреть* (рисунок 12): двое русских военных – казак и матрос – «греют», то есть бьют (можно сказать, в щадящей форме) имеющего невзрачный вид японского солдата.



Рисунок 11 – Хоть мал, да удал



Рисунок 12 – Кулак да плеть знают, кого погреть

Отдельного рассмотрения заслуживает лубок (рисунок 13), представляющий собой серию из шести миниатюр, каждая из которых отражает различные события Первой мировой войны и иллюстрирует в сопровождении соответствующих стихотворных текстов следующие русские пословицы: *Не зная броду – не суйся в воду*; *Не так страшен черт, как его малюют*; *Не в свои сани не садись*; *Цыплят по осени считают*; *Куй железо, пока горячо*; *Куда конь с копытом – туда и рак с клешней*.

Несомненно, визуализация в популярной для своего времени форме лубка таких средств выразительности народной речи, к которым относятся фразеологизмы и паремии, во многом удовлетворяла культурные потребности людей, развивала их кругозор и образное мышление.



Рисунок 13 – Русские пословицы в лицах

Список использованных источников

1. Молчанова, Д. С. Отечественный военный лубок и открытка (на примере периода русско-японской войны 1904–1905 гг.) : дис. ... канд. историч. наук : 05.25.03 – библиотковедение, библиографоведение и книговедение / Д. С. Молчанова. – М., 2016. – 287 с.
2. Магула, Г. Война и народные картины / Г. Магула // Лукоморье : Еженедельный литературно-художественный и сатирический журнал. – 1914. – № 30. – С. 14–17.
3. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарн. статей / сост.: Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – М. : Сов. Энциклопедия, 1967. – 543 с.
4. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.

Abstract. The article discusses Russian folk pictures, which in visual and textual forms represent phraseological units and paroemias. The drawings devoted to the events of the Patriotic War of 1812, the Russian-Japanese War of 1904–1905 and the First World War are used for analysis. The nature of the interaction of the content of the folk picture with the internal form of phraseological units and paroemias is determined.

Keywords: folk picture, phraseologism, paremia, semantics, visualization, expressiveness.

Коваль Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор; Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины (vlad-kov@mail.ru).

М. Л. Ковшова

**КУЛЬТУРНЫЙ СКРИПТ КАК ЭЛЕМЕНТ
КОГНИТИВНОГО (ФРЕЙМОВОГО) АНАЛИЗА ЗАГАДКИ**

Аннотация. Статья посвящена исследованию народных загадок в когнитивно-культурологическом аспекте. В работе представлен опыт объединения когнитивного (фреймового) анализа и культурологического комментирования на основе включения во фрейм культурного скрипта.

Ключевые слова: загадка, фрейм, культурный скрипт, типы культурной информации.

Введение. Среди языковых знаков – топонимов, терминов родства, фразеологизмов, паремий, прецедентных имен и др., культурная релевантность которых обусловлена связью с семиотическими системами культуры: мифами, фольклором, обрядом, религиозными текстами, литературой, искусством, – важная роль отведена загадкам. Загадки берут свое начало в магических ритуалах; в истории культуры загадка связана с табу, или запретами, на прямое название объекта; позднее загадка, не потеряв своего гносеологического предназначения, стала интеллектуальным развлечением. Оставаясь малым жанром игрового фольклора и будучи вместе с тем языковым знаком текстовой протяженности, загадка намеренно непрямо описывает мир; в традиционной загадке языковая объективация действительности осуществляется через призму крестьянского мировоззрения [1]. В образах загадок отражается сложившееся в народной культуре понимание, прежде всего, конкретного, наблюдаемого мира, и уже на основе этих наблюдений происходит осмысление отвлеченных категорий, таких как время, пространство, душа и др. «Даже загадки об отвлеченных понятиях, о жизни и смерти, о времени, о грамоте, о предметах, связанных с религией, верой, конкретны по своим образам, в них смешивается бытовое и возвышенное» [2, с. 10]. Исследование загадки как феномена языка и культуры ведется с помощью комплексного подхода, включающего лингвистический, когнитивный и культурологический анализ [3].

Основные положения и анализ материала. В данной работе впервые ставится задача объединить когнитивный и культурологический этапы анализа путем разработки понятия и особой зоны в структуре фрейма – культурного скрипта. В когнитивном аспекте понятия «фрейм» и «скрипт» противопоставлены по признакам статических/динамических структур (М. Минский, Р. Шенк и др.); культурные поведенческие скрипты (сценарии) описываются в работах А. Вежбицкой, Н. Г. Брагиной, В. И. Карасика, Т. Б. Радбиля, А. Д. Шмелева и др.; так, согласно А. Вежбицкой, в культурных скриптах отражается «некая “наивная аксиология”, запечатленная в языке» [4, с. 6]. Сравн. также термин «лингвокультурный скрипт», означающий этнокультурно маркированный сценарий коммуникации [5].

В настоящем исследовании под культурным скриптом понимается когнитивная структура культурной информации, которая участвует в процессе языковой концептуализации того или иного понятия (его признака). По гипотезе, в ходе языковой концептуализации те или иные типы культурной информации (понимаемые в духе В. Н. Телия [6, с. 772]) «проникают» в языковую семантику и образуют в ней культурные импликатуры разной глубины «залегания». В оперативном плане культурный скрипт рассматривается как сценарий «включения» в концептуализацию тех или иных типов культурной информации. Основная задача исследования видится в том, чтобы при анализе загадки выделить во фрейме зону культурного скрипта и обозначить разные типы культурной информации. Представляется, что использование зоны культурного скрипта позволит эксплицировать культурную мотивированность семантики загадки; показать,

что в загадках кодируются не столько денотаты, сколько концепты. Проведем опыт анализа русской народной загадки с участием культурного скрипта в ее описании. В ходе когнитивного (фреймового) анализа исследуется направление концептуализации, указываются область-источник и область-цель, их конституирующие признаки; раскрывается типовой сценарий, отражающий последовательность действий, формирующих ситуацию; описываются понятийные компоненты, которые создают основу для уподобления и др. В форме культурного скрипта представлены разные типы культурной информации, участвующие в концептуализации понятий и воплощенные в различной семантике загадки. Сравн. загадку: *Шли козы по мосту, Увидели зорю – Попрятались в воду (звёзды и небо)* [7, с. 288] (таблица 1).

Таблица 1 – Когнитивно-культурологический анализ загадки *Шли козы по мосту, Увидели зорю – Попрятались в воду (звёзды и небо)*

| Ситуативные и культурологические характеристики | Область-источник <i>Шли козы по мосту, Увидели зорю – Попрятались в воду</i> | Конституирующие признаки | Область-цель <i>Звёзды и небо</i> |
|--|---|--|--|
| | Природная, зооморфная, акциональная пространственная, артефактивная, временная | Природная, пространственная, временная | Природная, космическая, пространственная, временная |
| Подсказки | 1) <i>увидели зорю</i> 2) связь: время – действие (<i>увидели зорю – попрятались в воду</i>) | Причинно-следственная связь природных явлений с изменением времени суток | Звёзды видны на небе ночью/в тёмное время; с наступлением светового дня звёзды становятся не видны |
| Типовые сценарии | Козы ходят стадом, видя что-то внезапно возникшее, прыгают, убегают от опасности, прячутся | С наступлением утренней зари звёзды на небе исчезают так же скоро, как прячутся пугливые козы | С наступлением зари звёзды на небе становятся невидимыми |
| Культурный скрипт | Стереотип Козы пугливы; козы двигаются гуртом; вода прячет, скрывает (сравн.: «концы в воду») Символ, стереотип <i>Заря («зоря»)</i> – символ рассвета, начала, несмотря на то что есть понятие «вечерняя заря» как время угасания света, последнего проблеска перед наступлением тьмы | Наступление природного явления; быстрота исчезновения Природные явления связаны с определенным периодом времени | Концепт, религиозный слой концепта Звёзды на небе как паства (овцы, козы) небесного пастыря Символ, стереотип Звёзды – символ ночи, стереотип темного времени суток |

Окончание таблицы 1

| 1 | 2 | 3 | 4 |
|-------------------|---|--|--|
| | Мифологема «моста» Небо – «мост» между верхним (райским) и нижним (земным) пространствами Архетипы «верх»/«низ» «свет»/«тьма» «открытый»/ «скрытый» | Связь между верхним и нижним пространствами, между видимым и невидимым | Поверье Днём звёзды отражаются в воде; дневные звёзды можно увидеть, глядя в воду Архетипы «верх»/ «низ» «свет»/«тьма», «день»/«ночь» |
| Элементы ситуации | <i>шли по мосту</i> | перемещались в одном пространстве | на небе |
| | <i>Козы</i> | несколько объектов одного класса | Звёзды |
| | <i>увидели зорю</i> | во время наступления природного явления | с наступлением зари |
| | <i>Попрятались</i> | исчезли из поля наблюдения, стали невидимыми | становятся не видны |
| | <i>в воду</i> | переместились в другое пространство | на небе днем |
| Культурные смыслы | Звёзды и небо в народном представлении принадлежат к наблюдаемому, видимому миру природы; мир видимый может переходить в мир невидимый; невидимый мир уподоблен глубине воды, которая скрывает, прячет; верх (небо) и низ (вода) образуют круг; мир предстает как целостное пространство, охватывающее все видимое и невидимое. | | |

Заключение. Когнитивно-культурологический анализ может быть проведен путем построения фрейма с включенным в него необходимым элементом – культурным скриптом. Такой исследовательский прием позволяет определить, какие типы культурной информации, образующие ее когнитивную структуру, участвуют в процессе концептуализации; по каким «сигналам» в языке загадки можно их обнаружить. В дальнейших исследованиях предполагается описать разные механизмы действия (и взаимодействия) тех или иных типов культурной информации, их участие в концептуализации понятий; выявить культурные импликатуры в семантике загадки; разработать процедурное описание культурного скрипта.

Список использованных источников

1. Орлова, О. С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах. Принцип непрямой номинации. Когнитивно-культурологическое исследование / О. С. Орлова. – М. : ЛЕНАНД, 2022. – 240 с.
2. Митрофанова, В. В. Загадки / В. В. Митрофанова. – Л. : Наука, 1968. – 256 с.
3. Ковшова, М. Л. К вопросу о семантической структуре загадки. Когнитивный и культурологический комментарий как принцип исследования / М. Л. Ковшова, О. С. Орлова // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. – 2020. – Т. 4. – С. 70–79.

4. Вежбицкая, А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке / А. Вежбицкая // Русский язык в научном освещении. – М., 2002. – № 2(4). – С. 6–34.
5. Моторина, Н. В. Лингвокультурные скрипты традиционного коммуникативного поведения в России и Англии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Моторина. – Волгоград, 2014. – 22 с.
6. Телия, В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа / В. Н. Телия // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2020. – С. 776–782.
7. Садовников, Д. Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Д. Н. Садовников. – М. : Славянский мир, 1995. – 400 с.

Abstract. The paper studies folk riddles in cognitive-culturological aspect. It aims at unifying cognitive frame analysis and culturological commentary by means of embedding the cultural script into the frame.

Keywords: riddle, frame, cultural script, types of culture-related information.

Ковшова Мария Львовна – доктор филологических наук, профессор; Институт языкознания РАН (kovshova_maria@list.ru).

УДК 811.161.1'373.2

М. М. Козловская

СОЧЕТАНИЕ *БОГАТЕНЬКИЙ (БОГАТЫЙ) БУРАТИНО*: ОСОБЕННОСТИ ТОЛКОВАНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности толкования и употребления сочетания *богатенький (богатый) Буратино* на современном этапе. Проанализированы представленные в Национальном корпусе русского языка разные графические варианты, значения и смысловые оттенки данного выражения.

Ключевые слова: Буратино, фразеология, деонимизация.

Во фразеологическом фонде русского языка значительное место занимают антропоцентрические выражения. Они определяют как внешние, так и внутренние отличительные черты человека. Напр., обороты *от горшка два вершка*, *верста коломенская* характеризуют рост, *косая сажень в плечах* – телосложение, *семи пядей во лбу*, *дубина стоеросовая* – умственные способности, *мухи не обидит*, *язык без костей* – личностные качества, *тише воды*, *ниже травы* – поведение, *важная птица*, *мелкая сошка* – социальное положение и т. д. Приведенные фразеологизмы известны издавна, указаны во многих словарях, имеют аналоги в других языках. Однако процессы номинации человека по разным признакам и фразеологизации возникающих выражений активны и в настоящее время, что фиксируется современными лексикографическими источниками. Так, в последние десятилетия отмечены сочетания *красный пиджак* (разг., насмешл.) ‘о новом русском’, *ночная бабочка* ‘о проститутке’, *компьютерный андеграунд* ‘о хакерах, программистах, пишущих вирусы’ [1], *музыкальные туристы* ‘о музыкантах, приезжающих на Международный конкурс им. П. И. Чайковского, но не обладающих необходимыми данными для того, чтобы соревноваться с конкурсантами высочайшего мирового уровня’ [2], *денежный мешок* ‘богатый человек’ [1], *богатенький (богатый) буратино* (шутл. ирон.) ‘о состоятельном, обычно быстро разбогатевшем человеке’ [1]. В основе последних оборотов лежит один из значимых для характеристики человека признаков – его материальное положение. В русском языке, по данным Р. А. Эфендиевой, в данное лексико-семантическое поле входит 244 фразеологизма, в английском – 418.

Эти единицы имеют широкий семантический диапазон, так как отражают не только социально-экономические отношения, но и существующие в обществе нравственно-этические представления [3].

Цель работы – выявить особенности толкования и употребления выражения *богатенький (богатый) буратино* в современных социокультурных условиях.

В середине 30-х годов XX века была написана ставшая очень популярной повесть-сказка А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино». История деревянного мальчика, переведенная на 47 языков, никого не оставила равнодушным и неоднократно переиздавалась. Как метко заметил критик Марк Липовецкий, главный персонаж стал влиятельным *культурным архетипом*, «открытым для многочисленных творческих интерпретаций и в то же время сохраняющим свои неповторимые и узнаваемые черты» [4]. Поэтому неслучайно Национальный корпус русского языка (далее НКРЯ) фиксирует активное употребление слова *Буратино* в разных значениях: в основном подкорпусе – 255 текстов и 789 примеров, в газетном – 732 текста и 964 примера [5]. При этом чаще всего лексема выполняет номинативную функцию (как в прямом, так и в переносном значении); в некоторых примерах носит сравнительный характер, на что указывает имеющий соответствующую семантику союз *как*: *Нос как у Буратино, на боку планшетка, глаза дурные, деревенские* (Анатолий Азольский. Облдрамтеатр); *Но Петров ел и сырой лук, как Буратино* (А. Б. Сальников. Петровы в grippe и вокруг него); *У меня всегда мысли были коротенькие-коротенькие, пустяковенькие-пустяковенькие, как у Буратино* (Инна Калабухова. Приключение длиною в сорок пять лет) [5].

Народное признание получили и экранизации книги, самая известная из которых – вышедший в 1975 году фильм Леонида Нечаева «Приключения Буратино». Образ обаятельного Буратино, вступившего в борьбу со злом, блистательная игра всего актерского состава сделали эту ленту, на наш взгляд, «фильмом на все времена». Этому способствовала и яркая речь героев. Многие выражения сразу же запомнились, в том числе реплика лисы Алисы «богатенький Буратино».

Сочетание *богатенький буратино* и его вариант *богатый буратино* в различных словарях русского языка зафиксированы как устойчивые, однако толкования, сохраняя общую семантику, несколько отличаются: 'богатый человек, обычно быстро разбогатевший' [6], иронически – 'о богатом и благополучном человеке, чье богатство не есть результат его личного труда, высоких личных качеств и т. д.' (Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений), Разг. Шутл. Ирон. 1. О богатом человеке. 2. О человеке, который располагает деньгами в данный момент (Большой словарь русских поговорок); 'человек, имеющий значительную сумму денег, особенно тот, который даёт надежду приятелям немного пожить за его счёт, берёт расходы на себя' (Словарь народной фразеологии), 'богатый, но глупый человек' (Словарь русского арго) [7]. Последнее значение обусловлено переносной семантикой существительного *буратино*, отмеченного некоторыми словарями как 'полный дурак, идиот, тупица' (Словарь русского арго; Словарь синонимов; «Словарь коннотативных собственных имен» Е. С. Отина) [7; 8]. В основном подкорпусе НКРЯ с учетом различных морфологических форм первое выражение найдено в 21 тексте и 26 примерах, в газетном – в 42 текстах и 42 примерах. Второй оборот отмечен гораздо реже: в основном подкорпусе – в 2 текстах и 2 примерах, в газетном – в 8 текстах и 8 примерах [5].

Анализ представленных в НКРЯ контекстов показал, что рассматриваемые выражения имеют в современных текстах разное графическое оформление. Отличия, подчеркивающие переносное значение оборота, заключаются в наличии/отсутствии кавычек и написании опорного слова как с прописной, так и со строчной буквы. Всего отмечено 5 вариантов со следующей частотностью:

– сочетание сохраняет первоначальное написание (прилагательное + собственное имя), кавычки отсутствуют (31 случай): *Выходить за богатого Буратино я не плани-*

рую (Труд-7, 2007.11.30); *С одной стороны, это ориентированный на богатеньких Буратино глянец, который бесплатно лежит в дорогах ресторанах и фитнес-клубах* (Коммерсант, 2013.07.22);

– сочетание сохраняет первоначальное написание (прилагательное + собственное имя), но берется в кавычки (17 случаев): *Недавно некий «богатый Буратино» не поспешил и пригласил на юбилей любимой жены столичных знаменитостей – экс-резидента Comedy Club Тимура Родригеза и питерскую группу «Чай вдвоем»* (Комсомольская правда, 2009.07.03); *Ой, я сейчас так занята, набираю персонал для работы за рубежом – нужно сопроводить в Испанию детей "богатеньких Буратино"!* (Труд-7, 2007.03.23);

– в сочетании изменено собственное имя на нарицательное, кавычки отсутствуют (17 случаев): *Богатенький буратино, если все правильно организовать, программе не помешает* (Известия, 2002.02.01);

– в сочетании изменено собственное имя на нарицательное, все выражение берется в кавычки (8 случаев): *Это кричащее самодовольство наших "богатеньких буратино", бессовестная демонстрация богатства на фоне бедности большинства* (Аргументы и факты, 2002.01.23);

– в сочетании изменено собственное имя на нарицательное, которое пишется в кавычках (3 случая): *О нашей жизни, где олигархи «кидают» друг друга, штабной писарь решает судьбу офицера, а шлюшка на дороге оказывается более морально стойкой, чем богатенький «буратино», наживающийся на телевизионном пиаре* (Комсомольская правда, 2006.12.04).

В лексикографии опорным словом в рассматриваемом сочетании служит как собственное имя, так и нарицательное, что говорит о его «неустойчивом» положении в лексико-семантическом пространстве, лежащем на границе проприальной и апеллятивной лексики, которое является актуальным языковым ресурсом [9]. В НКРЯ, как показывает иллюстративный материал, чаще фиксируется употребление имени собственного, чем нарицательного. Это, возможно, связано с тем, что процесс деонимизации в данном случае еще не завершен, чему «мешает», на наш взгляд, сохраняющаяся мотивация оборота из-за узнаваемости образа, запечатленного в языковом сознании представителей разных поколений. Надо отметить, что слово *Буратино/буратино* в составе сочетания сохраняется как несклоняемое, хотя при употреблении в значении отдельного нарицательного существительного может изменяться: *Ведерников был богатенький буратино и маменькин сынок, все, за что инвалиды боролись с социальными фондами, все, на что они копили по медному грошику, буратине доставалось задарма* (О. А. Славникова. Прыжок в длину).

Фразеологизация всегда тесно связана со стремлением говорящих сделать свою речь выразительной и показать личное отношение к определенному явлению, поэтому устойчивое выражение с компонентом *богатый* оказывается менее употребительным в силу стилистически нейтрального прилагательного. Прилагательное *богатенький* благодаря уменьшительному суффиксу *-еньк-* придает выражению яркую оценочную коннотацию и стилистическую окрашенность. При этом деминутив выражает не ласкательное, положительное отношение, а, наоборот, негативное. В зависимости от ситуации он реализует разные смысловые и экспрессивные оттенки, акцентируя шутливую, ироническую, насмешливую, презрительную интонацию.

Сочетание *богатенький (богатый) буратино* прежде всего указывает на материальное положение человека. Но вместе с тем оно подчеркивает и личностные качества, выделяя такие отрицательные стороны, как бессовестность, самодовольство, транжирство, стремление к роскоши и внешнему блеску, отсутствие моральных устоев, несоблюдение законов.

Рассматриваемый оборот служит для номинации человека. Однако в НКРЯ отмечен случай употребления данного выражения в значении 'организация': *Она откроет телефонный справочник. Ну-ка посмотрим, кто здесь богатынький Буратино? Ну конечно же, Московский нефтеперерабатывающий завод в Капотне* (Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем (2002)). Наблюдаемый перенос по модели 'тот, кто имеет деньги' → 'то, что имеет деньги' поддерживается семантикой прилагательного *богатынький* 'владеющий значительными материальными ценностями и денежными средствами' (БАС-2), которое функционирует как в словосочетании *богатый человек*, так и в сочетании *богатое учреждение*.

В художественной литературе и в материалах НКРЯ (7 случаев) также встречается вариант рассматриваемого сочетания с измененным существительным – *буратинка*, которое сочетается с прилагательным как в форме женского, так и мужского рода: *«Она получила очень, очень много! Два больших участка на Карельском перешейке, дом в элитном коттеджном поселке, квартиру триста метров в «золотом треугольнике», две дорогие машины и счета в нескольких банках...»* – *«Богатынькая буратинка! – завистливо проговорил долговязый»* [10]; *Он знал, что в России на модные тусовки ходят и в джинсах, но хотел, чтобы его принимали за иностранца, причем за богатынького благовоспитанного буратинку* (Елизавета Козырева. Дамская охота) [9]. Несмотря на немногочисленность, примеры в НКРЯ по-разному оформлены графически, по тем же образцам, что и исходное выражение: *Когда разозленная Лина наконец выдернула шнур аппарата из сети, она, расхохотавшись, догадалась, что звонили ей «ночные бабочки», проверявшие, не заселился ли в дорогой номер богатый Буратинка* (Аргументы и факты, 2002.11.06); *«Богатыньким Буратинкой намбер 1» оказался Пол Маккартни, который хотя и бьет балду уже несколько лет, но миллиардером все-таки стал* (Аргументы и факты, 2001.05.08); *Счет пошел на ложки, а не на банки На Западе «богатынькие буратинки» не мыслят себе достойного празднования Рождества, тем более «миллениумного», без черной икры* (Комсомольская правда, 2000.12.07); *Издевкой над множеством россиян, тайно или открыто приветствующих посадку богатынького «буратинки», типа: не радуйтесь, все там будем* (Известия, 2003.10.31).

Таким образом, собственное имя литературного героя *Буратино* остается актуальным для носителей русского языка и служит содержательной предпосылкой для формирования устойчивого выражения *богатынький (богатый) буратино*, динамично отражающего объективный мир и развивающего подвижный семантический ряд.

Список использованных источников

1. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Скляревской. – М. : Эксмо, 2006. – 1136с.
2. Катлинская, Л. П. Толковый словарь новых слов и значений русского языка / Л. П. Катлинская. – М. : АСТ: Астрель, 2008. – 380с.
3. Эфендиева, Р. А. Фразеологические единицы со значением «Материальное положение человека» : на материале английского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. – Нальчик, 2001. – 23 с.
4. Липовецкий, М. Утопия свободной марионетки, или Как сделан архетип (Перечитывая «Золотой ключик» А. Н. Толстого) / М. Липовецкий // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 2. – С. 17–24 .
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorgo.ru>. – Дата доступа : 23.09.2023.
6. Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка. – М. : ООО «Дом Славянской книги», 2013. – 960 с.
7. Богатынький Буратино [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3302/Богатынький. – Дата доступа : 23.09.2023.

8. Отин, Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : books.google.ru/books... – Дата доступа : 23.09.2023.

9. Воронцов, Р. И. Переход собственных имен в нарицательные как объект лексикографии: концепции специализированного словарного описания / Р. И. Воронцов // Acta Linguistica Petropolitana. – 2021. – Vol. 17.3. – P. 67–107.

10. Александрова, Н. Н. Тайна турецкого паши / Н. Н. Александрова. – М. : Эксмо, 2020. – 320 с.

Abstract. The article describes the features of the use of the word combination «rich Pinocchio» at the modern stage. The material presented in the Russian National Corpus marks different graphic variants, semantic connotations and meanings of this phrase.

Keywords: Pinocchio, phraseology, deonymization.

Козловская Маргарита Михайловна – кандидат филологических наук, доцент; Гомельский государственный медицинский университет (almark@tut.by).

УДК 811.161.1'373

Т. Е. Лаевская

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АННОТАЦИЙ К ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ)

Аннотация. В статье рассматривается прагматический потенциал фразеологических единиц в составе текстов аннотаций к художественным произведениям. Выявляются основные функции фразеологизмов в текстах аннотаций, реализуемые с учётом специфики исследуемого жанра.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологическая единица, текстообразующий потенциал фразеологизмов, функции фразеологизмов, вторичный текст, аннотация к художественному произведению.

Исследование выполнено в рамках НИР «Ключавыя ідэнтыфікатары беларускай лінгвакультуры і іншакультурныя моўныя феномены ва ўмовах выклікаў глабалізацыі і інфармацыйна-лічбавай эпохі», входящей в задание «Беларуская мова: этналінгвістычны, сацыялінгвістычны і лінгвакультуралагічны аспекты даследавання» падпраграмы «Беларуская мова і літаратура» Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг.

На сегодняшний день фразеология является хорошо изученной областью языкознания. При этом она остаётся неизменно привлекательной для лингвистов, так как «исследует наиболее живой, подвижный и разнообразный отряд языковых явлений» [1, с. 139]. Экспрессивность, эмоциональная окрашенность, оценочность, коннотативность фразеологизмов, способность рельефно отражать явления действительности обуславливают многоаспектность и многовекторность изучения указанных единиц – от их системного, типологического описания до рассмотрения культурных и национальных особенностей.

В последнее время особый интерес исследователей вызывает прагматический потенциал фразеологизмов, специфика их функционирования в различных речевых жанрах, что согласуется с доминированием в современном языкознании антропоцентрического, текстоцентрического, коммуникативного подходов к изучению языка.

Текстообразующий потенциал фразеологизмов обусловлен семантической и стилистической осложнённостью фразеологических единиц, что позволяет им не только оказывать воздействие на читателя, но и участвовать в построении текста [2].

Так, А. Н. Зеленов, исследуя фразеологизмы, функционирующие в качестве газетных заголовков, отмечает: «Фразеологический оборот, выступая в роли газетного заголовка, нередко оказывается более эффективным текстообразующим средством, чем слово, словосочетание и даже предложение. Текстообразующая роль заголовка-фразеологизма заключается в том, что он, как правило, является структурной и смысловой доминантой текста, во многом предопределяя его стилевую, эмоционально-экспрессивную тональность, а также жанровое своеобразие» [3, с. 6].

Многоплановость функциональных возможностей фразеологических единиц может проявляться на разных уровнях текста – от реализации его коммуникативных установок до организации формальной структуры. В. Коллер выделяет такие функции фразеологизмов, как перенос (связь текста с реалиями действительности), узнавание (общность знаний адресата и адресанта текста), упрощение (экономия средств выражения мысли), экономия аргументации (универсальность и значимость фразеологизмов), общеупотребительность (известность большому количеству носителей языка), придание дополнительного смысла (связь значения фразеологизма с контекстом), образность (придание тексту образности, выразительности) [4]. В. С. Норлусенян, исследуя прагматический потенциал фразеологизмов в научно-популярных текстах, говорит о значимости текстообразующей функции фразеологизмов, отмечая, в частности, их способность выступать средством выражения связности текста [5].

Рассматривая роль фразеологизмов в функционировании аннотаций к художественным произведениям, следует учитывать жанровую специфику анализируемых текстов. Аннотация, с одной стороны, является типичным образцом вторичного жанра, так как напрямую зависит от исходного текста (художественного произведения), а с другой стороны, обладает некоторыми признаками самостоятельного художественного текста, о чём свидетельствует употребление средств языковой выразительности, в том числе фразеологизмов. Наблюдение над текстами аннотаций к современным художественным произведениям позволяет говорить о разнообразии выполняемых фразеологическими единицами функций, что обусловлено необходимостью реализации коммуникативных установок жанра.

Нами были выявлены следующие функции фразеологизмов в текстах аннотаций.

1. Создание жанрово-стилистической однородности аннотации с аннотируемым первичным текстом, что ведёт в свою очередь к стилистическому разнообразию и «раскрепощению» текстов аннотаций: *«Тонечка – любящая и любимая жена, дочь и мать. Счастливица, одним словом! А ещё она известный сценарист и может быть рядом со своим мужем-режиссёром всегда и везде – и на работе, и на отдыхе. И живут они душа в душу, и понимают друг друга с полуслова... Или Тонечке только кажется, что это так? Однажды они отправляются в прекрасный старинный город...»* (из аннотации к книге Т. Устиновой «Пояс Ориона»). В данной аннотации фразеологические элементы, наряду с другими средствами языковой выразительности, способствуют своего рода копированию языковых черт жанра, в котором создан первичный текст.

2. Воздействие на потенциального читателя, привлечение его внимания. Традиционно считается, что основная функция аннотации как вторичного текста – информирование адресата о тексте-первоисточнике. Однако в условиях стремительного развития книжного рынка происходит расширение функций данного жанра. Аннотация призвана не только сообщать информацию о первичном тексте, но и оказывать воздействие на читателя с целью побудить его к покупке/прочтению книги. Рассмотрим следующий текст: *«Конечно, вы знаете, чем занят чёрт, пока Бог дремлет. Но наверняка не в куurse того, кто стоит у руля, когда оба отдыхают. Представьте себе: на сцену выходят их подручные и таких дров могут наломать, что о-го-го... Да-да, не думайте, что один весь такой белый и пушистый, а значит, вечно совершает благо. А другой – хвостатый, рогатый, покрытый чешуёй и, следовательно, вечно хочет зла. Ничего подобного – оба хороши...»* (аннотация к книге С. Мусанифа «Подземная Канцелярия»).

В данном случае фразеологические элементы, в силу своей прецедентности, способствуют восприятию текста аннотации потенциальным читателем как близкого, понятного и, соответственно, значимого, интересного.

3. Создание связности текста, участие в его структурном построении. В приведённой выше аннотации фразеологическое выражение *чем занят чёрт, пока Бог дремлет*, употребленное в трансформированном виде (в оригинале *Чем чёрт не шутит, пока (когда) бог спит*), выполняет значимую текстообразующую функцию, так как выступает отправной точкой для развёртывания текста, определяя следующий шаг в развитии сюжета (*Но наверняка не в курсе того, кто стоит у руля, когда оба отдыхают*). [6].

4. Экономия языковых средств. С нашей точки зрения, широкое использование фразеологических единиц в текстах аннотаций может быть обусловлено также стремлением к эффективной реализации коммуникативных установок жанра при его формальной ограниченности малым размером. Необходимость информировать читателя и оказать на него воздействие посредством небольшого текста предполагает продуктивное использование ресурсов языковой выразительности.

Рассмотрим следующий пример: *Над Анк-Морпорком стелется густой осенний туман, и под его покровом в городе происходит серия жестоких и бессмысленных убийств. Жертвами неизвестного преступника становятся безобидные старики, которые вели тихую и уединённую жизнь. Расследованием занимается сам начальник городской стражи – Моркоу. Следы приводят его к големам, безвольным созданиям из глины, которые были созданы для службы человеку и до сегодняшнего дня не доставляли никаких хлопот. Но по слухам, когда-то мирные существа, устав от веков порабощения, готовят восстание и уже ступили на скользкий преступный путь»* (аннотация к книге Т. Пратчетта «На глиняных ногах»).

В данном тексте можно выделить такие устойчивые выражения, как *стелется туман, серия убийств, вели уединённую жизнь, следы приводят, не доставляли хлопот, ступили на скользкий путь*. Можно сказать, что малый по объёму текст насыщен фразеологическими включениями. Указанные элементы характеризуются воспроизводимостью в речи и закреплённостью в сознании потенциальной читательской аудитории, что позволяет им эффективно участвовать в построении текста и способствовать решению его коммуникативных задач.

5. Придание тексту образности, экспрессивности: *«Порой глупые случайности способны перевернуть жизнь с ног на голову. И Тина уже успела убедиться в этом на личном примере. Вот надо же было ей упасть в реку? Так бы и оставалась Тиной из Котловины и занималась своими обыденными делами... Но нет, падение изменило ее. Теперь она – случайник. То есть, человек, случайно получивший магический потенциал. И вроде бы нужно радоваться, но все не так просто.*

Тине предстоит из простушки превратиться в сильную волшебницу, обуздать обретенный дар и не упасть в грязь лицом» (аннотация к книге М. Суржевской «Королевство Бездуш. Академия»).

Являясь источником языковой выразительности, фразеологические элементы в текстах аннотаций помогают избежать шаблонности, способствуют формированию общей экспрессивно-стилистической окрашенности текста [6].

Таким образом, можно сделать вывод, что фразеологизмы играют важную роль в построении и функционировании текстов аннотаций к современным художественным произведениям. Фразеологические элементы способствуют созданию жанрово-стилистической однородности аннотации и первичного текста, оказывают воздействие на эмоционально-чувственную сферу потенциального читателя, придают тексту образность и экспрессивность, позволяют эффективно реализовать коммуникативные установки текста в условиях его малого объёма, выступают средством связности. Реализация прагматического потенциала фразеологизмов в текстах аннотаций свидетельствует о динамике жанра в плане присущих ему языковых особенностей.

Список использованных источников

1. Виноградов, В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977. – С. 118–139.
2. Катамадзе, М. О. Феномен неэкспрессивности фразеологизма (на материале научного и официально-делового типов немецкоязычного дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. М. Катамадзе ; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 2015. – 19 с.
3. Зеленов, А. Н. Фразеологизм в роли газетного заголовка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. Н. Зеленов ; Гуман. ин-т. – Бел. Новгород, 2009. – 24 с.
4. Koller, W. Die einfachen Wahrheiten der Redensarten. In: Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht, №56. – 1985. – S. 26–36.
5. Норлусенян, В. С. Прагматический потенциал фразеологизмов в научно-популярном тексте / В. С. Норлусенян // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. – №3 (20). – С. 81–83.
6. Лаевская, Т. Е. Вторичный жанр «издательская аннотация»: типология, функции, дискурсивные контакты / Т. Е. Лаевская. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2021. – 104 с.

Abstract. The article examines the pragmatic potential of phraseological units in the texts of annotations to fiction works. The main functions of phraseologisms in annotation texts are revealed with the specifics of the genre under study taken into account.

Keywords: phraseology, phraseological unit, text-forming potential of phraseological units, functions of phraseologisms, secondary text, annotation to a work of fiction.

Лаевская Татьяна Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент; Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина (t-laevskaya@mail.ru).

УДК 811.161.3'373:398.9

В. А. Ляшчынская

АБ АДНОЙ АСАБЛІВАСЦІ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

Анотацыя. У артыкуле на матэрыяле фразеалагічных адзінак беларускай мовы з ліку рэпрэзэнтантаў эмацыянальнага стану, эмоцый і пачуццяў чалавека звернута ўвага на адзінкі, якія ілюструюць поліафектыўнасць, патэрн эмоцый, што разумеецца як аб'яднанне ў вобразе адной адзінкі некалькіх розных, блізкіх або супрацьлеглых эмоцый; устанаўліваюцца прычыны такой асаблівасці фразеалагічных адзінак.

Ключавыя словы: фразеалагічныя адзінкі, асаблівасці, эмоцыі і пачуцці, патэрн эмоцый, прычыны, тыповыя сітуацыі.

Фразеалагічныя адзінкі, як вядома, вызначаюцца цэлым шэрагам асаблівасцей, з якіх найбольш выразна і яўна выдзяляюцца такія ўзаемаабумоўленыя і узаемазвязаныя прыкметы і ўласцівасці, як цэласнасць значэння, вобразнасць, эмацыянальнасць і ацэначнасць.

Большасць фразеалагічных адзінак беларускай мовы суадносіцца з той ці іншай часцінай мовы і адпаведна выконвае ўласціваю ёй сінтаксічную функцыю; па структуры могуць адпавядаць сказам ці розным тыпам спалучэнняў слоў. Да таго ж яны выключна вобразна, дакладна і выразна перадаюць думку, выражаюць цэлы спектр эмацыянальных рэакцый, даюць характарыстыку і ацэнку ў яе асіметрыі з ухілам у бок адмоўнага полюса.

З ліку многіх прыкмет і ўласцівасцей наша ўвага скіравана да такой адметнасці фразеалагічных адзінак, што з'яўляюцца другаснымі адзінкамі паводле свайго ўтварэн-

ня, як іх складанае значэнне, асабліва адрознае ад значэння слоў як асноўнага рэсурсу наймення, – значэнне, якое нярэдка звязана з выражэннем поліафектыўнасці.

Стала ўжо аксіёмай, што фразеалагічныя адзінкі называюць не толькі тое, што можа быць у многіх выпадках абазначаным ці быць названым суадносным па значэнні словам, як, напр.: *грушы на вярбе* (вярзці) – *небыліцы, недарэчнасць*; *абуваць у лапці* – *ашукваць*, але «плюс штосьці яшчэ», як, напр., у наступных фразеалагічных адзінках: *без аглядкі* – ‘вельмі хутка’; *як сваё вока* (глядзець, пільнаваць, берагчы) – ‘вельмі старанна, клапаціліва’, дзе ўжо ў семантыцы маецца скіраванасць на інтэнсіўнасць праяўлення дзеяння. Агульнавядомым стала палажэнне аб тым, што значэнне фразеалагічнай адзінкі заўсёды больш насычана «дэталямі», чым значэнне слова [1, с. 132].

Як вядома, эмоцыі ў жыцці чалавека з’яўляюцца неад’емным складнікам розуму, мыслення, яго моўнай свядомасці. Яны праяўляюцца ў розных сферах жыцця, ва ўсёй камунікатыўнай прасторы. У апошні час заўважана больш выразнае і асабліва актыўнае праяўленне эмоцый, што тлумачыцца многімі прычынамі, якія абумоўлены палітычнымі, эканамічнымі падзеямі, зменамі ў грамадстве, у выніку чаго адзначаецца большая эмацыянальная свабода і разняволенасць чалавека ў выражэнні сябе. Гэта дазволіла нават гаварыць аб эмацыянальнай камунікацыі як агульнапрызнанай разнавіднасці камунікацыі і такіх маўленчых актаў, як эмацыйных [2, с. 146].

Уважлівае прачытанне фразеалагізмаў, што рэпрэзентуюць эмоцыі і пачуцці чалавека, дазваляе нам акрэсліць некаторыя асаблівасці гэтай колькасці прадстаўленай і надзвычай разнастайнай паводле канцэптуалізацыі эмоцый і пачуццяў групы адзінак беларускай мовы.

Першая заўвага аб адметнасці семантыкі эмацыянальных фразеалагізмаў беларускай мовы датычыць адлюстравання, фіксацыі ці ўказання на некалькі эмоцый, пачуццяў адразу. Так, эмоцыя страху ў цэлым радзе фразеалагічных адзінак, пабудаваных, напрыклад, паводле метафарычнай мадэлі «страх – холад» (*мароз на скуры / на спіне / на целе прабягае / ходзіць / дзярэ* – ‘у каго-н. узнікае непрыемнае адчуванне ад раптоўнага страху, хвалявання і пад.’; *мурашкі бегаюць / прабягаюць / бягуць на целе / на спіне / на скуры* – ‘хто-н. адчувае дрыжкі ад моцнага страху, хвалявання і пад.’; *сэрца замірае/замірала* – ‘каго-н. нечакана ахоплівае хваляванне ці трывога, неспакой і пад.’), вызначаецца ў цеснай звязанасці з такімі пачуццямі і эмоцыямі чалавека, як хваляванне, трывога, што і адлюстравана ў фразеалагічным значэнні названых адзінак. Тое ж ілюструе семантычны аб’ём фразеалагічных адзінак, утвораных паводле метафарычнай мадэлі «страх – фізічная слабасць»: *вочы на лоб лезуць / лезлі / палезуць / вылазяць / вылазілі* – ‘хто-н. выказвае вялікае здзіўленне, моцны спалох, страх’; *кідае ў <халодны> пот* – ‘хто-н. адчувае моцны страх, узрушэнне’; *лытаць вачамі (-ыма)* – ‘бяссэнсава, тупа глядзець (ад разгубленасці, здзіўлення, страху і пад.)’ і інш.

Поліафектыўныя фразеалагічныя адзінкі, ці тыя, якія прадстаўляюць адразу некалькі эмоцый, даюць іх у пералічэнні, што і зафіксавана ў семантыцы адзінак пры іх лексікаграфічнай апрацоўцы, вызначаюцца і сярод іншых груп фразеалагічных адзінак беларускай мовы як рэпрэзэнтантаў пэўных тыпаў эмоцый. Дастаткова ўзгадаць фразеалагічныя адзінкі з ліку рэпрэзэнтантаў, напрыклад, пачуцця сораму, што падаецца ў патэрне з іншымі пачуццямі (як *агнём апякло* ці *як варам абдало* – ‘раптоўна ўразіла, збянтэжыла, напалохала’; *вочы вялікія зрабіліся* – ‘хто-н. быў вельмі здзіўлены, збянтэжаны, разгублены’; *кроў кінулася ў твар* – ‘хто-н. пачырванеў ад збянтэжанасці, сораму і пад.’; *кроў прылівае да твару* – ‘хто-н. чырванее ад збянтэжанасці, сораму і пад.’; *хоць скрозь зямлю праваліся* – ‘вельмі сорамна, няёмка’; *з якімі вачамі заявіцца* – ‘як паводзіць сябе пры сустрэчы з кім-н. з-за пачуцця сораму, няёмкасці, збянтэжанасці і пад.’), дзе адзначаем спалучанасць у межах адной адзінкі наймення эмоцый сораму і няёмкасці, сораму і збянтэжанасці, сораму, няёмкасці і збянтэжанасці.

Нярэдка фразеалагічны склад эмацыянальных адзінак беларускай мовы выяўляе не толькі патэрн, ці непадзельнасць або неаддзельнасць адной эмоцыі ад другой, але, што зусім магчыма, нават і неадрозненне іх. Гэта можна найбольш выразна праілюстраваць, выдзеліўшы з ліку шматлікіх фразеалагічных рэпрэзентантаў, напрыклад, эмоцыі злосці, тыя, у якіх, на нашу думку, назіраецца неадрозненне эмоцый злосці ад іншых эмоцый: 1) злосці і раздражнення (*дзеінічаць на нервы* – ‘раздражняць, злаваць, хваляваць каго-н.’; *зводзіць з розуму* – ‘моцна раздражняць, злаваць, хваляваць’; *лезці на сцяну* – ‘крайне ўзрушвацца, раздражняцца, злавацца’; *лезці сляпіцай у вочы* – ‘раздражняць, злаваць каго-н. непрыемным уражаннем’; *лезці ў бутэльку* ці *лезці ў пузыр* – ‘раздражняцца, злавацца на каго-н., звычайна беспадстаўна’; *псаваць кроў сабе* – ‘вельмі раздражняцца з-за чаго-н., злавацца’; *пад злосную/злую руку* – ‘у стане злосці, раздражнення (рабіць, зрабіць што-н.)’), 2) злосці і незадавальнення (*капыліць губу (-ы)* – ‘кывіцца, выражаючы незадаволенасць, злосць’; *кывіць губы* – ‘кывіцца, выражаючы незадаволенасць, злосць і пад.’), 3) злосці і нянавісці (*скрыгатаць зубамі* – ‘выяўляць моцную злосць, нянавісць да каго-н.’) і інш.

Патэрн дзвюх і больш эмоцый у многіх вобразах і адпаведна поліафектыўнасць у семантыцы фразеалагічных адзінак можна патлумачыць, з аднаго боку, немагчымасцю аддзяліць адну эмоцыю ад другой, з другога боку, комплекснасцю іх дзеяння, калі адна эмоцыя вядзе за сабой другую ці папярэднічае ёй, выклікае ці суправаджаецца другой, спалучаецца з трэцяй і інш. Менавіта на гэту асаблівасць дзеяння многіх эмоцый чалавека звярталі ўвагу псіхолагі, адзначаючы, што кожнае з пачуццяў ці эмоцый чалавека выступае, паводле тэрміналогіі Ч. Дарвіна, у групе ці, паводле тэрміналогіі К. Э. Ізарда, у комплексе. Так, напрыклад, групу сораму, як лічыў Ч. Дарвін, складаюць сорам, сарамлівасць і віна, а на думку К. Э. Ізарда, комплекс сораму складуюць сарамлівасць, нясмеласць, стрыманасць, сарамяжлівасць, прыкрасць і знявага [3, с. 345].

Сапраўды, цяжка аддзяліць адну эмоцыю ад другой, адно пачуццё ад другога, як адносна, напрыклад, сораму і збянтэжанасці, сораму і няёмкасці і нават сораму і страху ці інш. Тым больш што гэта сувязь, гэта непадзельнасць ці комплекснасць закладзена і выяўляецца ў семантыцы лексемы *сорам* – ‘пачуццё моцнай збянтэжанасці, хвалявання ад усведамлення непрыгожасці свайго ўчынку’ ці ‘пачуццё збянтэжанасці, няёмкасці’ [4, с. 234]. Тое ж падкрэсліваецца і ў вызначэнні паняцця сораму ў псіхалогіі чалавека: сорам – ‘пакутлівае маральна-псіхалагічнае перажыванне асобы, у аснове якога ляжыць пачуццё віны за ўчыненае дзеянне і страх перад магчымымі (рэальнымі ці ўяўнымі) нядобрымі наступствамі, якія гэта дзеянне можа спарадзіць у будучым’ [5, с. 202].

Пра змешанасць, непадзельнасць ці неаддзельнасць чалавечых пачуццяў і эмоцый заўважаюць многія даследчыкі, якія займаюцца вывучэннем эмацыянальна-пачуццёвай сферы чалавека. У прыватнасці, аб такой сувязі эмоцый, сярод якіх задзейнічана і эмоцыя страху, зазначае Н. Д. Аруцюнава, якая піша: «Сам “склад” пачуцця сораму варыятыўны. Да яго можа прымешвацца баязлівасць, раскаянне, страх...» [6, с. 66].

Аналіз эмацыянальных фразеалагізмаў беларускай мовы выявіў яшчэ адну адметнасць гэтых адзінак, ці іх разнавіднасць. У складзе беларускай фразеалогіі адзначаюцца фразеалагічныя адзінкі, у якіх поліафектыўнасць эмоцый працягваецца ў іх супрацьлегласці, г. зн. маюцца не толькі адзінкі з патэрнам блізкіх эмоцый і пачуццяў, але і супрацьлеглых. Напр., фразеалагічная адзінка *сэрца заходзіцца / заходзілася / зайшлося* вобразна даводзіць пра магчымасць выражэння дзвюх кантрастных эмоцый, штоі замацавана ў яе значэнні – ‘хто-н. перажывае вялікую радасць ці моцную трывогу, хваляванне’. І сапраўды, такая непадзельнасць у прадстаўленні супрацьлеглых паводле ўспрымання эмоцый (*радасць* – ‘пачуццё вялікай асалоды, задаволенасці, якія выклікаюць вясёлы настрой’ і *трывога* – ‘неспакой, моцнае душэўнае хваляванне, выкліканае страхам, апаскай і пад.’), безумоўна, «сведчыць, з аднаго боку, пра блізкасць фізіялагічных адчуванняў названых эмоцый, з другога боку, аб складанасці вызначэння і дыферэнцыяцыі эмоцый як з’яў унутранага стану чалавека» [7, с. 93].

Наяўнасць і фіксацыя патэрну блізкіх ці нават супрацьлеглых эмоцый і пачуццяў у семантыцы многіх поліафектыўных эмацыянальных фразеалагічных адзінак беларускай мовы тым не менш не выклікае праблем для іх дакладнага выкарыстання і адпаведна ўспрымання, паколькі кожная з названых эмоцый выклікаецца ў пэўнай сітуацыі. Так, вядома, што пэўная эмацыянальная рэакцыя чалавека выклікаецца пэўнай катэгарыяльнай сітуацыяй, што і паслужыла асновай узнікнення фразеалагізмаў для яе абазначэння. І фразеалагізмы выступаюць у ролі міні-тэкстаў, што ўтрымліваюць і захоўваюць усю дадатковую інфармацыю, вызначаюцца сваім канатацыйным значэннем. Эмоцыі чалавека, адлюстраваны ў фразеалагічных адзінках мовы як адным з самых выразных сродкаў такога адлюстравання, служаць яшчэ і крыніцай пазнання эмоцый чалавека, іх праяўлення, прычын узнікнення і працякання. Эмацыяны стан чалавека ў пэўнай сітуацыі, якая і выклікае пэўную эмоцыю і якая па сутнасці з’яўляецца катэгарыяльнай, тыповай, лёгка пазнаецца. Да таго ж чалавек у пэўнай сітуацыі павышае ці паніжае градус напалу і выражэння свайго эмацыянальнага стану, што і адлюстроўваецца ў фразеалагічных адзінках.

Для ілюстрацыі возьмем некалькі фразеалагічных адзінак з ліку рэпрэзентантаў эмоцыі сораму: (не ведаць) *куды дзец / падзец <свае> рукі* – ‘(не ведаць) як паводзіць сябе ў няёмкім, становішчы, пры адчуванні збянтэжанасці, сарамлівасці і пад.’; *язык не паварочваецца / павярнуўся / павернецца* – ‘хто-н. баіцца, не адважваецца, саромеецца ці не мае ахвоты (сказаць, запытаць і пад.)’ і *язык не слухае / слухаецца* ці *язык не слухаў / не слухаўся* – ‘хто-н. не мае рашучасці, ахвоты, саромеецца (сказаць, запытаць і пад.)’.

Як відаць, першая фразеалагічная адзінка фіксуе сімптоматычнае праяўленне рухаў рук як выніку і праяўлення чалавекам эмоцый збянтэжанасці, сарамлівасці, што і адлюстравана ў наступным кантэксце: *Анежка была разгубленая. Здавалася, што яна не ведала, куды падзец свае рукі* (П. Броўка), дзе кантэкстнае акружэнне выяўляе адпаведную сітуацыю і дакладна скіроўвае да спалучанасці гэтых двух эмоцый.

А вось астатнія фразеалагічныя адзінкі фіксуюць сувязь сімптоматычнага праяўлення самакантролю суб’екта за сваім маўленнем, і ў якасці выразніка тыповай сітуацыі, пры якой у чалавека ўзнікае эмоцыя сораму, абраны язык як асноўны орган маўлення. Пры гэтым адзначаецца адчуванне не толькі збянтэжанасці, сарамлівасці, але і страху, боязі, якія цяжка іншым разам адрозніць ці аддзяліць, што і ілюструе наступны кантэкст: *Прызнацца, што ён не падрыхтаваў яшчэ хіміі і гісторыі, у Міці не павярнуўся язык* (А. Пальчэўскі), дзе фразеалагічная адзінка даводзіць пра адчуванне чалавекам як страху сказаць пра названае, так і сораму. Фразеалагічныя адзінкі з кампанентам *язык* як апорным створанага вобраза, як таго языка, які не слухаецца, не паварочваецца, падмацоўваюць думку даследчыкаў эмоцыі сораму пра тое, што сорам характарызуецца вострым павышэннем самасвядомасці, адносін чалавека да сябе і да меркавання пра яго з боку тых, хто яго акружае. Адсюль той страх і сорам як непадзельныя эмоцыі ў такой сітуацыі.

Такім чынам, у фразеалогіі беларусаў сярод фразеалагічных сродкаў вербалізацыі эмоцый і пачуццяў чалавека выдзяляюцца поліафектыўныя адзінкі, якія з’яўляюцца сродкам захавання эмацыянальнай памяці народа і ў якіх адлюстравана выключная складанасць пазнання ўнутранага свету, вызначэння і характарыстыкі пэўных эмоцый. Адлюстроўваючы тыповыя сітуацыі і ўяўленні, фразеалагічныя адзінкі з вобразна-асацыятыўным комплексам ў іх семантыцы пачынаюць выконваць ролю сімвалаў, стэрэатыпаў культуры народа ў вызначэнні эмоцый і іх нярэдкай спалучанасці, неаддзельнасці адна ад другой. І менавіта гэтая стэрэатыпнасць, сімвалічнасць і эталанізаванасць вобразнай асновы фразеалагізмаў, скарыстаных у пэўнай сітуацыі, абумоўлівае іх дакладнае ўспрыманне і асэнсаванне носьбітамі дзякуючы выпрацаванаму моўнаму вопыту.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
2. Шаховский, В. И. Коммуникация в эмоциональной сфере человека: экологический и эмоциональный интеллект / В. И. Шаховский // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония : матер. Междунар. конф. – М.–Ярославль : Изд-во Канцлер, 2018. – С. 145–162.
3. Изард, К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. – СПб. : Питер, 2011. – 461 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : Выд-ва «Беларус. Сав. Энциклапедыя» імя П. Броўкі. – Т. 5. – Кн. 1 : С–У / рэд. тома М. Р. Суднік. – 1982. – 663 с.
5. Бачинин, В. А. Психология. Энциклопедический словарь / В. А. Бачинин. – СПб. : Изд-во М. А. Михайлова, 2010. – 272 с.
6. Арутюнова, Н. Д. О стыде и стуже / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1997. – № 2. – С. 59–70.
7. Ляшчынская, В. А. Фразеалагічная эмацыянальная канцэптасфера беларусаў / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2012. – 246 с.

Abstract. In the article on the material of phraseological units of the Belarusian language from among the representatives of the emotional state, emotions and feelings of man, attention is drawn to units that illustrate polyaffectiveness, loss of emotions, which is understood as combining in the image of one unit and specifying in its semantics several different, close and even opposite emotions, and the reason for such a feature of phraseological units

Keywords: phraseological units, features, emotions and feelings.

Лещинская Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор; Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины (Leschinskaya@gsu.by).

УДК 811'276.5:33

А. Марабини

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЛЕНГИЗМОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ЭКОНОМИСТОВ

Аннотация. В последнее время экономика России претерпела значительные изменения. Эти изменения нашли закономерное отражение в профессиональном языке экономистов. В статье анализируются способы образования сленгизмов в сфере экономики. Подчеркивается важность изучения сленгообразования для объяснения тенденций в развитии языка.

Ключевые слова: сленг, деловое общение, лингвокреативность, неология, языковое поведение.

За последние двадцать лет экономическая ситуация в России существенно изменилась. Экономические изменения привели к формированию новых тенденций в бизнесе и в общении деловых партнёров. Реализация новой экономической системы сопровождается новыми формами общения. Новые языковые единицы появляются в результате заимствования (преимущественно из английского языка делового общения) и проникают в русский язык в виде сленговых фразеологических единиц (далее – СФЕ). СФЕ, по сути, представляют собой аргоизмы [1, с. 210], способствующие жаргонизации русского языка; они функционируют в кругу отдельных социальных групп [2]. Новые СФЕ отражают особое членение действительности и обозначают сложные экономические понятия. Согласно российскому учёному Н. Ф. Алефиренко, неофраземы сленгового происхождения выступают средством экспрессивной самореализации чело-

века [1, с. 210]. В нашем случае группа, употребляющая сленг, – это группа экономистов, которые применяют СФЕ в основном в неформальном общении. Выбор СФЕ в качестве предмета исследования обусловлен необходимостью изучения отражения в языке «языкотворчества» специалистов по экономике. Целью работы является выделение СФЕ из словаря «Почти серьёзный словарь делового общения» Е. В. Погребняка [3] и анализ процессов возникновения СФЕ в сознании экономистов.

СФЕ отражают творческое лингвокреативное мышление. Язык и мышление представляют собой два неразрывно связанных вида деятельности. Мышление – это высшая форма активного отражения объективной реальности, целенаправленное, опосредованное и обобщённое познание существенных связей и отношений предметов и явлений. Оно осуществляется в различных формах и структурах (понятиях, категориях, теориях), в которых закреплён и обобщён познавательный и социально-исторический опыт человечества [4, с. 497]. На непосредственную связь языка и мышления указывает и Н. Ф. Алефиренко, который считает, что семантика фразеологизмов, по своей сути, является продуктом лингвокреативной деятельности человека, в которой взаимодействуют мышление, сознание, язык и речь [1, с. 80–82].

Для достижения вышеуказанной цели мы извлекаем методом сплошной выборки СФЕ из словаря делового общения Е. В. Погребняка, который является толковым словарём. Все сленговые фразеологизмы возникают как результат творческого мышления экономистов, потребителей этого сленга. Затем мы рассматриваем отобранный материал и классифицируем СФ по категориям в зависимости от способов образования. Среди таких способов возможны переосмысление, видоизменение, заимствование и образование на основе других фразеологизмов или словосочетаний.

Переосмысление понимается как образование новой семантики у слов или выражений, уже существующих в общенародном языке [5, с. 56–57]. Приведём примеры.

1. *Бабушки* – 1) ‘конечные потребители газа’, 2) ‘низкооплачиваемая рабочая сила’, 3) ‘совсем миноритарные акционеры, появившиеся во время ваучерной приватизации’ [3, с. 19]. Креативность состоит в олицетворении в сознании экономистов бабушек как меньшей части экономического общества.

2. *Боец* – 1) ‘трейдер’, 2) ‘член аудиторской команды’, 3) ‘участник рабочей группы, проекта, не выполняющий управленческих функций’ [3, с. 22]. Сленговая единица образуется по ассоциации с функцией человека: как боец участвует в военных действиях, так и участник рынка или команды борется за получение прибыли.

3. *Болото* как экономический (биржевой) термин обозначает неактивный фондовый рынок [3, с. 22]; переосмысление возникло на основе представления о болоте как о неиспользуемом участке земли.

4. *Внучка* – ‘дочернее предприятие дочки’ [3, с. 24]. Имеется в виду неподконтрольность компании (по аналогии с затрудненным контролем за внучкой представителями старшего поколения – бабушкой и дедушкой).

5. *Вождь* – ‘руководитель компании’ [3, с. 24]; руководитель, как вождь, глава племени, направляет работу своих сотрудников.

6. *Герой* может быть ведущим менеджером, вдохновителем, или отличным участником проекта, или выделившимся сотрудником [3, с. 27]. Во всех случаях сленговая единица образуется на основе сходства качеств между героями и ведущими менеджерами или выдающимися сотрудниками.

7. *Голова* – это 1) ‘умный человек, способный дать утешительные советы и обосновать свои правильные решения’, 2) ‘головной офис’ [3, с. 28]. Общеизвестное понятие головы, т. е. представление о голове как хранителе интеллекта человека и, следовательно, главной части тела входит также в представление экономистов, с одной стороны, об умном бизнесмене и, с другой, о главном офисе.

8. *Давление* – ‘ситуация, когда местная власть или руководство мешает нормальной работе’ [3, с. 31] – так же, как кровяное давление, приносящее дискомфорт человеку.

9. *Дети* – ‘неопытные молодые сотрудники’ [3, с. 32]. Слово приобретает новую семантику в неофициальном деловом общении на основании его первого значения.

10. *Дочка* [3, с. 32] – ‘дочернее предприятие’; переосмысление общеупотребительного слова основано на представлениях о положении дочери в семейной иерархии.

11. *Ёжик* – ‘компания-однодневка, использующаяся для слива доходов и/или ухода от налогов’ [3, с. 36]. Считаем, что связь между ёжиком и компанией, уходящей от налогов, зависит от характерных черт этого животного. На самом деле, оно прячется под своей оболочкой и становится невидным. Компания, которая не платит налоги, также скрывается и оказывается нелегальной.

12. *Карман* – ‘чёрная касса фирмы’ [3, с. 46]. Как и в предыдущем случае, чёрная касса ассоциируется с карманом по признаку сокрытия деятельности и нелегальности.

13. *Кормиться* означает: 1) ‘получать зарплату’, 2) ‘получать взятки, в том числе авансом или на периодической основе’ [3, с. 47]. Глагол *получать* выступает синонимом глагола *кормиться*, который употреблен в экспрессивно-синонимическом значении, так как получение денег позволяет человеку питаться.

14. *Космонавт* – ‘подставная компания, открытая на несуществующего человека или самого липового директора этой фирмы’ [3, с. 47]. Фальшивость компании напоминает космонавта, который, летая в космосе, не находится на земле, и поэтому «не существует».

15. Выражение *кровь в бирже* обозначает потерю денег [3, с. 47]. Красный цвет в деловом жаргоне символизирует финансовые потери. В бухгалтерской книге красный цвет указывает на отрицательные числа [6]. Коннотация этой СФЕ отрицательная.

16. *Мать* – ‘холдинговая компания’ [3, с. 52]. Контроль головной компании над другими характеризуется по ассоциации с родительской деятельностью.

17. *Ночной горшок* – ‘сотрудник, который подолгу засиживается на работе’ [3, с. 56] – прямо как детский горшок, используемый детьми ночью.

18. *Папа* – 1) ‘владелец фирмы’; ‘губернатор’; ‘директор завода’; 2) ‘Сберегательный банк России’, 3) ‘Центральный банк России’ [3, с. 61]. Образ папы воплощает в себе власть, а также человека или учреждение, принимающее важные решения.

19. *Тётки* – это сленговая единица, происходящая из общеупотребительного слова, которое применяется для обозначения незнакомых женщин. В бизнесе указывает на сотрудниц российской бухгалтерии [3, с. 76].

20. *Тяжёлая артиллерия* – ‘мощная экономическая поддержка, которой пользуются в крайнем случае’ [3, с. 77] – точно так же, как тяжёлая артиллерия включает в себя орудия крупного калибра и используется в экстренных ситуациях.

21. *Футбол* – слово используется для обозначения перекалывания дел друг на друга сотрудниками или подразделениями в отсутствие чётких указаний ответственного исполнителя; эта сленговая единица применяется также в государственных учреждениях как название способа организации движения документации. Траектория этого перекалывания или движения напоминает движение мяча на футбольной площадке [3, с. 83–84].

К новым устойчивым сленговым выражениям относятся следующие.

1. *Апельсинский язык* – это выражение обозначает непонятный язык или профессиональный сленг [3, с. 16]; фразеологизм образуется по аналогии с названием *манда-ринский диалект* (разновидность китайского языка).

2. *Ацкий пёс* – сленговый фразеологизм представляет собой видоизменение выражения *адский босс* и используется как шутовское ругательство [3, с. 17].

3. *Дерево решений* – данное сленговое выражение произошло по аналогии со словосочетанием *дерево жизни*; в деловой неформальной коммуникации указывает на наглядное изображение запутанности, безвыходности и безусловной проигрышности ситуации [3, с. 32].

4. *Коротко и неясно* – этот сленговый фразеологизм является видоизменением общеизвестного выражения *коротко и ясно*. Исходный фразеологизм *коротко и ясно* означает, что сообщение должно быть кратким, но при этом ясным и понятным для всех. В деловом общении означает ‘второй и высший уровень мастерства написания документов’ [3, с. 47].

Займствование является основным процессом, способствующим неологизации в экономике, так как большинство фразеологизмов восходит к иноязычным словосочетаниям, в основном английского происхождения [5, с. 57]. Фразеологические заимствования подвергаются различным изменениям на новой языковой почве. Согласно российскому учёному Э. М. Солодухо, возможны разные типы заимствования: фразеологические кальки, фразеологизмы без перевода и семантическое фразеологическое заимствование. В первом случае кальки образуются по иноязычной модели исходного языка. Во втором случае перевод не нужен, так как максимально передаются значение, материальная форма, грамматические связи. А семантическое заимствование предусматривает образование новой единицы на основе семантики (т. е. на основе образов, реалий и ситуаций), свойственной слову или выражению в языке-источнике [7, с. 129–130]. Мы рассматриваем только фразеологические кальки и семантические заимствования.

К фразеологическим мы относим следующие сленговые единицы.

1. *Аут* (от англ. *out*) имеет следующие значения: 1) ‘крайняя степень усталости, граничащая с невменяемостью и потерей чувств (образность связана с ситуацией в боксе, когда после удара соперник не в состоянии продолжать бой), 2) ‘нахождение в обеденное время не в офисе, а в городе’ [3, с. 17].

2. *Защильдить* (от англ. *tax shield*) в бухгалтерии означает ‘отнести какие-либо расходы на уменьшение налогооблагаемой базы по налогу на прибыль’ [3, с. 40].

3. *Ковёр* (от англ. *cover*) – это ‘широта покрытия компаний от аналитиков инвестиционных банков’ [3, с. 46].

4. *Неандэстенд* (от англ. *not understand*) – это ‘человек, который не владеет английским или другим иностранным языком’ [3, с. 56].

5. *Сейлзы* (от англ. *sales*) – это либо ‘сотрудники отдела продаж’, либо ‘работники, думающие, что они зарабатывают деньги в инвестиционном банке’ [3, с. 72].

6. *Сейшн* (от англ. *session*) – это ‘праздник в офисе в случае дней рождения или получения премий’ или ‘мероприятие, в котором участвует немного приглашённых лиц и которое проводится в необычном формате’ [3, с. 72].

Все эти единицы сохраняют образность слов и выражений исходного языка. Несмотря на заимствованный характер, они сравнительно легко приживаются в новом языковом контексте в силу восприятия ассоциаций [8, с. 103].

Среди семантических фразеологических заимствований мы нашли следующие.

1. *Поднять бабук* (от англ. *to raise money*) – оборот является семантическим заимствованием в силу образования новой семантики в русском языке на основе английского фразеологизма. СФЕ означает ‘заработать денег или выручить деньги на фондовом рынке от размещения акций и облигаций’ [3, с. 63].

2. *Штормить мозгами* (от англ. *brainstorming*) – буквально означает ‘проводить мозговой штурм’ [3, с. 90] – в бизнесе это метод выдвижения идей, направленных на решение проблем.

Замечаем, что разница между первой и второй группами состоит в том, что фразеологические кальки представляют собой фонетические переводы, а семантические фразеологические заимствования являются адаптациями, которые ассоциируются с семантикой исходного языка.

Последняя группа СФЕ состоит из фразеологизмов и словосочетаний, которые в деловом языке экономистов приобретают новые переносные значения. Нами были выделены следующие СФЕ: *ловить мышей*, *бычок на мясо* и *крепкие помидоры*.

1. *Ловить мышей* в общепотребительном языке означает ‘заниматься мелкими, незначительными делами, вместо того чтобы заниматься чем-то важным и серьёзным’ (мышь – это небольшие животные, их охота не только бесполезна, но и неэффективна, поскольку это может занять много времени и усилий, но в итоге не даст положительного результата), в то время как в экономическом сленге означает ‘быть в теме и разбираться в чём-либо’ [3, с. 50].

2. Выражение *бычок на мясо* обозначает животное, которое выращивают на мясо. Это дело является прибыльным, но в первое время придётся потратиться. По ассоциации с первым значением в экономическом сленге *бычок на мясо* означает компанию, не приносящую текущего дохода, но требующую некоторых инвестиций для последующей продажи [3, с. 22]. Фразеологизм отличается от выражения *cash cow* ‘дойная корова’, которое, наоборот, обозначает компанию, которая приносит значительный доход.

3. Выражение *крепкие помидоры* употребляется как символ силы, богатства и необходимости ухода (помидоры требуют должного ухода, без которого они увядают). В неформальном деловом общении выражение используется для обозначения крепкой компании, имеющей большие финансовые возможности [3, с. 64].

Все описанные в статье слова и выражения представляют собой неологизмы языка экономики и бизнеса. Фразеологическая неология – это отражение «лингвокреативной деятельности синергетически перестраивающегося языкового сознания» [1, с. 208]. Лингвопрагматическая адаптация экономики к новым ценностно-смысловым приоритетам является реакцией языка экономики на изменения социокультурного пространства. Появление таких СФЕ в речи связано с необходимостью пользоваться модной неологией с коллегами по бизнесу.

В заключение необходимо отметить, что изучение возникновения СФЕ в деловом общении имеет важное значение для понимания культуры и общества, поскольку СФЕ отражают социокультурные особенности бизнес-сферы. Нами был изучен материал из «Почти серьёзного словаря делового общения», который представлен как кальками или заимствованиями из английского языка, так и чисто русскими фразеологизмами. Кроме того, СФЕ возникают для того, чтобы выразить сложные экономические понятия более креативными и понятными фразами. В самом деле, в появлении СФЕ важную роль играет креативность, придающая новое семантическое наполнение словам или уже существующим фразеологизмам. Изучение сленга позволяет, таким образом, выявить процессы, которые происходят в подсознании специалиста по экономике, и заглянуть в его внутренний мир. Неофраземика бизнеса отражает динамический процесс, который развивается параллельно с экономическими явлениями. Сленговая фразеология меняется со временем под воздействием новых экономических тенденций и изменений в бизнес-среде, что приводит к созданию новых фразеологизмов или изменению значений уже существующих в языке фраз.

Список использованных источников

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : монография / Н. Ф. Алефиренко. – М. : ООО Изд-во «Эллис», 2008. – 271 с.
2. Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – М. : Советская Энциклопедия, 1990 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tapemark.narod.ru/les/#14>. – Дата доступа : 22.09.2023.
3. Погребняк, Е. В. Почти серьёзный словарь делового общения / Е. В. Погребняк. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. – 123 с.
4. Sedykh A. P. Toponymic phraseological unit, linguistic thinking and discourse: Russia, France and Italy / A. P. Sedykh, A. Marabini, M. Yu. Stryzhona, E. V. Bolgova, N. S. Bolgova // Revista Inclusiones. – 2020. – Vol 7. Num. Especial. – P. 488–500.
5. Менон, Р. Н., Сленговая фразеология и её функционирование в речи / Р. Н. Менон // Мир русского языка. – 2013. – №4. – С. 54–60.

6. Финансовая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://nesrakonk.ru/red-ink/>. – Дата доступа : 22.09.2023.

7. Солодухо, Э. М. Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп) / Э. М. Солодухо. – Казань : Издательство Казанского Университета, 1982. – 168 с.

8. Тарнаева, Л. П. Лингвокультурные маркеры лексического слоя делового дискурса / Л. П. Тарнаева // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2015. – № (3). – С. 99–112.

Abstract. Recently Russia has undergone severe economic changes, which have led to the enrichment of Russian phraseology and the formation of slang phraseological units in business communication. The article examines the processes that contribute to the formation of slang phraseological units, such as reinterpretation, modification and borrowing. In the work we underline the importance of understanding such processes in order to look better into the inner world of the economists and comprehend the reasons for the development of a new linguistic taste.

Keywords: slang, business communication, linguistic creativity, neology, language behavior.

Марабини Алессандра – кандидат по славистике; Белгородский государственный национальный исследовательский университет (marabini@bsu.edu.ru).

УДК 811.161.3'373.2

В. І. Марцынкевіч

АД КАЛЫСКІ ДА ВЯНЦА: ЛЕКСІКА ТЭМАТЫЧНАЙ ГРУПЫ «ДЗЯЦІНСТВА» Ў СКЛАДЗЕ БЕЛАРУСКІХ ПАРЭМІЙ (ЛІНГВАСЭНСАРНЫ АСПЕКТ)

Анотацыя. У артыкуле даследуецца вербалізацыя сэнсорыкі парэмійных мікратэкстаў, якія адлюстроўваюць асноўныя аспекты існавання традыцыйнай сям’і беларусаў. На матэрыяле беларускіх прыказак і прымавак вызначаюцца моўныя сродкі выражэння працэсаў росту і сталення дзяцей. У адпаведнасці з тыпамі ўспрымання аналізуецца склад адкрытых часцінамоўных радоў сэнсарнай лексікі.

Ключавыя словы: сям’я, дзіця, узрост, парэміі, адкрытыя часцінамоўныя рады, сэнсарная лексіка.

Прыказкі і прымаўкі ўяўляюць багацейшы экспрэсіўна-выразны пласт моўнай сістэмы, якая стагоддзямі захоўвае ў сабе народныя назіранні і ўяўленні пра свет, народ, уклад яго жыцця, традыцыі і звычаі. Лексіка з’яўляецца адным з найбольш рухомых пластоў мовы, які ярка характарызуе чалавека і захоўвае багатую інфармацыю пра сістэму каштоўнасцей і традыцый любой лінгвакультурнай супольнасці. Лексема **дзіця** належным чынам займае ключавое месца ў рэпрэзентацыі ўніверсальнага, агульначалавечага ў моўных карцінах свету розных народаў канцэпту «Чалавек». У сувязі з гэтым для **ўсебаковага** даследавання вобраза дзіцяці ў народнай культуры, поглядаў і ўяўленняў, звязаных з дзецьмі ў традыцыйнай свядомасці беларусаў, **актуальна** даследаваць і лексіку дзіцячых адчуванняў на матэрыяле беларускіх народных прыказак і прымавак.

У традыцыйнай сям’і беларусаў **наяўнасць** дзяцей была нормай (параўнаем: *Дом з дзецьмі, што базар – шумны і вясёлы; Дзеці маючы, хоць бедна жыву, але весялюся; Нашто лепшы клад, калі ў дзетках лад; Дай Бог дзяцей, ды ў дзецях шчасце (пуць)*), а вось іх **адсутнасць** выклікала асуджэнне ці спачуванне (*Без дзяцей ціха, ды на старасці ліха; З дзеткамі гора, а без дзетак – удвое*). Прычым у традыцыйным грамадстве існавала ўстаноўка на **мнагадзетнасць**.

Адзначаюць прыклады, у якіх прадстаўлена:

– **перыядычнасць нараджэння** дзяцей у сям’і: *Аб год дзіця, аб год дзіця; Штогод з дзіцём; У нашай Кацярыны штогод хрэсьбіны і радзіны*. Параўнаем: *Развязаўся мех – не на смех* ‘гаворыцца (часцей жартам), калі ў каго-небудзь часта нараджаюцца дзеці’ [1, с. 127]. Тут жа: *Распароўся мех – і на бацьку грэх;*

– **канкрэтная колькасць**: *Адно дзіця – не дзіця, два дзіцяці – паўдзіця, тры дзіцяці – дзіця; А-а-а, малое, пакуль будзе другое, а-а-а, Несцерка, пакуль будзе шэцерка;*

– **сема зборнасці**: *Пацей, Мацей, калі многа дзяцей; Многа дзяцей – многа клопату, але і радасці шмат; Багаты Аўдзей, поўна хата дзяцей; Сядзем у рад – тата будзе рад; Дзяцей, як бобу; Дзяцей, як снапоў у пасадзе; Гушча (каша) дзяцей не разганяе*. Як адзначае М. М. Угрумава, традыцыйны ўклад жыцця сялян, заснаваны на калектыўным бытаванні, «абумовіў успрыняцце дзяцей як непадзельнага мноства, следствам чаго з’яўляюцца абазначэнні, якія ўтрымліваюць сему зборнасці» [2, с. 14];

– **сема асобы**: *Будзе раток, будзе і кусок; Дасць Бог раточак, дасць і кусочак; Што гадок, то і ядок; Што год, то ўдод*.

Разам з тым і **залішняя мнагадзетнасць** не лічылася надта вялікім шчасцем з улікам матэрыяльнага становішча і дабрабыту сям’і: *Багатаму чорт дзяцей калыша, а беднаму з калыскі выкідае; Ані лыжкі, ані міскі, а навесіў тры калыскі; Дзяцей, як бобу, а хлеба ні дробу; Хіба ў мяне коз воз, дзяцей хата?; Дзеці, дзеці, добра з вамі ўлеце, а зімою то хоць аб печ галавою; Хоць на грошы бяда, але дзяцей пад дастаткам; Даў Бог дзеці, ды няма дзе дзеці (падзеці)*.

Найбольш пажаданым было нараджэнне сыноў як памочнікаў і падтрымкі ў будучыні, у старасці: *Што гадок, то і сынок; Адзін сын – не сын, два сыны – паўсына, а толькі тры сыны – сын; Дзе сыноў лава, там бацьку слава, дзе дачок лава, там матцы слава; Сын у дом грабе, а дачка ў людзі бярэ*.

Нараджэнне дачкі магло і не выклікаць вялікай радасці з-за ўсведамлення, што рана ці позна яна пакіне сям’ю: *Дзяўчына ў бацькі ў гасцях; Дочка – гарачая слёзка; Дачку аддаваць – плакаць і гадаць; Дочачку аддаць – ночачкі не спаць*. Да таго ж, дачку трэба было забяспечыць пасагам, што патрабавала пэўных матэрыяльных выдаткаў: *Сын у дом грабе, а дачка ў людзі бярэ; Як касу распятае, то і хатку растрасяе; Гадуеш дзяўчыну – шыкуй пярэну; Маеш дачку, май і гарэлачку ў глячку; Дочкі аставяць матку без сарочкі; Гадуў дочкі, а сам хадзі без сарочкі; Пакуль тыя барышы, у бацькоў не будзе і душы; Дзеўка свайму дому вораг*.

Пры аналізе фактычнага матэрыялу выяўлена, што для вербальнага выражэння **працэсаў росту і сталення** дзяцей могуць ужывацца розныя **часціны мовы**:

– **назоўнікі**, якія абазначаюць прадметы «дзіцячага свету» (калыска, пялёнка, вянок). Параўнаем: *Багатаму чорт дзяцей калыша, а беднаму з калыскі выкідае*. *Калыска* – ‘плецены або драўляны дзіцячы ложак (звычайна падвешаны на вярхоўках да столі), які можна калыхаць, гушкаць’ [3, с. 593]. *Лепей хаваць у пеляночках, чым у вяночках*. *Пялёнка* – ‘прасцінка для ўкручвання, спавівання грудных дзяцей’ [4, с. 535]. Мяркуем, што ў такім кантэкстуальным акружэнні назоўнікі *пеляночкі, вяночкі* можна разглядаць як маркеры семантычнай апазіцыі ‘дзіцячае – дарослае’, якія актуалізуюць значэнне заўчаснай смерці дзяцей ва ўзроставых перыядах маленства (немаўля) і юнацтва (дзяўчына);

– **лічэбнікі**, якія намінуюць фізіялагічны ўзрост і псіха-эмацыянальныя асаблівасці дзіцяці ў гэтым узросце: *Да году дзіця – як яечка, да трох – як авечка; Да пяці год пястуй дзіця, як яечка, з сямі – пасі, як авечку – тады выйдзе на чалавечка (вывядзеш у людзі)*. Так, у парэміях адлюстравана разуменне ўзросту да 5–7 гадоў як несвядомага і неразумнага.

– антанімічныя пары **прыметнікаў малы – большы (вялікі)**: *Малыя дзеткі – дробныя бедкі, большыя дзеткі – вялікія бедкі; Малыя дзеці – малы клопат, большыя*

дзеці – большы клопат; *Малыя* дзеці – рукі баляць, *вялікія* – сэрца баліць; *Малыя* дзеці спаць не даюць, а *вялікія* – жыць не даюць; *Не слухаў малы, не паслухае і вялікі*;

– **дзеясловы**, якія абазначаюць дзеянне, накіраванае на дзіця як аб’ект уздзеяння:

– са значэннем ‘расціць’: *Расці хлапца, ды не шкадуў дубца, то вывядзеш у людзі*.

Па нашым меркаванні, да гэтай падгрупы мэтазгодна аднесці і дзеяслоўныя фразеалагізмы *растуць* (дзеці) як *грыбы пасля дажджу*; *расце*, як на *дражджах* у значэнні ‘хутка’; *растуць* дзеткі на лес гледзячы ў значэнні ‘без нагляду і выхавання’; *расце*, як (тая) *кравіва пры плоце* ў значэнні ‘сам па сабе’;

– са значэннем ‘ апекаваць ’: *Трасеца над дзіцем*; *Песеца дзіця, як першае ды апошняе*; *Выпесеціць пестуна*; тут жа – *З пестуна нічога не будзе*;

– са значэннем ‘гадаваць’: *Дзеткі гадаваць – век гараваць*; *Дзеці гадуў і торбу гатуў*; *Гадала сава дзеці, і няма на што глядзеці*;

– са значэннем ‘вучыць’: *Хто дзяцей мае, няхай навучае*; *Старога паважай – малага навучай*; *Не навучыць бацька, дык навучыць гора*. Тут жа адзначаем прыклады са значэннем своечасовасці навучання з маленства: *Тады дзяцей вучаць, як каля лаўкі ходзяць*; *Вучы сына, як каля лаўкі ходзіць, бо як вырасце, то цябе навучыць*;

– са значэннем ‘выхоўваць’: *Гні дзераўца, пакуль гнецца* (у значэнні ‘малое’ дзіця); *Кривога дзерава не выпраміш* (у значэнні ‘дарослае’ дзіця); *Выхавай дзяціну на ліхую гадзіну*; *Што ў маленстве выхаваеш, на тое ў старасці абапрэшся*.

В. С. Болбас адзначае, што **пры з’яўленні дзіцяці на свет і да паўналецця** перад кожнай сям’ёй стаяць наступныя выхаваўчыя задачы: **выгадаваць** (забяспечыць комплекснае фізічнае, духоўнае, эмацыянальнае развіццё); **навучыць** (культуры паводзін, далучыць да працы, народнай творчасці); **вывесці ў людзі** (падрыхтаваць да самастойнага жыцця, садзейнічаць стварэнню сям’і) [5, с. 54]. Пагаджаючыся з выказаным меркаваннем, звернем увагу, што і разгледжаныя значэнні дзеясловаў (*расціць + апекаваць + гадаваць + вучыць + выходваць + выйсці на чалавечка + вывесці ў людзі*) суадносяцца з задачамі выхавання і накіраваны на дасягненне асноўнага выніку – фарміраванне асобы з высокім духоўна-маральным узроўнем.

Такім чынам, у разгледжаных кантэкстах адзначаем вербальнае выражэнне **ўзроставак перыядаў** праз адкрытыя часцінамоўныя рады (Табліца 1).

Табліца 1 – Адкрытыя часцінамоўныя рады перыядызацыі ўзросту

| Узрост Часціна мовы | Маленства | Дзяцінства | Юнацтва |
|------------------------|--------------------------------|--|---|
| Назоўнік | Калыска, пялёнка | – | Вяночак |
| Лічэбнік | Да году, тры (гады) | Пяць, сем (год) | – |
| Прыметнік | Малы | Большы | Вялікі |
| Дзеяслоў | Калыхаць, песціць, трэсціся | Выходваць, гадаваць, навучаць, пасціць | Вывесці ў людзі, выйсці на чалавечка |

Заўважым, што прапанаваная намі ўзроставак градацыя не на столькі грунтоўная, як у даследаваннях Л. В. Ракавай і Г. П. Арловай (асобна вылучаюцца «анёлкі», «немаўляты», «блазніюкі», «блазны», падлеткі) [6, с. 6]. Фрагмент нашага даследавання абапіраецца выключна на прааналізаваныя вышэй кантэксты, у якіх часцінамоўны рад прыметнікаў разглядаецца як дамінантны ў вызначэнні дзіцячага ўзросту і суадносіцца з трыма асноўнымі перыядамі – маленствам, дзяцінствам і юнацтвам.

Разам з тым, аналізуючы фактычны матэрыял з пазіцыяй лінгвістычнай сэнсорыкі адзначаем, што іменныя часціны мовы ілюструюць прыклады сэнсарнай лексікі зроку

(рэчы і ўзрост дзіцяці аб'ектыўна можна ўбачыць вачыма і ацаніць зрокава), а дзеясловы – сэнсарнай лексікі тактыльнасці (пераважна ўспрымаецца як уздзеянне на дзіця).

Фрагментарна звернем увагу на некаторыя **выхаваўчыя аспекты**. У арсенале дарослых былі розныя сродкі выхавання, якімі яны карысталіся ў адпаведнасці з узростам гадаванцаў. Для немаўлят – **калыханкі і забаўлянкі**. Праз голас маці ў калыханках немаўля на слых успрымала акаляючы свет: *Люлі, люлі, люлі палез кот у дулі*. А з дапамогай забаўлянак адбываўся тактыльны кантакт праз пяшчотныя дакрананні маці да ручак і ножак дзіцяці: *Лады, лады, ладкі паедзем да бабкі; Кую, кую ножку, паеду ў дарожку*. Як сведчаць прыклады, з першых дзён жыцця ўспрыманне матчынай ласкі дзецямі адбывалася праз слыхавы (голос – калыханка) і тактыльны (дакрананне – забаўлянка) каналы.

Цяжкая праца хлебараба на ўласнай зямлі і клопаты па гаспадарцы, а таксама вялікая сям'я вымушалі далучаць да цяжкай **фізічнай працы** ўсіх дзяцей, пачынаючы з перыяду блазнецтва, калі хлопчыкі канчаткова пераходзілі пад выхаваўчае ўздзеянне бацькі, а дзяўчынкі – пад апеку маці [6, с. 27]: *Бацька быў стралок, а я яго сынок; Бацька рыбак, і дзеткі ў ваду глядзяць; Бацька сахою дзецям так не дагодзіць, як маці палкаю*.

У працэсе выхавання не выключалася і **фізічнае ўздзеянне** на выхаванцаў: *Аднае маткі дзеткі, але не адной розгаю бітыя; Быў бы азадак, а лазы хопіць; На хлапца не шкадуі дубца; Бярозаваю кашай пачаставаць*. Так, дзеясловы дэструкцыі *біць, калаціць, вытнуць* у кантэкстах ілюструюць розную сілу фізічнага ўздзеяння на дзіця: *Свая маці наб'е і пашкадуе; Матка дзіцятка хоць б'е, то не заб'е; Любі дзіця, як душу, а калаці, як грушу; Матка крэпка замахне, а памаленечку вытне*.

Разам з тым, **ласка і добрае слова** разглядаліся як супрацьпастаўленне фізічнаму пакаранню: *Ласка горы разбівае; Дзеці балуюцца ад матчынага блінца, а разумнеюць ад бацькавага дубца; Ласкавае слова лепш за дубіну; Ад дубцоў дурнеюць, ад слаўцоў разумнеюць; Не біце дубцамі, навучайце слаўцамі; Не біце вяроўкамі, навучайце гаворкамі; Не слухаеш добрых слоў, пабаішся ліхога кія*.

Такім чынам, у разгледжаных кантэкстах адзначаем **адкрытыя часцінамоўныя рады** сэнсорыкі слыху (выклічнікі *люлі, люлі, люлі; кую, кую; лады, лады, ладкі* + назоўнікі *слова (слаўцо), гаворка* + дзеяслоў *слухаць*) і сэнсорыкі тактыльнасці (назоўнікі *стралок, рыбак* і назоўнік *саха* са значэннем стваральнай дзейнасці + назоўнікі *вяроўка, дубец, дубіна, каша бярозава, кій, лаза, палка, розга* і дзеясловы *біць, вытнуць, калаціць* са значэннем разбуральнай дзейнасці). З пазіцыі фізіялогіі адчувальнасць скуры і тактыльнасць адрозніваюцца накіраванасцю дзеяння: для адчувальнасці скуры характэрна пасіўнасць чалавека (у нашым даследаванні дзіця адчувае знешняе ўздзеянне праз ўдар), а пры тактыльнасці актыўны сам чалавек (у нас – дзіця дакранаецца і атрымлівае інфармацыю ад свайго дакранання).

Абагульняючы вынікі прадстаўленага фрагмента даследавання, адзначым, што ў парэміях часцей за ўсё ўжываецца лексіка зрокавых адчуванняў, на другім месцы знаходзіцца лексіка тактыльных адчуванняў, а лексіка слыху і смаку выкарыстоўваецца радзей. Прыклады ўжывання лексікі паху не зафіксаваны. Пераважае апісанне адчуванняў дзяцей дарослымі, апісанне ж адчуванняў самога дзіцяці для парэмій не характэрна.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Иванова, С. Ф. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: Лінгвакраіназнаўчы дапаможнік / С. Ф. Иванова, Я. Я. Иваноў. – Мінск : Бел. Фонд Сораса, 1997. – 262 с. – (Праграма «Абнаўленне гуманітарнай адукацыі ў Беларусі»).

2. Угрюмова, М. М. Лингвокультурологический портрет ребёнка в говорах Среднего Приобья : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. М. Угрюмова; Национ. исслед. Томский гос. ун-т – Томск, 2014. – 22 с.

3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі. – Т. 2 : Г–К / [Рэд. тома А. Я. Баханькоў]. – 1978. – 768 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі. – Т. 4 : П–Р / [Рэд. тома Г. Ф. Вештарт, Г. М. Прышчэпчык]. – 1980. – 768 с.
5. Болбас, В. С. Народная педагогіка Мазырскага Палесся / В. С. Болбас, І. С. Сычова. – Мазыр : Белы Вецер, 2012. – 246, [2] с. – Бібліяграфія: с. 236 – 247, 203 назв.
6. Орлова, А. П. Развитие образования, школы и педагогики в Беларуси в период XIX – начала XXI века : монография / А. П. Орлова, И. Г. Рябова, Е. Л. Михайлова [и др.]; под ред. А. П. Орловой. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2013. – 331 с.

Abstract. The article explores the verbalization of the sensorics of the paremia microtexts reflecting the main aspects of the existence of the traditional family of Belarusians. Based on the material of Belarusian proverbs and sayings, the linguistic means of expressing the processes of growth and maturation of children are determined. In accordance with the types of perception, the composition of the open part of speech series of sensory vocabulary is analyzed.

Keywords: family, child, age, paremias, open part of speech series, sensory vocabulary.

Марцынкевіч Вера Іванаўна – аспірант, Мазырскі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна (vera.martsinkevich@mail.ru).

УДК 811.16-13'373:572

В. М. Мокиенко

СОМАТИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ В ТЕКСТАХ СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИИ

Аннотация. В статье предлагается анализ библейских крылатых выражений с тремя соматическими компонентами, обозначающими зрительный орган: *Око за око, зуб за зуб; открывать глаза кому и беречь как зеницу ока*. Эти три библеизма отражают типичные структурно-семантические разряды паремиологии: пословицы, поговорки (идиомы) и устойчивые сравнения. После идентификации и толкования первоисточника соответствующие русские паремии сопоставляются с белорусскими и украинскими, а также – с другими славянскими. Дается детальная характеристика сходств и отличий этих паремий в каждом из языков.

Ключевые слова: библеизмы, паремиология, крылатые слова и выражения, фразеология, пословицы, поговорки, устойчивые сравнения.

Исследование выполняется за счет гранта РНФ (2023-2025) «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации».

Международные научные конференции «Актуальные проблемы славянской фразеологии и паремиологии», гостеприимно организуемые и проводимые в Гомельском государственном университете имени Франциска Скорины, давно уже стали, говоря славянским неологизмом, мировым «брендом». И потому каждый из нас, готовясь к этому значимому научному Форуму, ответственно задумывается над темой своего выступления. Для меня, как и для всех его участников, это повод вспомнить о достижениях белорусских фразеологов и паремиологов, перечитать их труды и оживить в памяти звучную живую белорусскую речь.

Стимулом для выбора такой темы в этом году стала новая монография Татьяны Васильевны Володиной «Немецкія лекавыя замовы: групы, матывы, беларускія паралелі», только что изданная в издательстве «Беларуская навука» [1]. Хорошо известно, что тематика народных заговоров давно уже увлекает проф. В. И. Ковалю и его учеников. С Гомельской конференции прошлого года я привез в Петербург драгоцен-

ный дар Владимира Ивановича – его книгу «Язычество в языке и тексте» [2], которая стала продолжением его многолетних разысканий в области народной духовной культуры. Язычество, заговорные формулы и весь спектр народной культуры, с одной стороны, как известно, оставляют глубокие национально специфические следы во фразеологии и паремиологии, окрашивают языковую картину в особые, неповторимые и непередаваемые тона. С другой стороны, в них легко отыскиваются и корни универсальной общечеловеческой культуры, а языческие представления находят параллели в общей для всех христианских народов сакральной Книге книг.

Именно на этот важный параллелизм обратила внимание в своей новейшей монографии Т. В. Володина. Символичен эпиграф к ее книге – нем. *Bein zu Bein, Blut zu Blut, Ader zu Ader* и белор. *Костка да косткі, кроў да крыві, жыла да жылы...* Последняя фраза – это часть заговорной белорусской формулы, которую совсем недавно Т. В. Володина услышала от одной нестарой белорусской женщины, учившей столичных фольклористов «замавляць звіх»: *жилка ў жилку, костка ў костку, кроўка ў кроўку*. А формула эта – точь-в-точь совпадает с немецкой языческой формулой из рукописи X в., хранящейся в монастыре на юге Германии. Более того – автор книги находит параллели этой формулы даже в древнеиндийских преданиях.

Жилка ў жилку, костка ў костку, кроўка ў кроўку... Повторяя эту звучную формулу еще нестарой жительницы белорусской деревни, я вспомнил еще одну книгу, которую совсем недавно мы издали в гостеприимной фразеологизированной Беларуси. Книга эта – двухтомная «Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках», изданная проф. Евгением Евгеньевичем Ивановым в Могилевском государственном университете в 2018 г. [3]. Ее составители – большой международный коллектив из всех славянских и многих неславянских стран. И, разумеется, материал родного для издателя белорусского языка в ней отражен во всем полнокровии.

В словнике этой книги, правда, нет крылатого библейского выражения *плоть от плоти, кость от кости, кровь от крови*, соразмерного заговоренной формуле *жилка ў жилку, костка ў костку, кроўка ў кроўку...* Но зато тот параллелизм, который вдохновил Т. В. Володину и В. И. Ковалю, мы и пытались отразить в нашем многоязычном словаре. Понимая, что нельзя объять необъятное, я решил сосредоточить анализ библейской паремиологии, описанный в «Лепте», на тематике, также навеянной мне работами белорусских коллег.

Вспомнилось, как в далеком 1972 году будущий проф. Б. Ю. Норман, тогда еще молодой аспирант, на международной фразеологической конференции в Самарканде, сделал доклад «Номо Fraseologicus», нарисовав портрет человека в зеркале наиболее частотных фразеологизмов с соматическими компонентами. Большая голова, длинные и сильные руки, соразмерные им по величине руки, уши, глаза, нос и т. д. и несоразмерная по отношению к ним крохотная печень – такой впечатляющий портрет был нарисован минским ученым задолго до того, как лингвисты увлеклись росписями так называемой языковой картины мира. И я подумал: а какой же соматический портрет можно создать на основе библейской паремиологии, описанной нами в сопоставительном ключе в многоязычной «Лепте библейской мудрости»? Тем более что мифологические коннотации белорусских названий частей тела уже фундаментально описаны в другой монографии Т. В. Володиной – «Цела чалавека: слова, міф, рытуал» [4].

Понятно, что далеко не все соматизмы, оживотворяющие паремиологию Книги книг, были отражены в нашей «Лепте библейской мудрости». Но мы стремились отобразить в ее словник наиболее частотные крылатые паремии, и это вселяло надежду, что задуманный мною портрет будет более или менее репрезентативен. Хотя, конечно же, и в достаточно большой степени субъективен. Для целей сопоставительного анализа славянской фразеологии и паремиологии библейского происхождения, как кажется,

такой подход в принципе оправдан. Ведь как доказала в своей монографии и докторской диссертации организатор нынешнего фразеологического Форума Е. В. Ничипорчик, цель сопоставительной паремиологии – характеристика отражения ценностных ориентаций в паремиях [5]. А такое отражение, собственно, и есть языковой портрет, воссоздаваемый сопоставительным методом.

Каков же набор соматизмов, образующих крылатые пословицы и поговорки библейского происхождения, которые включены нами в словарь «Лепта библейской мудрости»? Контуры такого портрета достаточно рельефны, ибо они представляют Человека соматического полноценно, т. е., употребляя фразеологизм, – «с головы до ног». Вот перечень наименований частей тела общим числом 14, запечатленный в «Лепте библейской мудрости»: *Волос, Глаз, Голова, Грудь, Душа, Зеница, Зуб, Лицо, Нога, Око, Перст, Рука, Сердце, Стопа*. При этом некоторые из них образуют по 2 библейских крылатых выражения, а некоторые (конечно, для русского языка) представляют собой синонимы одного и того же наименования. Таковы *Глаз, Око* и обозначение важнейшей частицы этого органа зрения – *Зеница*. Уже сама такая представленность наименований глаза в библейской паремиологии показательна. Известно, что именно слепоту чудесным образом исцелял Иисус Христос, омочив *брением*, т.е. комочком целебной земли глаза болящему. И действительно, лишенность зрения в древние времена означала полную беспомощность и нищету, хотя и такие великие песнопевцы и провидцы античности, как Гомер, были слепыми. Оценка значимости органа зрения в человеческой культуре, между прочим, подтверждается и этимологией слова *око*: оно является общим для всех индоевропейских языков [6, т. 3, с. 128–129], а лат. *oculus* ‘глаз’ воспроизводится и в современном наименовании врача-окулиста.

Вчитываясь в эту соматическую триаду, «стартапом» которой в «Лепте» являлись русские паремии, мы обнаруживаем любопытные семантические характеристики глаза, а в сопоставительном ключе – диахроническую «конкуренцию» слов *око* и *глаз* на славянском фоне. Вот как она отражена в нашей «Лепте библейской мудрости» [3, т. 1, с. 307–310]:

Око за Око, зуб за зуб. 1. За причинённое зло нужно платить той же мерой; за причинённое зло отомстится равным злом. 2. За зло злом (платить, воздавать, отвечать и т. п.).

Хрестоматийный источник этой пословицы точно обозначен в «Лепте». Для белорусского языка ссылка дается на 4 фрагмента библейского текста: *Вока за вока, зуб за зуб, руку за руку, нагу за нагу* (Выход 21, 24); *Пералом за пералом, вока за вока, зуб за зуб; як ён зрабіў шкодзіну на целе чалавека, так і яму трэба зрабіць* (Лявіт 24, 20); *Хай ня літуе вока тваё: душу за душу, вока за вока, зуб за зуб, руку за руку, нагу за нагу* (Другі закон 19, 21); *Вы чулі, што сказана: «Вока за вока, і зуб за зуб»* (Мв 5, 38).

Вглядываясь в этот текст (как, разумеется, и в другие языковые параллели), мы обнаруживаем в его вариантах и другие соматизмы, повреждение которых предписывается ветхозаветным законом как возмездие за «шкодзіну на целе чалавека»: *зуб, рука, нога*. Находим здесь и обозначения процесса или результата такого повреждения: *пералом за пералом*. Расширяя круг библейских рекомендаций возмездия, мы можем обнаружить и другие части тела, повреждением которых можно его совершить. Так, в Коране (гл. 5. The dressed Table, 45) сказано: «... жизнь за жизнь, глаз за глаз, нос за нос, ухо за ухо, зуб за зуб, месть за месть». А в китайском языке библейской сентенции соответствует «Кровь должна воздаваться кровью» [7, с. 357].

Библейская пословица, как известно, отражает древнюю формулу возмездия, известную из положений древнейшего права [8, I, с. 53; 9, с. 343; 3, т. 1, с. 278–281 и др.]. Уже в сборнике законов вавилонского царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.) оно сформулировано подобным образом: «Если кто другому глаз уничтожит или сломает кость, то и ему сделают то же». Это положение носило юридический характер, а не относилось к родовой мести [10, с. 232]. Этот закон мог в древности формулироваться и без указания на конкретные части тела, подвергаемые равному возмездию. Сравн. ла-

тинскую сентенцию *Par pari refertur* – *Равное равному воздается* или формулировку закона возмездия – *Lex Talionis*, истолкованного Плинием: «возмездие тем же наказанием, каким был бы наказан обвиняемый; напр. за оклеветание другого в преступлении клеветник подвергался наказанию, которому подвергся бы совершивший приписанное ему преступление» [11, I, с. 739]. Сравн. также япон. *Нанесшему мне вред нанеси такой же* [7, с. 357]. Такие эквиваленты библейской пословицы свидетельствуют не только о ее древности, но и об универсальном смысле библейской и народной мудрости. И не случайно в «Лепте» она воспроизводится на разных языках – как славянских, так и неславянских – почти одинаково: болг. *Око за око, зъб за зъб*; мак. *Око за око, заб за заб*; польск. *Oko za oko, ząb za ząb*; серб. *Око за око, зуб за зуб*; словацк. *Oko za oko, zub za zub*; словен. *Oko za oko, zob za zob*; хорв. *Oko za oko, zub za zub*; чеш. *Oko za oko, zub za zub*; англ. *Eye for eye, tooth for tooth*; исп. *Ojo por ojo, diente por diente*; ит. *Occhio per occhio, dente per dente*; нем. *Auge um Auge, Zahn um Zahn*; фр. *oeil pour oeil, dent pour dent* и др. Не правда ли, что даже их воспроизведение звучит идентично и узнаваемо?

Разумеется, в восточнославянских языках эта библейская пословица особо тождественна как по форме, так и по содержанию: бел. *Вока за вока, зуб за зуб*; укр. *Око за око, зуб (зуба) за зуб (зуба)*. Но лингвист не должен поддаваться впечатлению о такой видимой тождественности, а пытаться обращать внимание и на невидимые дифференциальные детали. Так, напр., в украинском эквиваленте этой пословицы есть и грамматический вариант компонента *зуб*, который, впрочем, никак не влияет ни на семантику, ни на форму: *Око за око, зуба за зуба*. Не влияет, но свидетельствует о разговорной стилистике этой библейской пословицы.

В поисках деталей, отражающих пусть и небольшую, но важную языковую специфику в восприятии этой пословицы русскими, белорусами и украинцами, полезно обратиться и к материалам народной речи и истории языков. Известно, что в русском языке слова *око* и *глаз* – и синонимы, и давние конкуренты. Уже с XVI–XVII вв. второе слово начало вытеснять первое – праславянское и праиндоевропейское *око*. Первичным значением слова *глаз* было ‘каменный (или янтарный) шарик’, ‘бусина’, ‘ягодная косточка’. Метафорическому переносу, конечно же, способствовала и фразеология – сравн. *шары выкатил, буркалы выпучил* и под. [12, т. 1, с. 190]. Удивительно, но именно экспрессивная окраска синонима древнего *око* привела к вытеснению последнего на стилистическую периферию русского литературного языка. Оно воспринимается сейчас как книжное, высокого стиля. И не случайно советская поэтесса Р. Казакова в стихотворении, посвященном жене любимого ею человека, свои простые *глаза* противопоставляет *очам* его законной супруги: *У жены твоей – очи, и не губы – уста... я люблю тебя очень! Но пред нею – чиста...*

Конкуренция *глаза* и *ока*, завершившаяся победой метафоры, отразилась и качественно, и количественно на русской фразеологии и паремиологии. Вот что показывает статистика одних только пословиц с этими компонентами в нашем «Большом словаре русских пословиц» [13, с. 623–624]: со словом *око* – 102, а со словом *глаз* [там же, с. 172–177] – 458. Как видим, «глазные» пословицы более чем в четырежды превосходят «очные». Но дело не только в количестве. Качественный диапазон слова *око* в русском языке, как мы видели, значительно сужен из-за его стилистической маркированности по сравнению с нейтральным *глаз*. Отсюда и пословицы из нашего сборника, многие из которых соответствуют такой стилистике (В целях экономии места точные данные об источниках (в сокращении) читатель найдёт в нашем «Большом словаре русских пословиц» [13]): *Аще око твоё соблажняет тя, исткни [т. е. проткни, выколи] его.* (СлРЯ XI–XVII вв., 6, 323); *Не насытится око зрением (зрения), а ум – богатством (богатства)* (Петр. галер. нач. XVIII в., 31; Тат. нач. XVIII в., 58; Богд. 1741, 101 и др.); *За очи (Заочи) коня не купят (не покупают).* (Сим., 105–106;

СлРЯ XI–XVII вв. 5, 254 и др.); *Очи мудрых желают благых, а безумного дому пира* (Слово Даниила Заточника, 23; ЛФМ 1981, 133; СлРЯ XI–XVII вв. 19, 7).

Конечно, русская паремиология сохранила в памяти и нейтральное и даже разговорно-просторечное звучание слова *око*, чему способствовала ее категориальная «консервативность». Вот несколько таких пословиц: *Видит око, да зуб неймёт* (Раз. 1957, 128; Ан. 1988, 45; Пермяков 1988, 154 и др.); *Завистливое око видит далёко* (Д 1, 560; Соб. 1956, 59; Раз. 1957, 97 и др.); *Не гляди (не смотри) высоко – запорошишь око* (Д 1, 619; Спир. 1985, 64 и др.); *Хозяйское око за всем глядит* (Рыбн. 1961, 42); *Чего око не видит, то и на сердце не взывает* (Д 1, 202); *Далеко из (от) очей – далеко из сердца* (Паус нач. XVIII в., 42; Тат. нач. XVIII в., 51 и др.). При этом заметно, что большинство русских пословиц и поговорок имеют прямые параллели в белорусском и украинском языках. Такова, напр., пословица [*Хоть*] *видит око, да зуб неймёт*, использованная в известной басне И. А. Крылова: укр. *Бачить око, та зуб не йме; Бачить око, та зуб не йме; Бачить глаз, а зуб не достане й раз*; бел. *Вока бачыць, а зуб найме*.

Слово *глаз* в белорусском и украинском языках – явно заимствованное из русского, о чем свидетельствует косвенно его отсутствие в этимологических словарях этих языков [14, т. 3; 15, т. 1]. В то же время в украинском словаре фиксируется слово *глазки* ‘залізни грузила, що прикріплюються до невода’, которое, как и рус. *глаз*, этимологически восходит к названию круглого камешка [15, т. 1, с. 520]. При этом в белорусских и украинских паремиологических собраниях можно найти пословицы и поговорки со словом *глаз*. Таковы бел. *Воран ворану глаза не выключець, а хаця і выключець, ды не выташчыць* [16, т. 1, с. 344]; *Хоць ты плюй у глаза – усё бож’я раса* [16, т. 2, с. 329]; *Стыд не ёлка – у глаза не коліць* [16, т. 2, с. 347]; *Вышы лба глаза не ходзяць; Вышай лба глаза не растуць; Вышы лба глаза не лезуць* [16, т. 1, с. 345; 2, с. 475]. При этом заимствованный характер таких пословиц распознается на фоне более употребительных и ареально масштабных аналогичных пословиц с компонентом *вока*: *Хоць яму ў вочы плюй; Хоць ты яму плюй у вочы, ён скажа – божая раса; Ты яму плюй у вочы, а ён кажа, што эта дождж ідзе* [16, т. 2, с. 329]; *Сорам не ёлка – вачам не колка; Сорам не воран – вочы не выдзяўбе; Ад стыду вочы не паўлазяць* [16, т. 2, с. 347]; *Вочы вышы лба не ходзяць; Звыш лобу вочы не ходзюць* [16, т. 2, с. 475]. Это убедительно доказывает и статистика: в сборнике М. Я. Грынблата зафиксировано 85 паремий со словом *вока* и 15 – со словом *вочки*. Сравн. несколько ярких пословиц с народным колоритом: бел. *Брусніца белабока, і парабак прыспаў сабе вока* [16, т. 1, с. 87]; *Конь ад добрага вока сыцейшы бывае* [16, т. 1, с. 141]; *На ўсё трэба мець вока; Калі не дагледзіш ваком, то даложыш мяском* [16, т. 1, с. 186]; *Хоць сабачына, было б вока не бачыла* [16, т. 1, с. 220]; *Добрая пасловіца ў вочы колецца* [16, т. 2, с. 189].

Аналогична ситуация и в украинском языке. Во втором томе фундаментального четырехтомного собрания украинских паремий М. М. Пазыка зафиксировано несколько пословиц со словом *глаз*: *Хто старе спом’яне, тому глаз вон* [17, т. 2, 307]; *В чужім глазу бачить зразу, а в своїм – ні разу* [17, т. 2, с. 237]; *Нашим глазам не периши базар, а вже третій ярмарок* [17, т. 2, с. 238]; *Свій глаз – алмаз, чужі руки – круки; Свій глаз – алмаз; Свій глаз – алмаз, чужий – скло* [17, т. 2, с. 240]. Русский источник последней пословицы и ее двух вариантов «выдает» рифмовка *глаз – алмаз*. А то, что другие пословицы с этим компонентом имеют русское происхождение, доказывается их низкой частотностью по сравнению с их вариантами с компонентом *око*: *Хто давнє пом’яне, той лиха не мине; Хто старе поминає, той щастя, не має; Хто старе пом’яне, тому палець в око* [17, т. 2, с. 307]; *В чужім оці бачить зразу, а в своїм ні разу; В чужім оці порошинку бачиш, а в своїм і поліна не примічаєш; В чужім оці і порошину бачиш, а в своїм і бревно не примічаєш; В чужім оці і порошину бачиш, а в своїм і стебла не помічаєш; В чужім оці тріску бачить, а в своїм і поліна не замічає; В чужім оці і порошинку бачить, а в своєму і сучка недобачає; В чужому оці скалку бачить, а в своєму й полі-*

на не помічає; У чужому оці і порох видно, а в своєму колоди не видно [17, т. 2, с. 237]; Нашим очам не первина: гірше було, та перелупали; Нашим очам не перший базар: гірше було та перелупали; Цим очам не перший базар, а вже третій ярмарок [17, т. 2, с. 238]. Всего же во втором томе собрания М. М. Пазяка 616 паремий с компонентом *око*. И, как мы видели, – лишь 6 со словом *глаз*, да и то, если учесть варианты, – всего 4.

Приведенные подсчеты и сопоставление трех родственных языков позволяет, как кажется, определить различие восприятия библейской поговорки носителями русского языка по сравнению с белорусами и украинцами. Для первых она звучит высоко и торжественно, как и подобает древней юридической формуле справедливого возмездия. Для белорусов же и украинцев она стилистически воспринимается как поговорка народная, «своя», не отличаясь от других паремий со словом *вока*, *око*. Любопытно, что в заимствованных поговорках по мере их осовременивания это различие нейтрализуется. Так, в XVIII в. европейская поговорка *С глаз долой, из сердца вон* (сравн. фр. *Loin des yeux, loin du coeur*; англ. *Out of sight, out of mind*; нем. *Aus den Augen, aus dem Sinn*) была переведена как *Далеко из (от) очей – далеко из сердца* (Паус нач. XVIII в., 42; Тат. нач. XVIII в., 51 и др.), затем получила привычную нам форму. В украинском же языке, естественно, компонент *око* остался неизменным: *Зійде з очей, зійде і з думки* [17, т. 2, с. 238].

Не знаю, объективно и адекватно ли я воспринимаю подчеркиваемое мною различие. Но – если вновь посмотреть на соответствующую словарную статью в «Лепте», то мы обнаружим, что русский язык по передаче этого библеизма отличается от всех других языков, как славянских, так и неславянских именно своей стилистической маркированностью. Таков результат «глазного двуязычия» русских поговорок с соответствующими компонентами.

Еще явственнее это «двуязычие» проступает во втором библеизме с компонентом, именуемым орган зрения, – *открывать/открыть (раскрывать / раскрыть) глаза кому на кого, на что* ‘показывать истинное положение вещей тому, кто представляет себе его ложно, рассказывать правду; выводить кого-л. из заблуждения, вразумлять’, ‘делать что-л. понятным, ясным кому-л.’ [3, т. 1, с. 83–88].

Выражение часто употребляется в Новом завете в прямом и переносном значении: «Повели сего бывшего слепца к фарисеям. А была суббота, когда Иисус *сделал брение* и *отверз* ему *очи*. Спросили его также и фарисеи, как он прозрел. Он сказал им: брение положил Он на мои глаза, и я умылся, и вижу» (Ио 9, 13-15; также см.: Ио 9, 30, 32, 39); «Иисус, остановившись, позвал их [двух слепых] и сказал: чего вы хотите от Меня? Они говорят Ему: Господи! чтобы *открылись глаза* наши. Иисус же, умиловшись, прикоснулся к глазам их; и тотчас *прозрели глаза* их, и они пошли за Ним» (Мф 20, 32–34) и др. В Ветхом завете глагол в этом выражении употребляется и в возвратной форме: И *открылись глаза* у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья и сделали себе опоясания (Быт. 3, 7).

Как видим, в русском синодальном переводе Библии здесь встречается и *око*, и *глаз*. Понятно, почему в первом контексте переводчики предпочли праславянское наименование глаза: оно сохраняет высокую торжественно-книжную старославянскую стилистику. Важно здесь и контекстуальное окружение этого библейского оборота: *слепец, брение, отверз, прозрел* – это тоже старославянизмы. Так, слово *брение* в церковнославянских памятниках значит ‘глина, или смесь сухой земли с влажностью; грязь’ [18, т. 1, с. 82].

В белорусском же и украинском переводах соответствующих фрагментов Священного Писания такая лексическая архаика отсутствует. Зато каждый читатель понимает, чем же, собственно, исцелил Иисус ослепшего и почему исцеленный после такого лекарственного снадобья умылся.

Вот белорусский перевод: «Ісус, спыніўшыся, паклікаў іх і сказаў: што вы хочаце, каб Я зрабіў вам? Яны кажучь Яму: Госпадзе! каб *адкрыліся вочы* нашыя» (Мв 20,

32–33); «Павялі гэтага былога сьяпца да фарысэяў. А была субота, калі Ісус *зrabіў гразь і адамкнуў яму вочы*» (Ян 9, 13–14); «Чалавек відушчы сказаў ім у адказ: гэта якраз і дзіўна, што вы ня ведаеце, адкуль Ён, а Ён *адамкнуў мне вочы*» (Ян 9, 30); «Спрадвеку ня чулі, каб хто *адамкнуў вочы* таму, хто ўрадзіўся сьяпы» (Ян 9, 32).

В белорусском варианте глаза ослепшему Иисус Христос открыл с помощью целебной грязи, которую он сам «зrabіў». Сочетание *адамкнуць вочы* имеет при этом нейтральную стилистику, как и все контекстуальное окружение нашего оборота. В белорусском языке он постепенно «прирастал» столь же нейтральными и даже разговорными глагольными вариантами: *раскрываць (раскрыць) вочы каму [на каго, на што]*; *развязаць вочы каму* (разм.); *расплюшчваць (расплюшчыць) вочы каму [на каго, на што]*.

В том же стилистическом ключе это выражение употребляется и в украинском языке: *відкривати/відкрити (розкривати/розкрити) кому, на що очі* (книжн.) ‘показувати, розказувати усю правду про щось’; ‘допомагати правильно або глибше розуміти, сприймати, пізнавати що-небудь’; ‘дати можливість переконатися у помилковості своїх поглядів щодо когось’. Приведем контексты: Ісус же спинився, покликав їх та й сказав: *Що хочете, щоб я вам зробив? Вони Йому кажуть: Господи, нехай нам розкриються очі!* І змилосердивсь Ісус, доторкнувся до їхніх очей, і зараз прозріли їм очі, і вони подалися за Ним (Мт 20, 32–34); Ведуть тоді до фарисеїв того, хто був перше незрячий. А була то субота, як *грязиво* Ісус *учинив і відкрив йому очі*. І знов запитали його й фарисеї, як *видющим* він став. А він розповів їм: *грязиво* поклав він на очі мені, а я вмився та й бачу. (Ів 9, 13–15); Відповів чоловік і сказав їм: *Тож воно й дивно, що не знаєте ви, звідки Він, а Він мені очі відкрив!* (Ів 9, 30); Відвіку не чувано, щоб хто *очі відкрив* був сліпому з народження (Ів. 9, 32); І промовив Ісус: *На суд Я прийшов у цей світ, щоб бачили темні, а *видющі* щоб стали незрячі* (Ів 9, 39).

Сделал брение – зrabіў гразь – учинив грязиво... В этой триаде «лечебных» словосочетаний отражено то же стилистическое различие русского текста и восточнославянских переводов Библии, которое характерно для переводов в целом. Слово *брение*, этимологию которого мы уже знаем, завораживает своей «бог вдохновенной» стилистикой, а к белор. *гразь* и укр. *грязиво* хочется добавить эпитет «целительная», хотя в руках и под рукой Иисуса все обладает и без эпитетов целебностью и чудодейственностью.

Давайте взглянемся, всмотримся и вслушаемся в переводы этого словосочетания на другие языки – как славянские, так и неславянские, воспроизведенные соавторами «Лепты». Ни в одном из славянских мы не найдем нашего старославянского *брение*: болг. *направи кал*, макед. *направи кал*, серб. *начини као*, хорв. *napravio blato*, словен. *naredil blato*, пол. *uczynił błoto*, словацк. *urobil blato*, чеш. *udělal bláto*; англ. *made the clay*, нем. *den Kot machte*, швед. *han hade fätt*; уcn. *había hecho el lodo*, итал. *aveva fatto del fango*, фр. *avait fait de la boue*.

Любопытно при этом, что и в западнославянских, и в двух южнославянских языках использовано слово *болото*. Но не в привычном для русских, белорусов и украинцев географическом значении, а именно в значении ‘грязь’. В болгарском, македонском и сербском переводах фигурирует также знакомое нам слово *кал*, но – не в современном значении, связанном с известным медицинским анализом, а в древнем, праславянском – ‘грязь’, ‘жидкая грязь, слякоть’ [12, т. 1, с. 369–370]. Собственно, все они – полноценные синонимы ст.-слав. *брение*, хотя последнее слово оказалось востребованным лишь в старославянском и русском тексте Библии для передачи чудесных исцелений Иисусом Христом.

Если углубиться в этимологический анализ всех этих наименований грязи в славянских языках, то мы обнаружим, что их исходная семантика – именно ‘болото’ в географическом значении, а их общие праславянские корни свидетельствуют, по исследованиям Н. И. Толстого и его единомышленников, что прародиной славян было болотистое Припятское Полесье, т. е. Гомель и его окрестности, где мы сейчас находимся благодаря гостеприимным хозяевам во главе с Е.В. Ничипорчик и В.И. Ковалем.

Но вернемся к библейским соматизмам, оставившим фразеологический и паремиологический след в Священном Писании. Поскольку, как известно, Бог Троицу любит, то третьим фразеологизмом с компонентом *око* в русском языке и в нашей «Лепте» оказалось устойчивое сравнение *хранить (беречь) как зеницу ока; дорожить как зеницей ока* ‘тщательно, чрезвычайно заботливо оберегать кого-, что-л.’ [3, т. 1, с. 133–135]. Здесь нас ждет лингвистический сюрприз: следуя за многоязычным материалом нашего словаря, мы обнаруживаем как сходство слова *око* в пословице *Око за око, зуб за зуб* и во фразеологизме *открывать глаза кому на что*, так и отличие. Высокая стилистическая тональность его употребления в пословице не только воспроизводится в устойчивом сравнении, но даже усиливается «приращением» компонента *зеница*, тоже старославянского и книжного, ветхозаветного «извода»: «Он нашел его в пустыне безводной, жаждущего от зноя, ограждал его, смотрел за ним, *хранил* его, *как зеницу ока* своего» (Вт 32, 10); «*Храни* меня *как зеницу ока*» (Пс 16, 8).

Слово *зеница* в церковнославянском сравнении (церк.-слав. *Šěw џєієѠ осєѠа*) значит ‘зрачок’, а по другой интерпретации – ‘веко глаза’. В ст.-слав. *зєница* имело и обобщающее значение – ‘глаз’, отсюда, возможно, и варианты выражения: *хранить паче ока; хранить пуще глаза*. Параллелизм употреблений слова *зеница* ‘зрачок’ – ‘глаз’ характерен как для ст.-сл., так и для др.-рус. *зєница*. В «Хронике Иоанна Малалы» (XV в.), напр., встречается такое портретное описание: «Аст Ламониискый великъ тьломъ, плнь... кудрявъ, добробрадъ, бровистъ, *чрънама зєницами*». Как видно, речь идет о человеке с черными глазами. Традиция такого употребления была еще жива в XIX в. – оно встречается, напр., у А. С. Пушкина в стихотворении «Подражание Корану» (1824): *И к пальме пустынной он бег устремил, / И жадно холодной струей освежил / Горевшие тяжко язык и зєницы, / И лег и заснул он близ верной ослицы*. Отсюда некоторые контексты из русской литературы, в которых *глаз* и *зеница ока* употребляются как синонимы: *Первєющий был у нас голова! Староста был, копейки мирской не утаил, а правду блюл пуще глазу, зєницы ока* (Гл. Успенский. Из деревенского дневника. Конокрады).

Такой семантический параллелизм показывает, что слово *зеница* в составе сравнения первоначально не имело обобщающего соматического значения ‘глаз’, а именовало либо ‘веко’, либо ‘зрачок’. В книге «Второзаконие» (32, 10) по списку XIV в. читаем: *Схрани его яко зєница ока*, т. е. «сохрани его как веко сохраняет глаза» [9, с. 223].

Посмотрим, подтверждают ли славянские параллели реконструкцию такой метонимической динамики этого слова. Некоторым сюрпризом является факт отсутствия *зрєнки* ‘зеницы’ в белорусских текстах Библии:

Ён знайшоў яго ў пустыні, у стэпе паньлым і дзікім, асланяў яго, даглядаў яго, ахоўваў яго, як вока Сваё (Другі закон 32, 10); Ахавай мяне, як вока; у цяні Тваіх крылаў аслані мяне ад бязбожных, што на мяне нападаюць, – ад ворагаў душы маёй, што абступілі мяне (Пс 16, 8–9).

При этом современные словари фиксируют соответствующее сравнение и в полном варианте: *берагчы, абєрагаць і пад. як зрєнку вока; глядзець, пільнаваць, бєрагчы і пад. як [сваё] вока* (разм.); *глядзець, бєрагчы, шанаваць і пад. як (што) вока ў ілбе (ў лобе)* (разм.). Как видим, разговорный стилистический колорит этого сравнения лексикографически подчеркивается, что явно отличает его от соответствующе русской параллели. Показательно, что именно разговорной пометой сопровождают сравнение *берегти (хоронити) як зєницю ока; дорожити як зєницею ока* (розм.) и украинские словари. При этом они точно воспроизводят библейскую цитату: *Знайшов Він його на пустинній землі та в степу завивання пустельних гієн, та й його оточив, уважав Він за ним, зберігав Він його, як зєницю оту свого ока* (Повт 32, 10); *Хорони Ти мене, як зєницю ока* Свою, дочку ока, у тіні Своїх крил заховай Ти мене від безбожних, що гублять мене, смертельні мої вороги оточили мене! (Пс 16, 8).

Слово *зеница* в разных вариантах воспроизводится в нашем сравнении практически во всех славянских языках: польск. *strzeć kogoś, czegoś jak źrenicy oka*; слов. *chránit' niekoho, niečo ako zrenicu oka*; чеш. *chránit' někoho, něco jako zřítelnicí oka*; болг. *зеница на окото; пазя като зеницата на окото*; мак. *зеница на окото; да чува како зеницата на окото*; серб. *чувати као зјеницу ока кога, шта*; хорв. *čuvati koga, što kao zjenicu oka [svoga]; raziti na koga, na što kao na zjenicu oka [svoga]*. Единственным исключением является словенский фразеологизм *raziti na koga, na kaj kot na punčico svojega očesa; čuvati (varovati) koga, kaj kot punčico svojega očesa*, где общеславянская «зеница» передается словенским словом *punčica*, но в том же значении. Нельзя не отметить также, что в белорусском, словацком, чешском и сербском языках наряду с приведенными оборотами употребляются и синонимы, где вместо «зеницы» фигурирует просто «глаз»: *глядзець (берагчы, шанаваць і пад.) як (што) вока ў ілбе (ў лобе)*; *chránit' niekoho, niečo ako oko v hlave; chránit' někoho, něco jako oko v hlavě; чувати као очи у глави*). При этом словацкое *chránit' niekoho, niečo ako zrenicu oka* и чешское *chránit' někoho, něco jako zřítelnicí oka* в словарях маркируются пометой *zast. – устаревшее*.

Внимательный читатель, всматриваясь в приводимый ряд славянских параллелей к библейскому сравнительному обороту, заметит некоторое формальное различие в лексеме *зеница*: белор. *зрэнка*, пол. *źrenica*, словацк. *zrenica* и чеш. *zřítelnice* хотя и созвучны, но все-таки не полностью тождественны рус., болг., макед. *зеница*, укр. *зіниця*, серб. и хорв. *зјеница*. Возникает вопрос: одного ли корня эти два обозначения «зеницы»? Ведь *зрэнка* и ее «родственники» в западнославянских языках этимологически явно претендуют на этимологическую связь с глаголом *зреть*. На эту проблему обратил внимание П. Я. Черных [12, т. 1, с. 324], отметивший различие обозначений зрачка даже в близкородственных белорусском и украинском языках, но не раскрывший внутренней формы белор. *зрэнка*, оставив тем самым вопрос открытым. Составители «Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы» [14, т. 3, с. 347], как и чешские и польские этимологи, дали на него прямой ответ [19, с. 719; 20, с. 749]. Рус. *зеница* и ее славянские «родственники» как обозначение зрачка реконструируется как прасл. **zēnica*, восходящее к о.-слав. корню **zě-/zi(j)-*, который представлен и в о.-слав. глаголе **zijati* ‘зиять’, ‘зевать’, ‘обнаруживать зияние’, ‘раскрывать, открывать проход в пустое пространство’ [6, т. 2, с. 94; 15, т. 1, с. 324].

Ближайшими родственниками старославянизма и библеизма *зеница* оказываются и такие «низкие» исконно русские просторечные и диалектные слова, как *зенки* и *зеньки* ‘глаза’, орл. *зенко* ‘глаз’, архаич. *зено* ‘глаз, глазной хрусталик’, твер. *зенок* ‘зрачок’, смол., брян. *зеночка* ‘зрачок’, смол. *зеночки* ‘глаза’, костром. *зены, зеньиши* ‘глаза’ и т. п. Ведь этимологически все они связаны с глаг. *зиять, зевать* ‘быть открытым’, ‘открывать’ и являются общеславянским наследием. С этими обозначениями глаза в русских диалектах образовано немало народных выражений: твер. *зеники налить* ‘напиться пьяным’, смол. *зеночки закатились* ‘глаза закрылись (о покойнике)’, костром. *зены вытаращить* ‘уставиться’. Важна при этом смысловая переключка слов: ст.-сл. и др.-рус. *зеница* с просторечным и диалектным *зенки*: в русских говорах последнее может употребляться в пяти значениях: ‘зрачки’, ‘белки глаз’ (ворон.), ‘верхние веки’ (смол.), ‘ресницы’ (арх.) и даже ‘глупый взгляд’ (арх.).

Таким образом, различие *зениц* и *зренок* в диахронической ретроспективе определилось: первое слово обозначало (и обозначает) открытый глаз, глаз, не прикрытый веком, второе же характеризует зрительный процесс и возможность его осуществления. В процессе семантического развития этих слов столь тонкие различия стерлись и они оба могли (и могут) обозначать и глаз вообще. Но все-таки самым общим обозначением этого соматизма во всех славянских языках (кроме русского) остается древнейшее индоевропейское **oko*. И паремиологические библеизмы надежно хранят его в нашей культурной памяти.

В многоязычном словаре «Лепта библейской мудрости», изданном в Беларуси благодаря инициативе и креативности проф. Евгения Евгеньевича Иванова, отражено, как отмечено в начале статьи, 14 соматизмов, ставших семантическим «ядром» славянской и европейской паремиологии. Нами для сегодняшнего анализа избрана лишь «зрительная» соматическая «троица». И этот выбор закономерен еще и потому, что именно она представляет 3 основных типа паремий: пословицу, идиому и устойчивое сравнение. При этом, как мы видели, во всей этой паремиологической триаде, сохраненной сакральным текстом, как в капле воды отражены общие и национально специфические особенности наших родственных славянских языков. Объединенных не только общим генетическим родством, но и славянским звучанием библейской мудрости.

Список использованных источников

1. Валодзіна, Т. В. Немеція лекавыя замовы: групы, матывы, беларускія паралелі / Т. В. Валодзіна. – Мінск : «Беларуская навука», 2023. – 344 с.
2. Коваль, В. И. Язычество в языке и тексте / В. И. Коваль. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – 285 с.
3. Лепта библейской мудрости : русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 томах / под общ. ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко; авторы-составители: З. К. Адамия, А. С. Алёшин, Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжинович, М. С. Гутовская, Д. Дракулич-Прийма, Е. Е. Иванов, Э. Коморовска, Э. Кржишник, А. С. Макарова, В. М. Мокиенко, А. Морпурго, Н. Прасолова-Милчовска, Н. Райнохова, М. Руис-Соррилья, А. Саркисян, Ж. Финк-Арсовски, протоиерей М. Чабашвили, Я. Шинделаржова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – Т. 1 : А–О. – 316 с.; Т. 2 : П–Я. – 336 с.
4. Валодзіна, Т. В. Цела чалавека: слова, міф, рытуал / Т. В. Валодзіна. – Мінск : Тэхналогія, 2009. – 431 с.
5. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях / Е. В. Ничипорчик ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Б. А. Ларина; перевод с нем. и предисл. О. Н. Трубачева. – М. : «Прогресс», 1964–1973.
7. Paczolay, Gyula. European Proverbs in 55 languages with equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese / Gyula Paczolay. – Veszprem : Nyomda Rt., 1997. – 527 p.
8. Снегирев, И. М. Русские в своих пословицах / И. М. Снегирев. – Книжка 1. – 1831. – 174 с.
9. Лилич, Г. А. Толковый словарь библейских выражений и слов : около 2000 единиц / В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 639, [1] с.
10. Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Зимин, А. С. Спирин. – М. : «Сюита», 1996. – 544 с.
11. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. – СПб. – Т. 1. – 1903. – 779 с.
12. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2-х т. / П. Я. Черных. – Т. I : А–Пантомима. – 622 с.; Т. II : Панцирь–Ящур. – 560 с. – М. : «Русский язык», 1993.
13. Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – М. : «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
14. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Т. 1–14. – Мінск : «Навука і тэхніка», 1978–2017 (издание продолжается).
15. Етимологічний словник української мови : у 7 т. / гол. ред О. С. Мельничук. – К. : Наукова думка. – Т. 1–6. – 1982–2012.
16. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах. Складанне, сістэматызацыя тэкстаў, ўступны артыкул і каментарыі М. Я. Грынבלата. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Т. 1. – 560 с.; Т. 2 – 616 с.

17. Прислів'я та приказки. Упорядник М. М. Пазяк. – К. : «Наукова думка». – Т. 2. Людина. Родинне життя. Риси характеру. – 1990. – 524 с.
18. Словарь церковно-славянского и русского языка, сост. Вторым отд. Академии Наук. – Тт. 1–4. – СПб., 1847; Репринтное издание. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та. – 2001–2003.
19. Machek, Václav. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského / Václav Machek. – Praha, 1971. – 866 s.
20. Boryś, Wiesław. Słownik etymologiczny języka polskiego / Wiesław Boryś. – Warszawa : Wydawnictwo literackie, 2005. – 860 s.

Abstract. The article offers an analysis of biblical catchphrases with three somatic components denoting the visual organ: An eye for an eye, a tooth for a tooth; open someone's eyes and cherish them like the apple of their eye. These three biblical units reflect typical structural-semantic categories of paremiology: proverbs, sayings (idioms) and stable comparisons. After identifying and interpreting the primary source, the corresponding Russian proverbs are compared with Belarusian and Ukrainian ones, as well as with other Slavic ones. A detailed description of the similarities and differences of these proverbs in each language is given.

Keywords: bibleisms, paremiology, winged words and expressions, phraseology, proverbs, sayings, stable comparisons.

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский федеральный университет (mokienko40@mail.ru).

УДК 811.161.1'243'373.2:398.21

М. И. Муратова

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ТЕКСТАХ ПСКОВСКИХ СКАЗОК: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ-ФИЛОЛОГАМ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о преподавании русской фразеологии иностранным студентам; подчеркивается необходимость изучения фразеологизмов студентами, будущими учителями русского языка как иностранного. Приводятся примеры заданий, разработанных на псковском региональном материале.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, фразеологические единицы, лингвокультурология, народные сказки, иностранные студенты.

Как известно, изучение русских фразеологизмов расширяет словарный запас и фоновые знания иноязычных обучающихся. Особенно актуально это положение для будущих учителей русского языка, для которых, помимо практического применения фразеологизмов в речи, необходимо умение объяснить их значение и особенности употребления.

Фразеологизмы делают речь более выразительной, разнообразной и яркой, владение ими свидетельствует о высоком уровне речевой культуры, чем также обусловлено широкое привлечение этого материала к подготовке филологов-русистов.

Особое внимание должно быть уделено подбору текстов, содержащих фразеологические единицы. В качестве одного из источников этнокультурологически ценного текстового материала, отражающего традиции, обычаи, быт русского народа и содержащего фразеологические единицы, мы предлагаем использовать сказки, записанные в различных регионах России. Так, сотрудниками научно-образовательной лаборатории «Социогуманитарная регионалистика» Псковского государственного университета за последние годы опубликовано несколько сборников сказок, наиболее полным из которых является сборник «Народные сказки псковского края» [1]. Сборник содержит 215 аутентичных текстов, записанных в разные годы (с 1977 по 2010 гг.) от жителей Псковского региона.

Со сказочными текстами, собранными на территории Псковской области, иностранные студенты-филологи, как и их русскоязычные однокурсники, работают на занятиях по русской диалектологии, устному народному творчеству, на элективных курсах по русскому фольклору.

Помимо общерусских фразеологизмов (*подвести под монастырь, куда глаза глядят, важная птица, кататься как сыр в масле, по гроб жизни, валять дурака, держать слово и др.*), в текстах псковских сказок зафиксированы устойчивые выражения, обладающие определенными диалектными чертами. Иностранцам такие устойчивые сочетания преподносятся с сохранением основных фонетических и грамматических особенностей речи диалектоносителей. Напр., в нескольких текстах вместо общерусского *вылупить (вылупить глаза)* используется диалектное *выгалить* – (о глазах) ‘широко раскрыть, вытаращить от удивления, испуга и т.п.’ [2, с. 136]. В составе фразеологических оборотов глагол встречается в разных грамматических формах: в форме предикативного деепричастия *выгаливши: Наполохали друг дружку и побегли глаза выгаливши* (сказка «Слепой и глухой») [1, с. 227], а также в форме прошедшего времени *выгалил: И это до трёх раз, что народ-то и глаза выгалил: что такое?»* («Ванюшка-дурачок») [1, с. 215].

Интересный вариант фразеологизма *пойти куда глаза глядят* зафиксирован в тексте сказки «Про Ваню-дураню»:

– Ох, что ж делать? Ой, ой, что делать?

– Давай у свет уходит от этого дурака!

– Давай!

– Давай будем сушить сухарей! Насушим сухарей и вайдём! («Про Ваню-дураню») [1, с. 166].

Уходит в свет (в диалектном варианте – *у свет уходит*) – ‘отправляться куда-нибудь подальше, куда глаза глядят’.

Фразеологизм *глаза на лоб* в исполнении псковских сказочников звучит как *глазы на лоб* и отражает одну из известных диалектных черт псковских говоров – образование существительных множественного числа при помощи окончания *-ы*. *Отец и глазы на лоб: что ж такое это: «На мамину могилку!»* («Марко Богатый») [1, с. 120]. Произношение *ÿ* в конце слова и слога на месте *л* отражено в устойчивом сочетании *подвести под монастырь: Ты, Ванька-дурачок, нас под монастырь подвёÿ, по тебе и панихиду служить!* («Сказка о трёх братьях, ведьме и ведьминых дочках») [1, с. 61].

Представим некоторые примеры заданий с фразеологическими единицами из псковских сказочных текстов, которые мы используем на занятиях с иностранными студентами. Это, как правило, общенародные фразеологизмы, имеющие в отдельных случаях компоненты-диалектизмы, которые студенты должны определить и объяснить.

Задание 1. Прочитайте фрагменты текстов, догадайтесь о значении выделенных устойчивых сочетаний на основе контекста. Выберите правильный вариант ответа. Определите, обладает ли фразеологизм какими-то диалектными чертами.

Поехал этот мужик на базар: ходит поп по базару! Прислушался мужик: поп говорит там какому-то знакомому, что де-нибудь, говорит, наймусь к какому-нибудь мужику-лохмаку на годик, поваляю дурака! («Как поп в работники нанялся») [1, с. 233].
Варианты ответов:

1) ‘тяжело работать, уставать на работе’;

2) ‘бездельничать, заниматься чем-то неважным’;

3) ‘жить в свое удовольствие, заниматься любимым делом’.

Пошёл ён, куда глаза глядят. Вдруг слышит треск да шум страшный! Глядит добрый молодец: прилетела птица дивная и давай дрявья валить! («Про каменное царство и солдата Ивана») [1, с. 73].
Варианты ответов:

1) ‘(двигаться) с определенной целью’;

2) ‘без определенного пути, направления движения, неизвестно куда’;

3) ‘очень быстро, не оглядываясь’.

Кроме того, в данном случае студенты должны указать на специфику компонента *глазы*.

Задание 2. Прочитайте фрагменты текстов, замените выделенные фразеологизмы словосочетаниями, передающими их значение.

– *Сивка-Бурка, ты служил мне по гроб жизни, а теперь служи моему сынку Ване! Что он тебе прикажет, ты это делай! Теперь, Ваня, сядь верхом на него и покатайся!* («Сивка-Бурка») [1, с. 99]. Варианты ответов:

- 1) ‘до самой смерти’;
- 2) ‘хорошо и добросовестно’;
- 3) ‘несколько лет’.

И вот как-то в большой праздник понаехали разные паньчи, купцы. Кто продавать, кто покупать, а кто и просто так погулять. Завидел купеческий сынок Машутку и влюбился не на шутку. Подослал к ней слугу спросить, чья такая («Маша и злая мачеха») [1, с. 250]. Варианты ответов:

- 1) ‘в первый раз’;
- 2) ‘несерьезно’;
- 3) ‘очень сильно’.

Задание 3. Познакомьтесь со значением фразеологических единиц, которые вы встретите в тексте. Обратите внимание на диалектные особенности текста и фразеологизма, который употребляют диалектоносители. Придумайте ситуации, в которых можно употребить данные выражения в современном контексте.

Подвести под монастырь – ‘поставить кого-либо в затруднительное положение’. *Ты, Ванька-дурачок, нас под монастырь подвёй, по тебе и панихиду служить!* («Сказка о трех братьях, ведьме и ведьминых дочках») [1, с. 61].

В ус не дуть – ‘ни о чем не волноваться, ни о чем не беспокоиться; ни на что не обращать внимания; жить, чувствовать себя беззаботно’. *Моя жена сама щи варит, сама стирает, сама сына годует. Живет твой Макарка и в ус не дует, а ты заладил: богатство!* («Сундук, который впятером не поднять») [1, с. 256].

Как сыр в масле кататься – ‘жить в достатке, ни в чем не нуждаясь’. *Куда ж он в ей будет расти, рваный и ободраный! А в мяня будет учоный, будет что сыр в масле кататься!* («Царь Додон (про Василия Бессчастливого)») [1, с. 157].

Уолос в уолос – ‘точь-в-точь (о полном сходстве кого-либо или чего-либо)’. *Она родила двенадцать сынов, уолос в уолос. Это двенадцать сынов. И вси похожи, как один.* («Речка слёз») [1, с. 85].

Студентам можно также предложить задания поискового типа, отсылающие к этимологии фразеологизмов, указывающие на познавательную ценность их внутренней формы, на закодированную в ней страноведческую информацию. В такой работе бесценным источником станут фразеологические словари, в том числе изданные преподавателями Псковского государственного университета [3; 4; 5].

Список использованных источников

1. Народные сказки псковского края : монография : в 2 ч. – Ч. 1 : Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение / под ред. Н. В. Большаковой, Г. И. Площук; составители: Н. В. Большакова, Л. Б. Воробьева, З. В. Митченко, М. И. Муратова, Г. И. Площук. – Псков : Логос, 2016. – 618 с.

2. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 5 / под ред. А. И. Лебедевой, О. С. Мжельской – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1983. – 185, [3] с.

3. Рогалёва, Е. И. Сами с усами: веселый фразеологический словарь / Е. И. Рогалёва, Т. Г. Никитина. – М. : Издательский Дом Мещерякова, 2018. – 208 с.

4. Рогалёва, Е. И. Ума палата: детский фразеологический словарь / Е. И. Рогалёва, Т. Г. Никитина. – М. : Издательский Дом Мещерякова, 2017. – 160 с.

5. Роголёва, Е. И. Фразеологический словарь. Занимательные этимологические истории для детей / Е. И. Роголёва, Т. Г. Никитина. – М. : ВАКО, 2010. – 96 с.

Abstract. The article deals with the issue of teaching Russian phraseology to foreign students, emphasizes the need to study phraseological units by students, future teachers of Russian as a foreign language. Examples of tasks developed on the Pskov regional material are given.

Keywords: Russian as a foreign language, phraseological units, linguoculturology, folk tales, foreign students.

Муратова Мая Ильгельдыевна – кандидат педагогических наук; Псковский государственный университет (muratova.maya@mail.ru).

УДК 811.161'374'373.2:398.9:27-23

Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва

БИБЛЕИЗМЫ В УЧЕБНЫХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

Аннотация. В статье представлена концепция включения информации о библейском происхождении русских паремий в статьи учебных словарей, разработанных Псковской лексикографической лабораторией. Показаны приемы введения этимологической информации через текст-комментарий и познавательные задания. Подчеркивается значимость такого обновления словарных статей для практики обучения иностранцев русским пословицам.

Ключевые слова: учебная лексикография, паремиология, словарь в рассказах, пословицы-бibleизмы, словарь бibleизмов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 23-18-00252, реализуемый в СПбГУ.

Цель данной статьи – обобщить отечественный опыт и представить новые возможности учебной лексикографической репрезентации пословиц, восходящих к тексту Библии.

Пословицы-бibleизмы (как прямые цитации, так и народные выражения, сформировавшиеся на основе ассоциаций с образами и сюжетами Священного Писания), наряду с идиомами и антропонимами в словарях бibleизмов, которые можно назвать учебными или научно-популярными изданиями, разработаны В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежковой, В. Г. Мельниковым, Л. М. Грановской и другими авторами [1; 2; 3; 4].

В отличие от этих специальных лексикографических источников, раскрывающих происхождение библейских пословиц и дающих рекомендации по их использованию, в общих учебных словарях пословиц [5; 6] бibleизмы, как правило, остаются без каких-либо культурно-исторических комментариев. Исключение составляет «Школьный словарь живых русских пословиц» В. М. Мокиенко [7], где паремии *Не хлебом единым жив человек* [7, с. 266]; *Кто не работает, тот не ест* [7, с. 207] и др. получают этимологическую справку, отсылающую к библейскому тексту и показывающую освоение паремии разными языками; напр.:

КТО ИЩЕТ, ТОТ [ВСЕГДА] НАЙДЕТ < ... > *Пословица образована на основе библейского афоризма «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» из «Нагорной проповеди» Иисуса (Матфей, 7, 7). Известно также в латинских источниках (Qui querit, reperit), в немецком языке (Wer sucht, der findet). Активное распространение пословицы в русскоязычном социуме связывается с фильмом «Дети капитана Гранта» (1937 г.), где она прозвучала в припеве «Песни о веселом ветре» (муз. И. Дунаевского на стихи В. Лебедева-Кумача), приводится фрагмент текста песни [7, с. 113].*

Ориентируясь на такую модель учебной репрезентации библейского происхождения паремий, мы приняли решение пересмотреть подачу библеизмов паремиологического типа в учебных словарях пословиц, адресованных иностранным школьникам и студентам, изучающим русский язык [8; 9; 10]. Такие словари представляют русские пословицы в их современном функционировании, раскрывают происхождение паремий в связи с историей страны и русской культуры. Сделать это увлекательно и активизировать паремиологический материал в речи иноязычных обучающихся позволяет формат словаря в рассказах, где авторами историй, отражающих все указанные выше параметры паремий, являются студенты и школьники, сверстники читателей, а ситуации и темы, которые они затрагивают применительно к содержанию пословиц, актуальны для молодежной аудитории.

В первой же словарной статье (они расположены в алфавитном порядке), в которой читатели встречаются с пословицей библейского происхождения, они узнают о словарях библеизмов, обращаются к библейскому тексту, что позволяет им осмыслить исходное значение паремии и снимает некоторые современные смысловые «нестыковки», которые, напр., в словарной статье «Кто не работает, тот не ест» [9, с. 66–67] обсуждают учащиеся лингвистической гимназии Наташа Б. и Майя М. Вспомнив поучительные сказки и притчи о лентяях, которые не получили ожидаемого обеда или ужина, они рассуждают о справедливости данного тезиса применительно к маленьким детям, больным и престарелым людям, которые нуждаются в пище. Обратившись к материалам интернет-форума на данную тему, обнаруживают большое количество несогласных с народным выражением. Если в прежнем издании словаря эта тема предлагалась и для обсуждения читателям, то сейчас они получают информацию о паремиографических изданиях «Вечные истины» [4] и «Школьный словарь живых русских пословиц» [1], прочитают приведенные здесь же фрагменты статей из данных словарей, отсылающие к тексту «Послания апостола Павла», и увидят исходную форму паремии с выделенным ключевым словом, которое и проясняет первоначальный смысл выражения, который со временем был утрачен вместе с соответствующим компонентом: *Кто не хочет трудиться, тот и не ешь*.

В словарной статье «Ученье – свет, а неученье – тьма» [9, с. 252–253] Арина Б. из Пскова рассказывает о своем первом любительском лингвистическом исследовании: к слову *свет* она подобрала однокоренное *просвещение* и образные словосочетания, в которых человеческий ум, образованность характеризуют «световые» прилагательные: *светлая голова, ясный (блестящий) ум* и т. п., а *неученье – тьма* соотнесла с фразеологизмом *темный лес* (о чем-либо непонятном, о неосвоенном материале). Географию распространения этой пословицы они с подружкой выяснили – нашли ее в польском, чешском, сербском языках и даже в китайском (только не смогли прочитать иероглифы), а вот в историю выражения не углублялись. Это предлагается сделать читателю, который уже знаком со словарями библеизмов и, как надеются авторы, взял эти словари в библиотеке или скачал в интернете. Теперь ему предстоит выяснить, не является ли пословица *Ученье свет, а неученье тьма* библеизмом. Ответ на этот вопрос дается в рубрике «Проверь себя», которая сопровождает разнообразные задания, предлагаемые читателю авторами: *Пословица сформировалась на базе текста из «Книги Екклесиаста», входящей в состав Ветхого Завета и созданной в IV–III вв. до нашей эры* [4, с. 304]: *«Преимущество мудрости над глупостью такое же, как преимущество света перед тьмою»*. Таким образом, учащиеся получают не только новые сведения о происхождении пословиц, но и навыки работы со словарями библеизмов. А статья «Хлеб всему голова» [10, с. 130–133] познакомит их со студенческим научно-исследовательским проектом, результатом которого стал словарь библеизмов.

Рассказчик этой истории – студент кулинарного колледжа – рассказывает об экскурсии в музей хлеба, включая в свой рассказ профессиональные комментарии, касающиеся этого традиционного для русских продукта питания. Цитируя экскурсовода, сту-

дент-кулинар раскрывает символику хлеба, говорит о нем, как об элементе национальной культуры и предлагает задуматься над последней фразой экскурсовода (*Не хлебом единым жив человек*) и отыскать в интернете словарь библеизмов, озаглавленный этой пословицей [2]. Оказывается, что составители этого словаря – магнитогорские студенты, которые работали над проектом в ходе своей историко-лингвистической практики под руководством профессора С. Г. Шулежковой. Так что в этом случае помимо значения пословицы (‘кроме материальных потребностей у человека должны быть и духовные интересы’) и истории ее происхождения (из библейского рассказа об искушении Иисуса Христа в пустыне, когда он отвечает сатане: *Не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа*) читатели узнают о возможностях научно-исследовательской лексикографической работы во время обучения в вузе.

Таким образом, информация о библейском происхождении паремий в формате словаря в рассказах может быть включена в содержание комплексного текста-комментария или задана в разнообразных познавательных заданиях с самоконтролем ответа. Предполагаемое расширение словарных статей такой информацией обогатит учащихся-инофонов культурно-историческими знаниями, повысит интерес к библейскому паремиологическому наследию и будет мотивировать к научно-исследовательской работе в сфере паремиологии и лексикографии.

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Давайте говорить правильно! Словарь библейских крылатых выражений / В. М. Мокиенко. – СПб. : СПбГУ, 2007. – 215 с.
2. Не хлебом единым... Мини-словарь библеизмов для школьников / С. Г. Шулежкова и др. – Магнитогорск : МГТУ им. Г. И. Носова, 2017. – 116 с.
3. Грановская, Л. М. Словарь имен и крылатых выражений из Библии / Л. М. Грановская. – М. : Астрель; АСТ, 2003. – 288 с.
4. Вечные истины. Крылатые фразы, пословицы, поговорки библейского происхождения / Сост. В. Г. Мельников. – М. : Сибирская Благовонница, 2021. – 332 с.
5. Ушакова, О. Д. Пословицы, поговорки и крылатые выражения / О. Д. Ушакова. – СПб. : Литера, 2009. – 95 с.
6. Клюхина, И. В. Пословицы, поговорки и крылатые выражения / И. В. Клюхина. – М. : ВАКО, 2015. – 96 с.
7. Мокиенко, В. М. Школьный словарь живых русских пословиц / В. М. Мокиенко. – СПб. : Нева, 2002. – 352 с.
8. Ая, У. Пословицы в русской речи. Учебный словарь с комментариями на эстонском языке / У. Ая, Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалёва. – Псков : Логос, 2012. – 124 с.
9. Никитина, Т. Г. Учебный словарь русской фразеологии / Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалёва, Б. Бурешова, М. Рыковска. – Plzeň : Fraus. – 328 с.
10. Рогалёва, Е. И. Путешествуем по России с русскими пословицами и поговорками / Е. И. Рогалёва, Т. Г. Никитина. – М. : Русский язык. Курсы, 2019. – 136 с.

Abstract. The article presents the concept of including information about the biblical origin of Russian proverbs in the articles of educational dictionaries developed by the Pskov Lexicographic Laboratory. The techniques of introducing etymological information through text commentary and cognitive tasks are shown. The importance of such updating of dictionary entries for the practice of teaching Russian proverbs to foreigners is emphasized.

Keywords: educational lexicography, paremiology, dictionary in stories, proverbs-bibleisms, dictionary of bibleisms.

Никитина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор; Псковский государственный университет (cambala2007@yandex.ru).

Рогалёва Елена Ивановна – доктор филологических наук, доцент; Псковский государственный университет (cambala2010@list.ru).

Е. В. Ничипорчик

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПОСЛОВИЦ ОБ УМЕ И ГЛУПОСТИ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ В. И. ДАЛЯ

Аннотация. Анализируется последовательность подачи паремиологических единиц, образующих тематическую группу «Ум – Глупость» в словаре «Пословицы русского народа» В. И. Даля. Определены соотношения ценностных категорий, положенные в основу продуцирования паремий об уме и глупости; установлена цикличность обращения к этим категориям при раскрытии значимости каждой из противопоставленных сущностей рассматриваемой оппозиции. Выявлены обобщенные смыслы, объединяющие паремии в цепочки, связь между которыми определяет логику развития темы.

Ключевые слова: паремиологический словарь, составитель словаря, тематическое объединение, паремия, пословица, последовательность.

Исследование выполнено в рамках финансируемой темы «Белорусско-русские фразеологические и паремиологические параллели в словаре и интернет-коммуникации», № государственной регистрации 20212044, дата государственной регистрации 02.06.2021.

Пословицы об уме и глупости в любой этнической культуре представляют благодатное поле для исследования. И это нетрудно объяснить. Во-первых, такие пословицы в паремиофондах многочисленны, так как имеют отношение к одной из приоритетных этнических и общечеловеческих ценностей [1, с. 28, 40–41]. Во-вторых, пословицы об уме и глупости разнообразны по содержанию и поэтому легко ложатся в матрицы когнитологических, лингвокультурологических и лингвоаксиологических описаний. Изучению паремиологических единиц об уме и глупости, шире – воплощению концептов «ум» и «глупость» в русской и иных лингвокультурах посвящены многие исследования, в том числе диссертационные [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12 и мн. др.]. Все это является ярким свидетельством актуальности темы и побуждает паремиологов и паремиографов держать в орбите научного интереса вопросы, связанные с изучением культурной информации, заключенной в провербиальных знаковых единицах об уме и глупости.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных изучению воплощения культурных концептов в русских паремиях, в том числе концептов «ум» и «глупость», исследование организации блоков содержательно однородных пословичных единиц в тематических паремиологических словарях находится пока в тени. А важность такого рода исследований бесспорна: изучение словарей, составленных по тематическому принципу, приоткрывает завесу над организацией паремиопространства в целом, позволяет выявить разные типы отношений, которыми паремии «притягиваются» друг к другу. Нет сомнений в том, что результаты такого рода исследований могут быть полезны в паремиографической практике.

Наш исследовательский коллектив работает над составлением сводного электронного словаря белорусских пословиц. Белорусский паремиологический свод в своей основной репрезентации будет тематическим, хотя технические возможности позволяют отсортировать пословицы и по ключевому слову, то есть позволяют преобразовать тематический словарь в словарь с гнездовым принципом организации. Отнесение пословицы к той или иной теме, как показала практика, оказалось далеко не легкой задачей, не менее сложной задачей было и определение последовательности расположения пословиц внутри тематических объединений. В качестве своеобразной опоры в решении такой задачи был использован словарь белорусских пословиц, составленный М. Я. Гринблатом [13] (описанию организации данного словаря посвящено отдельное исследование (в печати)), и словарь «Пословицы русского народа» В. И. Даля [14]. Не-

смотря на то что словарь В. И. Даля – это словарь русских паремиологических единиц, мы не могли не учесть бесценного опыта осмысления структуры паремиологического пространства, представленного в самом объемном в настоящее время тематическом собрании паремий близкородственного языка. Наша задача состояла в определении логики развития темы «Ум – Глупость» в данном словаре, в настоящей статье представлены результаты решения этой задачи.

Тематическое объединение «Ум – Глупость» составляет 671 паремиологическая единица. Основная масса зафиксированных единиц – это пословицы.

Наблюдения над логикой развития темы в данном тематическом объединении (далее – ТО) показывает, что при определении последовательности расположения пословиц внутри данной темы, как, впрочем, и ряда других частных тем, В. И. Даль придерживается некоторой общей стратегии составления словаря – строит рассуждение, начиная от Бога. Как нами уже подчеркивалось ранее, первые ТО в словаре – это объединения пословиц, имеющие непосредственное отношение к религиозной теме: «Бог – Вера», «Вера – Грех» [15, с. 272; 16, с. 90–91]. Анализ композиционной организации словаря показывает, что обращение к божьей теме можно наблюдать в инициальных частях целого ряда ТО: *Кто сырых питает, тот бога знает* («Тороватость – скупость»); *За правду бог и добрые люди* («Суд – Правда»); *Бог любит праведника, а господин ябедника* («Клевета – напраслина»); *Бог на небе, царь на земле* («Царь»); *Куда господь бог несет?* («Путь – дорога»); *Жив бог – жива душа моя* («Жизнь – смерть»); *Язык телу якорь. Язык с богом беседует* («Язык – Речь»); *Бог – что захочет, человек – что сможет* («Человек»); *Дети – благодать божья* («Дети – Родины») и др. Полагаем, что ценностная картина мира составителя словаря сформирована под влиянием социальной среды и отражает следы этого влияния.

В первых пословицах ТО «Ум – Глупость» речь идет о том, что ум дается человеку свыше и, если умственные способности от рождения не проявляются, не следует надеяться, что внешние обстоятельства могут как-то повлиять на развитие человека в этом отношении: *Всякая мудрость от бога; Нет роженного (ума), не дашь и ученого; Тупо сковано – не наточишь; глупо рожено – не научишь; Все в мире творится не нашим умом, а божьим судом.* В самом начале ТО утверждается и безотносительная ценность ума: *Разум – душе во спасенье, богу на славу; Голова – всему начало.* Далее через обращение к разного рода связям и отношениям, которые наблюдаются в жизни и детерминированы наличием/отсутствием ума, в определенной последовательности раскрываются свойства умных людей, утверждается положительная значимость ума:

– «ум – социум»; умный человек в социуме вызывает настороженное отношение, он выделяется из общей массы, превосходя других по своим умственным способностям (*Против умного остережешься, а против глупого оплошаешь; Умный что староста губный: всяк его боится*); к мнению умного прислушаются даже те, кто обладает силой и властью (*И сила уму уступает*); умный может позаботиться о многих (*Умная голова сто голов кормит, а худая и себя не прокормит*); умный человек – транслятор жизненного опыта в социуме (*В умной беседе быть – ума прикупить (а в глупой, и свой растерять)*); умным, догадливым, смекалистым может быть человек и незнатного происхождения (*У мужика кафтан сер, да ум у него не волк (не черт) съел*);

– «ум – физический мир»; наличие ума, здравомыслие в действиях человека, его здоровый «дух» связывается в обыденном сознании со здоровым телом (*Живи с разумом, так и лекарок не надо*); в то же время утрата здравомыслия и сильного человека может погубить, умный не сможет противостоять физической силе (*Сила – ума могила; Сила ум ломает*); познание не ограничено физическим миром (*Видит око далеко, а ум (думка) еще дальше; Ум сяжком под небеса уходит (сягает); Доходит ум и до бога*);

– «ум – мышление»; решение интеллектуальных задач – сложное дело, в связи с этим высокую оценку получает догадливость человека (*Дума крепкая, раздумьице вели-*

кое; *Спать не сплю, дремать не дремлю, а все думаю думаю; Догадка лучше ума*); приветствуется своевременность принятия решения (*Кабы мне тот разум наперед, что приходит опосля*); негативную оценку получают скороспешные решения и, напротив, долгие размышления, «умничание» (*Что долго думать: отрубил, да и в шапку; Что больше думать, то хуже; Много думать – голову кружить; Не долго думал, да ладно молвил; Не умничай: умнее тебя в тюрьме сидят*);

– «ум – богатство»; отсутствие ума ведет к нищете (*Не дал бог ума, найдется ума; Глупый разум по миру пускает; Глупому сыну не в помощь богатство*); ведение хозяйства с умом – основа материального благополучия (*С умом собинка нажита, а без ума прожита; Без ума суму таскать, а с умом деньги считать*);

– «ум – суд»; умный руководствуется гуманностью (*Умный не осудит, а глупый не рассудит*); умного не привлекают к суду (*Умный на суд не ходит, а дурень с суда не сходит*); умный человек обладает авторитетом (*Глупый ищет большого места, а умного и в углу знает*);

– «ум – вредные привычки»; умный пьет с умом (*Мужик умен – пить волен; мужик глуп – пропьет и тулуп; Пьян да умен, два угодя в нем; пьян да глуп, большие бьют*);

– «ум – внешний вид человека»; ни большой рост, ни большая голова (большой лоб), ни физическая зрелость, ни наличие бороды и ее размер, ни красота, ни дорогое платье не компенсируют отсутствие ума (*Велик, да дурак; а иной и маленок, да черт ли в нем?; Голова с пивной котел, а ума (мозгу) ни ложки; Лоб широк, да мозгу мало; Под носом взошло, а в голове и не посеяно; Борода выросла, а ума не вынесла; Борода с ворота, а ума с прикалиток нет; Ростом с Ивана, а умом с болвана; Личико беленько, да ума маленько; Волос долог, да ум короток; По платью встречают, по уму провожают*).

Как видим, в блоке пословиц об уме, которым начинается ТО «Ум – Глупость», многие положительные характеристики умного человека раскрываются на фоне отрицательных характеристик глупых людей. Одним из формальных критериев включения пословиц в инициальный блок является наличие в их составе компонентов *умный / ум / разум / голова / мозг*. Пословицы о дисгармоничности внешнего облика человека, характеризующегося отсутствием ума, являются своеобразным переходным мостиком к развернутой портретной характеристике глупых людей, паремиологическим единицам, в которых раскрывается негативные стороны глупости.

Пословицы, содержащие в своем составе компоненты *глупый/дурак* либо подразумевающие в качестве объекта оценки глупца, располагаются в последовательности, которую можно установить так же, как в предыдущем случае, с опорой на сопряженные категории, объективированные в содержании следующих друг за другом цепочек паремий:

– «глупость – толк»; глупый человек – это бестолковый человек, неспособный сделать даже самое элементарное (*Этот человек – пустяков берем; Он без спотычки пяти пальцев не сосчитает; На трех свиней корму не разделит*);

– «глупость – социум»; глупец не соответствует представлениям о полноценной личности, отличается от всех своей «недокомплектованностью», характеризуется уничижительным подобием с миром вещей (*У него одной клепки нет; не все дома; У него из голубятни голуби улетели; У него чердак без верху: одного стропильца нет; Глуп, как пуп (как хлуп), как печка, как пробка, как пень, как надолба и пр.; Дурак что мутовка: куда ни поверни, а сук наперед*); дураки друг друга находят (*Два дурака сошлись в одни ворота; Дурак по дуру далеко ходил; Дурак с дураком сходились, а оба никуда не годились*); дураков в мире много (*Дурак на дураке едет, дураком погоняет; Дураками свет стоит (или: красится); На наш век дураков станет (да и на ваш хватит); Наших дураков отсель до Москвы не перевешаешь; Сколько дней у бога впереди, столько и дураков*);

– «глупость – возраст»; глупость не знает возраста, глупыми могут быть и молодые, и старые; старческая глупость досаднее, чем глупость молодых (*Молод, глуп с при-*

дурью; стар да глуп – насквозь пророс; Во всех годах, да не во всех умах; Стар годами, да молод умом; Долго пожил, а ума не нажил; Старый – что стареет, то дуреет; Старые дураки глупее молодых; От старых дураков молодым житься нет);

– «глупость – внешний вид человека»; образ глупого человека несуразен, дурака сразу можно узнать, дурак «близок» к миру животных (*Постричь, поправить – в дураки поставить; По образу – как я, а по уму – свинья; Ростом с тебя, а умом с теля; Гусиный разум, да свиное хрюкальце; Смотрит, как баран в гумно; Обычай – бычий, а ум телячий; Голова, как у вола, а все кажет мала);*

– «глупость – учение»; глупого человека невозможно учить (*Ни мертвеца рассмешишь, ни дурака научить; Дурака учить что на воде писать; Дырявого меха не надуть, а безумного не научить);* лучше средство для наставления дурака – «кулак» (*Бей дурака, не жалей кулака!; Учить дураков – не жалеть кулаков).*

Далее следует большой блок пословиц о своем и чужом уме. Характеристика глупых людей, по сути, прерывается; однако определение места изречений о своем и чужом уме в ТО «Ум – Глупость» после блока пословиц, в которых говорится о невозможности обучения глупых людей, вполне логично, так как глупые люди обычно живут чужим умом.

Хотя микротема «свой ум – чужой ум» и начинается утверждением *Ум хорошо, а два лучше (лучше того)*, основной тезис следующих за этим утверждением пословиц – «свой ум лучше чужого» (*На то человек на свет рождается, чтоб жить своим умом; Свой умок – свой домок, свой уголок; Чужим умом в люди не выйдешь; Чужими умами только бураки подшивают; Свой ум – царь в голове и др.*). Развитие микротемы «свой ум – чужой ум» связывается также с логемами «ум не купить», «ум уму рознь», «свой ум может подвести» (*Ум за морем не купишь, коли его дома нет; Журавли за море летают, а все одно курлы; Ум на ум не приходится; Сколько голов, столько умов; Ежеден не будешь умен; На час ума не станет, да и навек в дураках (а навек дураком прослынешь)).*

Далее составитель словаря вновь возвращается к портретным характеристикам глупца, зачастую такие характеристики перемежаются с характеристиками умных людей, подаются на фоне контраста:

– «ум/глупость – счастье»; дурак оказывается счастливее, чем умный, Бог на стороне дураков, дуракам везет (*Дураку везде счастье; Дураку счастье, а умному бог даст; Счастье едет в карете, а с умом идет пешком; Хоть дурак, да съел бурак, а умный и так; На дурака у бога милости много; Дурак – божий человек; Дурак, и в бочке сидя, волка за хвост поймал);*

– «ум/глупость – богатство»; наличие ума отнюдь не всегда соединяется с предприимчивостью, практичностью, непрактичность умного человека, согласно народному мнению, сродни глупости; глупец же знает способы, как добыть денег, недостаток ума может компенсироваться наличием денег; наличие денег заставляет быть прагматичным (*И с умом, да с сумой; Умен, да карман не ядрен; Ума много, да денег не так – и век дурак; Ума-то палата, да не покрыта (да гола, т. е. беден); Есть ум, да пустосум; нет ума, да туга (полна) сума; Умом туп, да кошелем туг; Не штука разум, штука деньги; Деньга ум родит; С богатством ум приходит);* в то же время богатство без ума не привлекательно, ни за какие деньги ума не приобрести (*Богатый без ума – туло без головы; За умом – не в рынок; На деньги ума не купишь);*

– «глупость – семья»; глупый человек – бремя для семьи, злой рок для рода; свои дураки, несомненно, ближе, роднее, чем чужие, однако досады от этого не становится меньше (*Дураки да нищие не родом ведутся, а кому бог даст; От сына дурака не хлеба, а колоба; Чужие дураки – загляденье каки; а наши дураки – невесть каки; Чужой дурак – смех, а свой дурак – стыд; Бывают дураки средней руки, а наши дураки последней руки);*

– «ум/глупость – правда, добро»; глупец иногда может принимать верное решение, говорить правду; в отличие от умного не будет подвигать другого человека к со-

вершению неблагоприятного поступка (*И глупый ино молвит слово в лад; Временем и дурак правду скажет; Глупый про себя согрешит, а умный многих соблазнит*); глупый менее опасен, чем умный, но глупому все же не хватает здравомыслия, чтобы совершать добрые дела (*На доброе дело ума не станет, а на худое станет*);

– «ум/глупость – безумие»; ум может стать для человека бременем, лишнее знание может свести с ума, глупому поэтому проще жить (*От ума сходят с ума, а без ума не сойдешь с ума; От большого ума сходят с ума; Глупому не страшно и с ума сойти; С умом жить – мучиться, а без ума жить – тешиться; Умный плачет, а глупый скачет*);

– «глупость – смех»; глупость человека опознается по его смеху, дураку все потешно (*Дураку все смех на уме; Дураку что глупо, то и потешно (то и любо); Рад дурак, что пирог велик; рад пирог, что у дурака рот велик; Любо дураку, что чирый (дыра) на боку; Рад дурак красному*);

– «глупость – время»; глупый не замечает хода времени, жизнь дурака беззаботна (*Дурак времени не знает; Дураку что ни время, то и пора; Играй, дудка; пляши, душень!; Без ума житье – рай*);

– «глупость – общество»; глупый человек не является полноценным членом общества: он никому не подчиняется, неблагоприятные поступки дураку сходят с рук; дураку все прощается, так как глупость не является пороком и ума глупому человеку не прибавить; законов для дураков не существует, от дурака нельзя ждать ничего хорошего; недовольство общества выражается в том, что дурака бьют (*Над дураками нет старосты; С дурака гладки взятки; Дураку закон не писан; Малому да глупому все с рук сходит; Глупость – не порок (а несчастье); Кому бог ума не дал, тому кузнец не прикует; От дурака добра не жди; Дурака крести, а он в воду лезет; У худой головы не благо и ногам; Дурака и в алтаре бьют*);

– «ум/глупость – разум, благоразумие»; можно быть умным и в то же время совершать глупые, неразумные поступки (*Умен, да не разумен*), человек во всех ситуациях должен руководствоваться благоразумием (*Разум не велит – ума не спрашивайся!; Ум за разумом не ходит; Ум разуму подспорье; Где ума не хватит, спроси разума!*);

– «глупость – дело»; глупец не способен выполнить поручение, с глупцом какое совместное дело не приносит нужного результата (*Заставь дурака богу молиться, он и лоб разобьет (расшибет); С дураком говорить, что в стену горох лепить; Дурака пошлешь, а за ним и сам пойдешь; С дураком тива (каши) не свариишь; С дураком – ни поплакать, ни посмеяться; Не дай бог с дураком ни найти, ни потерять*); глупому лучше уступить (*Дай шальному дорогу!; От дурака, плюнь, да отойди!*).

Как видим, неизбежное проявление в семантике паремий двух противопоставленных сущностей на фоне переkreщивания микротем в представлении каждой из этих сущностей значительно осложняет определение составителем словаря строгой последовательности паремиологических единиц внутри ТО. Неслучайно в «Напутном» к своему словарю В. И. Даль сетует на то, что он «далеко не выполнил своей задачи», что «пословицы нередко попадали не на свое место» и что ему так и не удалось добиться оптимальной последовательности пословиц в словаре [17, с. 15]. Полагаем, что результат работы в оценке самого составителя словаря был бы иной, если бы составитель располагал большим временем и перед ним не стояли другие, не менее важные задачи по сохранению культурного наследия русского народа: «Служба, недосуги и недуги замяли меня и не дали мне заняться делом этим сподряд, а только урывками <...>. Не менее того, я продолжал, как мог, полагая, что не лучше же будет бросить начатое и кончить тем, чтобы ничего не сделать. <...> Прибавлю к этому, что такой работе, впрочем, и конца нет: можно подчищать, перемещать и подразделять порядки по вкусу, взгляду и разумению своему, сколько угодно; благо запас собран и сохранен. Куль муки набит; надеюсь, он уже не наткнется более на таких ценителей, которые бы стали подыскиваться под отраву» [17, с. 16]. Несмотря на все трудности и сомнения, В. И. Далю уда-

лось «пропустить через себя» более 30 тысяч паремиологических единиц и определить для каждой поговорки в составе всего словаря свое место. Более того, помещая иногда одну и ту же поговорку под разными «заголовками» (то есть относя поговорку к разным ТО), В. И. Даль тем самым дал читателю бесценные подсказки – ключи к пониманию того, что поговорка может быть приложима к разного рода ситуациям и в связи с этим может получать «иное значение, иной смысл» [17, с. 15].

Итак, исследование показывает, что логика развития темы «Ум – Глупость» в словаре «Пословицы русского народа» В. И. Даля, с одной стороны, продиктована содержанием самих поговорок, выявляющим цикличность обращения к одним и тем же ценностным категориям, положенным в основу продуцирования поговорок; с другой стороны, отражает авторскую стратегию «погружения» в тему, связанную с общей концепцией словаря и отражающую ценностные иерархии в картине мира составителя словаря. В соответствии с общей стратегией, определяющей последовательность размещения поговорок в словаре, В. И. Даль ведет читателя в направлении от духовных ценностей через ценности, лежащие в основе организации общественного порядка, к ценностям семьи и инструментальным ценностям. Такая последовательность пунктирно задана и в тематическом объединении «Ум – Глупость». Проявление субъективности в выборе пути «погружения» читателя в ту или иную тему в значительной степени ограничивается содержательными аспектами поговорок, логикой видения мира носителями обыденного сознания.

Список использованных источников

1. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в поговорках: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Ничипорчик; Белорусский. гос. ун-т. – Минск, 2016. – 54 с.
2. Дубровская, О. Г. Лингвокультурологический аспект сопоставительного исследования русских и английских поговорок об уме и глупости [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / О. Г. Дубровская ; Тюмен. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2000. – Режим доступа : cheloveknauka.com/lingvokulturologicheskiy-aspekt-sopostavitelnogo-issledovaniya-russkih-i-anglijskih-poslovits-ob-ume-i-gluposti. – Дата доступа : 28.08.2023.
3. Залялеева, А. Р. Лингвокультурологический анализ поговорок об уме и глупости / А. Р. Залялеева // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.): труды и материалы : в 2 т.; под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003. – Т 1. – С. 144–146.
4. Сергеева, Н. М. Концепты «ум», «разум» в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. М. Сергеева ; Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово, 2004. – 23 с.
5. Мишин, А. А. Концепты «ум» и «глупость» в немецкой и английской языковых картинах мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. А. Мишин ; Владимир. гос. пед. ун-т. – Владимир, 2007. – 23 с.
6. Кириллова, И. В. Выражение когнитивной оппозиции концептов «ум» и «глупость» в русских и чешских поговорках / И. В. Кириллова // Вестник МГОУ, 2010. – № 4. – С. 64–67.
7. Дзюба, Е. В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре : монография / Е. В. Дзюба ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2011. – 224 с.
8. Кириллова, И. В. Лингвокультурологическая специфика когнитивной оппозиции «ум-глупость» в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. В. Кириллова ; Новгород. гос. пед. ун-т. – Нижний Новгород, 2012. – 21 с.
9. Полищук, Т. И. Концепт глупость в языковой картине мира : на материале русского и французского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. И. Полищук ; Калуж. гос. ун-т. – Калуга, 2012. – 17 с.

10. Голембовская, Н. Г. Лингвокультурные антиномии в русских и литовских паремиях : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н. Г. Голембовская ; Волгоград. гос. ун-т. – Волгоград, 2014. – 24 с.

11. Кругляков, А. М. Актуализация ценностного аспекта концептов «ум–глупость» в русской и польской пословичной картине мира [Электронный ресурс] / А. В. Кругляков. – Режим доступа : centrumpl.in.ua/forum/5-17-1. – Дата доступа : 19.04.2014.

12. Аксёничкова-Бирюкова, А. А. Концепт «ум» в русской и китайской лингвокультурах / А. А. Аксёничкова-Бирюкова // Творчество молодых, 2019 : сборник научных работ студентов, магистрантов и аспирантов. В 3 ч. / редкол.: Р. В. Бородич [и др.] ; Министерство образования Республики Беларусь, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – Ч. 3. – С. 101–104.

13. Прыказкі і прымаўкі : ў 2-х кн. ; скл. М. Я. Грынблат, рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976.

14. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – 616 с.

15. Ничипорчик, Е. В. Тематический принцип составления паремиологических словарей как отражение структуры провербиального пространства / Е. В. Ничипорчик // Славянская фразеология в синхронии и диахронии : сб. науч. статей. ; М-во образования РБ, Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2011. – Вып.1. – С. 270–274.

16. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях / Е. В. Ничипорчик ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.

17. Даль, В. И. Напутное // Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – С. 5–16.

Abstract. The sequence of presentation of paremiological units forming the thematic group “Mind – Stupidity” in the dictionary “Proverbs of the Russian People” by V. I. Dahl is analyzed. The correlations of value categories, which are the basis for the production of of proverbs about the mind and stupidity, are determined, the cyclicity of referring to these categories is established when revealing the significance of each of the opposed entities of the opposition under consideration. Generalized meanings have been identified that unite proverbs into chains, the connection between which determines the logic of the development of the topic.

Keywords: paremiological dictionary, dictionary compiler, thematic association, paremia, proverb, sequence.

Ничипорчик Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор; Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины (evnich@gmail.com).

УДК 811.161’373.2:623.4

Д. А. Новиков

СВЕРХСЛОВНЫЕ ЕДИНИЦЫ, НАЗЫВАЮЩИЕ ВИДЫ ОРУЖИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ УЧАСТНИКАМИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В «ГОРЯЧИХ ТОЧКАХ»

Аннотация. В статье рассмотрены сверхсловные единицы, называющие виды оружия, которые Вооружённые силы Российской Федерации используют в ходе боевых действий в «горячих точках»; выявлены источники происхождения сверхсловных неологизмов; установлена их семантика и сфера употребления.

Ключевые слова: сверхсловная единица, горячая точка, барражирующий боеприпас, беспилотный летательный аппарат, гиперзвуковой ракетный комплекс.

Вооружённые перевороты в ходе **цветных революций** первой четверти XXI века в Европе и Азии порождают новые войны. Российские вооружённые силы вводятся на территорию того или иного государства лишь по просьбе официально действующего Правительства страны, охваченной опасными для граждан беспорядками, для стабилизации обстановки. Как правило, ограниченные военные контингенты России играют роль миротворческих сил. Однако, как видно из истории событий в Сирии и на Украине, нашим войскам приходится защищать мирное население и в вооружённых столкновениях.

Боевые действия в жилых кварталах, вблизи дорог, а также в парках и лесных зонах резко отличаются от борьбы на открытых полях сражений. Не всякая военная техника приспособлена к применению в городах и селениях: танки лишены необходимого оперативного пространства, а артиллерия не может обойтись без дорог. Появление новых видов вооружений повлекло за собой масштабное обновление русского военного лексикона. Не случайно в русском языке появились такие сверхсловные единицы, как *безоткатные пушки, помповые гранатомёты, противотанковые мины, буксирные гаубицы, ручной противотанковый гранатомёт (РПГ-7), крупнокалиберные 12-миллиметровые пулемёты ДШК, переносные зенитные ракетные комплексы (ЗРК) «Стрела-2», «Стрела-3», «Верба», «Игла», «Фагот»; гусеничные боевые машины пехоты (БМП), броневые транспортёры (БТР)* и пр.

Язык российских средств массовой информации, интернет-коммуникационная системы, как и любой другой язык мира, активно реагирует на изменчивость социальной, экономической и политической жизни общества, в котором он функционирует. Обострение международной обстановки в первой четверти текущего столетия, переродившееся в локальные вооружённые конфликты, необычайно ускорило формирование новых способов ведения боевых действий, изобретение новых видов боевого оружия, перевооружение армий во всех регионах планеты.

Виды оружия, создававшиеся в России, наряду с цифровым обозначением модификации, по традиции, которая сложилась много веков назад, нередко получали однословные имена, которые совпадали с названиями растений, медицинского оборудования, женскими антропонимами или лексемами, имеющими нейтральную стилистическую окраску. В далёком Средневековье оружие зачастую называли по его внешнему сходству с различными предметами. Так, слово *арбалет* происходит от латинского *arcaballista*, которое образовано сложением двух слов *arcus* – ‘дуга’ и *ballisto* – ‘брошаю’ [1, с. 287]. Со временем на поле боя стали появляться металлические снаряды, содержащие взрывчатку или зажигательные смеси. Их стали называть гранатами. Свою роль здесь сыграло внешнее сходство, так как гранаты, как и фрукты, имеют круглую форму, а их мелкие осколки, образующиеся при взрыве, могут вызывать ассоциацию с гранатовыми зёрнами. Так, граната Ф-1, которая используется с 1940-х годов по настоящее время, по схожему принципу получила устойчивое название *лимонка*.

В наши дни своё первое официальное имя новый вид вооружения получает от производителя. Как правило, только что появившееся название – это сверхсловная единица, состоящая из двух–четырёх компонентов. Но «именотворчество» на этом не заканчивается. Попав в распоряжение армейских управленческих структур, сверхсловное именование обретает более компактное название – аббревиатуру. Так, *беспилотный летательный аппарат* обозначается как *БПЛА, комплекс разведывательного управления связью* – как *КРУС* и т. д. Непосредственные пользователи, участники боевых действий, нередко называют новые виды вооружений однословными именами. Их могут называть мужским именем: в честь создателя (*танк Т-90 – Владимир*), женским именем: по созвучию с аббревиатурой (*новое орудие наземной артиллерии – НОНА* –

Нонна). Множество новых видов вооружений или обмундирования бойцов получают названия исходя из ассоциаций с различными предметами и явлениями невоенной сферы: *зенитный комплекс (ЗК)* получил у российских военных прозвище *Стрела*, *снайперский маскировочный костюм (СМК)* – *Леший*, *боеприпас для гранатомётов (БК)* – *Подкидыш*.

В арсенале Минобороны России для нанесения точных ударов по различным формированиям, располагающимся в жилых зонах и местах критической инфраструктуры, имеются боеприпасы с названиями *барражирующий боеприпас (ББП) «ZALA Ланцет»* (модификации «Ланцет 1/3») и *барражирующий боеприпас (ББП) «Куб-БЛА»*, разработанные российской компанией «ZALA» и представленные впервые в июне 2019 года во время военной выставки «Армия-2019» и на международной выставке вооружений «IDEX 2019» в Абу-Даби (Арабские Эмираты). Своё наименование боеприпасы получили благодаря марке «ZALA» беспилотных летательных аппаратов, производящихся ижевской компанией «ZALA AERO GROUP Беспилотные системы», и небольшому остроконечному обоюдоострому хирургическому ножу (*ланцет*), который используется для вскрытия нарывов или прокола кожи для капиллярного забора крови. По своей форме *барражирующий боеприпас «ZALA Ланцет»* напоминает эти современные хирургические ножи и с хирургически высокой точностью наносит удары по вражеским формированиям.

Слово *ланцет* как наименование инструмента было заимствовано из немецкого *Lanzette*, которое восходит к французскому *lancette*, что, в свою очередь, является уменьшительным от *lance* ‘копье’, происходящего от латинского слова *lancea* [2, с. 487].

Первое упоминание о барражирующем боеприпасе «Ланцет», по нашим наблюдениям, датируется 30 августа 2019 годом. В статье «Ударный беспилотник “Ланцет”: копье XXI века», посвящённой описанию характеристик высокоточного оружия нового поколения, представленной российской государственной корпорацией по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех», говорится:

Икс-образная аэродинамическая схема, характерная для ракет, лишена этого недостатка. Именно по такой схеме построен новейший российский барражирующий боеприпас «Ланцет» разработки компании ZALA AERO концерна «Калашников» [3].

ФЕ-неологизм *барражирующий боеприпас «Ланцет»* с высокой частотностью используется в различных сферах общения. Его можно встретить в публицистических текстах, в различных жанрах СМИ, в статьях, посвящённых новейшим политическим событиям:

По его словам [главного конструктора группы компаний ZALA Aero Александра Захарова], для испытаний в боевых условиях в российскую группировку войск в Сирии была поставлена опытная партия барражирующих боеприпасов «Ланцет» разработки «Калашникова» [4]; В ходе специальной военной операции против украинской армии стали применять модернизированные барражирующие боеприпасы «Ланцет» с усиленной боевой частью и «Куб». Об этом сообщило информагентство РИА Новости со ссылкой на свои источники [5]; Ведущий российский производитель беспилотных аппаратов компания ZALA AERO, входящий в концерн «Калашников», разработал новое семейство барражирующих боеприпасов «Ланцет», которые могут в корне изменить боевые действия ближайшего будущего [6]; Учитывая важность применения дронов-камикадзе в зоне СВО, эти беспилотники могут быть закуплены Россией, а также дополнить уже имеющиеся в арсеналах российских военных барражирующие боеприпасы типа «Куб» и «Ланцет» [7]; Наши предприятия уже нарастили производство беспилотников, модернизированных барражирующих боеприпасов «Ланцет», умных снарядов различного назначения «Краснополь», огнемётных систем, авиационных бомб и ракет нового поколения [8].

К новому виду военного оружия относятся **беспилотные летательные аппараты** (БЛА, БПЛА, беспилотники, или дроны), под которыми понимают устройства, способные летать без экипажа и пассажиров на борту, управляемые внешним оператором на земле или компьютерной программой, которые используются в разных сферах – от строительства и логистики до журналистики и военного дела. Вооружённые силы Российской Федерации в своём арсенале имеют различные типы БЛА для выполнения разных разведывательных и боевых задач (ГрАНТ, Дозор-600, Инспектор, Тахион, ZALA 421-16 и др.).

В XX веке беспилотные летательные аппараты создавались конструкторскими бюро для мирных целей, в первую очередь для освоения космического пространства. Так, первое упоминание о беспилотных летательных аппаратах встречается в дневниковых записях за 1968 год советского лётчика и военачальника, участника операции по спасению экспедиции парохода «Челюскин» в 1934 году, Героя Советского Союза Николая Петровича Каманина (1908–1982) «Скрытый космос» (в 4-х кн.), опубликованных в 1997 году:

До сих пор мы и американцы отправили уже не один десяток беспилотных летательных аппаратов на Луну, в сторону Луны, Марса и Венеры, но ни один из них не только не мог возвратиться на Землю, но даже не имел возможностей для попытки возвращения в сторону Земли [9].

Активное проектирование БПЛА приходится на XXI век, преимущественно для военного дела. Разработкой проектов, испытаниями и эксплуатацией **беспилотных летательных аппаратов** занимаются компании России, Китая, США, Израиля, Ирана и др., заказчиками которых являются органы власти. В РФ таким органом исполнительной власти является Минобороны. Языковой статус сверхсловного неологизма подтверждается тем, что он стал активно употребляться в СМИ, в научных трудах, посвящённых изучению военных событий, в прозаических текстах, ср.:

Воздушная разведка осуществлялась самолетами SR-71, RF-101, RF- 8, RF-5A, RF-4C, U-2, а также беспилотными летательными аппаратами (БПЛА) типа BQM-34A. БПЛА запускались с самолетов C-130 из акватории Южно-Китайского моря с последующей посадкой на побережье Южного Вьетнама [10]; США попытались компенсировать эти трудности усиленным применением разведывательных средств, таких как RC-135, «RivetJoint», U-2 или беспилотные летательные аппараты «Predator» [11]; В большинстве случаев для стабилизации полёта миниатюрных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) используют гироскопические системы. Они надёжны, но всё же довольно дороги и сложны в обслуживании [12]; Его прогнозы основаны исключительно на собственном опыте. В 2009 году он основал фирму 3D-Robotics, занятую производством беспилотных летательных аппаратов, «дронов». В работе ему помогали многочисленные «сетевые энтузиасты» [13]; В Дубне выпускают беспилотники, в том числе и «Орион», и наземные пункты управления. Беспилотные летательные аппараты используют в Украине в специальной военной операции. Планируется, что здесь будут также производить и дроны палубного базирования и аппараты вертолётного типа [14].

После Второй мировой войны, страны активизировали разработку нового оружия, началась «гонка вооружений». В начале XXI века она поднялась на новый уровень. Каждое современное государство стремится спроектировать нечто лучшее, не похожее на оружие других стран. Так называемая «гонка вооружений» наблюдается в России, Китае, Северной Корее, в странах Азии и НАТО. Для обеспечения своей национальной безопасности и территориальной целостности Российская Федерация наращивает военную мощь за счёт проектирования и эксплуатации нового оружия.

С появлением современных видов оружия и в языке появляются новые сверхсловные наименования, отражающие их назначение и использующиеся носителями

русского языка, что подтверждает их языковой статус. Так, в русском языке появилась сверхсловная языковая единица *гиперзвуковой ракетный комплекс*. Под этим ФЕ-неологизмом следует понимать ‘ракетное оружие, которое способно осуществлять полёт в атмосфере с гиперзвуковой скоростью (большей или равной 6000 км/ч, или 1,6 км/сек) и маневрировать с использованием аэродинамических сил’.

За время проведения специальной военной операции на Украине одним из известных российских оружейных комплексов стал *гиперзвуковой ракетный комплекс «Искандер»*. Данный ракетный комплекс, имеющий модификационный номер 9К720, получил своё наименование в честь царя Древней Македонии, выдающегося полководца, создателя мировой державы Александра Македонского (336–323 гг. до н. э.), который на Востоке получил прозвище «Искандер». На многих полотнах Македонский изображён в двурогом шлеме – не случайно у комплекса есть две ракеты. Гиперзвуковой ракетный комплекс «Искандер», как и великий полководец, неуязвим для противника. Он способен маневрировать со значительными перегрузками, практически недоступным для ракеты-перехватчика, а благодаря своей низкой высоте полёта позволяет быть оружию незаметным для стандартных радиолокационных средств.

Впервые сверхсловный неологизм *гиперзвуковой ракетный комплекс «Искандер»* был употреблён Евгением Максимовичем Примаковым (1929–2015), советским и российским политическим и государственным деятелем, экономистом и востоковедом-арабистом, в книге «Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость» в 2009 году. В этой книге содержится объективный анализ места и роли России в современном мире, в частности, анализируются острые проблемы, разделяющие Россию и США, показано, как видится из Москвы американская внешнеполитическая стратегия, кто действительно является её инициатором:

Именно с учётом всего этого, по словам президента Медведева, Россия готова реагировать «военно-техническими методами». Среди них было названо размещение в Калининградской области новейших гиперзвуковых ракетных комплексов «Искандер». Дальность поражения такого комплекса до 500 км [15].

Языковой статус сверхсловной единицы *гиперзвуковой ракетный комплекс «Искандер»* подтверждается активным её использованием при обсуждении на федеральных каналах, в речах политических деятелей и действующего руководства РФ, в публицистических и научных текстах оружейного дела. Сравн.:

В следующем году необходимо поставить в войска более 30 баллистических ракет наземного и морского базирования, 5 гиперзвуковых ракетных комплексов «Искандер», около 300 единиц современной бронетехники, 30 вертолёт, 28 боевых самолёт, 3 атомные подводные лодки и 1 боевой корабль класса «корвет», 11 космических аппаратов. Всё это надо сделать [16]; Уже третий год летает. Гиперзвуковой ракетный комплекс «Искандер» мы отличный сделали. Конечно, хотелось бы больше... [17]; Среди представленных экспонатов: реактивные системы залпового огня «Торнадо-Г» и «Смерч», ракетный комплекс «Искандер», тактический ЗРК Тор-М2У, пусковая установка зенитного ракетного комплекса С-400 и многое другое [18]; Москва нарушила Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), поставив на вооружение ракетный комплекс «Искандер». Ответом Украины на это, как полагает Стариков, могла бы стать разработка «оружия возмездия» [19].

Кроме наземных гиперзвуковых ракетных комплексов семейства «Искандер», в арсенале Вооружённых сил РФ имеются авиационные гиперзвуковые ракетные комплексы, получившие название «Кинжал» и «Авангард», о которых впервые широкая публика узнала из сообщения Президента России В. В. Путина в Послании Федеральному собранию в марте 2018 года с демонстрацией видеоматериалов испытания ракетного комплекса. Вооружённые силы России имеют также такие гиперзвуковые ракеты,

как «Циркон» (предназначена для поражения надводных целей (кораблей)), «Гремлин», «Змеевик» и «Острота».

Последние десятилетия Российская Федерация проводит техническое перевооружение и модернизацию оборудования армии, которое постепенно заменит оружие, созданное Советским Союзом, что позволит вести эффективные боевые действия, защитив, таким образом, интересы государства на международной арене.

Одним из таких видов оружия является «Сармат» – «российский стратегический ракетный комплекс шахтного базирования с тяжёлой многоступенчатой жидкостной межконтинентальной баллистической ракетой» [20], предназначенный для замены советских ракет Р-36М2 «Воевода» и «Сатана».

После успешных испытаний ракетного комплекса, представления публике возможностей «Сармата» многие зарубежные представители власти и СМИ прозвали систему наследником «Сатаны» (в США «Сатаной» называли советскую ракету Р-36М2 «Воевода»). Так, в современном русском языке появилось выражение «Сармат» – наследник (потомок) «Сатаны», которое характеризует чудовищную силу ракетного комплекса, способность поражать цели противника в любой точке земного шара и на всех направлениях.

Первая фиксация сверхсловной языковой единицы «Сармат» – наследник (потомок) «Сатаны» встречается в статье «“Авангард”, “Сармат” и “Кинжал”: что такое новейшее русское оружие» Виктора Николаевича Баранца (1946 г. р.), советского и российского журналиста, публициста и писателя, опубликованной периодическим изданием «Комсомольская правда» 1 марта 2018 года, в которой автор приводит краткий обзор Послания Президента России В. В. Путина Федеральному собранию: «Сармат» – наследник «Сатаны». Имя этой ракеты пошло от названия южного кочевого народа (но у неё есть и свой шифр – РС-28). Как только в Пентагоне стало известно о разработке этой системы, американские генералы дружно «выразили озабоченность». Особенно – её мощью: «Эта новая русская ракета обладает чудовищной силой» [21].

Сверхсловная языковая единица «Сармат» – наследник (потомок) «Сатаны» активно стала употребляться в СМИ, в статьях и публицистических текстах военных корреспондентов и экспертов, сравн.:

70 лет назад, 10 октября 1948 года, был произведён первый успешный пуск баллистической ракеты дальнего действия Р-1 – той самой обрусевшей «Фау-2». Через семь десятилетий с полигона Плесецк произведены бросковые запуски новейшей МБР «Сармат» – наследницы знаменитой «Сатаны», Р-36М2. Оба этих события неразрывно связаны, если проследить историю создания ракетного оружия в России [22]; Всепроникающие «Сарматы» – потомки «Сатаны». Россия способна парализовать 50% Америки, с этой целью Путину достаточно сделать всего один звонок, пишет ПолитРоссия. К таким выводам пришли военные аналитики из Китая [23]; «Сармат» – потомок «Сатаны». Стратегическую ракету на Западе уже назвали «последним предупреждением Путина» – за сокрушительную мощь. «Спасения от “Сармата” действительно нет», – подтверждает Юрий Кнутов [24].

Мы коснулись судьбы лишь некоторых сверхсловных единиц-неологизмов обозначающих виды оружия, применяющегося российскими вооружёнными силами против тех, кто разжигает войны, подвергает опасности мирное население, а также против террористов, совершающих г и провоцирующих поджоги, подрывы, ведущие к гибели простых людей.

Список использованных источников

1. Бейхам, В. Энциклопедия оружия : пер. с нем. / В. Бейхам; отв. ред. С. Е. Еременко. – СПб. : Санкт-Петербург оркестр, 1995. – 576 с.

2. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Ударный беспилотник «Ланцет» : копьё XXI века [Электронный ресурс]. – Ростех, 30.08.2019. – Режим доступа : <https://rostec.ru/news/udarnyyu-bespilotnik-lantsset-kope-xxi-veka/>. – Дата доступа : 12.05.2023.
4. Воскресенский, М. В «Ростехе» создали первую систему воздушного минирования против БЛА [Электронный ресурс]. – РИА Новости, 18.04.2021. – Режим доступа : <https://ria.ru/20210418/bespilotniki-1728818647.html>. – Дата доступа : 12.05.2023.
5. Птичкин, С. Как работают дроны-камикадзе «Ланцет» и «Куб», применяемые российскими военными в ходе спецоперации / С. Птичкин [Электронный ресурс]. – Специальный проект «Русское оружие», 27.07.2022. – Режим доступа : <https://rg.ru/2022/07/27/letaiushchee-kryloidet-na-cel.html>. – Дата доступа : 12.05.2023.
6. Грек, А. Электрическая ракета Ланцет : российский страж неба [Электронный ресурс]. – TechInsider, 31.07.2022. – Режим доступа : <https://www.techinsider.ru/weapon/489132-lancet-elektricheskaya-raketa-oruzhie-kotoroe-izmenit-voynu/>. – Дата доступа : 12.05.2023.
7. Иванова, К. Эксперт : Беларусь создала новый дрон-камикадзе R-50, который может заинтересовать Россию [Электронный ресурс]. – Комсомольская правда, 21.05.2023. – Режим доступа : <https://www.belarus.kp.ru/online/news/5278789/>. – Дата доступа : 21.05.2023.
8. Бойко, А. Под ритм спецоперации подстраивается даже автомат Калашникова [Электронный ресурс]. – Комсомольская правда, 04.06.2023. – Режим доступа : <https://www.donetsk.kp.ru/daily/27511.5/4773100/>. – Дата доступа : 04.06.2023.
9. Каманин, Н. П. Скрытый космос / Н. П. Каманин. – М. : Инфортекст-ИФ, 1997. – 450 с.
10. Соколов, А. ПВО в локальных войнах и вооруженных конфликтах: Вьетнам / А. Соколов [Электронный ресурс]. – Воздушно-космическая оборона, 01.01.2001. – Режим доступа : <http://www.vko.ru/voynu-i-konflikty/pvo-v-lokalnyu-voynah-i-vooruzhennyh-konfliktah-vietnam>. – Дата доступа : 15.05.2023.
11. Юрьев, А. Операция «Несгибаемая свобода» / А. Юрьев // Солдат удачи. – 2003. – № 3. – С. 15–18.
12. Товкач, С. Термометр-автопилот / С. Товкач, А. Ладонкин // Наука и жизнь. – 2009. – № 6. – С. 5–11.
13. Волков, А. Третья промышленная революция / А. Волков // Знание – сила. – 2014. – № 1. – С. 4–11.
14. Цыганкова, С. Россия наращивает производство беспилотников / С. Цыганкова [Электронный ресурс]. – Специальный проект «Русское оружие», 04.07.2022. – Режим доступа : <https://rg.ru/2022/07/04/rossiia-narashchivaet-proizvodstvo-bespilotnikov.html>. – Дата доступа : 15.05.2023.
15. Примаков, Е. М. Мир без России?: к чему ведет политическая близорукость / Е. М. Примаков. – М. : Российская газета, 2010. – 253 с.
16. Медведев, Д. А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Президент России, 12.11.2009. – Режим доступа : <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5979>. – Дата доступа : 15.05.2023.
17. Баранец, В. Сергей Иванов : «Мы с Путиным познакомились в разведке...» [Электронный ресурс]. – Комсомольская правда, 05.03.2013. – Режим доступа : <https://www.kp.ru/daily/26041/2955749/>. – Дата доступа : 15.05.2023.
18. Божов, О. Вооружение на новых физических принципах : Шойгу открыл форум «Армия-2016» [Электронный ресурс]. – Московский комсомолец, 06.09.2016. – Режим доступа : <https://www.mk.ru/politics/2016/09/06/>. – Дата доступа : 15.05.2023.
19. На Украине предложили создать «оружие возмездия» против России [Электронный ресурс]. – Lenta.ru, 05.03.2019. – Режим доступа : <https://lenta.ru/news/2019/03/05/vwear>. – Дата доступа : 15.05.2023.
20. Валагин, А. Ракета «Сармат» сможет летать через оба полюса [Электронный ресурс]. – RG.RU, 26.12.2014. – Режим доступа : <https://www.rg.ru/2014/12/26/sarmat-site-anons.html>. – Дата доступа : 16.05.2023.

21. Баранец, В. «Авангард», «Сармат» и «Кинжал» : что такое новейшее русское оружие [Электронный ресурс]. – Комсомольская правда, 01.03.2018. – Режим доступа : <https://www.kp.ru/daily/26801/3836195/>. – Дата доступа : 16.05.2023.

22. Меринов, К. С чего начинались «Сатана» и «Сармат» [Электронный ресурс]. – Деловая газета «взгляд», 10.10.2018. – Режим доступа : <https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/society/2018/10/10/945321.html>. – Дата доступа : 16.05.2023.

23. Фирсова, Е. Baijiahao : Президент РФ Путин способен одним звонком парализовать США [Электронный ресурс]. – Yakutsk.ru, 19.07.2022. – Режим доступа : <https://yakutsk.ru/news/armiya-i-oruzhie/id10447-baijiahao-putin-sdelaet-odin-zvonok-i-paralizuuet-polovinu-ssha/>. – Дата доступа : 16.05.2023.

24. Орехов, Б. Ядерный «Фехтовальщик» и меч «Искандера» / Б. Орехов [Электронный ресурс]. – Союзное вече, 28.09.2022. – Режим доступа : <https://www.souzveche.ru/articles/community/66527/>. – Дата доступа : 16.05.2023.

Abstract. The article examines the superlative units naming the types of weapons that the Armed Forces of the Russian Federation use during combat operations in «hot spots»; the sources of the origin of superlative neologisms are identified; their semantics and scope of use are established based on the study of usage examples.

Keywords: a superlative unit, a hot spot, a barrage munition, an unmanned aerial vehicle, a hypersonic missile system.

Новиков Денис Андреевич – аспирант; Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, Институт гуманитарного образования (denis.novikov.98@bk.ru).

УДК 811.161.1'373.2:398.61:613.13

О. С. Орлова

ОБРАЗЫ ВРЕМЁН ГОДА В РУССКИХ ТРАДИЦИОННЫХ ЗАГАДКАХ

Аннотация. В статье представлен когнитивно-культурологический анализ русских народных загадок, в которых образы времён года используются для иносказательного описания различных объектов действительности. На конкретных примерах показано, как признаки категории «времена года» участвуют в формировании концептов, связанных с объектами другой тематической области. Продемонстрировано, что сочетание фреймового анализа и культурологического комментария позволяет более глубоко исследовать загадки и описать загаданные в них концепты через призму народного мировидения.

Ключевые слова: загадка, метафора, образ, времена года, когнитивно-культурологический анализ.

Загадка представляет собой уникальный словесный знак, который может описываться в разных аспектах – как фольклорный жанр, как текст, как единица речевой коммуникации, наконец, как образное языковое выражение высокой степени протяженности (об этом см. подробнее в: [1]). Семантику загадки составляет денотативный компонент (исходный денотат) и мотивационный компонент (преобразованный денотат, образ); два этих компонента формируют семантику загадки и её состав как комплексного словесного образного игрового знака [1, с. 72].

В загадках при описании самых разных объектов окружающего мира упоминаются времена года. Более чем в половине загадок упоминаются только два времени года: лето и зима, что служит подтверждением традиционного деления календарного време-

ни на два периода – тёплый и холодный. Реже говорится только про одно время года как показательное для объекта. В загадках наименования времён года чаще употребляются в прямом значении и выступают подсказками при отгадывании. Тем самым, понятийное содержание категории «ВРЕМЕНА ГОДА» участвует в формировании концептуальных признаков, связанных с загаданными объектами (об этом см. подробнее в [2]).

В загадках русского народа образы времён года участвуют в создании иносказательного описания природных объектов, представителей мира животных, строений и их составных частей, помещений и элементов интерьера, предметов одежды и самых разных артефактов. Ср.: *Весной цвету, летом плод приношу, / Осенью не увядаю, зимой не умираю (хвойное дерево: ель, сосна)* [3, с. 64]; *Зимой калачом, летом пирогом (собака)* [3, с. 47]; *Зимой – нет теплей, летом – нет холодней (погреб)* [3, с. 95]; *Дедушка старый весь белый, Лето придет – не глядят на него, / Зима настанет – обнимают его (печь)*» [3, с. 104]; *И зиму и лето на одном полозу ездит (ставень или волоковое окно)* [3, с. 99]; *Салазочки-самокаточки лето и зиму катаются, не ломаются (ведра на берегу реки, ведра с водой)* [3, с. 117]; *Одной – зимой отдых, другой – летом, третьей – ни зимой ни летом (телега, сани, лошадь)* [3, с. 133]; *Зимой протянулся, а летом свернулся (шарф)* [3, с. 122].

Особый интерес представляют народные загадки, в которых показаны изменения, происходящие по онтологии с объектами в различные периоды годового цикла; так загадываются только природные объекты: «поле», «земля», «лиственный лес», «дерево», «берёза», «черёмуха», «хмель», «лёд», «снег», «река». Сравн., напр.: *Зимой греет, летом тлеет, осенью оживает, весной умирает (снег)* [4, с. 172]; *И летом весело, / И осенью сытно, / И зимой тепло (дерево)* [5, №1391а]; *Зимой спит, а летом шумит (река)* [3, с. 29]; *Матушкой весной я в платье цветном, / Мачехой зимой – в саване одном (черёмуха)* [3, с. 66]. Шутливой в этом ряду выглядит загадка про шубу; сравн.: *Зимой греет, весной тянет, / Летом умирает, осенью оживает (тулуп или шуба)* [3, с. 121].

Показать, как образы времён года участвуют в кодировании природного объекта в загадке, поможет фреймовый анализ загадки, дополненный культурологическим комментарием. Фреймовый анализ, базирующийся на классической когнитивной структуре фрейма, позволяет описать типовой сценарий, лежащий в основе ситуации, «развёрнутой» в рассматриваемой единице, и выявить её конституирующие признаки, создающие основу для уподобления при создании метафоры. Культурологический комментарий объяснит использование данных образов в иносказательном описании загаданного объекта. Проанализируем загадку русского народа о реке *Зимой скрываюсь, весной появляюсь, / Летом веселюсь, осенью спать ложусь* [3, с. 29]. Для наглядного восприятия фреймовый анализ представим в таблице (см. таблицу 1), в которой описывается область-источник; область-цель; типовой сценарий, который отражает характерные для данной сферы последовательности ситуаций; понятийные компоненты, которые создают основу для уподобления; элементы ситуации.

Таблица 1 – Фреймовый анализ загадки *Зимой скрываюсь, весной появляюсь, / Летом веселюсь, осенью спать ложусь*

| Составляющие | Иносказательное описание загаданного объекта | Когнитивная структура загадки | Прямая номинация загаданного объекта |
|--------------|--|---------------------------------|--------------------------------------|
| 1 | 2 | 3 | 4 |
| | Область-источник <i>Зимой скрываюсь, весной появляюсь, / Летом веселюсь, осенью спать ложусь</i> | Конституирующие признаки | Область-цель Река |

Окончание таблицы 1

| 1 | 2 | 3 | 4 |
|--------------------------|---|--|--|
| | Зимой – скрытость, весной – появление, летом – веселье, осенью – сон. | Зимой – невидимость, пассивность, весной – видимость, подготовка к активности, летом – активность, осенью – переход к пассивности | Зимой – подо льдом, весной – лёд тает, летом – течение, осенью – замирает, реку начинает сковывать лёд. |
| Типовые сценарии | Человек зимой от всех скрывается, весной снова появляется, летом веселится, а осенью ложится спать. | Элемент ситуации зимой пассивен и невидим окружающим, весной становится видимым и готовится к активному периоду, летом активен, а осенью – начинает переход к пассивности. | Река зимой скрыта подо льдом, весной лёд тает, летом река бежит, течёт, бурлит, а осенью – готовится замереть до весны. |
| Элементы ситуации | Зимой скрываюсь | Невидимость, пассивность | Зимой лёд сковывает реку |
| | Весной появляюсь | Видимость, подготовка к активному периоду | Весной лёд тает, и вода становится видна и подвижна |
| | Летом веселюсь | Активность, насыщенность | Летом вода в реке становится теплее; в воде плещется рыба; плавают птицы; местами появляются водные растения (камыш, осока, кувшинки и т.п.) |
| | Осенью спать ложусь | Окончание активного периода, переход к пассивности | С осенними холодами речная вода остывает, водные растения увядают; многие рыбы к зиме впадают в спячку; птицы готовятся улететь в тёплые края; на реке начинает образовываться лёд |

В таблице описаны область-источник и область-цель, показаны конституирующие признаки, составляющие основу для кодирования денотата в загадке, и элементы ситуации. Конституирующие признаки, общие для области-источника и области-цели, выявляют типовой сценарий, который составляет основу загадки. Элементы сценария «одеваются» в культурно обусловленные образы и так создаётся загадочный текст.

Дополним фреймовый анализ кратким культурологическим комментарием. Анализируемая загадка построена на метафорическом уподоблении реки человеку и интерпретируется в антропоморфном, календарно-временном и акциональном кодах культу-

ры. В целом, в основе загадки лежат стереотипные представления о том, что зимой река скована льдом, весной лёд тает и речная вода становится теплее, летом речная вода бежит, осенью вода в реке становится холодной, а с наступлением холодов, на реке постепенно начинает образовываться лёд.

Таким образом, в статье описаны русские народные загадки, в которых образы времён года используются для иносказательного описания различных объектов действительности. Показано, что признаки категории «ВРЕМЕНА ГОДА» активно участвуют в формировании концептов, связанных с объектами из самых разных сфер. Сочетание разных способов (фреймовый анализ и культурологический комментарий) позволяет более глубоко исследовать загадки и описать концепт «ВРЕМЕНА ГОДА» через призму народного мировидения.

Список использованных источников

1. Ковшова, М. Л. К вопросу о семантической структуре загадки. Когнитивный и культурологический комментарий как принцип исследования / М. Л. Ковшова, О. С. Орлова // Тульский научный вестник. Серия «История. Языкознание». – 2020. – Т. 4. – С. 70–79.
2. Ковшова, М. Л. «Понятие «времена года» и способы его концептуализации в русских традиционных загадках» / М. Л. Ковшова, О. С. Орлова // Когнитивные исследования языка. – 2023. – №4 (в печати).
3. Митрофанова, В. В. Загадки / В. В. Митрофанова. – Л. : Наука, 1968. – 256 с.
4. Рыбникова, М. А. Загадки / М. А. Рыбникова. – Л. : Academia, 1932. – 488 с.
5. Садовников, Д. Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Д. Н. Садовников. – М. : Славянский мир, 1995. – 400 с.

Abstract. The article deals with a cognitive-cultural description of Russian folk riddles which provide figurative descriptions of different objects using the images of seasons. The focus is on the cognitive-cultural analysis of the riddles under consideration. A specific example is used to demonstrate how characteristics of the category “SEASONS” take part in a forming of a concept which belongs to another sphere. It is also shown that a combination of frame analysis and cultural comment provides a more thorough study of riddles and allows a researcher to create a description of the concepts reflected in riddles through the lens of traditional worldview.

Keywords: riddle, metaphor, image, seasons, cognitive-cultural analysis.

Орлова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук; Институт языкознания Российской академии наук (OrlovaOlgaS@list.ru).

УДК 811.161.3'373.2:398.91

Ю. А. Петрушэўская

ПАДЫХОДЫ ДА ВЫВУЧЭННЯ ПРЫКАЗАК У СУЧАСНЫМ БЕЛАРУСКІМ МОВАЗНАЎСТВЕ

Анатацыя. У артыкуле разглядаюцца падыходы да вывучэння прыказак у сучасным беларускім мовазнаўстве. Акрэсліваюцца фалькларыстычны, этнаграфічны, культуралагічны, філалагічны, лінгвістычны, кагнітыўны, аксіялагічны аспекты даследавання прыказак як моўных адзінак. Прапануецца дыферэнцаваць гістарычны (дыяхранічны) і апісальны (сінхранічны), супастаўляльны і тыпалагічны падыходы да вывучэння прыказак беларускай мовы. У складзе тыпалагічнага падыходу вылучаюцца даследаванні, якія скіраваны на пошукі міжмоўных прыказкавых паралелей і ўніверсалій.

Ключавыя словы: беларуская мова, парэміялогія, прыказка, тэорыя, метадалогія, аспекты вывучэння.

Даследаванне выканана ў межах НДР «Беларуская фразеалогія, парэміялогія, моўная афарыстыка ў кантэксце еўрапейскіх моў і культур (сінхранічны і дыяхранічны аспекты)» (ДР № 20211335) падпраграмы «Беларуская мова і літаратура» Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў 2021–2025 гг.

Парэміялогія ў апошнія дзесяць гадоў канчаткова аформілася ў якасці асобнага кірунку даследаванняў у сучаснай лінгвістыцы [1; 2; 3] і набыла шэраг уласна мовазнаўчых аспектаў свайго развіцця [4].

У сучасным беларускім мовазнаўстве можна вылучыць шэсць аспектаў вывучэння прыказак: фалькларыстычны, этнаграфічны, культуралагічны, філалагічны, уласна лінгвістычны, кагнітыўны, аксіялагічны. Некаторыя з іх дастаткова абгрунтаваныя, астатнія знаходзяцца яшчэ ў стадыі тэарэтычнага і метадалагічнага афармлення [5].

Фалькларыстычны аспект вывучэння прыказак прадугледжвае перш за ўсё зварот да разгляду іх асаблівасцей як жанру вуснай народнай творчасці ў плане адлюстравання ў іх эстэтычнага боку, светапогляднай асновы, семіятычнай арганізацыі і моўнай спецыфікі традыцыйнага або сучаснага фальклору беларускага народа. Фалькларыстычны аспект вывучэння прыказак як моўных адзінак утварае асобны кірунак у межах парэміялогіі як раздзела фалькларыстыкі [6].

Этнаграфічны аспект вывучэння прыказак шчыльна тэарэтычна звязаны з фалькларыстычным аспектам і вылучыўся з яго ў якасці самастойнага пад уплывам даследаванняў фальклорных мінітэкстаў як крыніцы этнаграфічных звестак. Вывучэнне прыказак у этнаграфічным аспекце сканцэнтравана на выяўленні ў змесце прыказак інфармацыі аб гістарычных і культурна-бытавых асаблівасцях жыцця беларускага народа, аб фактах яго матэрыяльнай і духоўнай культуры, аб яго этнічна дэтэрмінаваных сацыяльных стэрэатыпах [7; 8]. Этнаграфічны аспект вывучэння прыказак (або этнапарэміялогія) метадалагічна яшчэ не аддзяліўся ад этнафразеалогіі [9; 10].

Культуралагічны аспект вывучэння прыказак метадалагічна звязаны з фалькларыстычным і этнаграфічным аспектамі і адасобіўся ад іх у сувязі з развіццём культуралогіі як самастойнай навуковай дысцыпліны. Прыказка ў гэтым сэнсе разглядаецца як адзін з тэкстаў культуры. Даследаванне прыказак у культуралагічным аспекце прадугледжвае пошук рэалізацыі ў іх культурных кодаў (закадаванай у рознай форме інфармацыі аб тых ці іншых асаблівасцях нацыянальнай культуры), а таксама гістарычна-сацыяльнага вопыту беларускага народа. Менавіта культуралагічны аспект вывучэння прыказак з'яўляецца неабходнай і дастатковай падставай для выяўлення ступені нацыянальнай спецыфічнасці прыказкавага фонду беларускага народа на шырокім моўным і лінгвакультурным фоне [11; 12; 13]. У сувязі з гэтым прыказкі вывучаюцца як аб'ект лінгвакраізнаўства [14], лінгвакультуралогіі [15: 33–62], культурнай антрапалогіі [16].

Філалагічны аспект вывучэння прыказак канцэнтруе ўвагу на моўных і паэтычных асаблівасцях выказвання ў іх абагульненай думкі (яе «згушчэння», паводле шырока вядомых слоў А.А. Патабні), а таксама на функцыянаванні прыказак у літаратурных тэкстах. Даследуюцца розныя бакі семантыкі, прагматыкі, структуры, функцый прыказак у сувязі з іх рэалізацыяй як стылістычнага сродку ў мастацкіх і публіцыстычных тэкстах [17].

Уласна лінгвістычны аспект вывучэння прыказак дыферэнцыруецца на тры напрамкі ў межах фразеалогіі, лінгвістыкі афарызма і ўласна парэміялогіі. У фразеалогіі прыказкі апісваюцца як асобны тып адзінак. У лінгвістыцы афарызма прыказкі інтэрпрэтуюцца як адзін з класаў афарыстычных адзінак [18; 19; 20], якія разглядаюцца як «аднафразавыя, намінатыўныя, дыскурсіўна аўтаномныя, узаўяляльныя, устойлівыя адзінкі, якім можа быць уласціва тэкставая, а таксама выразная (эстэтычная) славесная форма, і якія адрозніваюцца ад усіх іншых фразавых адзінак наяўнасцю абагульнена-ўніверсальнага значэння» [21, с. 699]. Найбольш пра-

дуктыўным з'яўляецца вывучэнне моўнай прыроды прыказак у межах парэміялогіі як самастойнай лінгвістычнай дысцыпліны [22], у межах якой прыказкі апісваюцца як адзінкі мовы, якія валодаюць спецыфічнымі структурнымі і семантычнымі ўласцівасцямі [23; 24]. Вызначаюцца найбольш актыўныя адзінкі прыказкавага фонду беларускай мовы, у тым ліку ў параўнанні з рускай мовай [25; 26].

Кагнітыўны аспект вывучэння прыказак (звычайна як разнавіднасці афарыстычных адзінак) звязаны з даследаваннямі паняццйна-канцэптуальных спосабаў катэгарызацыі прыказкавай семантыкі [27; 28]. У межах кагнітыўнага аспекту вывучэння прыказак апісваецца і нацыянальна-культурны кампанент прыказкавай карціны свету. У гэтым сэнсе акрамя этнакультурнай вылучаецца і этнакагнітыўная спецыфічнасць устойлівых адзінак, у тым ліку прыказак [29]. Аднак варта прымаць да ўвагі, што прыказкавую карціну свету, насуперак распаўсюджанай думцы, далёка не заўсёды характарызуе этнакагнітыўная своеасаблівасць. У большасці беларускіх прыказак, як паказваюць даследаванні, адлюстравана небеларуская карціна свету [30].

Аксіялагічны аспект вывучэння прыказак адасобіўся ў апошні час ад этнаграфічнага, культуралагічнага і кагнітыўнага аспектаў у сувязі з актыўным пошукам у нацыянальных прыказкавых карцінах свету і ментальнай прасторы носьбітаў мовы асноўных каштоўнасных дамінант і мадэляваннем на матэрыяле прыказкавых фондаў сістэм традыцыйных каштоўнасцей розных народаў [31; 32]. Асаблівую актуальнасць набываюць спробы выяўлення агульначалавечых і ўнікальных каштоўнасцей, адлюстраваных у прыказках. Фарміруецца новы напрамак – аксіялагічная парэміялогія [33].

Асобна трэба адзначыць (у межах уласна лінгвістычнага аспекта) яшчэ чатыры агульналінгвістычныя падыходы да вывучэння прыказак беларускай мовы: гістарычны (дыяхранічны) і апісальны (сінхранічны), супастаўляльны і тыпалагічны. У межах дыяхранічнага падыходу з'явіўся першы ў славянскім мовазнаўстве этымалагічны слоўнік прыказак [34], пачаліся даследаванні гістарычных лёсаў асобных прыказак [35; 36; 37], у тым ліку тых, што паходзяць з літаратурных крыніц (пераважна іншамоўных) [38; 39], а таксама біблейскіх тэкстаў [40; 41]. У межах супастаўляльнага падыходу распрацоўваюцца прынцыпы міжмоўнага параўнання прыказак [42; 43], вызначаюцца падабенствы і разыходжанні паміж прыказкамі розных моў [44], ствараюцца двухмоўныя парэміялагічныя слоўнікі [45; 46; 47; 48; 49]. У складзе тыпалагічнага падыходу вылучаюцца даследаванні, якія скіраваны на пошукі міжмоўных прыказкавых паралелей у беларускай мове і генетычна і арэальна аддаленых ад яе моў [50; 51], а таксама прыказкавых універсалій у беларускай мове на шырокім моўным фоне [52; 53; 54; 55; 56].

Кожны з апісаных вышэй аспектаў грунтуецца як на пэўных уласцівасцях і прыкметах прыказкі ў праекцыі на яе функцыянальную значнасць у мове і народнай культуры, так і на існуючых разуменнях і парадыгмах вывучэння парэмій як аб'екта лінгвістыкі. Такі падыход дазваляе не толькі своечасова дыферэнцаваць, але і аб'ектыўна абгрунтоўваць новыя аспекты вывучэння прыказак беларускай мовы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Парэмиология в дискурсе / под ред. О. В. Ломакиной. – М. : URSS ; Ленанд, 2015. – 294 с.
2. Парэмиология без границ / под ред. М. А Бредиса, О. В. Ломакиной. – М. : Изд-во РУДН, 2020. – 244 с.
3. Парэмиология на перекрестках языков и культур / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. – М. : Изд-во РУДН, 2021. – 246 с.
4. Мокиенко, В. М. Современная парэмиология (лингвистические аспекты) / В. М. Мокиенко // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 6–20.

5. Иванов, Е. Е. Белорусская паремиология и афористика в общеевропейском контексте (актуальные проблемы изучения) / Е. Е. Иванов // XV Міжнародны з'езд славістаў, Мінск, 20–27 жніўня 2013 г. : у 2 т. / гал. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск : Беларуская навука, 2013. – Т. 1. – С. 322–323.
6. Иванов, Е. Е. Белорусская паремиология конца XX – начала XXI века (1991–2014 гг.) / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская // Паремиология в дискурсе / под ред. О. В. Ломакиной. — М. : Ленанд, 2015. – С. 252–292.
7. Дзядова, А. С. Этнакультурная семантика назваў побыту ў парэміялагічных адзінках беларускай мовы / А. С. Дзядова // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. – 2011. – № 1 (30). – С. 85–89.
8. Сівурава, Л. Прыказкі і прымаўкі як адлюстраванне светапогляду беларускага селяніна / Л. Сівурава // Роднае слова. – 2012. – № 4. – С. 87–90.
9. Коваль, В. И. Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение / В. И. Коваль. – Гомель : ИММС, 1998. – 213 с.
10. Коваль, В. И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение / В. И. Коваль. – Минск : РИВШ, 2011. – 194 с.
11. Мокиенко, В. М. Лингвокультурологическая паремиология в европейской ретроспективе / В. М. Мокиенко // Перспективные направления современной лингвистики. – М. : РУДН, 2020. – С. 42–53.
12. Иванов, Е. Е. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления / Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Ю. А. Петрушевская // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12. – № 4. – С. 996–1035.
13. Петрушэўская, Ю. А. Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы / Ю. А. Петрушэўская. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2021. – 220 с.
14. Иванова, С. Ф. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў : лінгвакраіназнаўчы дапаможнік / С. Ф. Иванова, Я. Я. Іваноў. – Мінск : БФС, 1997. – 262 с.
15. Иванова, С. Ф. Сацыякультурная прастора мовы / С. Ф. Иванова, Я. Я. Іваноў, Н. Б. Мячкоўская. – Мінск : Веды, 1998. – 112 с.
16. Дзядова, А. С. Чалавек у лютэрку беларускай фразеалогіі і парэміялогіі / А. С. Дзядова. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. – 161 с.
17. Лепешаў, І. Я. Прыказкі як моўныя адзінкі і іх стылістычнае выкарыстанне / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 1995. – 130 с.
18. Іваноў, Я. Я. Праблемы лінгвістычнага вывучэння афарызма / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : Брама, 2003. – 194 с.
19. Іваноў, Я. Я. Дыферэнцыяльныя прыметы афарызма / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : Брама, 2004. – 160 с.
20. Іваноў, Я. Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – 208 с.
21. Иванов, Е. Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки / Е. Е. Иванов // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 659–706.
22. Лепешаў, І. Я. Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства / І. Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ, 2006. – 279 с.
23. Іваноў, Я. Я. Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: прыказкавая структурна-семантычная мадэль / Я. Я. Іваноў, Ю. А. Петрушэўская // Весці БДПУ. Серыя 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2021. – № 4. – С. 44–52.
24. Іваноў, Я. Я. Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: лексічны склад, граматычная арганізацыя, фармальныя і структурна-семантычныя варыянты / Я. Я. Іваноў, Ю. А. Петрушэўская // Весці БДПУ. Серыя 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2022. – № 1. – С. 75–79.
25. Ivanov, E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian) / E. Ivanov. – Prague : RSS, 2002. – 136 p.
26. Иванов, Е. Е. “Основной паремиологический фонд” русского языка и его соотношение с “паремиологическим минимумом” / Е. Е. Иванов // Мир русского слова и русское слово в мире : материалы XI Конгресса МАПРЯЛ, Варна, Болгария, 17–23 сентября 2007 г. : в 7 т. – София : Heron Press, 2007. – Т. 2. – С. 152–156.

27. Іваноў, Я. Я. Семантычная тыпалогія афарызма ў славянскіх і германскіх мовах / Я. Я. Іваноў // *Frazeologické štúdie*. – 2003. – Т. III. – С. 43–60.
28. Іваноў, Я. Я. Семантыка афарыстычных выказванняў (на матэрыяле славянскіх і германскіх моў) / Я. Я. Іваноў // *Веснік БДУ. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагагіка*. – 2004. – № 1. – С. 63–68.
29. Гутовская, М. С. Три вида этноспецифичности во фразеологии: этнолингвистическая, этнокультурная и этнокогнитивная специфичность / М. С. Гутовская // *Respectus Philologicus*. – 2015. – № 27. – С. 156–165.
30. Петрушэўская, Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы / Ю. А. Петрушэўская. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2020. – 316 с.
31. Бредис, М. А. Отражение ценностных ориентиров в паремиологии (на материале пословиц русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков о дружбе и днягах) / М. А. Бредис // *Вестник НовГУ*. – 2014. – № 77. – С. 102–104.
32. Ломакина, О. В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности / О. В. Ломакина // *Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филологические науки*. – 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 97–107.
33. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях / Е. В. Ничипорчик. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
34. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Вышэйшая школа, 2014. – 139 с.
35. Петрушэўская, Ю. А. Пра сферу ўжывання і паходжанне прыказкі *Адна галава добра, а дзве лепш* / Ю. А. Петрушэўская // *Вестник МГЛУ. Серия 1: Филология*. – 2015. – № 5(78). – С. 84–96.
36. Петрушэўская, Ю. А. Пра сферу ўжывання і паходжанне прыказкі *З вялікага грому малы дождж* / Ю. А. Петрушэўская // *Роднае слова*. – 2016. – № 1. – С. 44–47.
37. Петрушэўская, Ю. А. Пра сферу ўжывання і паходжанне прыказкі *Хто мажа, той і едзе* / Ю. А. Петрушэўская // *Вестник ПГУ. Серия А: Гуманитарные науки*. – 2016. – № 2. – С. 138–144.
38. Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. – Ч. 1. – 136 с. ; 2006. – Ч. 2. – 208 с.
39. Іваноў, Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове : з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст. : тлумачальны слоўнік / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2011. – 164 с.
40. Балакова, Д. Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжинович, М. С. Гутовская, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2014. – 208 с.
41. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. / под ред. Е. Е. Иванова [и др.]. – Могилёв : МГУ им. А. А. Кулешова, 2019. – Т. 1. – 334 с. ; Т. 2. – 308 с.
42. Іваноў, Я. Я. Прынцыпы супастаўляльнага апісання афарыстычнай парэміялогіі беларускай і рускай моў / Я. Я. Іваноў // *Studia ŝlawistyczne*. – 2003. – Т. 4. – С. 49–55.
43. Иванов, Е. Е. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц (на материале белорусского и немецкого языков) / Е. Е. Иванов, Н. К. Романова // *Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica VII*. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2006. – С. 161–164.
44. Іваноў, Я. Я. Парэміялагічныя сістэмы беларускай і рускай моў: падабенствы і разыходжанні / Я. Я. Іваноў // *Філалагічныя студыі*. – 2011. – Вып. 6 / 2. – С. 53–63.
45. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский словарь пословиц : в 2 ч. / Е. Е. Иванов. – Могилев : Брама, 2001. – Ч. 1. – 144 с. ; Ч. 2. – 164 с.
46. Іваноў, Я. Я. Беларуская-нямецкі парэміялагічны слоўнік / Я. Я. Іваноў, Н. К. Раманава. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2006. – 108 с.

47. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский паремиологический словарь / Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2007. – 242 с.
48. Иванова, С. Ф. Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік / С. Ф. Иванова, Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2007. – 192 с.
49. Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Іванова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2009. – 240 с.
50. Петрушевская, Ю. А. Белорусские параллели вепских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического / Ю. А. Петрушевская // Вестник угроведения. – 2022. – Т. 12. – № 3. – С. 497–505.
51. Петрушевская, Ю. А. Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) / Ю. А. Петрушевская // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 3. – С. 241–263.
52. Іваноў, Я. Я. Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы ў еўрапейскім моўным кантэксце (актуальнасць, метадалогія, перспектывы даследавання) / Я. Я. Іваноў // Славянская фразеология в синхронии и диахронии : сб. науч. статей. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – С. 46–49.
53. Петрушевская, Ю. А. Универсальное и национальное в паремиологической системе языка (на материале английского и белорусского языков) / Ю. А. Петрушевская // Acta Germano-Slavica. – 2015. – Т. 6. – С. 213–216.
54. Петрушэўская, Ю. А. Аб'ём і склад універсальных адзінак ў парэміялагічным фондзе беларускай мовы / Ю. А. Петрушэўская // Філолагічны студіі. – 2018. – Вип. 18. – С. 48–62.
55. Петрушевская, Ю. А. Методология определения национального, интернационального и универсального в фразеологии и паремиологии белорусского языка / Ю. А. Петрушевская // West-East. – 2021. – Vol. 5. – No. 1. – P. 61–72.
56. Petrusheuskaya, Y. Linguistic universals and paremiological fund of the language / Y. Petrusheuskaya // Herald of Polotsk State University. Series A: Humanity Science. – 2019. – No. 2. – P. 115–121.

Abstract. The article discusses approaches to the study of proverbs in modern Belarusian linguistics. Folkloristic, ethnographic, cultural, philological, linguistic, cognitive, axiological aspects of the study of proverbs as linguistic units are determined. It is proposed to separately differentiate historical (diachronic) and descriptive (synchronous), comparative and typological approaches to the study of Belarusian proverbs. Within the framework of the typological approach, studies aimed at searching for interlingual proverbial universals are identified.

Keywords: Belarusian language, paremiology, proverb, theory, methodology, aspects of study.

Петрушевская Юлия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент; Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова (ling-msu@mail.ru).

УДК 811'371'373.2:398.92

Т. В. Ратько

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОННОТАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению различных коннотативных аспектов, передаваемых в крылатых выражениях при помощи языковых средств. Выявляются потенциальные возможности коннотативных значений в оригинальных выражениях. Рассматриваются синонимы и антонимы разных типов, эмоционально-экспрессивная лексика, словообразовательные компоненты, тропы, репрезентирующие мелиоративные или пейоративные коннотации.

Ключевые слова: коннотативный компонент лексического значения, пейоративная коннотация, мелиоративная коннотация, синонимы, антонимы, изобразительно-выразительные средства, эмоционально-экспрессивная лексика.

Проблема коннотации вызывает интерес у различных исследователей: психологов, социологов и, безусловно, лингвистов. Данное явление представляется многоплановым, поскольку состоит из множества компонентов. Коннотация представляет собой дополнительную (эмоционально-экспрессивную, оценочную) часть лексического значения слова. В Большом энциклопедическом словаре «Языкознание», коннотация понимается как «эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального (закреплённого в системе языка) или окказионального характера» [1, с. 236]. Так как далеко не все лексемы обладают упомянутыми характеристиками, коннотативная часть значения выявляется не у всех слов. Нейтральная лексика, как правило, не имеет коннотаций. Чаще всего коннотативный компонент значения наблюдается у слов с переносным значением и у слов стилистически окрашенных. Кроме того, средством передачи различных коннотаций могут быть фразеологические единицы, большинство из которых имеет определённую окрашенность, а также словообразовательные компоненты лексических единиц (уменьшительно-ласкательные или увеличительные суффиксы).

Подтверждает данный тезис В. Н. Телия: «Подавляющее большинство слов и выражений с экспрессивной окраской – продукт вторичной или косвенной номинации, а также идиообразования и других видов переосмысления «прямых» значений» [2, с. 29].

Наличие эмоционально-экспрессивной и оценочной нагрузки у слова или высказывания может быть обусловлено множеством факторов, таких, как, напр., ситуация общения, психологическое состояние говорящего, определённые культурологические аспекты и др. «Поэтому для передачи эмоций часто используются разнообразные лексические (во взаимодействии с синтаксическими) средства языка. Они могут приобретать ситуативное прагматическое значение, обусловленное спецификой эмоциональной позиции субъекта речи, его отношением к конкретной речевой ситуации» [3, с. 32].

Таким образом, логично предположить, что большинство лексических единиц, имеющих в составе своих значений коннотативный компонент, будет функционировать в разговорном и публицистическом стилях и, конечно, в языке художественной литературы. Интересными для исследования в этом аспекте представляются крылатые слова и выражения, большинство из которых пришли именно из художественных текстов.

Лексический уровень языка в плане реализации коннотативных компонентов в крылатых выражениях активно представлен средствами синонимии и антонимии. При этом в контекстах наблюдаются синонимы и антонимы различных типов. Так, напр., в выражении из басни И. А. Крылова «Лебедь, рак и щука» *Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдёт* наблюдаются семантико-стилистические синонимы. В основе значений слов *согласье* и *лад* лежит общее понятие мира, единомыслия, общности точек зрения. Различия в употреблении: слово *согласие* – нейтральное, *лад* – разговорное. Коннотативный оттенок значения в данном случае имеет пейоративную направленность, вытекающую из содержания самой басни и реализующейся в её морали. В выражении из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» *И дым отечества нам сладок и приятен* [4, с. 173] присутствуют синонимичные слова, передающие мелиоративную коннотацию, вытекающую из семантики слов *сладок* и *приятен*, относящихся к тому же к эмоционально-экспрессивной лексике и выступающих в роли эпитетов. Следует отметить, что данные слова вряд ли можно отнести к идеографическим синонимам, так как не всегда понятие приятного включает в себя некую сладость (за исключением вторичной номинации), но в приведённом контексте данные лексемы имеют общность значения и передают позитивные чувства. Таким образом, в данном выражении коннотативное значение передаётся одновременно несколькими способами: одни и те же лексические единицы являются «представителями» трёх групп (синонимов, эмоционально-экспрессивных слов и тропов). Такая же позитивная коннотация наблюдается в выражении из комедии А. В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского» *Маг и волшебник*. Эта конструкция употребляется, когда говорят шутливо о человеке, который «всё

делает с удивительным умением, у которого всё получается» [4, с. 184]. Так как слова *маг* и *волшебник* практически не имеют семантических различий, их можно отнести к абсолютным синонимам. Мелиоративный коннотативный оттенок репрезентируется и в выражении из стихотворения А. И. Одоевского *Из искры возгорится пламя*. Фраза употребляется как «подтверждение неизбежности победы перспективных идей, несмотря на все трудности и препятствия [4, с. 174]. Слова *искра* и *пламя* можно отнести к градуационным синонимам, так как, имея в основе своих значений общее понятие огня, они различаются степенью проявления признака. Кроме того, в конструкции употребляется стилистически окрашенное слово *возгорится* (приставка **воз-** говорит о старославянском происхождении лексемы и её возвышенности), что также дополняет ощущение неизбежной победы в том или ином деле. Мелиоративную коннотацию можно проследить и в выражении из стихотворения Н. А. Некрасова «Сеятелям» *Сеять разумное, доброе, вечное*. Слова *разумное, доброе, вечное* синонимизируются в приведённом контексте и основой своей семантики передают позитивную оценку труда человека, так как «употребляются для характеристики деятельности учителей, представителей различных областей культуры, которые несут народу просвещение, образование, основные идеи прогресса» [4, с. 208]. Наряду с этим указанные слова одновременно играют роль эпитетов, следовательно, в данном случае репрезентация коннотативного значения осуществляется двумя языковыми средствами. Аналогично контекстуальные синонимы, одновременно являющиеся эпитетами, передают мелиоративное коннотативное значение в выражении из стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Русский язык» *Великий, могучий, правдивый и свободный русский язык*, во-первых, своей семантикой, во-вторых, употреблением «для выражения образной характеристики достоинств русского языка» [4, с. 156].

Антонимы как средство реализации коннотативных значений в крылатых выражениях встречаются достаточно часто, причём большая частотность наблюдается в употреблении контекстуальных антонимов. Приведём некоторые примеры. По нашим наблюдениям, в крылатых выражениях антонимы чаще выражают пейоративную коннотацию: известная фраза из комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» *Не хочу учиться, а хочу жениться* содержит контекстуальные антонимы *учиться – жениться*, которые, кроме того, ещё одновременно являются образным средством, создающим иронический подтекст. Очень необычные контекстуальные антонимы наблюдаются также в выражении из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: *смесь французского с нижегородским*. И в данном случае пейоративная коннотация формируется одновременно двумя языковыми средствами: контекстуальной антонимией и изобразительно-выразительным приёмом – иронией. Выражение употребляется в тех случаях, когда хотят осудить чей-либо плохой вкус [4, с. 209]. Ещё одна пара контекстуальных антонимов содержится в выражении *Услужливый дурак опаснее врага* (из басни И. А. Крылова «Пустынник и медведь»). В приведённой фразе пейоративная коннотация также репрезентируется одновременно двумя способами: один из антонимических компонентов относится к просторечной лексике (*дурак*). В крылатом выражении М. Ю. Лермонтова *К добру и злу постыдно равнодушны* (из стихотворения «Дума») употреблены общеязыковые антонимы, передающие негативные чувства поэта, особенно если вспомнить начало стихотворения (*Печально я гляжу на наше поколение!*). Общий пейоративный контекст дополняют эмоционально окрашенные слова *постыдно* и *равнодушно*.

Коннотативные оттенки значений часто передаются лексическими средствами. Для художественной речи характерно использование различных пластов лексической системы – от возвышенных до сниженных слов. Как правило, оценочность как один из основных компонентов коннотации передаётся посредством эмоционально-экспрессивной лексики, а также разговорно-просторечных слов. Так, напр., пейоративное коннотативное значение наблюдается в выражении *От радости в зобу дыханье*

спёрло (из басни И. А. Крылова «Ворона и лисица»). Употребляя в одной конструкции слово *радость*, наполненное позитивным зарядом, и разговорно-просторечную лексему *спёрло*, И. А. Крылов создаёт иронический контекст. Таким образом, в одном небольшом по объёму крылатом выражении для создания пейоративного коннотативного значения используются одновременно и лексические средства (стилистически окрашенные слова), и изобразительно-выразительные (ирония). В известном выражении А. П. Чехова *В человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли* (из пьесы «Дядя Ваня»), употребляющемся в тех случаях, когда хотят подчеркнуть необходимость всестороннего, гармоничного развития человека [4, с. 156], мелиоративное коннотативное значение репрезентируется также посредством эмоционально окрашенной лексической единицы *прекрасно*. Аналогичная картина представлена в конструкции *Счастливые часов не наблюдают* (из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»). Семантическая наполняемость слова *счастливые* уже насыщена позитивным потенциалом и выражает соответствующие чувства.

Следует также отметить, что средством выражения коннотативных значений могут быть и словообразовательные компоненты, которые, как правило, употребляются в эмоционально-экспрессивных словах или же сами придают такой эффект слову. Так, напр., один и тот же уменьшительно-ласкательный суффикс может быть репрезентантом как пейоративной коннотации, так и мелиоративной. Очень известное выражение *маменькин сынок* берёт своё начало в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» и употребляется негативно, осуждающе, когда говорят об инфантильном человеке. Приведём ещё один пример употребления слова с суффиксом *-еньк-*: *Во всех ты, душенька, нарядах хороша*. Это предложение в качестве эпиграфа к своей повести «Барышня-крестьянка» использовал А. С. Пушкин. В данном случае коннотативный оттенок значения передаёт позитивные чувства, так как фразу употребляют, восхищаясь кем-то. Кроме того, здесь присутствует эпитет *хороша*, своей семантикой передающий обозначенное чувство.

Одним из довольно частотных способов выражения коннотативных значений в художественных текстах и, как следствие, в крылатых выражениях, из них извлечённых, являются изобразительно-выразительные средства языка, такие, как тропы или стилистические фигуры речи. Довольно частым стилистическим приёмом является одновременное использование сразу нескольких языковых средств, о чём говорилось ранее. Кроме иронических контекстов, создающихся при помощи лексико-семантических групп слов, в крылатых выражениях наблюдаются метафорические переносы, сравнения и, конечно, эпитеты. Напр., в выражении А. С. Пушкина из поэмы «Медный всадник» *в Европу прорубить окно*, использующемся, когда речь идёт об установлении деловых и культурных связей с европейскими странами [4, с. 155], наблюдается метафорический перенос, передающий мелиоративный коннотативный оттенок значения, поскольку речь идёт о налаживании созидательных контактов с другими народами. Интересным для анализа представляется крылатое выражение *белая ворона*, использующееся, когда говорят о человеке, идущем наперекор общественному мнению и живущем по своим, чаще всего более правильным, чем принято в обществе, нормам. Люди, живущие не «как все» и отстаивающие своё право на это, обычно встречаются редко, так же как редко встречается среди серых ворон белая. Таким образом, наблюдается метафорический перенос по указанному признаку. Любопытно, что коннотативное значение данного выражения может быть как пейоративным, так и мелиоративным. Всё зависит от контекста и от того, как оценивается тот, о ком так говорят. Можно произнести эту фразу с восхищением, и тогда значение приобретёт позитивную коннотацию, а можно сказать так осуждающе, и тогда коннотация станет негативной. Примечательно, что в английском языке есть похожее крылатое выражение – *чёрная овца* (*black sheep*), имеющее идентичное значение и употребляющееся аналогично русскому. Овцы, как правило,

белые, и относятся они к самым «стадным» животным, следующим туда, куда идут все остальные особи. Перенос очевиден: чёрными овцами называют бунтарей, и коннотативный оттенок – позитивный или негативный – так же, как в русском выражении, будет зависеть от контекстуального употребления. Некую параллель здесь можно провести с выражением *молчание ягнят* (с английского: *Silence of the Lambs* – название романа (1988) Томаса Харриса). «Популярности выражения способствовало появление экранизации романа (1990 г., режиссер Дж. Демми). Иронически: о чьей-либо безропотности, робости, забитости в ситуации, когда нужно проявить иные черты характера» [5]. В данном случае также наблюдается выражение пейоративного коннотативного значения посредством метафорического переноса, основанного на сходстве поведения в определённой ситуации.

Таким образом, в крылатых выражениях присутствуют разнообразные языковые средства выражения коннотативных значений: синонимы и антонимы разных типов, эмоционально-экспрессивная и стилистически окрашенная лексика, в частности разговорно-просторечные слова; словообразовательные компоненты (уменьшительно-ласкательные суффиксы), а также тропы, в числе которых ирония, метафоры, эпитеты. Следует отметить, что достаточно часто наблюдается одновременное употребление сразу нескольких средств (обычно двух или трёх), таких как, напр., антонимы и ирония; синонимы, эмоционально-экспрессивные слова и эпитеты и др.

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Коннотация / В. Н. Телия // Языкознание : большой энциклопедический словарь / В. Н. Пейхвассер (гл. ред.) [и др.]. – 2-е изд. – М. : Большая рос. энцикл., 1998. – С. 236.
2. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия ; А. А. Уфимцева (отв. ред.) [и др.]. ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1986. – 141 с.
3. Гончарова, Ю. Л. Полиэмотивность языковых единиц и речевых структур : в 2 ч. / Ю. Л. Гончарова // Язык. Дискурс. Текст : материалы Междунар. науч. конф., Ростов-на-Дону, 11–12 марта 2004 г. / Ростовский гос-й педаг. ун-т ; редкол.: Г. Ф. Гаварилова [и др.]. – Ростов н/Д. – Ч. 2. : РНТЦ, 2004. – 253 с.
4. Фелицына, В. П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, Ю. Е. Прохоров / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; Е. М. Верещагина (отв. ред.) [и др.]. ; М. : Рус. яз., 1979. – 240 с.
5. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М. : «Локид-Пресс». Вадим Серов, 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/1536/%D0%9C%D0%BE%D0%BB%D1%87%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5. – Дата доступа : 01.10.2023.

Abstract. The article considers various connotative aspects expressed in catch phrases with the help of different language means. It reveals potential opportunities of connotative meanings in original phrases. It considers synonym and antonyms of various types, emotional and expressive vocabulary, word-forming components, and some tropes representing meliorative or pejorative connotations.

Keywords: connotative component of lexical meaning, pejorative connotation, meliorative connotation, synonyms, antonyms, imagery means, emotional and expressive vocabulary.

Ратько Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент; Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка (t.v.ratsko@gmail.com).

Л. Б. Савенкова

**НИЧЕГО – ПУСТОЕ МЕСТО?
(ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «НИЧТО»
В РУССКОМ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ)**

Аннотация. Самым активным из отрицательных местоимений в русских традиционных паремиях потенциально дидактической направленности является *ничто*. В структуре паремийного предложения основной для него оказывается роль семантического объекта. *Ничто* в паремиях выступает обобщенным наименованием пустых множеств, соотносимых с представлениями о минимально комфортном существовании человека или о ситуациях с недостижимым желательным результатом либо о ситуациях, участия в которых субъект считает целесообразным избегать.

Ключевые слова: паремия, пословица, пустое множество, отрицательное местоимение, ничто.

Многим носителям русского языка хорошо известна ответная реплика (термин В.Т. Бондаренко) *Ничего – пустое место*. В словаре этого известного лингвиста ей посвящена отдельная небольшая статья с толкованием и краткой иллюстрацией: «Выраж. недовольства, разочарования и т. п. неполучением от собеседника ожидаемого подробного ответа на интересующий говорящего вопрос. – *Как тебе нравится наш дом? – Ничего. – А новая мебель? – Ничего. – Ну, знаешь, «ничего» пустое место!»* [1, с. 193].

В текстах с этой ответной репликой, действительно, обнаруживается такой контекстный смысл. Однако он не единственный. Встречается и другой, который высвечивается в ситуациях, где реакция на реплику собеседника звучит как упрек, укор, выражение пренебрежения или, по крайней мере, иронии по отношению к индифферентной позиции или недостаточной активности собеседника, сравн.:

– *Ну и как же теперь? – спросил мужчина.*

– *Что?*

– *Как... жизнь-то вообще?*

Женщина, не оборачиваясь к нему, усмехнулась.

– *Ничего.*

– ***Ничего*** – это, знаете, ***пустое место***. – *Мужчина засмеялся. – Ничего – это ничего* (В. Шукшин. Кукушкины слезки, 1968; здесь и ниже примеры из художественной литературы даются по Национальному корпусу русского языка (далее – НКРЯ) [2]).

В приведенном диалоге использованы два функциональных омонима: в реплике женщины – разговорное наречие со значением ‘довольно хорошо, сносно’ [3, с. 652], в ответе мужчины – отрицательное местоимение *ничто* со значением ‘ни один, никакой предмет, ни одно, никакое явление, дело и т. п.’ (там же) в форме родительного падежа. Характеристика именно этой, последней, выраженной местоимением сущности «ничто» в народном сознании и вызывает интерес, в частности, кажется важным понять, на самом ли деле *ничего* квалифицируется в нем как *пустое место* или с ним связаны иные смыслы.

Философы не находят единого определения понятию «ничто», хотя и признают общее основание: данная сущность является принадлежностью человеческого сознания, а не реальности. Не углубляясь в дискуссионные рассуждения классиков этой науки, просто приведем несколько нетождественных толкований, обнаруживаемых в трудах философов XXI столетия, в том числе и молодых. Так, в статье Д. В. Воробьева и В. И. Сырова читаем (с отсылками к авторитету М. Хайдеггера, С. Лема, А. Бергсона): «То, что *ничто* как конструкт представляет в сознании (в действительно-

сти, представляемой в сознании другими конструктами), – чаще всего называют (в обыденной жизни) отсутствием. Отсутствием определенного предмета, определенно-го сущего <...>. Отсутствием некоторого предмета <...>, который когда-то здесь находился <...>» [4, с. 110]. Фактически можно, вероятно, расценить *ничто*, в представлении этих ученых, как то, что не привлекает нашего внимания, воспринимается именно как *пустое место*.

А. В. Перекрестова разворачивает целый веер смыслов: «Ничто предстает одновременно как реальность отсутствия, несуществующая действительность, онтологическая неопределенность и небытие всякого нечто» [5, с. 39]. А Д. А. Граханов утверждает: «Само по себе ничто есть то, что не существует и является пустым множеством» [6, с. 117].

Пожалуй, разговорная ответная реплика *Ничего – пустое место* и маркирует совпадающую часть процитированных дефиниций. Стоит обратить внимание, что данная реплика, если опираться на материалы НКРЯ, не фиксируется текстами до второй половины XX века. Этот факт заставляет предположить ее относительно позднее возникновение в речи, хотя образ пустого места (без отсылки к «ничто») неоднократно встречается уже в древнерусских текстах, сравн.: *и тоу же е(с) темница людийскаѧ. ис той темници изведе аггѣль з(с)нь стѣго ап(с)ла петра ноциѧ. тоу же есть бѣль двѣрь людинѣ. предѣтелѧ х(с)ва. есть же мѣсто то поусто и проклато. ничтоже бо въсмѣетъ стѣсти клѣтвы ра(ди) на мѣстѣ то(м)* (Хождение игумена Данила, (1110-е); *вечероу же бѣвиу, вечерѣ же, поемъ нектонавъ александра, веде вѣнь из града на поусто мѣсто. и възрѣвъ на нѣо, показаше ему нб(с)ныѧ свѣсды* (Александрия, XI–XIII вв.).

В текстах XVIII века словосочетание используется для указания на пространство, не заселенное людьми и потому опасное, ср.: *Обыватели сказывают, что в сем **пустом месте** в старинные времена жил какой-то Аника-разбойник и грабил по одной дороге проходжих и проезжих* (П. И. Челищев. Путешествие по северу России в 1791 г.).

В XIX столетии среди примеров употребления словосочетания *пустое место* встречаются указывающие уже на небольшой локус, который не используется, хотя и может быть использован по предназначению, к примеру, это могут быть не занятые человеком стул, кресло, кровать либо часть пространства, на котором должен был быть, но не обнаруживается, отсутствует некий предмет. В контекстах последней четверти XIX века пустое место маркирует уже не только пространство, но и время. Так, в произведении Г. И. Успенского «Не случись» упоминается *две недели пустого места*, то есть времени, не занятого никакой работой.

К концу XIX века словосочетание развивает и метафорические смыслы. *Пустое место* – ‘нечто неважное, незначимое’, сравн.: *Что для барина наше хозяйство? **Пустое место**... А туда же, скажет, делить собрались...* (Н. Н. Златовратский. Деревенский король Лир, 1889); ‘отсутствие некой непредметной сущности’, ср.: *Конон был холост, но вопрос о том, как он относился к женскому полу, составлял его личную тайну, которою никто не интересовался, как и вообще всем, что касалось его внутренних побуждений. Хранил ли он что-нибудь в глубинах своего существа или там было **пустое место** – кому какое до этого дело?* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина, 1887–1889). Наконец, ко всем постепенно развившимся перечисленным смыслам добавилось употребление словосочетания *пустое место* для характеристики бесполезной, бездарной, неинтересной, неавторитетной и т. д. личности.

Все это позволяет выдвинуть предположение, что и в утверждении *Ничего – пустое место* с *ничего* потенциально могут соотноситься смыслы, не подразумевающие локальной семантики. Однако в кругу традиционных паремий, зафиксированных В. И. Далем [7; 8], как уже отмечалось, упомянутая ответная реплика не зафиксирована. А аргументированный ответ на вопрос, с чем связана мысль о *ничто* в народном сознании, возможен лишь после пристального анализа свода неписаных законов – сборника пословиц и поговорок.

В паремиологическое пространство местоимение *ничто* вовлекается достаточно активно. Во всяком случае, в 377 устойчивых фразах потенциально дидактического характера с отрицательными местоимениями, извлеченных из сборника В. И. Даля методом сплошной выборки, из пяти обнаруженных в нем отрицательных местоимений (*никто, некого, ничто, нечего, никакой*) оно появляется наиболее часто, входя в состав 121 изречения. Еще в семи паремиях обнаруживается вышеупомянутый функциональный омоним наречие, точнее даже – предикативное наречие, ср.: *Умереть сегодня – страшно, а когда-нибудь – ничего* [8, т. 1, с. 219]; *Голова с печное чело, а мозгу совсем ничего* [8, т. 1, с. 339] и т. п.

Фиксирующий семантику языка того же периода, что и пословицы, далевский «Толковый словарь живого великорусского языка» интерпретирует *ничто* как пустое множество: «местм. отриц. для предм. неживых, неодушевленных, безличных, как никто для личных; никакая вещь, никоторый предмет, ни одно дело» [7, т. 2, с. 548]. Имеет смысл разобраться, какие позиции в логике предложения занимает их маркер *ничто* и какие именно пустые множества притягивают внимание носителей традиционной русской лингвокультуры, (в частности, являет ли собой *ничто* именно *пустое*, то есть не заполненное *место* в изначальном смысле).

Семантика неодушевленности почти совершенно исключает использование в паремиях местоимения *ничто* в роли семантического субъекта. В выборке обнаружено всего два таких изречения (для сравнения: местоимение *никто* выступает в такой роли в 75 паремиях из 115, выявленных в сборнике В. И. Даля, т. е. в 65,2 % изречений). Уточним характер субъектной семантики *ничто*.

По отношению к первому – *Пьет пиво да мед, ничто его неймет* [8, т. 1, с. 72] – возможны две интерпретации смысла.

Одна заключается в следующем. Можно предположить, что *ничто* обобщенно называет субъект стихийного действия, в работе Т. В. Шмелевой (со ссылкой на Л. М. Ковалеву) он назван «силой» [9, с. 42]. В первой части пословицы предполагаемая сила конкретизирована: *пиво да мед*, которые *пьет* некий индивид (налицо отсылка к ситуации). Действие силы, однако, за счет участия в структуре предложения отрицательной частицы *не* представлено как нерезультативное. Сама сила оказывается пустым множеством, поскольку подразумевает не просто *пиво и мед*, которые потребляет некто, а *пиво и мед, способные оказать воздействие на человека*, но при этом отсутствующие, не существующие, ведь сказано, что наличествующие пиво и мед *неймут* пьющего).

Вторая трактовка позволяет увидеть иные связи между частями предложения и усмотреть в *ничто* обобщенное указание на отсутствие какой бы то ни было «силы», способной воздействовать на индивида, поскольку ей составляют противовес *пиво и мед*, которые *он* пьет. Тогда можно интерпретировать пословицу как демонстрацию не вреда, а пользы распространенных на Руси слабоалкогольных напитков, которые помогали людям снимать стресс, а значит защищали их от любой силы, которая могла бы их одолеть. Заметим, что поиск в Основном корпусе НКРЯ контекстов с сочинительным сочетанием *пиво и мед* выявил 63 вхождения, к которым можно добавить еще 29 с сочетанием *мед и пиво*. При этом в обеих выборках были преимущественно тексты XVIII–XIX вв. Более поздние произведения с упомянутыми сочинительными сочетаниями предметом изображения имели события, происходившие не позднее XIX столетия, то есть также отражали историко-культурные реалии прошлого – не осуждаемую обыденность питья пива и меда.

При всем несходстве двух интерпретаций пословицы сочетание местоимения *ничто* с глаголом *неймет* отсылает к образу отсутствия активного начала – силы, способной победить русского человека, пьющего слабый алкоголь, а не к пустому пространству.

Во втором изречении – *Солнышко садится, а в мошне ничего не шевелится* [8, т. 1, с. 63], где у местоимения *ничто* можно выявить роль семантического субъекта,

возникает метонимизированный (через указание на местонахождение – *в мошине*) образ денег либо чего-то, что можно купить за деньги. Формальное сказуемое *шевелится* наталкивает на мысль о конкретном предмете, но с семантико-синтаксических позиций он предстает уже не как сила, а как функтив [10, с. 137] – субъект, который представлен в своем функционировании, но вне идеи воздействия. Однако пословичный образ указывает, что функция не осуществляется из-за отсутствия самого субъекта. Здесь *ничто* – отсутствующее *нечто*. Предикативное сочетание *ничего не шевелится*, как и *ничто неймет* в предшествующем случае, может расцениваться как маркер ситуации. *Ничего* в данной паремии также выступает как отсутствие активного начала.

С точки зрения формальной сочетаемости местоимения *ничего* на последнюю из приведенных паремий очень похожи изречения *Меняй взад-вперед сто рублей – ничего не останется* [8, т. 2, с. 38]; *Прибыль с убылью смешалась, дома ничего не осталось* [8, т. 2, с. 33]; *Счастье с несчастьем смешалось – ничего не осталось* [8, т. 1, с. 47]. Однако в них с позиций семантического синтаксиса *ничто* маркирует не субъект, а объект – нулевой результат действий, осуществленных в рамках ситуации.

Заметим, что сами ситуации представлены в этих трех паремиях по-разному. В первой из них негативный итог (*ничего не осталось*) проявляется как следствие нерациональных, бесполезных действий субъекта. При этом, вероятнее всего, под *ничего* понимается пустое множество приобретаемого (изменение количества и достоинства купюр или монет, составляющих сто рублей, не обеспечивает прироста денежных сумм). Аналогичный результат (точнее, отсутствие желательного результата) описывает и вторая поговорка, с той лишь разницей, что субъект деятельности изображен в ней как оказывающийся в неконтролируемой ситуации, о чем свидетельствует возвратный глагол *смешалась*. По этой же схеме создана и третья паремия, но теперь речь идет уже не о материальных, а об эмоциональных (одновременно выступающих и как бытийные) сущностях – о *счастье* и *несчастье*.

В материале местоимение *ничто* выступает как семантический объект в 108 паремиях. При этом в случаях, где *ничто* занимает позицию прямого объекта, в состав изречения в 59 случаях входит предикат, выраженный глаголом или – в трех единичных случаях – иным словом с отрицанием *не*: существительным (*не ответ*), прилагательным (*не дорого*), словом категории состояния (*нельзя*). В 13 – в роли предиката фигурирует слово *нет*, в единичном случае отрицание выражено наречием *нипочем* (*Мне ничто нипочем: был бы Ерошка с калачом* [8, т. 2, с. 260]). В пяти – предикат с отрицанием отсутствует, но легко реконструируется, ср.: *В одной руке пусто, в другой ничего* [8, т. 1, с. 66], то есть *нет ничего*; аналогично *У кого ничего, а у нас пуще того* [8, т. 2, с. 49]; *У одного ничего, у другого совсем чисто* [8, т. 1, с. 77]; *До того дошло, что и в суме ничего* [8, т. 2, с. 77]; *Дошли до того, что ничем ничего* [8, т. 2, с. 77]. В отдельных изречениях предикат с отрицанием невозможно восстановить как бесспорный, но можно предложить круг приемлемых реконструкций, ср.: *Кому ничего, а нам столько же (а нам не больше того)* [8, т. 2, с. 49], то есть *нет* или *не досталось ничего*; *Всё по боку, а ничего под зуб (или: под губу)* [8, т. 1, с. 163] (возможны восполнения: *не попадает, не достается* и т. п.).

Встречаются в сборнике пословиц В. И. Даля и такие единицы, образы которых к настоящему времени перестали быть понятными в силу определенной контекстной недосказанности и отсутствия в распоряжении носителей языка ситуаций употребления, ср.: *На триста пусто, на пятьсот ничего* [8, т. 2, с. 48]. На деле это фрагмент из скomorошьего представления, в котором иронически подытоживается объем приданого невесты-бесприданницы (версию полного текста представления можно обнаружить в романе А. П. Чапыгина «Гулящие люди», см. НКРЯ).

В другом подобном случае даже непротиворечивость возможной реконструкции не позволяет признать ее безоговорочно из-за отсутствия примеров использования па-

ремии. Так, объяснение изречения *За бестию двести, а за каналью ничего*, предлагаемое В. И. Далем: «т. е. не дают; у канальи нет даже совести мошенника, а бестия, между своими, надежен» [7, т. 1, с. 84], кажется небесспорным, поскольку неясно, кому и в какой ситуации дают или не дают *двести за бестию/каналью*. Возможно иное толкование, к сожалению, также не подтвержденное: пословица могла иронизировать над несовершенством формулировок статей судебныхников или иных юридических документов, в которых признавалось необходимым наказывать лицо, нанесшее кому-то словесное оскорбление. При том что точного перечня оскорбительных слов и выражений не существовало [11, с. 245], судья мог достаточно субъективно квалифицировать какое-то слово или выражение как оскорбительное для истца и в соответствии с этим назначить ответчику штраф.

В четырех контекстах анализируемой выборки отрицание при предикате не предполагается, сравн.: *Ходил (Ездил) ни по что, принес (привез) ничего* [8, т. 1, с. 359]; *Силой у бога ничто возьмешь* [8, т. 2, с. 267]; *Ничего-то у нас и дома много* [8, т. 2, с. 49]; *Из ничего один только бог свет создал* [8, т. 2, с. 50]. Думается, именно в этих паремиях отчетливо проявляется мысль о *ничто* как пустоте, а последняя фраза отчетливо перекликается с философским восприятием вселенной как сущности, возникшей из абсолютного *ничто*. Заметим, однако, что народное сознание вместо *ничего-пустоты*, которая в руках Бога способна овеществиться/осуществиться, в распоряжение человека предоставляет только именно отсутствие предметов, воплощаемое в субстантивированном *нет*: *Из нета ничего не скроишь (или: не выкроишь)* [8, т. 1, с. 68], т. е. никакой вещи.

В других случаях *ничто* как обозначение объекта (в форме *ничего*) предполагает не пустое пространство, а пустое множество предметов, желаемых субъектом (51 паремии), или пустое множество элементов интеллектуальной, психической, вербальной деятельности: обстоятельств, ситуаций, психических реакций и т. п. (37).

Отсутствующими выступают предметы, обеспечивающие более или менее комфортное повседневное существование человека: вещи (имущество), деньги, пища. При этом 13 паремий первого типа включают предикат *нет* в значении ‘не имеется в наличии; отсутствует’ [3, с. 643]: *Наговорили, что наварили, а глядь – ан и нет ничего* [8, т. 1, с. 320]; *Было шильце, было мыльце и белое белильце, а хватъ-похватъ – нет ничего!* [8, т. 1, с. 82]; *В одном кармане пусто, в другом нет ничего* [8, т. 1, с. 66]; *Что и в титуле, когда ничего нет в шкатуле* [8, т. 2, с. 184] и др. В остальных 39 единицах позицию предиката занимают используемые с отрицанием глаголы обладания, имения, получения, приобретения и т. п. (*остаться, стать, оставить, сыскать, разыскать, взять, нажать, добыть, добиться, поймать, купить*). Поскольку в большинстве случаев отсылка к подобным объектам имплицитна, не всегда можно ее конкретизировать однозначно. С глаголом *купить* может быть связана мысль как о вещах, так и о пище, с глаголом *нажать* – о вещах и деньгах, с глаголом *высидеть* – не только о приобретении материальных ценностей, но и об идеях, способах обогащения и др.

Несколько более 42% таких паремий (22 изречения) просто констатирует факт отсутствия необходимого без отсылки к человеческому фактору, как следствие стечения обстоятельств, судьбы и т. п., сравн.: *Дожили до того, что не осталось ничего* [8, т. 1, с. 76]; *Счастье отпало, ничего в доме не стало* [8, т. 1, с. 48]. Столько же – видит причину отсутствия или неполучения даже минимума желаемого в нерациональном выборе линии поведения субъекта действия или его недостаточной активности, сравн.: *Слепой на нищем ничего не разыщет* [8, т. 2, с. 49]; *Дома сидеть – ничего не высидеть* [8, т. 1, с. 255]; *Много желал, да ничего не поймал* [8, т. 1, с. 49]; *Брюхо наживешь, а брюхом ничего не наживешь* [8, т. 2, с. 255]; *Завистью ничего не возьмешь (не сделаешь)* [8, т. 2, с. 150]; *Сердцем ничего не возьмешь (или: не сделаешь)* [8, т. 2, с. 96] и др. Всего в одной паремии из этого набора *ничего* обозначает пустое множество как

объект, который должен быть не итогом, а причиной получения желаемого, сравн.: *Уроди бог много, а не посеяно ничего!* [8, т. 2, с. 19]. Лишь в 15% паремий описываются нежелательные для субъекта ситуации, в которых он оказывается вследствие поступков третьих лиц: *На торгу за слова ничего не продают* [8, т. 2, с. 131]; *Много обещают – ничего не дают* [8, т. 2, с. 130]; *Плохо дуть, как ничего не дадут* [8, т. 1, с. 7].

Кроме форм винительного падежа, местоимение *ничто* в небольшом числе изречений употребляется в творительном (3) или предложном (1) падежах, где речь идет о недостижении желаемых результатов (в первую очередь, хотя и не обязательно материальных) вследствие недостижения субъектом деятельности договоренности с другими участниками ситуаций, ср.: *От чужих ворот не стыдно ни с чем отойти* [8, т. 2, с. 104]; *Торговал и кирпичом, да остался ни при чем* [8, т. 2, с. 33].

Изречения второго типа (их 37) сосредоточивают внимание на непредметных объектах: делиберативах, редко – перцептивах. Здесь предикаты выражены почти исключительно глаголами с отрицанием (*бояться, видеть / видать / увидеть, слышать, ждать, знать, смыслить, отречься, сказать* и некоторыми иными, сравн.: *Ничего не боюсь: только бога боюсь* [8, т. 1, с. 210]; *Много чаешь, да ничего не знаешь* [8, т. 2, с. 285]; *Ни от чего человеческого не отрекаюсь* [8, т. 2, с. 158]. *Ничто* в этих паремиях обычно связано с мыслью о пустом множестве ситуаций, от которых субъект хочет отмежеваться или расценивает их как не приносящие пользы, радости, удовольствия и т. п., сравн.: *Моя хата с краю, я ничего не знаю* [8, т. 2, с. 106]; *Ничего не смыслить – век киснуть* [8, т. 1, с. 330]; *Опрочь художого, ничего хорошего не жди* [8, т. 1, с. 120]; *Либо слушать, либо ничего не слышать* [8, т. 1, с. 376] и др.

Примыкают к группе паремий с *ничто*, отсылающим к непредметным семантическим объектам, изречения с предикатами, выраженными глаголами бытийной семантики или неконкретного действия, которые описывают ситуацию достаточно абстрактно, ср.: *До того ложилось, что ничего не случилось* [8, т. 2, с. 77], *За все братья – ничего не сделать* [8, т. 1, с. 335] и т. п.

Небольшое количество паремий (в выборке их всего шесть) использует форму творительного падежа *ничем* в функции инструментива. Четыре из них констатируют невозможность найти средство эффективной коммуникации с неумным или злым человеком, сравн.: *От черта крестом, от свиньи пестом, а от лихого человека – ничем* [8, т. 1, с. 97]; *Ленивого дошлюсь, сонливого добужусь, а с дураком ничем не развяжусь* [8, т. 1, с. 348]. Еще две указывают на одну из главных проблем бедняка – невозможность добыть себе полноценное пропитание: *Дыры в глотке ничем не зачинишь* [8, т. 2, с. 250]; *Не казни бог ничем, как капуста ни с чем* [8, т. 2, с. 257].

Особняком в выборке стоят три изречения, в которых формально просматривается сирконстантная локативная семантика, на деле же говорится не о месте, а об ограничениях, налагаемых на субъекта высшими силами: *Во всем доля, да воли ни в чем* [8, т. 2, с. 269]; *Охнешь и ты, как не даст бог ни в чем пути* [8, т. 1, с. 107]; *Нашему барану (болвану) ни в чем нет талану* [8, т. 1, с. 43].

Наконец, пословица *Поехали в цветном, приехали ни в чем* [8, т. 1, с. 201] совмещает семантику косвенного объекта с атрибутивной.

В целом анализ традиционных паремий, включающих в свой состав местоимение *ничто*, приводит к заключению, что большинство их маркирует этим местоимением объектную семантику, причем под *ничто* подразумевается, как правило, не пустота, а, во-первых, пустое множество предметов определенного характера, которые обиходному сознанию наших предков представлялись наиболее значимыми для поддержания жизнедеятельности и хотя бы минимально комфортного существования, и, во-вторых, пустое множество ситуаций либо с нежелательным, либо с недостижимым результатом.

В какой-то мере можно согласиться с тем, что идея пустого места, которая звучит в ответной реплике *Ничего – пустое место*, проявляет себя именно в этой, второй со-

вокупности, поскольку элементом ситуации является локус ее развертывания. Однако этот семантический признак оказывается на положении периферийного.

Список использованных источников

1. Бондаренко, В. Т. Ответные реплики в русской диалогической речи : словарь / В. Т. Бондаренко. – Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2013. – 339 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/new/search-paper.html>. – Дата доступа : 25.09.2023.
3. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», М. : «РИПОЛ классик», 2008. – 1536 с.
4. Воробьев, Д. В. Роль ничто как конструкта в сознании, или что есть ничто? / Д. В. Воробьев, В. И. Сыров // Вестник развития науки и образования. – 2009. – № 1. – С. 53–58.
5. Перекрестова, А. В. Понятие *ничто* в онтологическом измерении культуры / А. В. Перекрестова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2021. – № 4. – С. 31–39.
6. Граханов, Д. А. Диалектика и логика понятий «ничто», «все» в практическом исследовании индивидуальной формы философствования / Д. А. Граханов // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. – № 2 (448). – Философские науки. – Вып. 59. – С. 116–120.
7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – 2-е изд., испр. и значит. умнож. по рукописи автора. – Т. II. – М. : ГИС, 1955. – 779 с.
8. Даль, В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В. И. Даль. – М. : Художественная литература, 1984. – Т. 1. – 384 с.; Т. 2. – 400 с.
9. Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». – 2-е изд. / Т. В. Шмелева. – Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1994. – 47 с.
10. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.
11. Омельченко, С. С. Оскорбление и клевета в уголовном праве России XI–XVII вв. / С. С. Омельченко // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 1. – С. 240–246.

Abstract. The most active of the negative pronouns in the Russian traditional paroemias of a potentially didactic orientation is *ничто* (nothing). In the structure of a paremic sentence, the role of a semantic object turns out to be the main one for it. Nothing in paroemias acts as a generalized name for empty sets correlated with ideas about the minimum comfortable existence of a person or about situations with an unattainable desired result or about situations in which the subject considers it advisable to avoid participation.

Keywords: *paremia, saying, negative pronoun, empty set, nothing.*

Савенкова Людмила Борисовна – доктор филологических наук, профессор; Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону (savenkova@sfedu.ru).

УДК 811.161.1'373.43:398.91

Е. И. Селиверстова

БЕЗ ВОПРОСОВ:

НОВОЕ В КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ПРОЧТЕНИЯХ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Аннотация. Статья посвящена выявлению на материале Национального корпуса русского языка семантического и прагматического спектров неологического оборота *без вопросов*, демонстрирующего удивительную активность и большое разнообразие вариантов контекстуального прочтения. оборот участвует в выражении уверенности и безапелляционности, согласия, понимания, семантики неизбежности, обязательности, готовности и др.

Ключевые слова: неология, фразеологизм, контекст, семантический спектр, интенция говорящего.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00141, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Изучение процессов обновления словарного состава языка и, в частности, фразеологического фонда языка – неизменно актуальное направление лингвистики, отвечающее важным задачам освещения меняющегося лексикона и изменений границ отдельных его парадигм, лексикографической фиксации и интерпретации как неологического языкового материала, так и единиц, обретающих в устах говорящих новое звучание. Достаточно взгляда на материалы конференций последних лет – в Белгороде, Гомеле, Санкт-Петербурге, Туле и т. д., чтобы увидеть, насколько активно трактуются на материале различных языков новые номинации или появившиеся новые прочтения ранее известных; см., в частности: [1; 2; 3; 4 и др.].

Придерживаясь критериев выделения неологизмов в языке, согласно которым к новым причисляются единицы, «не зарегистрированные в словарях (особенно толковых) предыдущего периода» и составляющие «особую категорию, маркированную конкретным периодом» [5, с. 182], мы рассмотрим неологический оборот *без вопросов* в его разнообразных употреблениях.

Выражение привлекло наше внимание, во-первых, как отсутствующее в словарях, к которым мы обратились, – в частности, в словаре-тезаурусе под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [6], где речевым формулам уделяется особое внимание; в последнем издании «Словаря фразеологических синонимов русского языка» А. К. Бириха, В. М. Мокиенко, Л. И. Степановой [7] и некоторых других, но отвечающее необходимым для фразеологизма качествам – устойчивости и воспроизводимости.

Цель данной статьи – показать широту семантического спектра нового, но весьма частотного выражения. Основательную базу для наблюдений создает совокупность текстов Национального корпуса русского языка как источник важной информации о современном функционировании отдельных единиц и о том, как выглядит в целом картина фразеологической насыщенности дискурса и о его содержании.

Обратимся к условиям и особенностям контекстуального использования выражения *без вопросов*. Не задавать вопросов – нормальное положение вещей в ситуации, когда все ясно и нет необходимости в уточнениях (*Впрочем, ряд запретов был известен и без вопросов* [С. А. Еремеева. Лекции по русскому искусству, 2000]), или взаимодействие основано на доверии (*Он поверил тут же, без вопросов, даже не усомнился.* [Надежда Трофимова. Третье желание // «Звезда», 2003]; *Поверив без вопросов и сомнений в бабы-Катино благосклонное могущество, Лиза утихла и успокоилась* [Дарья Бобылева. Тот, кто водится в метро // «Октябрь», 2013]; сравн. *пропускать* кого-л., *разрешать*, *доверять* кому-л. *без вопросов*). Или, наоборот, все так сложно, что и вопрос задать непросто (Лекция закончилась *без вопросов* преподавателю). Вопросы в ситуациях, представленных в этих контекстах, могли быть заданы, но без них попросту обошлись.

В отдельных контекстах выражение «балансирует» между передачей прямого смысла ('не задавая вопросов') и указанием на 'отсутствие осложнений при решении какой-либо проблемы': *Женщина писала бумажку «прошу разрешить», ей без вопросов и ничем не интересуясь ставили резолюцию «пжалста»* [Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)].

В отдельных современных контекстах и речи нет о вопросах – даже потенциально, поскольку восприятие человека и показанная в целом ситуация их исключают, сравн.: *В четырнадцать лет Маргарита улыбалась всем и вся, и мир ставил ей жирные «пятерки» в дневник. Ну, быть может, и не весь <...> мир, а лишь маленький ми-*

рок в пределах школьного забора, понурых дворовых железок, исполнявших роли ракет и лесенок в небо, Риту принимали **без вопросов**, как все счастливое и бесхитростное [Дарья Симонова. Шанкр (2002)]. Принимали без вопросов – т. е. ‘охотно, безоговорочно, единодушно’ и т. п.

Отсутствие вопросов по обсуждаемой теме, принимаемому решению, относительно выбираемого предмета – у одного из говорящих к другому (другим) приводит к формированию у предложно-падежной формы *без вопросов* семантики ‘понятно, ясно’, что снимает необходимость уточнений. Сравн. ее синоним в узком контексте: – *К серии преступлений, которой занимаетесь вы, я не имею ни малейшего отношения. – Это-то понятно, – весело рассмеялся Митя. – Это без вопросов. А вот почему вы из «Астории» сбежали, словно заяц? Такой вопрос имеется* [Марианна Баконина. Девять граммов пластита, 2000]. Абсолютно ясной видится ситуация говорящему, прибегшему к обороту в следующем контексте: *Охотники появились в школе, потому что... – да, из-за нее* (Маруси). *Кого обвинять в смерти профессора? Без вопросов. Но вот кто его убил? Китаец?* [Полина Волошина, Евгений Кульков. Маруся (2009)].

Еще один пример использования адвербиализированной формы *без вопросов* в сочетании с глаголом позволяет говорить о реализации уже другого семантического оттенка – ‘гарантированно, неизбежно’: *Как снег на голову послали к ним налоговую. <...> И все, у шедевра конструктивистской архитектуры – новый директор, Иван Иванович Предыбайло, дееспособный формально и ограниченный умственно, хронический алкаш с циррозом печени – как раз в аккурат, чтоб без вопросов сдохнуть через год* [С. А. Самсонов. Кислородный предел (2008–2009)].

Формула *без вопросов* выражает полную уверенность, определенность позиции говорящего: – *Место встречи изменить нельзя! Встречаемся в Окатовой пади, у переката. Ну ты знаешь где. Никаких возражений, ибо имею сообщить нечто важное, судьбоносное даже. Без вопросов!* [Владимир Вещунов. Перекат // «Дальний Восток», 2019]. Сам способ включения оборота в контекст говорит о том, что это делается говорящим для усиления акцента на правильности сказанного: *А то бы мы гадали с тобой на кофейной гуще – что ж это такое стучит? где стучит? почему стучит? <...> А теперь и к бабке не ходи, понятно – шаровые стучат! Без вопросов* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

Как видим, приведенные ситуационные контексты, отмеченные рядом параметров (место и обстановка общения, социально-культурная среда, тип ситуации, статусно-ролевые отношения и др.) [8, с. 143], демонстрируют всё новые употребления уже сложившейся фраземы.

Ряд примеров позволяет говорить о том, что в семантическом развитии оборота обозначилось еще одно направление: он выступает в роли вводного сочетания слов, как, напр., в следующем контексте – в значении ‘безусловно’: *Соблазн повернуть назад велик – и погода действительно становится все хуже. Я иду не быстро и не сказать чтобы легко, однако силы хорошо восстанавливаются в передышках. Поэтому решаю идти вперед. Через какое-то время обнаруживаю, что меня догоняет Марат. Я рад без вопросов* [А. Зубков. Via est vita. В снегах на Мак-Кинли // «Вокруг света», 1995].

Эта форма пополняет, таким образом, синонимический ряд слов, указывающих на неизбежность, естественность, обязательность чего-л. – таких, как *разумеется, несомненно, натурально, безусловно* и др. [9, с. 230], подтверждающих правильность чего-либо. Сравн.: *То, что людей надо отучать от курения, это даже без вопросов. Но не получится ли как с сухим законом? Мы же любим делать «назло» и «вопреки». Начнут курить всякую гадость, куда более вредную для здоровья, чем сейчас* [Минздрав обсуждает // «Русский репортер», № 34 (212), 1 сентября 2011]. Она становится, в сущности, речевой формулой, выражающей согласие. Ср.: *Договорились? – Без вопросов. Что еще?* [Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011)]. *Надо меня забрать.*

Я не хочу заходить домой одна – он там бухнул. – Заберу, без вопросов, – согласился Глеб [Алексей Иванов. Комьюнити (2012)].

За выражением постепенно закрепляется семантика отсутствия сомнений в чьей-либо правоте, правомерности и целесообразности каких-либо действий, предложений, проектов и под. Сравн.: *От одного такого врача я везу в Москву пищевые добавки и какие-то папки бумаг (3,5 кг). Ещё Элизабет прислала посылку для внуков – это без вопросов, а часть Асиных нарядов придётся выложить [Т. Н. Ткаченко. Поездки к внукам в Германию (1990)].* Возможно указание на отсутствие вариантов исхода дела, predetermined, однозначный результат: *Второв в упор глянул злыми, в ядовитых подтеках глазами. – Тут живого скovyрнуть пытаетесь, а уж если на операцию пойду, так выйду ли живым – вопрос, а уж что безработным – так это без вопросов [Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)].*

В случаях выражения просьбы семантика согласия сопрягается с акцентом на легкости выполнения чего-либо, отсутствии каких-либо затруднений. Сравн.: *Маленькая, нетабельная... Лучшие на посту, только машину подбери подходящую... Ну, и все остальное... – Тачку найду, без вопросов, и «макар» с глушаком имеется [Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011)].* Сравн. использование в этом значении таких выражений, как *Нет проблем; Да не вопрос! (Как только ушла, к ним зашли две русские девушки с предложением: «Сделайте нам копии». Они говорят: «Да не вопрос. А что нужно делать?» [Елена Николаева. Имя для недорогого камня // «Эксперт», 2014].*

Но есть, на наш взгляд, и некоторые иные оттенки значения оборота, которые достаточно трудно трактовать. *Максим <...> сам теперь пребывал в состоянии непрерывной эйфории, захлебываясь переполнявшей его любовью. И требовательно искал радости во всех окружающих. – Понимаешь, Стар, — как-то решился он, — девка, конечно, супер. Как профи она, так это без вопросов, прямо тащусь. Но ведь и женщина редкая [Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)].* В этом контексте ощущается усиленное значение, которое характерно для таких выражений, как «Об этом и говорить нечего», «В этом даже сомневаться не приходится», «Это даже обсуждению не подлежит» и др.

Ряд контекстов можно было бы продолжить, но и показанных примеров достаточно, чтобы увидеть активность и семантическую неоднозначность оборота, фигурирующего для указания на отсутствие затруднений при выполнении какого-либо дела, неизбежность исхода и естественность происходящего, полную уверенность в чем-л., ясность для говорящего, безоговорочное согласие и т. д. Это обязывает исследователя при разработке лексикографической интерпретации неологизма в идеографическом словаре к включению ее в значительное количество словарных статей, номинирующих нередко достаточно далеко отстоящие друг от друга понятия.

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Русские лихие девяностые в лексикографическом зеркале / В. М. Мокиенко // Лексикография в начале XXI в. Доклады от Седмата международна конференция по лексикография и лексикология (София, 15–16 октомври 2015 г.). – София, 2016. – С. 498–515.
2. Мокиенко, В. М. Старое новое и новое новейшее (к проекту «Большого словаря русских фразеологических неологизмов») / В. М. Мокиенко // Неология. Неография. 2021. Сборник статей Междунар. науч. конф. – СПб. : ИЛИ РАН, 2021. – С. 132–142.
3. Мокиенко, В. М. Аксиология неологизмов и фразеотрансформаций в лексикографической интерпретации / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Вопросы лексикографии. – 2022. – № 25. – С. 81–107.
4. Бодрова, Е. В. Эпоха коронавируса в коллокациях (на материале административного дискурса) / Е. В. Бодрова, Л. Н. Чурилина // Славянская фразеология и паремология. Национальное и

интернациональное. Стабильное и изменчивое. К 70-летию со дня рождения проф. В.И. Коваля : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. В. Ничипорчик. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – С. 57–61.

5. Генералова, Е. В. Медиатекст как отражение динамических хронологических изменений в лексике и фразеологии / Е. В. Генералова // Медиалингвистика. – Т. 8. – № 2. – 2021. – С. 180–192.

6. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики : около 8000 идиом современного русского языка / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, К. Л. Киселева [и др.]; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. – М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1135 с.

7. Бирих, А. К. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова / Серия Грамота. – М. : АСТ-Пресс, 2023. – 448 с.

8. Скребцова, Т. Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика : курс лекций / Т. Г. Скребцова. – М. : Издат. Дом ЯСК, 2020. – 312 с.

9. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 512 с.

Abstract. The article is devoted to identifying semantic and pragmatic spectra of neophrasem *without questions* on the material of the National Corps of the Russian language. It demonstrates amazing activity and a wide variety of options for contextual reading. The phrase participates in the expression of confidence and peremptory, consent, understanding, semantics of inevitability, obligation, readiness, etc.

Keywords: neology, phraseology, context, semantic spectrum, speaker's intention.

Селиверстова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Selena754@inbox.ru).

УДК 811.161.3'373.4:612(476.5)

Г. К. Семянькова

ФРАЗЕАЛАГІЧНЫЯ АДЗІНКІ ЯК СРОДАК ХАРАКТАРЫСТЫКІ ФІЗІЧНЫХ УЛАСЦІВАСЦЕЙ ЧАЛАВЕКА Ў ГАВОРКАХ ВІЦЕБШЧЫНЫ

Анатацыя. У артыкуле прааналізаваны рэгіянальныя фразеалагізмы, што бытуюць на тэрыторыі Віцебшчыны і выкарыстоўваюцца для апісання фізічных уласцівасцяў чалавека (устойлівыя выразы, якія характарызуюць чалавека з абмежаванымі разумовымі здольнасцямі, схільнага да ўжывання алкаголю, хударлявага целаскладу, з моцным здароўем, высокага і нізкага росту). Выяўлены лексічныя, семантычныя, камбінаваныя варыянты да зафіксаваных у фразеаграфічных працах устойлівых выразаў.

Ключавыя словы: фразеалагізм, рэгіянальны фразеалагізм, устойлівы выраз, лексічны варыянт, семантычны варыянт, камбінаваны варыянт.

Даследаванне выканана ў межах навукова-даследчай тэмы «Функцыянаванне сучаснай беларускай мовы ў вуснай камунікацыі і пісьмовым тэксце: сацыяльна-дзяржаўны, нацыянальна-культурны і краязнаўча-рэгіянальныя параметры» (у межах задання «Беларуская мова: этналінгвістычны, сацыялінгвістычны і лінгвакультуралагічны аспекты даследавання»), зарэгістраванай на 2021–2025 гг. (нумар дзяржрэгістрацыі 20210458 ад 31.03.2021).

Даследчыкі адзначаюць, што ў сучаснай лінгвістыцы назіраецца імкненне да інтэграцыйнага разумення сутнасці мовы як дынамічнай сістэмы, у цэнтры якой стаіць чалавек. Антрапацэнтрычны падыход да вывучэння мовы абумоўлівае павышаную ўвагу даследчыкаў якраз да лінгвакультуралагічнага і кагнітыўнага аспектаў, бо мова – гэта не толькі сродак, з дапамогай якога людзі наладжваюць сувязі, абменьваюцца

інфармацыяй, але і своеасаблівае люстэрка жыцця і працы народа, яго грамадскага і культурнага развіцця. Калі грамадства параўнаць з жывым арганізмам, то мову можна назваць нервовай сістэмай, якая наладжвае ў арганізме сувязі паміж яго клеткамі [1, с. 9].

Чалавек здольны разумець свет і самога сябе дзякуючы мове, якая з'яўляецца галоўным спосабам фарміравання і існавання ведаў пра навакольную рэчаіснасць. У мове вызначаецца адзіная, самабытная і непаўторная карціна адлюстравання навакольнай рэчаіснасці. Кожная нацыянальная мова па-свойму адлюстроўвае свет і выражае тое, што не здольна выразіць іншая. Кожная нацыянальная культура мае такія моўны матэрыял, які дазваляе ёй перадаць гістарычны вопыт свайго народа, асаблівасці яго мыслення і псіхікі, маральна-этычныя і эстэтычныя нормы наступным пакаленням. Мова з'яўляецца крыніцай інфармацыі, назапашанай этнічным калектывам, які жыве ў пэўным прыродным асяроддзі і сацыяльных умовах [1, с. 9].

Нацыянальная і культурная спецыфіка кожнай мовы найперш выяўляецца праз яе фразеалагічныя сродкі, што ўтрымліваюць багатую інфармацыю, якая дапамагае зразумець асаблівасці матэрыяльнага і духоўнага жыцця пэўнай этнічнай супольнасці [1, с. 17]. Антрапацэнтрызм фразеалагізмаў заключаецца ў іх магчымасці апісваць розныя бакі чалавечага жыцця. Устойлівыя выразы дазваляюць убачыць унутраны свет асобы, яе маральныя каштоўнасці, асаблівасці адносін з іншымі людзьмі, у тым ліку ў сям'і.

Супрацоўнікі кафедры беларускай і рускай філалогіі ўстановы адукацыі «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава», студэнты факультэта гуманітарыстыкі і моўных камунікацый названай установы, займаючыся распрацоўкай навукова-даследчай тэмы «Функцыянаванне сучаснай беларускай мовы ў вуснай камунікацыі і пісьмовым тэксце: сацыяльна-дзяржаўны, нацыянальна-культурны і краязнаўчарэгіянальныя параметры» (у межах задання «Беларуская мова: этналінгвістычны, сацыялінгвістычны і лінгвакультуралагічны аспекты даследавання»), зарэгістраванай на 2021–2025 гг. (нумар дзяржрэгістрацыі 20210458 ад 31.03.2021), ажыццяўляюць працу па вывучэнні рэгіянальных фразеалагічных адзінак, што функцыянуюць у вусным маўленні жыхароў Віцебскай вобласці.

Прапанаваны артыкул адлюстроўвае вынікі такой работы па апрацоўцы арыгінальнага, нікім да гэтага не даследаванага рэгіянальнага матэрыялу. Актуальнасць праведзенага аналізу звязана найперш з тым, што ён уводзіць ва ўжытак устойлівыя выразы, якія бытуюць на тэрыторыі Віцебскай вобласці, не зафіксаваныя ў навуковых і лексікаграфічных працах. Мэта публікацыі – аналіз рэгіянальных фразеалагізмаў, што бытуюць на тэрыторыі Віцебшчыны і выкарыстоўваюцца для апісання фізічных уласцівасцяў чалавека, у семантычным і структурным плане. Матэрыял даследавання ўключае прыклады, сабраныя ў 2020–2023 гг. на тэрыторыі сельскіх населеных пунктаў шляхам апытання мясцовых жыхароў.

Фразеалагічныя выразы змяшчаюць багатую інфармацыю пра духоўныя каштоўнасці, матэрыяльны ўклад жыцця народа, яго традыцыі, вераванні, адносіны да іншых. Высветлілася, што рэгіянальная фразеалогія мае ў сваім складзе значную колькасць адзінак, што ўжываюцца для характарыстыкі фізічных уласцівасцяў чалавека.

Сярод сабраных фразеалагізмаў значнае месца належыць адзінкам, якія апісваюць неразумнага, нездагадлівага чалавека. Ніжэй разгледзім асобныя ўстойлівыя выразы, праілюстраваныя іх прыкладамі з маўлення мясцовых жыхароў.

Даследчыкі звяртаюць увагу на тое, што ў фразеалагічных адзінках пры рэпрэзентацыі разумовай дзейнасці найбольш часта ў якасці структурнага кампанента выступае назоўнік *галава* са значэннем 'розум, свядомасць, развага', які з'яўляецца своеасаблівым «цэнтрам» інтэлектуальных здольнасцяў чалавека [1, с. 78]. У рэгіянальным матэрыяле таксама зафіксаваны ўстойлівыя выразы з кампанентам *галава*: *галава з апілкамі* – 'пра нездагадлівага, неразумнага чалавека': *У цябе мазгоў зусім няма, галава твая з апілкамі* (вёска Лозы Талачынскі раён).

Фразеалагізмы могуць утрымліваць моўныя адзінкі, што выйшлі з актыўнага ўжывання і адносяцца да пасіўнай (устарэлай) лексікі: *сто пудоў дыму* – ‘пра вельмі неразумнага чалавека’: *Гэты Мікола – як сто пудоў дыму. Кажуць, што нават школу ледзь скончыў, перавальваўся з двойкі на тройку* (вёска Бачэйкава Бешанковіцкі раён). Назоўнік *пуд* з’яўляецца гістарызмам і мае значэнне ‘мера вагі, роўная прыкладна 16,3 кг’ [2, с. 515].

Нярэдка ў складзе фразеалагізмаў фіксуюцца словы абмежаванага ўжывання, напрыклад, дыялектызмы: *хоць чарэпкэй бі* – ‘неразумны’: *Мой сын Сашка – хоць чарэпкэй па галаве бі: так і не вывучыў табліцу множання!* (вёска Горныя Ходцы Сенненскі раён). Устойлівы выраз утрымлівае дыялектызм *чарэпка*, які ў гэтай мясцовасці мае значэнне ‘драўляны коўш’.

Акрамя пералічаных вышэй, для характарыстыкі чалавека са слабымі разумовымі здольнасцямі на Віцебшчыне выкарыстоўваюць таксама наступныя выразы: *як баразна* – ‘пра чалавека са слабым розумам’: *Што з яго возьмеш? Ён як баразна! Слабы розум!* (вёска Германавічы Шаркаўшчынскі раён); *як лэвы бот з правай нагі* – ‘неразумны’: *Дык ён жа як лэвы бот з правай нагі! Пра што з ім можна дамаўляцца? Розуму ў яго для гэтага мала* (вёска Паўночнае Гняздзілава Докшыцкі раён).

У беларускай фразеаграфіі зафіксаваны выраз, падобны на апошні з прыведзеных фразеалагізмаў: *дурны як бот <з лэвай нагі>*. *Акал. Разм. Вельмі, надзвычай (дурны). Нездарма кажучь іны раз і пра чалавека, што ён дурны як бот, ды яшчэ з лэвай нагі* [4, с. 115].

Як відаць з прыведзеных вышэй прыкладаў, у рэгіянальным матэрыяле ўстойлівы выраз пашырае свой кампанентны склад, становячыся лексічным варыянтам да апісанай у лексікаграфічных крыніцах адзінкі і нават у сваім пераасэнсаваным значэнні, метафарычным ужыванні падкрэсліваючы алагічнасць, неадпаведнасць агульнапрынятым нормам (*лэвы бот – правая нага*).

Ва ўсе часы п’янства асуджалася нашымі продкамі, і сёння нецвярозыя людзі выклікаюць адмоўныя адносіны да іх. Даследчыкі адзначаюць, што п’янства здаўна было моцна развіта сярод насельніцтва. Магчыма, звязана гэта з тым, што яшчэ ў XVIII ст., у адпаведнасці з усталяваным парадкам, кожны беларускі селянін у карчме свайго пана за год павінен быў выпіць пэўны аб’ём піва і гарэлкі (сівахі). Таму ж, хто гэтага не рабіў, неабходна было выплаціць поўны кошт ці розніцу паміж усталяванай і спажытай колькасцю гарэлкі [1, с. 120].

У гаворках жыхароў Віцебшчыны ўжываюцца наступныя выразы для характарыстыкі п’янага чалавека: *выжлукта саба́чча!* – ‘пра п’яніцу’: *Ах ты выжлукта саба́чча! Зноў набраўся!* (вёска Тоўпіна Чашніцкі раён); *як гразі набраўся* – ‘пра п’янага чалавека’: *Глянь, Сяргей дадому ідзе. Зноў як гразі набраўся!* (вёска Канстантова Сенненскі раён).

У «Фразеалагічным слоўніку беларускай мовы» І.Я. Лепешава прыводзіцца блізкі па структуры і значэнні да апошняга з прыведзеных устойлівы выраз: *набра́цца (набіра́цца) як (што) жа́ба гразі́*. *Акал. Разм. Асудж. Вельмі моцна. Пра п’янага. А то ж бывае, што возьме каторы ды набярэцца здуру як жаба гразі...* [4, с. 374]. Рэгіянальны фразеалагізм адрозніваецца ад прыведзенага ў слоўніку кампанентным складам і месцам націску ў назоўніку (*гразі́ – гразі́*), таму можа быць аднесены да лексіка-акцэнтнага, ці камбінаванага варыянта.

Прыведзеныя фразеалагізмы маюць адмоўную канатацыю, семантызуюць п’янства як чалавечую загану, падкрэсліваюць празмернасць ужытай дозы алкаголю (*выжлукта – выжлу́кціць – перан. Разм. Выпіць вялікую колькасць чаго-небудзь* [3, с. 535]), утрымліваюць у сваім складзе моўныя адзінкі, з дапамогай якіх праводзіцца паралель паміж нецвярозым чалавекам і прадстаўніком жывёльнага свету, і, адпаведна, у выразях праводзіцца думка, што п’яны губляе чалавечае аблічча.

Выяўлены фразеалагізмы, што выкарыстоўваюцца для апісання іншых фізічных асаблівасцяў чалавека. Разгледзім асобныя з іх: *як свінні аблізлі* – ‘пра бруднага, нехайнага чалавека’: *Дзе ты так вымурзаўся? З ног да галавы! Цябе як свінні аблізлі!* (вёска Бачэйкава Бешанковіцкі раён); *абрасці мохам* – ‘пра бруднага чалавека’: *Мікіта, я вытаніў баню – ідзі памыйся, а то ўжо мохам абрós!* (аграгарадок Новая Зара Чашніцкі раён).

У «Фразеалагічным слоўніку беларускай мовы» І.Я. Лепешава апошні з прыведзеных устойлівы выраз падаецца са значэннямі ‘адставаць ад жыцця, духоўна апускацца’; ‘станавіцца багацейшым, разжывацца’ [4, с. 43]. Відавочна, што рэгіянальны фразеалагізм з’яўляецца семантычным варыянтам да зафіксаванага ў слоўніку.

Пры апісанні чалавека хударлявага целаскладу на Віцебшчыне ўжываецца фразеалагізм *адзін нос застáўся* – ‘пра худога чалавека’: *Чаму ты так мала ясі? Адзін нос застáўся* (аграгарадок Новая Зара Чашніцкі раён); *Цяжка, відаць, вучыцца. Схуднеў надта ж. Адзін нос застáўся!* (вёска Угрынкі Ушацкі раён).

Для характарыстыкі чалавека з моцным здароўем выкарыстоўваецца ўстойлівы выраз *жалéза перакýсіць (перагрызé)* (часта з іранічным падтэкстам): *Мікола часта скардзіцца, што хварэе. Не слухайце вы яго! Ён жалéза перагрызé!* (вёска Бачэйкава Бешанковіцкі раён).

Пры апісанні чалавека высокага росту ўжываецца фразеалагізм *лось цыбáты*: *Ты паглядзі, які высокі чалавек. Лось цыбáты!* (вёска Новая Обаль Сенненскі раён), нізкага росту – *травá на пóяс*: *Ды які з яго памочнік, калі ён травá на пóяс?!* (вёска Дубаўцы Сенненскі раён).

Такім чынам, рэгіянальныя фразеалагізмы, якія бытуюць на тэрыторыі Віцебшчыны, вызначаюцца разнастайнасцю ў семантычным плане: выяўлены ўстойлівыя выразы, што характарызуюць чалавека з абмежаванымі разумовымі здольнасцямі, схільнага да ўжывання алкаголю, хударлявага целаскладу, з моцным здароўем, высокага і нізкага росту. Сярод прааналізаваных адзінак нярэдка сустракаюцца лексічныя, семантычныя, камбінаваныя варыянты да зафіксаваных у фразеаграфічных працах. Асноўная большасць рэгіянальных устойлівых выразаў, што характарызуюць фізічныя ўласцівасці чалавека, ужываецца пры дзейніку са значэннем асобы.

Этнамоўная вартасць апісанага вышэй фактычнага матэрыялу бачыцца нам у яго магчымасці характарызаваць адметнасць побыту, укладу жыцця, мадэлі паводзін, стэрэатыпы мыслення, традыцыі, звычаі, што склаліся на працягу станаўлення нашага народа.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Дзядова, А. С. Чалавек у люстэрку беларускай фразеалогіі і парэміялогіі : манаграфія / А. С. Дзядова. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. – 162 с. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://rep.vsu.by/handle/123456789/3208>. – Дата доступу : 30.09.2023.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. – Мінск : БелСЭ, 1980. – Т. 4. – 768 с.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. – Мінск : БелСЭ, 1977. – Т. 1. – 608 с.
4. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 1993. – Т. 1. – 590 с.

Abstract. The article analyzes regional phraseological units that exist on the territory of the Vitebsk region and are used to describe the physical properties of a person (stable expressions that characterize a person with limited mental abilities, prone to alcohol consumption, slim build, with good health, tall and short stature). Lexical, semantic, combined variants of stable expressions fixed in phraseographic works are revealed.

Keywords: idiom, regional idiom, stable expression, lexical variant, semantic variant, combined variant.

Семянькова Галіна Канстанцінаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава (galina.semenkova@mail.ru).

О. Г. Соколовская, Е. В. Ковалёва

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологические единицы из трилогии Б. Акунина «Провинциальный детектив, или приключения сестры Пелагии», относящиеся к социальной сфере. Авторы выявляют социокультурные составляющие значения данной группы фразеологизмов и их образную основу.

Ключевые слова: фразеологические единицы, социальная сфера, значение, художественный текст.

Большинство современных лингвистических исследований осуществляются в рамках антропоцентрического подхода, ключевым понятием которого является человек. Лингвистов интересуют способы выражения в языке различных аспектов человеческой деятельности, а также способность человека мыслить, творить и давать оценку себе и окружающему миру.

Социальная характеристика языка предполагает рассмотрение определенных языковых особенностей, присущих той или иной группе людей. Данные отличительные черты языка и речи характеризуют образ и уровень жизни человека как представителя определенного сообщества.

Одним из актуальных направлений исследования человеческих взаимоотношений является их рассмотрение сквозь призму фразеологии. Фразеологические единицы (ФЕ) возникают в языке как отражение исторических, социальных и других представлений, как обобщение человеческого опыта. Анализ фразеологизмов в художественном тексте позволяет выявить семантические и функциональные особенности данных единиц в результате воссоздания автором фрагментов реальной действительности.

Произведения Б. Акунина представляют собой богатый материал для анализа, так как «фразеологическая составляющая детективов Б. Акунина масштабна и представлена разными типами устойчивых единиц, как в словарной форме, так и в преобразованном виде» [1, с. 137].

Языковым материалом для данной статьи являются ФЕ, извлеченные методом сплошной выборки из трилогии «Провинциальный детектив, или приключения сестры Пелагии» [2]. Анализ контекстных фразеологизмов в аспекте межличностных отношений и характеристик позволяет рассмотреть и выявить социальную основу данных единиц и их социальные функции.

Цель работы – анализ ФЕ в произведениях Б. Акунина, выявление их роли в формировании социокультурных стереотипов.

В трилогии описываются события, происходящие в XIX веке. Автор неоднократно обращается к фразеологизмам для создания атмосферы того времени, в том числе и для отражения отношений в обществе. Кроме того, употребление ФЕ способствует национальной идентификации всего произведения в целом.

Рассмотрим примеры употребления ФЕ в тексте произведения.

И невелика ты птица, чтоб я про тебя притчи загадывал.

Архиерей Митрофаний использует по отношению к монахине Пелагии оборот *невелика ты птица*. Образ данного выражения противопоставляется таким фразеологизмам, как *важная птица*, *большая шишка*, *птица высокого полета*, которые характеризуют человека, занимающего высокое положение или имеющего власть в определенных кругах. Контекстное словосочетание фразеологизируется за счет образности и функциональности

благодаря своим семантическим свойствам. Говорящий подчеркивает отсутствие влияния и значимости монахини в обществе при решении важных вопросов.

В следующем контексте в качестве характеристики человека употребляется ряд выражений, в том числе и фразеологизм *волк в овечьей шкуре*, т. е. ‘человек, скрывающий свои дурные намерения, действия маской добродетели, лицемер’ [3, с. 88].

Губернаторше рисовалось, как в ее уютной гостиной объявится inferнальный красавец, погубитель невинных дев, волк в овечьей шкуре, и приготовилась, с одной стороны, не поддаться его сатанинским чарам, а с другой, с самого начала поставить супостата на место, ибо Заволжск – это ему не развратный Санкт-Петербург, где женщины легкодоступны и безнравственны.

Людмила Платоновна заочно дает такую оценку Бубенцову, инспектору из столиц, которая основана на слухах и чужом мнении, на восприятии этого человека другими. Таким образом, общественное мнение является ключевым при формировании индивидуальных представлений.

Деловые отношения находятся в основе следующей ситуации.

*Пока мы с его папенькой, как у нас заведено, сходились, расходились, плевали, снова сходились, прежде чем **по рукам ударить**, я мальчонку этого, чтоб не скучал, в библиотеку посадил с яблоками и пряниками.*

Во фрагменте описывается процесс переговоров, результат которых отражен во фразеологизме *ударить по рукам*, т. е. ‘выразить взаимную готовность взять на себя обязательства по соглашению, сделке, договору и т. п. в форме указания на жест рукопожатия, часто сопровождающий договоренности различного рода’ [4, с. 560]. Физический контакт выражает определенную степень доверия к другому человеку, готовность сотрудничать с ним.

Фразеологизмы часто употребляются в произведении для характеристики людей, как в следующем фрагменте.

*Выскочила Полюночка замуж против нашей с Аполлон Николаичем воли за паршивого грузинского князька, который только и умел, что **пыль в глаза пускать**.*

В приведенном примере фразеологизм является выражением субъективной оценки Марьи Афанасьевны, а также характеристикой описываемого человека. Контекстное выражение полностью соответствует словарному толкованию: ‘создавать ложное, преувеличенно хорошее впечатление о себе у кого-либо, обманывать кого-либо’ [5, с. 116, 481]. Изменение порядка слов в устойчивом словосочетании усиливает эмоциональность героини и ее неодобрительное отношение к предмету речи.

Яркий пример функционирования общества, общественных организаций или структур заключен в следующем фразеологическом выражении.

*Известна ли вам, сын мой, пословица, гласящая, что **рыба гниет с головы?***

Митрофаній рассуждает о чиновниках, их натуре и лихоимстве, а также о том, как изменить существующие порядки, объясняя, с чего нужно начать. В пословице *рыба гниет с головы* содержится ‘указание на то, что отрицательно оцениваемые процессы в социально организованной группе людей (государстве, организации, институте и т. п.) обычно начинаются среди тех, кто осуществляет управление, сделанное в форме уподобления этих процессов порче рыбы’ [4, с. 581]. Стоит отметить, что архиерей подробно разъясняет этот процесс, а собеседник в дальнейшем употребляет отдельные компоненты пословицы метафорично в отношении общества: «Ну хорошо, допустим, **голова** будет честная, а ниже-то, ниже?» Таким образом, значение пословицы приобретает значимость для всего текста, а не только для фрагмента.

Фразеологизмы также используются в качестве оценки деятельности отдельного человека и общества в целом.

Бывало, назначали из столицы честных начальников, да еще не просто честного пришлют, а решительного и делового, твердо намеренного всех на чистую воду выве-

*сти и немедленно царство справедливости и порядка утвердить, но и таким орлам Заволжье быстро **крылья укорачивало.***

Во фрагменте описываются социальные устои, порядки, для чего используется контекстный фразеологизм, в основе которого находится ФЕ *подрезать крылья*, т. е. ‘лишать кого-либо возможности проявить себя, лишать веры в себя’ [5, с. 319]. Заволжье воспринимается как вся социальная среда населенного пункта, которая функционирует по своим законам и которая находит возможность справиться с причиняющей ей вред деятельностью отдельных личностей.

Социальное восприятие группы людей представлено в следующем примере.

У него все работники сплошь из староверов. Бородатые, угрюмые, на власть волками смотрят.

Такая характеристика людей, их взглядов делает их идеальными подозреваемыми в преступлении, что соотносится со словарным значением ФЕ *смотреть волком*, т. е. ‘относясь к кому-либо агрессивно-недоброжелательно, проявлять свое отношение во взгляде, осмысляемом как взгляд дикого хищного зверя’ [3, с. 88]. Социальный стереотип основан на реалиях объективной действительности.

Пример положительной характеристики человека иллюстрирует следующий фрагмент текста.

*Феликс Станиславович сразу **взял быка за рога.***

Полицейский мечтает о карьере, однако это труднодостижимая мечта в небольшой Заволжской губернии. Поэтому, как только произошло преступление, герой произведения *взял быка за рога*, т. е. ‘начал действовать энергично, решительно и сразу с самого основного, главного’ [5, с. 63]. Феликс Станиславович характеризуется при помощи ФЕ как целеустремленный и не боящийся трудностей человек.

Таким образом, в основе выявленных в тексте трилогии Б. Акунина «Провинциальный детектив, или приключения сестры Пелагии» социально ориентированных фразеологических выражений чаще всего находятся образы животных, их внешний вид и повадки, а также отражение непосредственного контакта человека с этими животными. Социокультурная составляющая значения ФЕ проявляется в качестве характеристики: 1) положения человека в обществе; 2) межличностных отношений (трудовых, торговых и т. п.); 3) поведения человека; 4) отношения человека к другим людям или социальным институтам.

Список использованных источников

1. Сафонова, Т. В. Функционирование фразеологических единиц в детективной прозе Б. Акунина / Т. В. Сафонова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 130–139.
2. Акунин, Б. Провинциальный детектив, или Приключения сестры Пелагии [Электронный ресурс] / Б. Акунин // LoveRead.me. – Режим доступа : <http://loveread.me/series-books.php?id=22>. – Дата доступа : 04.09.2023.
3. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – М. : Астрель: АСТ, 2008 – 878 с.
4. Баранов, А. Н. Академический словарь русской фразеологии / А. Н. Баранов, М. М. Вознесенская, Д. О. Добровольский, К. Л. Киселева, А. Д. Козеренко. – М. : ЛЕКСПУС, 2020. – 896 с.
5. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

Abstract. The article deals with phraseological units from B. Akunin’s trilogy “Provincial Detective, or Sister Pelagia Adventures” (Провинциальный детектив, или Приключения сестры Пелагии), which refer to the social sphere. The authors identify the sociocultural meaning components of such phraseological units and their figurative basis.

Keywords: phraseological units, social sphere, meaning, literary text.

Соколовская Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент; Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина (olga_yablonskaya@gambler.ru).

Ковалёва Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент; Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина (alena.kavaliova@gmx.de).

УДК 81'272:811.161.1

С. Н. Стародубец

«РУССКИЙ СЛЕД» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СОЦИУМА

Аннотация. В статье рассматривается актуальная семантика составного наименования *русский след*. Описаны коммуникативные значения неоднословного образования в русской языковой картине мира, зафиксированные в результате анализа основного и газетного корпусов Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: идеологема, медиадискурс, составное наименование, коммуникативное значение, Национальный корпус русского языка.

Современный политический медиадискурс рубежа веков и первой четверти XXI века отличается особой продуктивностью употребления в нем составных идеологизированных и этноспецифических наименований с атрибутом *русский*. Как мы уже отмечали ранее, ключевыми идеологемами русской концептуальной и языковой картин мира являются понятия *русский мир*, *русский человек*, *русская идея*, *русское Слово/слово*, *русское оружие*, *русский солдат*, *русская культура*, *русский вопрос*, *русский характер*, *русский стиль* и др. [1, с. 350].

В рамках исследования будет рассмотрено составное наименование *русский след*. С целью выявления и изучения компонентного состава значения наименования *русский след* был изучен «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ), а именно газетный и основной корпусы [2].

Всего было зафиксировано 277 текстов (контекстов), в том числе – 17 контекстов и 18 примеров словоупотребления в основном корпусе и 260 текстов, 300 примеров словоупотребления – в газетном.

В процессе анализа и изучения нами были выявлены инварианты и варианты составного наименования *русский след*.

Инвариант: Русский След / «Русский след» / русский след / «русский след»

Коммуникативное значение № 1: «Русский след» – название журнала, фотоконкурса, программы, рубрики в журнале.

1. *Участников ожидают международные круглые столы и конференции, визиты соотечественников, кинопоказы, фотоконкурс «Русский след» и другие мероприятия* (Пятый фестивальный марафон «От Атлантики до Тихого океана» охватит 40 стран // Парламентская газета, 2021.05.17. Контекст № 2, газетный корпус).

2. *Вторая линия пересечения с мировым кинопроцессом — программа «Русский след», в которой видно многоканальное воздействие российской культуры на мировое кино* (Кирилл Разлогов: «Жюри Московского кинофестиваля придется непросто» // Известия, 2016.06.21. Контекст № 135, газетный корпус).

Коммуникативное значение № 2: Русский След / русский след / «русский след» – влияние (реальное или мнимое) русских и всего русского на общественно-политические процессы в западном социуме.

3. *<...> остается затыкать дыру в нынешней европейской политике старым добрым Русским Следом. То есть дискредитировать популистов, подсовывая им яко-*

бы русских девиц; подбрасывать дурацкие прокламации якобы из Кремля; пугать телезрителей ЕС парадом на Красной площади. При этом набор фактуры, которой оперируют европейские СМИ и спецслужбы по части "российского вмешательства", ясно говорит: все это вмешательство – одно большое хайли-лайкли. Но в принципе это надо понять и простить. <...> Те европейские проблемы, которые драпируются Русским Следом, конечно, будут только нарывать и усугубляться. Но ведь это их проблемы, а не наши (Дыру в Европе заткнули «русской девушкой-олигархом» // РИА Новости, 2019.05.19. Контекст № 26, газетный корпус).

4. Видео – на русском, а значит – русский след, такая логика у прибалтов, говорит Митрофанов (Фейкометы работают: «Фельдшер Марина» из Риги изрядно нагадила в Рунете // Vesti.ru, 2020.12.10. Контекст № 9, газетный корпус).

5. Эхо войны, манифест и китч: в Германии проявился русский след. Русский след прослеживался и в зарубежных лентах: многие проекты, в том числе в основном конкурсе, так или иначе затрагивали тему нашей страны (Эхо войны, манифест и китч: в Германии проявился русский след // Известия, 2019.02.12. Контекст № 36, газетный корпус).

6. Лондону предложили найти «русский след» в отравлении Наполеона. Разов отметил, что после открытого сравнения чемпионата мира по футболу в РФ с Олимпиадой 1936 года в Германии, британской стороне остается обнаружить «русский след» в отравлении Наполеона на острове Елена» (Лондону предложили найти «русский след» в отравлении Наполеона // Известия, 2018.03.24. Контекст № 46, газетный корпус).

Коммуникативное значение № 3: Русский след / русский след / «русский след» – продуктивное влияние русского национального мировоззрения, русской духовной (в том числе православной) культуры, русской интеллигенции, русской науки, русских ученых на социально-экономические, культурные, общественные события и явления.

7. Русский след заметен здесь и сегодня. «Лента.ру» присмотрелась к нему повнимательней. В самом сердце Рейнгау лежит городок Висбаден. Тихий, уютный, породистый (Александр Сидоров. Русский след на Рейне // Lenta.ru, 2017.04.02. Контекст № 120, газетный корпус).

8. Русская церковь вернет былое место в Иерусалиме, Русский след в Иерусалиме. Сейчас это, действительно, скорее след от целого квартала, который еще в начале прошлого века на Святой Земле принадлежал Русской церкви и частным меценатам. Российское правительство намерено помочь Русской церкви вернуть былое место в Иерусалиме и былую славу Ново-Иерусалимского монастыря в самой России. Колокола церкви Воскресение благовестят к обедне (Русская церковь вернет былое место в Иерусалиме // Vesti.ru, 2009.10.03. Контекст № 198, газетный корпус).

9. Русских художников-постановщиков фильма "Гарри Поттер и узник Азкабана" на мировую премьеру не позвали. "Правда, нам прислали в подарок рюкзак с надписью "Harry Potter Team", - рассказали "АиФ. Европа" Ольга и Андрей Дугины, живущие в Штутгарте (Русский след в «Гарри Поттере» // Аргументы и факты, 2010.05.05. Контекст № 191, газетный корпус).

10. <...> В конкурсе немало лент, в которых без труда опознаваем «русский след», несмотря на то, что сделаны они в других странах. Это прежде всего «Незнакомка» знаменитого итальянца Джузеппе Торнаторе (получившего «Оскар» за фильм «Новый кинотеатр «Парадизо») (Стас Тыркин. «Вива» Москва–2007! // Комсомольская правда, 2007.06.21. Контекст № 220, газетный корпус).

11. <...> В создании видеомagniтофона отчетливо прослеживается русский след. Создателем американской фирмы Атрех был наш соотечественник, человек легендарной судьбы Александр Понятов (VHS: конец истории // Парламентская газета, 2016.07.22. Контекст № 132, газетный корпус).

Коммуникативное значение № 4: русский след / «русский след» – скрытое политическое воздействие русских спецслужб на общественно-политические и культурные события в западном социуме с целью достижения необходимого для последних результата.

12. *В 2017 году в Гренландии ... <...> власть на острове стали прибирать к рукам леворадикалы-маоисты. Как ни странно, они в Гренландии есть. Причём ещё с советских времён они были связаны с Москвой, что, помимо прочего, даёт сейчас возможность говорить о «русском следе». Ещё один фактор в пользу независимости – агрессивная политика датчан в деле ассимиляции эскимосов и навязывания им датского языка. Кому это может понравиться? У Гренландии огромная береговая линия, а следовательно, и огромная морская экономическая зона (Независимая Гренландия – это круто // Парламентская газета, 2018.04.28. Контекст № 45, газетный корпус).*

13. *<...> Так называемый русский след стал главным аргументом во всех бездоказательных обвинениях, предъявляемых сейчас к России Западом, сказал «Парламентской газете» зампред Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности Алексей Кондратьев, комментируя ультиматум британского премьер-министра Терезы Мэй, по которому Россия должна до вечера 13 марта «правдоподобно объяснить» по «делу Скрипаля» (Кондратьев назвал обвинения Терезы Мэй в адрес России пустым звуком // Парламентская газета, 2018.03.13. Контекст № 49, газетный корпус).*

Наиболее продуктивным коммуникативным значением в политическом медиадискурсе является четвертое, имеющее план выражения «русский след». Названное коммуникативное значение является не только этноспецифическим, но и идеологизированным, реализующим как мелиоративную, так и пейоративную идеологическую коннотацию.

Список использованных источников

1. Стародубец, С. Н. Идеологема «русская идея» в русской концептуальной и языковой картинах мира / С. Н. Стародубец, О. В. Белугина, О. Ю. Колегова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14. – № 2. – С. 347–364.

2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 04.10.2023.

Abstract. The article discusses the actual semantics of the compound name Russian trace. Russian Russian linguistic picture of the world describes the communicative meanings of non-verbal education, recorded as a result of the analysis of the main and newspaper corpus of the Russian National Corpus.

Keywords: ideologeme, media discourse, compound name, communicative meaning, Russian National Corpus.

Стародубец Светлана Николаевна – доктор филологических наук, доцент; Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, филиал в г. Новозыбкове (starodubets.madam@yandex.ru).

УДК 811.161.1'373.7

А. Н. Столярова

О НЕКОТОРЫХ ПРИЁМАХ ВВЕДЕНИЯ НЕОФРАЗЕМ В МЕДИАТЕКСТ

Аннотация. Статья посвящена неофразеологии, которая широко используется в медиатекстах как средство повышения их экспрессивности и семантической насыщенности. Будучи новыми единицами, неофраземы могут представлять трудности для адекватного восприятия.

Анализируются приёмы, используемые журналистами для достижения поставленных коммуникативных задач и минимизации возможного недопонимания значения неофразем.

Ключевые слова: неофразеология, неофразема, медиатекст, приём введения в текст, переосмысление.

Исследование выполнено в рамках НИР «Ключавыя ідэнтыфікатары беларускай лінгвакультуры і іншакультурныя моўныя феномены ва ўмовах выклікаў глабалізацыі і інфармацыйна-лічбавай эпохі», входящей в задание «Беларуская мова: этналінгвістычны, сацыялінгвістычны і лінгвакультуралагічны аспекты даследавання» падпраграмы «Беларуская мова і літаратура» Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг.

Пополнение языка новыми лексическими и фразеологическими единицами в современных реалиях происходит стремительными темпами. С момента первой фиксации единицы до обретения ею устойчивости и воспроизводимости проходит зачастую совсем небольшой временной промежуток. Этому способствует обширная информатизация и компьютеризация общества, ведущая к доступности новых технологий и, как следствие, к свободному доступу к массивам актуальной информации. В большинстве случаев источником таких для пользователей сетевых ресурсов являются медийные тексты. Их привлекательность для читателя состоит не только в возможности повысить уровень осведомлённости в каком-либо вопросе, узнать о происхождении событий, но и в особом лексико-фразеологическом материале, который используется журналистами. Особенностью языка медиатекстов является его эмоциональная насыщенность, экспрессивность, направленность на читателя, своеобразная диалогичность, способствующая реализации прагматических интенций автора.

Объектом нашего исследования являются новые фразеологические единицы, неопраземы, русского языка, а материалом послужили медиатексты сетевых изданий Республики Беларусь. Цель работы – выявить и описать приёмы, используемые авторами для введения в медийный текст неопразем как потенциально незнакомых читателю единиц.

В языке СМИ, «этой своего рода лаборатории языковых инноваций, выступающей в наши дни в качестве относительно автономной подсистемы общенационального языка, которая развивается особенно активно и динамично, демонстрируя наиболее характерные инновационные модели в области словоупотребления, новообразований и использования средств языковой выразительности» [1, с. 5], идёт, по словам В. Г. Костомарова, «массовое напряжённое фразеотворчество, дополняющее уже рассмотренную всеохватывающую (прибегая к модному слову – обвальную) проверку на точность и прочность, на пригодность для новых условий, всех привычных терминов, ходячих формул» [2, с. 187]. Журналисты активно прибегают к использованию образных языковых средств: появляются новые фразеологические единицы, варианты и трансформации уже существующих фразеологизмов. Фразеологические новообразования, возникающие в результате семантических преобразований свободных словосочетаний, развивают новые смыслы по сравнению со словосочетанием-основой, приобретают коннотативные оттенки значения. Таким образом, в неопраземе сочетается повышенная экспрессия с увеличенной семантической нагруженностью. Данные характеристики, с одной стороны, позволяют обогатить текст, в котором употребляется неопразема, но с другой стороны, могут усложнять понимание данного текста.

При употреблении неопразем в тексте необходимо учитывать фактор реципиента, получателя информации как обязательного участника информационного взаимодействия. Адекватное восприятие и корректная интерпретация информации напрямую связаны с личными качествами читателя, среди которых Е. И. Симоненко называет его этнокультурную и коммуникативную компетенцию, эмоциональное состояние, социальную принадлежность, возраст и др. [3, с. 16–17]. Авторские интенции могут быть ре-

лизованы лишь при должном уровне подготовленности читателя, а в противном случае возникает коммуникативный барьер, делающий невозможным эффективное взаимодействие в рамках данной коммуникативной ситуации. Н. В. Бизюков считает, что преодоление данного барьера заключается в следующем:

– «в адекватной интерпретации текста и отдельных его элементов, соответствующей цели данной речевой ситуации;

– в расшифровке ключевых, определяющих понимание текста фрагментов (если речь идет об адресанте или адресате-носителе другого языка – в корректном языковом переводе);

– в языковой компетентности участников речевого общения, в их способности правильно пользоваться экспрессивными средствами языка и адекватно их понимать» [4, с. 3].

Поскольку авторы статей не имеют возможности непосредственного диалога с читателем в реальном времени, где существовала бы возможность убедиться в корректности понимания сказанного, их цель – ввести в текст неопределенность таким образом, чтобы обеспечить её адекватное понимание. В результате анализа собранного материала нами были выделены некоторые широко используемые для этого приёмы.

Самым распространённым приёмом является употребление выделительных знаков, кавычек, которые «являются показателем разрушения стандартного семиотического акта в письменной речи» [5], т. е. сигнализируют читателю, что он «должен искать нужный неконвенциональный смысл» [5]. В приведённом примере употреблена фраза, значение которой является результатом метафорического переосмысления:

Помнится, и мне тоже довелось воспользоваться микрофоном на открытии. В тот момент будто насквозь прошло «короткое замыкание». Да такой силы, словно одномоментно перетряхнуло весь молекулярный состав организма (sb.by, 15.06.2021).

«Неконвенциональные смыслы», которые подчёркивают журналисты, применяя кавычки, могут указывать на новизну используемой единицы, её ситуативное употребление:

Я знаю десяток минских заведений и бизнесов с услугами, где прямо-таки клиента «облизывают», но и стоит это также весомо для кошелька. Поэтому, если могу позволить, – иду к ним, нет – «вызываю «эконом» и знаю, что от него получу (sb.by, 19.03.2020).

Кавычки привлекают внимание читателя, предупреждают, что необходимо «произвести некоторую операцию коррекции, чтобы правильно декодировать смысловое задание» [5]. Для облегчения данной мыслительной операции зачастую в текст статьи наряду с кавычками вводится и непосредственное толкование значения употребляемой неопределенности. Таким образом авторы минимизируют потенциальное нарушение понимания заложенных в тексте смыслов:

Безработица среди них даже до пандемии была рекорды: каждый седьмой молодой человек в Евросоюзе был безработным, в Греции и Испании – больше половины. Проблема настолько серьёзна, что даже получила название «поколение «ни-ни». То есть ни работы, ни учёбы (sb.by, 17.07.2020);

В Великобритании тогда говорили о «жилищной лестнице»: сначала вы снимаете квартиру с сокурсниками, потом самостоятельно, потом покупаете маленькую квартирку, увеличивая её в размерах и улучшая её местоположение параллельно со своим карьерным ростом (sb.by, 24.08.2019).

Для акцентуации «неконвенциональности» употребляемых неопределенностей в текстах встречаются фразы *так называемый*, *как сейчас модно говорить*, *как говорят*, *выражаясь терминологией автомобилистов*, *для тех, кто не в курсе*, *эдакая*, *образно говоря* и т. д.:

Пока работаем и добываем хлеб насущный, строим дома и переживаем за детей, думаем, как лучше их устроить, пока у нас есть начальники (а куда без них!?), мы не можем полностью вкушать этой самой свободы. В лучшем случае посетит иллюзия ее,

но, присмотревшись внимательнее, понимаешь, что, образно говоря, **наручники еще никто не снял** (sb.by, 18.02.2022).

Отмечаются случаи, когда авторы прибегают к комплексным приёмам и используют сочетание кавычек, объяснения и сигнализирующих конструкций: *На финансовых рынках порой случаются так называемые «чёрные лебеди» – непредсказуемые события, способные значительно повлиять на ситуацию* (sb.by, 10.07.2017).

Поскольку многие неофраземы являются заимствованиями из других языков, иногда в статьях сохраняется их оригинальное иноязычное написание, но наряду с ним приводится перевод, что способствует снятию возможных трудностей в понимании для людей, не владеющих иностранным языком:

*Многие страны осуществляют, по сути, то, что называется **helicopter money** («деньги с вертолётта»), когда просто производится раздача денег населению* (people.onliner.by, 14.04.2020);

*Во время докладов в формате **elevator speech** (презентация в лифте) школьники, студенты, молодые работники предприятий объясняли суть своих бизнес-идей экспертному совету. Ещё три минуты у них было на то, чтобы послушать советы и подсказки от опытных предпринимателей и инвесторов* (sb.by, 28.12.2016).

Еще одним действенным приёмом введения переосмысленной единицы в текст является аллюзия на широкоизвестные фильмы, литературные произведения, значимые события и пр. Эффект узнаваемости, опора на своего рода «сопричастность» позволяют журналисту уменьшить дистанцию между своим авторским «я» и читателем, создать доверительную тональность, где и читатель, и сам автор объединяются общим культурным фоном. Так, напр., можно полагать, что широким читательским массам знакома фраза *Гюльчатай, открой личико!* из фильма «Белое солнце пустыни». Неофразама *открыть личико* ‘указать свои личные данные при регистрации на электронном ресурсе’ является результатом аллюзии:

Напомним, уже начиная с этой субботы всем, кто пишет сообщения и комментарии на всевозможных белорусских форумах, придется «открыть личико» (sb.by, 28.11.2018).

Неофразама *прильнуть к большому театру* ‘выйти на высокий уровень, обрести важность и значимость’ возникла как результат осмысления высокой культурной ценности Большого театра, в ходе чего наименование учреждения стало нарицательным: *А екатеринбургским ребятам хотелось, как они говорят, «прильнуть к большому театру» – выйти если не на мировой, то на федеральный уровень* (money.onliner.by, 21.12. 2021).

Медиатексты отличаются широкой тематической отнесённостью, но неофразаология является тем материалом, который позволяет объяснить сложное, новое с опорой на знакомые и понятные образы. Читатель сейчас – это человек, понимающий как прямые, так и косвенные смыслы: «Современные потребители массового информационного продукта отличаются восприимчивостью к образной категоризации действительности, к метафорической структуризации нового знания про мир. Регулярная «тренировка» внимания к семантическому потенциалу метафор ... приводит к укреплению коннотативности языкового сознания» [6]. Тем не менее, поскольку медийные тексты ориентированы на читателей разных возрастов, образования, профессиональной сферы, журналисты при употреблении неофразем используют ряд приёмов, которые способствуют облегчению понимания данных единиц. К ним относятся использование кавычек, переводов заимствований, толкований, аллюзий на широкоизвестные факты, фраз-сигналов наподобие *так называемый* и пр.

Список использованных источников

1. Новые тенденции в русском языке начала XXI века : коллектив. моногр. / Т. Б. Радбиль [и др.] ; под ред. Л. В. Рацибурской. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2015. – 302 с.

2. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб. : Златоуст, 2015. – 320 с.
3. Симоненко, Е. И. Прагматический потенциал фразеологизмов в ценностно-смысловом пространстве художественного дискурса : на материале русской литературы XIX–XXI веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. И. Симоненко ; Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2013. – 19 с.
4. Бизюков, Н. В. Семантико-прагматический потенциал фразеологических единиц сферы человеческих отношений современного французского языка : на материале публицистического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Н. В. Бизюков ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2008. – 19 с.
5. Зализняк, А. А. Семантика кавычек [Электронный ресурс] / А. А. Зализняк // Русский филологический портал. – Режим доступа : http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm. – Дата доступа : 19.08.2023.
6. Ёчанкаў, В. Медыятэкст як каталізатар моўных тендэнцый і заканамернасцей [Electronic resource] / В. Ёчанкаў // Czasopisma Uniwersytetu Opolskiego. – Mode of access : <https://czasopisma.uni.opole.pl/index.php/s/article/view/1746/1304>. – Date of access : 13.12.2020.

Abstract. Neophraseology is widely used in media texts as a means of increasing their expressiveness and semantic saturation. Neophrasemes as new units may present difficulties for adequate perception. The article analyzes the techniques used by journalists to achieve the intended communicative tasks and minimize possible misunderstanding of the meaning of neophrasemes.

Keywords: neophraseology, neophraseme, media text, techniques of bringing into the text, reinterpretation.

Столярова Анастасия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент; Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина (stolyarova_an@mail.ru).

УДК 811.161.1'367.633'366.54

Е. И. Тимошенко

ОБ УСТОЙЧИВЫХ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ СОЧЕТАНИЯХ СО ЗНАЧЕНИЕМ СООТВЕТСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматривается явление фразеологизации предложно-падежных оборотов, построенных по модели «предлог *к* + существительное в Дат. п.» и выражающих модально-оценочное значение соответствия: (*не*) *к месту*, (*не*) *ко двору*, (*не*) *ко времени*, (*не*) *к лицу*. Переосмысление подобных оборотов происходит на основе приращения модальной семы долженствования к основному значению знаменательного компонента, что обусловлено высокой степенью значимости выражаемого понятия («место», «время», «человек как личность и социальное существо»), и семантической трансформации исконного пространственного значения предлога.

Ключевые слова: устойчивое предложно-падежное сочетание, фразеологизация, семантика соответствия.

Во фразеологическом фонде русского языка особое место занимают устойчивые предложно-падежные обороты наречного характера, выражающие разнообразные определительные и обстоятельственные значения (типа *за глаза*, *с иголки*, *вне себя*, *по душам*, *на славу*, *по горло*, *под носом*, *в сердцах* и т. п.). Их формирование связано с лексикализацией падежной формы существительного, сопровождающейся её переходом в другую часть речи (наречие) и идиоматизацией семантики. Отнесенность подобных оборотов к адвербиальным, однако, обусловлена только их формальными признаками, в то время как их категориальная семантика оказывается синкретичной.

Одним из аспектов описания фразеологических единиц является определение их частеречной соотнесенности. В. П. Жуков указывает на ряд грамматических и семантических свойств фразеологизмов, которые должны учитываться при определении их частеречной отнесенности: «способ выражения грамматически господствующего компонента», синтаксическая функция устойчивого оборота в предложении, особенности семантики, сочетаемостные признаки и др. [1, с. 204]. Устойчивые выражения указанного типа обладают полифункциональной категориальной семантикой, они могут соотноситься не только с наречиями, но и с прилагательными, и с предикативными наречиями, выполняющими функцию составного именного сказуемого, сравн.: *Был одет с иголки* (наречие); *Был одет в костюм с иголки* (прилагательное); *Сказал в сердцах* (наречие), *Пришел в сердцах* (предикат), *Он сегодня не в духе* (предикат со значением состояния).

Предметом рассмотрения в статье являются устойчивые предложно-падежные обороты со значением соответствия. Цель исследования заключается в выявлении сущности процесса идиоматизации, который приводит к формированию подобных оборотов, – в частности определении их исходной семантической базы.

Значение соответствия, являясь частью обширной семантико-грамматической категории модальности, непосредственным образом связано с понятиями долженствования, меры, гармонии и – как следствие – нормы; кроме того, следует сказать, что оно носит выраженный «ситуативный» характер. Сравн., напр., толкования значений слов *соответствие* и *соответственно*, приводимые в словаре: *соответствие* – ‘соотношение между чем-л., выражающее согласованность, равенство в каком-л. отношении’; *соответственно* – 1) (наречие) ‘так, как следует, соответствующим образом’; 2) (предлог) ‘согласно, сообразно чему-л., в зависимости от чего-л.’ [2, т. 4, с. 197] [подчеркивание наше – Е. Т.]. Нет необходимости доказывать, что модальные категории меры и нормы являются основополагающими, базовыми, действительно концептуальными как в сознании носителей языка, так и в самом языке, – и все-таки приведем несколько устойчивых пословичных выражений, подтверждающих первостепенную важность этих категорий в жизни человека: *Мера всякому делу вера*; *Без меры и лаптя не сплетёшь*; *И деревянный тулуп (гроб) по мерке шьют*; *Десять раз примерь, один раз отрежь*; *Тихо едешь – беда догонит, шибко пойдёшь – беду догонишь*; *Часом опоздано, годом не поверстаешь* и под. [3, с. 342, 354].

Учитывая возможность выражения рассматриваемого типа значения разноуровневыми языковыми средствами (кроме лексических и фразеологических, напр., конструктивно-синтаксическими – в виде предложений со значением грамматического тождества), по видимому, можно говорить о наличии в языке соответствующего функционально-семантического поля. Таким образом, устойчивые предложно-падежные обороты, о которых речь пойдет ниже, являются одной из составляющих частей такого поля.

Типы предложно-падежных сочетаний, способных выражать значение соответствия, в основном описаны в лингвистической литературе; к ним относятся, напр., сочетания, построенные по следующим структурным моделям: «предлог *к* + форма дательного падежа существительного», «предлог *в* + форма винительного падежа существительного», «предлог *под* + форма винительного падежа существительного» [см. 4, с. 135, 172, 218]. Два последних типа конструкций характеризуются относительно свободной лексической сочетаемостью и не подпадают под статус устойчивых оборотов. В конструкции с формой Вин. п. и предлогом *в* обнаруживается ограничение, связанное с возможностью сочетаемости только с глаголом *годиться* в качестве управляющего слова, однако лексическое наполнение самой словоформы свободно, сравн.: *Нет, решительно я не гожусь в дипломаты* (П. Н. Милуков. Письма); *Нет, я слаб и неловок, не гожусь в кузнецы* (К. И. Чуковский. Серебряный герб) [5]; *годиться в учителя, в солдаты, в доктора, в лидеры* и т. п. Лексически свободным является и наполнение словоформы Вин. п. в сочетании с предлогом *под* (в разных синтаксических

функциях): *Все в нем изменилось, все стало под лад обитателям* (И. С. Тургенев) (предикат); *По стенам жались простые, под орех, стулья* (И. А. Гончаров) (определение) [примеры Г. А. Золотовой. – 4, с. 218, 219].

Обороты, построенные по модели «предлог к + форма дательного падежа существительного» и выражающие указанное значение, являются связанными; к наиболее регулярно употребляемым относится 4 устойчивых выражения: *к месту (не к месту)*, *ко двору (не ко двору)*, *ко времени (не ко времени)*, *к лицу (не к лицу)*. Основные лексические значения слов, образующих эти сочетания, связаны с понятиями «место», «время», «человек (как социальное существо)».

Высокая значимость места в жизни человека (начиная с выбора места поселения и постройки дома) не может подвергаться сомнению. Хорошо известно, что выбор места не может быть случайным, потому что «место провоцирует ситуацию» и потому что оно обладает потенциальной жизненной силой. В. Н. Топоров считает очевидной презумпцию, «что “место” по некоему провиденциальному плану, по замыслу, по открывающимся возможностям рассчитано на благое, что во всяком случае положительное м о ж е т в месте сем случиться» [6, с. 28], другими словами, «“место” благодаря присутствию в нем человека, вещей-артефактов и пищи обладает жизненной энергией высокого напряжения, той витальностью, которая определяет уровень жизненной силы» [6, с. 29]. Представляется логичным предположить, что все эти признаки реального места обуславливают появление в лексическом значении слова *место* семантических приращений в виде сем ‘не случайное’, ‘выбранное’, ‘подходящее’, что и отражается в семантике всего оборота в целом: *к месту* 1) прост. ‘туда, куда следует (положить, убрать, спрятать и т. п. что-либо); туда, где полагается быть, находиться и т. п. чему-либо’. *Анисья смахнет пыль со столов, с диванов, откроет форточку, поправит шторы, приберет к месту* кинутые посреди комнаты сапоги. Гончаров, Обломов; 2) ‘кстати, уместно’. *Ася, обладая памятью на стихи, очень к месту* прочитывала слабоумные излияния мадам Курдюковой, а Пастухов с хохотом повторял их. Федин, Необыкновенное лето [7, с. 246]. В приведенных контекстах сочетание *к месту* является обстоятельством, однако очень регулярно оно употребляется и в предикативной функции: *Впрочем, глагол в прошедшем времени здесь не к месту*. И. Смирнов. Приобретение навеки; *Но жадность, трепет, стремительное движение руки – все это оказалось не к месту*. В. В. Набоков. Соглядатай [5].

Семантическая конденсация с включением семы ‘должное, определенное; такое, как положено’ наблюдается и для других предложно-падежных форм существительного *место* – для формы Предл. п. с предлогом *на* и для формы Род. п. с предлогом *у*. Первая фиксация в письменных текстах того и другого оборота относится к концу XVII в.: *на мѣстѣ (быти, лежати и т. п.)* ‘находиться в положенном месте, быть в порядке’. *Аще ли очи часто мигают и у того ума нетъ на месте, на семо и овамо часто переменяются*. Лечебник, к. XVII – н. XVIII в. [8, вып. 9, с. 113]; *не у мѣста стояти* ‘стоять не там, где положено’. *А новой Пышлинской острогъ стоитъ не у мѣста, въ косогоръ, и крѣпостей никакихъ нѣтъ, приступъ со всехъ сторонъ*. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею, VII, 367. 1682 г. [8, вып. 9, с. 117]. Устойчивое сочетание *у места (не у места)*, судя по данным словарей, в современном языке устаревает.

Аналогична семантика и употребление фразеологизма с другим пространственным компонентом – *ко двору, не ко двору*. *Не ко двору* – ‘не подходящий, не соответствующий каким-либо требованиям’, напр.: «*Дикая утка*» на сцене Художественного театра оказалась *не ко двору*. Вяло, неинтересно и слабо. Чехов, Письмо Л. В. Средину [7, с. 129]. В процесс фразеологизации по аналогии втягиваются и другие существительные данной тематической группы: *Начинается эта городская суতোлка,*

и тяжело бесконечно на душе; не к месту я здесь, **не к дому**. Л. В. Шапорина. Дневник. Том 1 (1898–1945) [5].

Не менее значимой для жизни человека, чем место, является категория времени. Императивный характер времени, так же как и значимость места, выступает основанием для формирования в семантике слова *время* дополнительных сем 'должное', 'подходящее', 'нужное', которые и приводят к фразеологизации оборота *ко времени* 'к сроку; в нужный момент, своевременно': *Сколько я себя помню – меня постоянно преследует страх не успеть ко времени, преследует мысль, что я непременно опоздаю на свидание или не явлюсь к назначенному сроку*. Григорович, Корабль «Ретвизан» [9, с. 553]. Уместно заметить, что таким же образом сформировалась семантика наречия *вовремя*, образованного на базе сочетания существительного в Вин. п. с предлогом *во* – *во время* – с аналогичным значением. Первая фиксация адвербиализованного оборота *во время* в памятниках письменности относится к концу XVI в.: *Чтобы государь ваш нась къ государю нашему зъ добрымъ дѣломъ ранѣе отпустилъ... а дорога наша путь морской, чтобъ намъ во время морской путь перейти*. Посольство Васильчикова, 134. 1594 г. [8, вып. 3, с. 109].

Время и место выступают одновременно как характеристики той или иной ситуации и в сознании говорящего человека могут сливаться в общее представление о ее уместности или неуместности для совершения какого-либо действия, поступка и т. п. Это обстоятельство способствует объединению сочетаний *к месту* и *ко времени* (или – чаще – *не к месту* и *не ко времени*) как средства выражения желательности/нежелательности, приемлемости/неприемлемости, положительной или отрицательной оценки явления. Сравн.: *Наверное, книжка не к месту и не ко времени*. Давид Самойлов. Памятные записки; *Не к месту... не ко времени разговоры эти*. М. Горький. Егор Булычев и другие [5].

Устойчивый оборот *к лицу* (*не к лицу*) употребляется в двух значениях: 1) '(не) идет кому-л., (не) делает кого-л. привлекательнее по внешности'; 2) перен. '(не) подходит кому-л., (не) соответствует положению кого-л.'. *Запастись женой не догадался раньше, – так теперь уж, знаете, и не к лицу*. Лермонтов, Бэла [2, т. 2, с. 192]. Второе, абстрактное, значение предполагает соответствие (несоответствие) какого-либо поступка или вербального действия внутренней сущности или «внешнему» статусу человека, а также соответствие (несоответствие) поведения или поступка общепринятым нормам.

По рассматриваемой грамматической модели сформировалось наречие *кстати*. Существительное *стать* не сохранило в современном языке значения, в которых оно стало основой предложно-падежного сочетания **к стати*: *стать* устар. 'надобность, нужда, необходимость'. *И что за стать Кротам мешаться сметь в дела Царь-птицы!* И. Крылов, Орел и Крот [2, т. 4, с. 255]; 'лад, толк, приличие, пристой, что кстати, в пору или идет к месту и к делу' (сравн.: *Честь (стать) пива дороже; Хвалить не устать, было бы под стать*) [10, с. 310].

Рассмотрим второй компонент устойчивых конструкций – предлог *к*. Известно, что исторически первичным для любого предлога является значение пространственное. Для предлога *к* в этимологической литературе реконструируется праформа **къ(n)* и указывается, что он представляет собой «продолжение и.-е. **ku* / **k^u*от, предлога-последлога местоименного происхождения». Исконным является значение нахождения вблизи чего-л. (в разных славянских языках рефлексy праславянского **къ(n)* имеют значения 'к', 'у', 'при', 'вблизи') [11, с. 170]. Есть основания полагать, что семантика нахождения близ чего-либо, приближения и присоединения, трансформируясь, переосмысливается в значение положительной оценки или способствует формированию такого значения. Можно привести целый ряд слов, содержащих историческую или живую приставку с указанным исходным значением, прямо или косвенно выражающих положительное оценочное значение: *прилежный, приличный, приветливый, пристойный,*

призреть, привязанность, дошлый, достойный и т. п. Среди значений предлога *к* также зафиксированы абстрактные значения: он «употребляется при указании на назначение какого-л. действия или предмета», а также «при указании на приспособленность, уместность чего-л., соответствие чему-л.» [2, т. 2, с. 9].

На основе всего сказанного весьма вероятным представляется предположение, что семантика соответствия в рассмотренных оборотах формируется как на основе концептуально значимого содержания основного компонента, связанного с понятиями «место», «время», «человек как личность», так и с участием семантических компонентов, приносимых служебным словом.

Список использованных источников

1. Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков. – М. : Высшая школа, 1986. – 310 с.
2. Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. – М. : «Русский язык». – Т. 2 : К–О. – 1983. – 736 с.; Т. 4 : С–Я. – 1984. – 794 с.
3. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Эксмо, 2008. – 616 с.
4. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 440 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 02.10.2023.
6. Топоров, В. Н. О понятии м е с т а, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) / В. Н. Топоров // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения акад. Н. И. Толстого (1923–1996). – М. : Индрик, 2004. – С. 12–106.
7. Фразеологический словарь русского языка / под редакцией А. И. Молоткова. – М. : Издательство «Советская энциклопедия», 1967. – 543 с.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 3 (ВОЛОДЬНЬЕ–ВЯЦЬШИНА) / гл. ред. С. Г. Бархударов. – М. : Наука, 1976. – 288 с.; Вып. 9 (М) / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1982. – 355 с.
9. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред. К. С. Горбачевич. – М. : «Русский язык». – Т. 2 : В. – 1991. – 960 с.
10. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – Т. IV : Р–У. – М. : «Русский язык», 1982. – 683 с.
11. Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд). Вып. 13 (**kroměžigь–kyžiti*) / под редакцией члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1987. – 285 с.

Abstract. The article examines the phenomenon of phraseologization of prepositional-case turns constructed according to the model “preposition to + noun in Date. p.” and expressing the modal-evaluative meaning of correspondence: (not) to the place, (not) to the court, (not) to the time, (not) to the person. The reinterpretation of such turns occurs on the basis of the increment of the modal seme of the obligation to the main meaning of the significant component, which is due to the high degree of significance of the concept being expressed (“place”, “time”, “man as a person and a social being”), and the semantic transformation of the original spatial meaning of the preposition.

Keywords: stable prepositional-case combination, phraseologization, semantics of correspondence.

Тимошенко Елена Ивановна – кандидат филологических наук, доцент; Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины (elena_skorina2@mail.ru).

Т. Н. Федуленкова, Н. В. Шишкова, Л. Г. Цаллаева

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКОЙ

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты сопоставительного исследования фразеологических единиц, имеющих в своем составе соматический компонент и характеризующихся высокой частотностью в русском и английском языках. Выявляется специфика отражения оппозиции «свой – чужой» средствами фразеологии избранных для анализа языков.

Ключевые слова: оппозиция «свой – чужой», фразеологические единицы, компонент, отражение.

Традиции оценки отношений «своего» и «чужого» более ярко выражены в практической фразеологии по сравнению с теорией современной фразеологии, в связи с чем обращаем внимание на актуальность предлагаемой работы.

Своеобразное отражение оппозиции «свой – чужой» представлено во фразеологизмах с компонентом *сердце – heart, душа – soul*: 7 английских и 11 русских процессуальных фразеологических единиц (далее – ФЕ): МФЭ-I по 2 ФЕ в обоих языках (а); МФЭ-II по 2 процессуальных, по 3 качественно-обстоятельственных, по 1 призначных ФЕ (б); МФЭ-II-III по 1 ФЕ (в). Напр.:

(а) *have a heart* (букв. «иметь сердце») – *иметь сердце* со значением ‘показать, проявить жалость’; *to put one’s heart and soul into smth* (букв. «вложить сердце и душу во что-то») ‘выкладываться (физически или умственно)’ – *вложить душу* ‘отдаваться полностью чему-л., делать что-л. с любовью, усердием’.

(б) *to have a heart to heart talk* (букв. «иметь разговор сердца с сердцем») – *поговорить по душам*; *one’s / smb’s heart is in one’s mouth/ boots* (букв. «свое, чье-то сердце во рту, ботинках») – *сердце в пятки уходит* ‘сильно бояться’; *after one’s heart* (букв. «после сердца») – по душе, любо кому-либо; *at heart* (букв. «в сердце») – *в душе* ‘по сути; в действительности’; *one’s heart isn’t in it* (букв. «сердце не здесь») – *душа не лежит* ‘что-то, кто-то не нравится’; *open-hearted / to wear one’s heart upon one’s sleeve* (букв. «с открытым сердцем / надеть сердце на рукав») – *душа нараспашку* со значением ‘общительный’.

(в) *брать (забирать) за душу (за сердце, за живое) – draw blood* (букв. «пустить кровь») ‘глубоко трогать, волновать кого-л.’.

Безэквивалентные ФЕ английского языка:

to put new heart into smb (букв. «вложить новое сердце») со значением ‘вселить надежду, уверенность’; *to have the heart in the right place* (букв. «иметь сердце в правильном месте») ‘быть добрым’; *cross one’s heart* (букв. «перекрестить свое сердце») ‘клясться, божиться’.

Безэквивалентные ФЕ русского языка:

влезать / влезть <*залезать, лезть / залезть*> *в [чужую] душу* кто кого, кому, чью – ‘выведывать, узнавать что-л. касающееся личных, сокровенных моментов чьей-л. жизни’; *изливать / излить душу кому-л.* – ‘рассказывать о сокровенных мыслях, чувствах’; *открыть душу* – ‘искренне делиться своими заветными мыслями, чувствами, переживаниями с кем-л.’; *болеть душой (сердцем)* – ‘постоянно думать о ком-, чем-л., сильно волноваться, беспокоиться о ком-, чем-л.’; *камень с души (сердца) свалился* – ‘наступило облегчение, успокоение (после чего-л. тревожного, тягостного)’; *Бог ее душу знает* – ‘никто не знает, неизвестно; кто ее знает’.

Перейдем к рассмотрению ФЕ с компонентом *спина – back* по 2 русск. и англ. процессуальных единицы и по 1 качественно-обстоятельному обороту. Частично-эквивалентных 2 ФЕ (а) и безэквивалентных 2 русских и 1 английская (б).

Напр.:

(а) *to know smth like the back* (букв. «знать что-то как спину») – *знать как свои пять пальцев* со значением ‘знать хорошо’. Данные фразеологизмы выстроены по семантической модели «знать какую-то часть тела – знать что-то очень хорошо».

(б) *на чужой спине в рай въехать* – ‘достичь своей цели, используя кого-либо в своих интересах’; *стоять за спиной* ‘скрыто поддерживать кого-либо’; *to get your back up* (букв. «поднять спину») со значением ‘стать упрямым или раздражительным’. В образе отражено поведение кошки, которая выгибает спину, когда пугается или раздражается.

Качественно-обстоятельные ФЕ относятся к полным эквивалентам: *за спиной – behind one’s back* со значениями ‘скрытно’, ‘в прошлом’; ‘на иждивении’.

Особенности отражения оппозиции «свой – чужой» ФЕ с компонентом *спина – back* рассмотрим на примере фразеологизмов *за спиной – behind one’s back* со значением ‘скрытно, тайно’. В образе фразеологизма спина «уподобляется «прикрытию», за которым тайно осуществляются чьи-л. нежелательные для огласки намерения или действия по отношению к другому лицу, поскольку происходящее за спиной скрыто от глаз человека и, следовательно, является для него неизвестным, остается за пределами его знания о существующей ситуации» [3, с. 209]. Рассматриваемая фразеологическая единица выступает в роли стереотипной номинации закулисного интриганства, направленного против третьего лица.

Отражают оппозицию «свой – чужой» и фразеологизмы с компонентом *нога – foot/ leg*: 4 англ. и 4 русск. процессуальных ФЕ – по 2 соответствия МФЭ-II (а), по 2 – МФЭ-II-III (б); 2 русск. и 1 англ. качественно-обстоятельных ФЕ – 1 соответствие МФЭ-II (а); 1 соответствие МФЭ-II-III (б):

(а) *find one’s feet* (букв. «найти свои ноги») – *становиться (вставать, подниматься) на ноги / стать (встать, подняться) на ноги* в значении ‘освоиться, получить признание’; *have (got) one foot in the grave* (букв. «иметь одну ногу в могиле») – *стоять одной ногой в могиле* со значением ‘быть при смерти’; *to be on a friendly footing with smb* (букв. «быть на дружеской ноге с кем-то») – *на короткой <дружеской> ноге* со значением ‘в близких, лично-доверительных отношениях’.

(б) *be dead on one’s feet* (разг.) (букв. «быть мертвым на своих ногах») – *валиться с ног* со значением ‘очень устать, быть смертельно усталым’; *as fast as one’s legs can carry one* (букв. «как ноги могут нести»); *at breakneck pace (speed)* – *сломя голову*; *со всех ног* со значением ‘очень быстро, стремглав’; *на широкую ногу – keep one’s house open* (букв. «держат двери дома открытыми») ‘богато, широко, не считаясь с затратами’. У англ. ФЕ имеется еще одно значение ‘отличаться, славиться гостеприимством’.

В составе образа данных фразеологизмов соматический компонент *нога* как неотделимая часть целого (тела человека) замещает самого человека, способного вступать в определенные межличностные отношения при осуществлении какой-либо деятельности. Рассмотрим более подробно особенности отражения оппозиции «свой – чужой» в фразеологических единицах с компонентом *нога – foot* на примере ФЕ *to be on a friendly footing with smb* и *на короткой <дружеской> ноге*.

Прослеживая образную основу анализируемых ФЕ, приходим к древнейшей архетипической оппозиции «свой – чужой», очерчивающей условную границу между пространством в пределах собственного физического тела («своим») и пространством вне своего тела («чужим») [3, с. 405]. Помимо этого, выявляются следующие имплицитные характеристики образа: а) древнейшее эталонное представление о ноге как о мере расстояния, б) символическое восприятие *ног* как основного «средства» передвижения че-

ловека, в) мотивировка образа древнейшим метонимическим отождествлением части и целого (ног и человека), г) наличие метафоры по сходству [4, с. 186], уподобляющей своикие отношения между людьми близкому расстоянию между соматизмами.

Рассмотрим фразеологические единицы с компонентом *горло* – *throat* (3 русск. И 2 англ. ФЕ):

ФЕ *cut each other's throats* (букв. «перерезать друг другу глотки») – *перегрызть глотки* ‘смертельно враждовать; разорить, погубить друг друга конкуренцией’ – относится к межъязыковым фразеологическим эквивалентам 2-й степени сходства (МФЭ-II).

ФЕ *cut one's own throat* (неодобр.) (букв. «самому себе порезать горло») ‘действовать во вред себе, быть причиной собственной гибели, погубить себя’ – пример безэквивалентной ФЕ с компонентом *throat*.

Безэквивалентные ФЕ русского языка с компонентом *горло*: *брать за горло* – ‘ставить кого-л. перед необходимостью сделать что-л., каким-л. образом, вынуждать к чему-л.’; *наступать на горло* (чаще неодобр.) – ‘принуждать, заставлять поступать против чьей-либо воли, вопреки желаниям кого-л.’. Рассматриваемое выражение «восходит к ритуальному акту, когда победитель ставил ногу на грудь или горло побежденного, в русском языке фразеологизм, видимо, – калька с нем.» [2, с. 175].

Лексической спецификой образа отличаются ФЕ *a lump in one's throat* (букв. «шишка в горле») и *комок в горле* со значением ‘невозможность говорить от волнения, испуга’.

Приведем наиболее яркие примеры ФЕ с компонентом *глаз* – *eye*, отражающие архетипическую оппозицию «свой – чужой»:

свой глаз – ‘близкий, родной человек, способный надежно оберегать, охранять что-либо’; *худой глаз* – «по суеверным представлениям: взгляд человека, приносящий несчастье, вред; сглаз» – *the devil eye* (букв. «дьявольский глаз») – ‘дурной глаз’.

Немногочисленны примеры фразеологизмов с компонентом *бок* – *side*: *бок о бок* – *side to side* ‘рядом, вплотную’, ‘совместно’, ‘в тесном контакте’; *под боком* ‘совсем рядом’. Остановимся более подробно на первом примере.

Образ фразеологизма *бок о бок* восходит к древнейшей форме осознания мира, для которой характерна оппозиция «далекий – близкий», тесно связанная с противопоставлением «свой – чужой». Бок выступает как «граница телесного пространства человека и олицетворенного предмета, соответственно. Соприкосновение пространств двух или более объектов оказывается эталоном их (объектов) максимально возможной близости» [3, с. 41]. Фразеологизм имеет аналоги в других европейских языках, в частности в английском *side to side*, шведском *sida till sida*, немецком *seite an Seite*, испанском *de lado a lado* и др., что свидетельствует об универсальности образа в мировидении европейцев. Фразеологизмы *бок о бок* – *side to side* относятся к МФЭ-II.

Фразеологизмы с компонентом *грудь*, отражающие оппозицию «свой – чужой», представлены только единицами русского языка. Напр.: *стать грудью* – ‘упорно, мужественно защищать’ (одобр. или неодобр.). Употребляется преимущественно в отношении мужчин.

Основой семантической трансформации, принимающей участие в создании данного образа, является метафора, «уподобляющая действие, направленное на защиту, отражение нападения, (вооруженного) натиска, действию, обозначающему ‘принять, занять стоячее положение и не двигаться с места’, что символически осмысливается как ‘приготовиться к борьбе, к сражению до последнего’. В образе фразеологизма компонент *грудью* выступает в роли символа проявления высшей степени героизма и мужества» [3, с. 140–141].

Образ данного фразеологизма восходит к представлениям об одном из самых сложных видов боя – о встречном рукопашном (кулачном) бое, когда идет схватка «грудь на грудь». *Вставать грудью*, т. е. защищать доблестно, твердо, непоколебимо,

имеет отношение к сложившемуся в течение многих веков на Руси обычаю т.н. стеношного боя, который устраивался на масленицу и в котором <...> «отрабатывались в основном совместные действия, чувство локтя, взаимовыручка; всё подчинялось единой цели – сам погибай, а товарища выручай» [1, с. 43].

Перспективу данного исследования видим в следующих аспектах: (а) в расширении ряда сопоставляемых соматических ФЕ обоих языков, (б) в определении механизма семантических преобразований ФЕ и (в) в выявлении их роли в отображении оппозиции «свой – чужой».

Список использованных источников

1. Забылин, М. Русский народ: обычаи, обряды, предания, суеверия / М. Забылин. – М.: Русская книга, 1996. – 496 с.
2. Мелерович А. М., Мокиенко В. М., Фразеологизмы в русской речи: словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с.
3. Телия, В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа / В. Н. Телия // Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. С. 776–782.
4. Федуленкова, Т. Н. Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте / Т. Н. Федуленкова, А. Ф. Садыкова, Д. Н. Давлетбаева. – Архангельск: Поморский университет, 2008. – 200 с.

Принятые условные сокращения

МФЭ-I – межъязыковые фразеологические эквиваленты 1-й степени сходства.
МФЭ-II – межъязыковые фразеологические эквиваленты 2-й степени сходства.
МФЭ-III – межъязыковые фразеологические эквиваленты 3-й степени сходства.
ФЕ – фразеологические единицы.

Abstract. This article presents some results of a comparative study of phraseological units that have a somatic component in their composition and are characterized by high frequency in Russian and English. The purpose of the work is to describe the specifics of reflecting the opposition “friend – foe” by means of the phraseology of the languages chosen for analysis.

Keywords: opposition “friend – foe”, phraseological units, component, reflection.

Федуленкова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, член-корр. РАН, профессор; Северный (Арктический) федеральный университет (fedulenkova@list.ru).

Шишкова Наталья Валерьевна – независимый исследователь (shishkovanatalie-1g122@yandex.ru).

Цаллаева Луиза Георгиевна – независимый исследователь (tsallaevaluiza@gmail.com).

УДК 811.161.1’373.2:398.91:72.012.28

А. И. Францева

ЛЕКСЕМА *БАШНЯ* В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПОГОВОРОК С КОМПОНЕНТОМ *БАШНЯ*)

Аннотация. В статье анализируется роль фразеологизмов в изучении национальных культурных особенностей. Представлена структурная, семантическая и стилистическая характеристика устойчивых оборотов с компонентом *башня* в современном русском языке; делается вывод о значимости переосмысления данного компонента для русской языковой картины мира.

Ключевые слова: башня, поговорка, языковая и фразеологическая картина мира, лингвокультурология, когнитивная лингвистика.

В последние десятилетия активно формировался устойчивый интерес к изучению лингвокультурологии как науки. Предметом лингвокультурологических исследований является изучение способов взаимодействия языка и культуры, где язык рассматривается как фактор формирования культурных кодов [1, с. 62].

С развитием когнитивной лингвистики вопросы, связанные с изучением специфики языковой картины мира, стали предметом пристального исследования. Сейчас очевидно, что человек живет не только в культурном пространстве своего народа, но и в ментальном пространстве своего языка.

Понятие картины мира строится на изучении представлений человека о мире. В определении Е. С. Яковлевой понятие «языковая картина мира» – это «взаимосвязанность языка и образа мышления», «мировоззрение через призму языка» [2, с.13].

Особая роль при изучении языковой картины мира отводится фразеологии, так как именно фразеологизмы играют важнейшую роль в выявлении национальных культурных особенностей.

Представляется необходимым отдельно актуализировать понятие фразеологизма и поговорки в сравнении с пословицей. Под пословицей мы понимаем «устойчивый словесный комплекс, имеющий синтаксическую структуру замкнутого предложения, обозначающий ситуацию, содержащий нравоучительную сентенцию. <...> Поговорка рассматривается как термин, тождественный термину «фразеологизм»» [3, с. 3], обозначающий устойчивое неделимое сочетание слов и оборотов речи.

«Фразеологизмы играют важную роль в выявлении национально-культурных особенностей. Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Фразеологические номинации представляют собой большой объем «свернутой» культурно-маркированной информации, поскольку актуализируют социально более релевантные явления на определенном этапе развития общества» [4, с. 209].

Итак, фразеологическая картина мира рассматривается как часть целостной языковой картины мира. Под ней подразумевается картина мира, выраженная фразеологическими средствами языка.

Лингвокультурологический подход направлен на изучение соотношения фразеологизмов и знаков культуры и отражает семантику системы эталонов, стереотипов, символов и т. п. По мнению В. Н. Телия, основной целью лингвокультурологического анализа фразеологических единиц является «выявление и описание культурно-национальных коннотаций, узואльно сопровождающих значение в форме образных ассоциаций с эталонами, стереотипами и другими культурными знаками и соотносимых друг с другом посредством когнитивных процедур, придающих этим коннотациям осмысление» [5, с. 310].

В данной статье представлена выборка русских поговорок (фразеологизмов) с компонентом *башня* из таких словарей, как Большой словарь русских поговорок В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной; Русская фразеология. Историко-этимологический словарь (под редакцией В. М. Мокиенко); Академический словарь русской фразеологии (под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского).

Обратимся к найденным контекстам. Из названных выше источников нами было извлечено 18 фразеологизмов с компонентом *башня*, что свидетельствует о его актуальности в качестве образной ассоциации и культурного знака.

Важно отметить, что национальная языковая картина мира отражает как объективную действительность, так и субъективную, выражающуюся в оценках, эмоциях, интенциях, а также реакциях и ассоциациях носителей языка и культуры.

Первая выделенная нами группа устойчивых выражений связывает некоторые особенности эмоциональных реакций, а также интеллектуальных способностей человека со структурой архитектурного сооружения; вызывает определенные ассоциации. Обратимся к пословично-поговорочным выражениям подобного типа.

Башня поехала у кого. Жарг. мол. Неодобр. То же, что башню снесло [6, с. 33].

Башня не варит у кого-л. Жарг. мол. Неодобр. О несообразительном человеке [6, с. 33].

Башня скрипит у кого. Жарг. мол. О головной боли [6, с. 33].

Снесло (отвернуло, свернуло, сорвало) башню, кому. Жарг. мол. 1. Кто-л. потерял контроль над собой, начал вести себя подобно сумасшедшему. 2. Кто-л. опьянел, испытал состояние наркотической эйфории. Под башней во всех приведенных выражениях подразумевается голова [6, с.33].

В Академическом словаре русской фразеологии под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского находим следующее толкование выражения *Башню сорвало/снесло* (у кого-л.): что-то оказывается причиной того, что человек теряет способность нормально рассуждать и из-за этого контролировать свои действия, что осмысливается как резкое удаление неведомой силой возвышающейся части строения, танка и т. п., сопоставляемой с частью тела, отвечающей за рациональное мышление [7, с. 36].

Башня, башню клинит [у кого]. Жарг. Кто-л. теряет восприимчивость, тупеет. Башня в данном случае – голова. В основе оборота сравнение с башней танка: когда у танка клинит башню, она не может вращаться [8, с. 46].

Несмотря на разнообразие и яркость смыслов, передаваемых представленными фразеологизмами с искомым компонентом, каждый из них является репрезентацией ассоциирования объекта высказывания с некоторыми структурными компонентами такого архитектурного сооружения, как башня или с механическим элементом – танковой башней. В большинстве выражений присутствует отрицательная оценка передаваемой ситуации. Кроме того, отметим, что данные пословично-поговорочные выражения относятся к жаргонным средствам, употребляемым преимущественно молодежью, что говорит о переходе слова *башня* из общеупотребительного нейтрального лексического пласта (путем метафорического и экспрессивного переосмысления) в социальную разновидность речи.

Вторая группа устойчивых выражений с компонентом *башня* включает поговорки, представленными конструкциями типа «имя прилагательное + имя существительное». В нее входят следующие устойчивые обороты.

Вавилонская башня. Разг. Шутл. Об очень высоком здании, строении [6, с.33].

Вавилонская башня. Книжн. Об очень высоком здании, строении. Выражение восходит к библейской легенде о сооружении в Древнем Вавилоне башни до небес с целью добраться до бога. Разгневанный бог разрушил ее и смешал языки людей, чтобы они не смогли понимать друг друга [8, с.46].

Пизанская башня. 1. Жарг. Шутл. Груда падающих учебников, книг. 2. Жарг. мол. Шутл. О человеке в состоянии сильного алкогольного опьянения [6, с.33].

Эйфелева башня. Жарг. мол. Шутл. Человек высокого роста [6, с.33].

Эйфелева башня. О чем-л. очень высоком и большом. Металлическая высотная конструкция, сооруженная в Париже к Первой международной выставке в 1889 г. по проекту инженера А. Г. Эйфеля (1832-1923) [8, с.46].

В данных случаях мы имеем дело с метафоризацией различных свойств коммуникатора, который соотносит себя со всемирно известными архитектурными

сооружениями, такими как Вавилонская башня, Эйфелева башня и Пизанская башня. Здесь перед нами общеизвестные национальные символы, вызывающие определенные языковые, культурологические и контекстные ассоциации, формирующие семантику фразеологизмов. На примере данных контекстов можно говорить об интернациональной общеузнаваемости фразеологизмов, характерных не только для русской фразеологической картины мира, но и для интернациональной. В содержании приведенных устойчивых сочетаний можно выделить такие семы, как 'высотность', 'недостижимость', 'монументальность'. Интересно, что данные фразеологизмы могут использоваться не только в разговорном стиле, но и в книжной речи.

К поговорочным выражениям данной группы примыкает устойчивый оборот, построенный по модели «существительное + существительное в косвенном падеже с предлогом», в котором так же, как и в рассмотренных выше фразеологизмах, выражаются определительные отношения. Это выражение *башня из слоновой кости*, которое пришло к нам из французской художественной литературы.

Башня из слоновой кости. Книжн. Символ мира мечты; о предмете мечтаний, оторванных от жизни. Выражение принадлежит французскому поэту и критику Ш. О. Сент-Бёву [6, с. 33].

Башня из слоновой кости 1. Уединенное место, где постоянно живут люди творческих профессий (писатели ученые, художники и т. п.) и доступ в которое ограничен, способствующее возникновению творческого вдохновения и тем самым провоцирующее невнимание к бытовым проблемам и другим сторонам реальной жизни, осмысляемое как созданное поэтическим воображением изысканное архитектурное сооружение из ценного и редкого материала, высота и конструкция которого способствует изоляции его обитателей от окружающего мира. Считается калькой с французского выражения *tour d'ivoire*, принадлежащего французскому поэту и критику Ш. О. Сент-Бёву (1804-1869) (стихотворение «Послание к Виллеману» из сборника «Мысли августа»). 2. Способ жизни человека (обычно представителя творческих профессий – писателя, ученого, художника и т. п.), отражающий его психическое состояние, которое проявляется в чрезмерной сосредоточенности на своей собственной жизни, интересах и т. п. при невнимании к проблемам, представляющим общественный интерес, что осмысляется как жизнь в воображаемом изысканном архитектурном сооружении из ценного и редкого материала, высота и конструкция которого способствует изоляции его обитателей от окружающего мира [7, с. 37]. Образ, созданный Сент-Бёвом, восходит к католической молитве, в которой такое наименование («Tour d'ivoire») дано Деве Марии. Выражение это получило с конца 30-х гг. XIX в. широкое хождение среди французских поэтов-романистов как символ мира мечты, в который они уходили в своем творчестве от тяготившей их прозы жизни [8, с. 46].

Данное выражение встречается в трех фразеологических словарях и имеет идентичное толкование, обладает высокой степенью афористичности и метафоричности. Ассоциируется с миром мечтаний и изоляции от бытовых проблем. Встречается чаще всего в книжной речи, а также в литературных произведениях, содержащих описание жизни людей творческих профессий. Коннотативный план таких малоупотребительных в разговорной речи фразеологизмов может быть сугубо специфичен у каждого отдельного индивидуума.

Еще одну группу фразеологизмов с компонентом *башня* составляют поговорки, представленные конструкциями типа «глагол + зависимое существительное».

Накрыть башню, Жарг. мол. Шутл. Надеть головной убор [6, с. 33].

Отвернуть башню, кому. Жарг. спорт. Победить кого-л. [6, с. 33].

Снести (свернуть) башню, кому. Жарг. мол. Увлечь кого-л. до фанатизма, свести с ума кого-л. [6, с. 33].

В данных оборотах, принадлежащих к сниженным (разговорным и жаргонным) языковым средствам, компонент *башня* эксплицирует, в первом случае, процесс облачения, в двух других – способность субъекта победить или увлечь кого-то. Обороты встречаются в молодежном, спортивном сленге и являются высокочастотными в употреблении.

Отмечен единичный случай «участия» существительного *башня* в формировании устойчивого предложно-падежного сочетания. Это сочетание *без башни* – ‘о человеке, потерявшем способность нормально рассуждать и из-за этого контролировать свои эмоции и связанные с ними действия’, что сравнивается с отсутствием возвышающейся части строения, танка и т. п., сопоставляемой с частью тела, отвечающей за рациональное мышление [7, с. 36].

Фразеологизм представляет отождествление физических характеристик человека с архитектурным сооружением, в котором отсутствует элемент верхней части, без которого невозможно его корректное функционирование. В данном устойчивом выражении прослеживается значение ‘неисправность’, ‘поломка’, которое сопровождается отрицательной экспрессивной коннотацией и создает условия для актуализации в широком культурологическом контексте.

Фразеологизмы отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, суммируют в себе культурные привычки и стереотипы, которые складывались веками. Фразеологизмы с компонентом *башня* (на примере русских поговорок) вмещают в себя большой объем культурно-маркированной информации, относятся к различным речевым стилям. *Башня* в русской фразеологической картине мира является, несомненно, ярким символом, входит в систему сложившихся национальных стереотипов и интернациональных общеузнаваемых символов.

Список использованных источников

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
2. Яковлева, Е. С. К описанию языковой картины мира / Е. С. Яковлева. – Русский язык за рубежом. № 1 – 3, 1996. – С. 47–56.
3. Котова, М. Ю. Лекции по сопоставительной славянской паремиологии / М. Ю. Котова. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2010. – 170 с.
4. Шкатова, В. В. Фразеологическая картина мира как объект лингвистического изучения / В. В. Шкатова. – Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Языковедение и Литературоведение. – СПб., 2012. – С. 208–215.
5. Телия, В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов / В. Н. Телия. – Славянское языковедение. XI международный съезд славистов. – М., 1993. – 308 с.
6. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок (более 40 000 образных выражений) / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 784 с.
7. Академический словарь русской фразеологии / под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, издание второе, исправленное и дополненное. – М. : Лексрус, 2015. – 896 с.
8. Бирих, А. К. Русская фразеология : ист.-этимол. слов. : около 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко ; С.-Петербург. гос. ун-т, Межкаф. словарь. кабинет им. Б.А. Ларина. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель [и др.], 2005. – 926, [1] с.

Abstract. The article analyzes the importance of phraseological units in the study of national cultural characteristics. The definition of the phraseological picture of the world is considered. A wide range of material on sayings with the tower component from dictionaries in the Russian language is provided.

Keywords: tower, saying, linguistic and phraseological picture of the world, linguoculturology, cognitive linguistics.

Францева Алеся Игоревна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет. (frantseva.alesya@yandex.ru)

В. К. Харченко

**ПОСЛОВИЦЫ В СОВРЕМЕННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ:
УБЫВАЮЩИЕ ВЕЛИЧИНЫ?**

Аннотация. Раскрывается процесс убывания пословиц в современной разговорной речи на основе исследования пословичного запаса 2012–2015 годов. Выявляются причины этого процесса: эвристическая природа лингвистики, «социология» современной жизни, возраст участников процесса, малочисленность старинных и заимствованных пословиц. Рассматривается компенсация этого процесса (чтение художественной литературы, интерес к семейным родословным, анализ зарубежного опыта, внимание к старинным языковым формам).

Ключевые слова: пословицы, причины убывания жанра, «социология» современной жизни, утраченные пословицы, старинная форма.

На протяжении трех лет с 2012 по 2015 гг. мы изучали различные стороны разговорной речи, что впоследствии нашло отражение в пятитомном издании «Антология разговорной речи. Некоторые аспекты теории» [1]. В книге даны характеристики и приведены примеры употребления гипербол и метафор, жаргонизмов и нарративов, юмористических выражений и соматизмов. Для описания разговорных текстов было задействовано 58 различных параметров. Записывалось только услышанное нами. И сейчас на основе собранных сведений мы получили возможность более взвешенно судить о современном русском языке в его конкретных формах. Среди записанных материалов были фразеологизмы и пословицы.

Мы фиксировали пословицы в основном по месту работы, и среди пословиц были отдельные весьма выразительные примеры: [*Профессор, г. Тула:*] *Потом она вернулась туда стричь купоны. Миллион в месяц... В общем, (живу) по пословице: жалует царь, да не жалует псарь! (23.05.2012); [Зав. кафедрой о создании Центра психологической помощи:] И мы зависли! «До бога высоко, до царя далеко!» (07.06.2012); [По телефону, доцент 55 лет:] ...И я решила, что я этот диван выброшу! Это вообще какой-то кошмар! Бедному жениться – и ночь коротка! (04.07.2012); [Профессор профессору:] Вашу книгу кто-то украл, я не успела продать. Но знаете, как говорят: цыган плохую лошадь не украдет! (смеётся) (28.09.2012); [Профессор 50 лет, о грядущем объединении кафедр:] Потому что, когда хорошо, не надо систему трогать, когда она хорошо работает. От добра добра не ищут! (07.11.2013); [Директор школы, женщина лет 38 из районного центра, на конференции рассказывает:] Злато не говорит, но много творит. Дети удивляются, что эта пословица не только о деньгах! (13.11.2014).*

Наблюдая за употреблением пословиц, нужно сказать об одном «но». Что касается фразеологизмов, то, понимая их оценочную, чаще всего пейоративную, функцию, мы осторожно относимся к проблеме их убывания из активного запаса языка, а по отношению к пословицам, к паремическому фонду русского языка, мы можем сказать более определенно: паремий в современной речи... немного. Диссертанты и авторы статей по паремиологии и паремиографии пользуются замечательным словарем В. И. Даля, многие факты которого сейчас не встречаются в разговорной речи русскоязычных людей. Конечно, на повестке дня стоит вопрос о трансформации пословиц (*как один в поле воин, одна в поле воин*), об их использовании в текстах различных жанров, но нам сейчас важнее ответить на затаенный вопрос: почему происходит убывание пословиц, каковы причины этого процесса?

Первая причина угасания пословиц в общении связана с их природою. Пословицы «высокотехнологичны», они носят эвристический характер (характер открытий). Пословицы, по существу, нацелены на определенную ситуацию и вне ситуаций отдельно практически не встречаются. Стать свидетелем подобной ситуации непросто. Вот почему, создавая антологию разговорной речи, мы не часто могли зафиксировать пословицы. В. Шефнер рассказывает эпизод, как в детстве спросил свою маму, почему они не уезжают. «Этот разговор она закончила двустушием на французском языке, которое тут же перевела приблизительно так: кто во время бури перепрыгивает из своей лодки в чужую, не должен ожидать почёта ни здесь, ни там» (В. Шефнер. Имя для птицы, или Чаепитие на жёлтой веранде. Летопись впечатлений).

Придумать ситуацию, оказывается, не просто. Памятно, как мы, будучи студентами, потерпели фиаско. Наш преподаватель Юрий Викторович Фоменко (г. Новосибирск) дал задание: написать сочинение по пословице «*Не говори “Гоп!”*, пока не перепрыгнешь». И пословица была незатейливой, и мы, конечно же, знали ее, но сочинение? Не тут-то было! И вся наша, в общем-то, сильная группа капитулировала, а учитель неслучайно дал такое задание: хочешь что-то потребовать от школьника – будь добр, выполни задание сначала сам.

Помогают компенсировать провал использования древнего опыта пословицы, встречающиеся в художественной литературе. В этих текстах немало выразительных пословиц, прекрасно подходящих к сюжету изложения. *Анина мать говорила, бывало: даст бог его, даст и на него. Они тогда с Аней ждали Димку, и ничего ещё не было, и жить было негде, а мать спокойно так говорила: «Даст его, даст и на него»* (Г. Бакланов). Удивительна пословица, почерпнутая в дневниковых записях врача: «*На стриженую овечку Бог теплом дует*» [2].

Весьма способствуют нам в обнаружении пословиц и некоторые записи из разговорной речи различных лет, не только 2012–2015. Напр., рассказывает гость, кандидат наук, филолог: *Как у меня родственник говорил: Поверишь пню – поможет и пень! У мамы низкий гемоглобин. И это в Грузии, где гранаты... Это минус-организм. Одну корку хлеба съела – и гемоглобин поднялся. Всё на нервной почве, внушение!* (4.03.2016).

Иногда можно «освежить» ситуацию, употребив синонимическую пословицу. Вместо *На чужой роток не накинешь платок* сказать *На чужой рот пуговицу не пришьёшь* или *Чужой рот не огород – не загородишь*.

Замечательно то, что пословица нацеливает нас на будущее, она «правит» наше мышление, наше отношение к происходящему. Зная пословицу, мы способны отважиться на рождение еще одного ребенка: *Даст Бог зайку, даст и лужайку; Людкость не делает убытка*.

Вторая причина ослабления паремической составляющей речи связана с «социологией» лингвистики. Люди серебряного возраста теперь все чаще живут отдельно от своих потомков, навещая их время от времени. Связано это и с демографической ямой: если в семье нет «под рукой» бабушки, то решение завести еще одного ребенка, как правило, «никому не приходит в голову». Поэтому в нашем списке отсутствуют такие пословицы, как *Где два, там и третий*, *Даст Бог зайку, даст и лужайку*, *Бог даст его – даст и на него*. Психологи пишут, что эмоционально родителям вполне хватает и одного ребенка, что создает серьезную ловушку для следующих поколений [3]. Чрезвычайно показательным является отсутствие 20–30-летних пользователей пословицами. «Вектор» передачи пословицы следующему поколению отсутствует.

[*Попутчица, лет 60:*] *В институте мне ещё преподавательница говорила всё время: под лежащий камень вода не течёт. Нельзя сидеть сложа руки (показывает). А вам тем более. Я не побрезгую никакой работой. Правда, сейчас я немного внутренне подустала (25.04.2012). [Женщина в сберкассе, лет 70, в ожидании очереди:] Я 19 января и в проруби купалась, а тут болеть стала. А внучка, помню, про кого-то*

говорит: «Что это бабка напялила э... как кукла?! А сейчас сами так одеваемся! Божусь простудиться. Мама говорила всегда: бережёного бог бережёт! (28.10.2013). [О рабочих программах, зам.декана:] Но мы хотели до конца декабря сделать. Как говорится, дорога ложка к обеду! (13.12.2012). [Попутчица-строитель, 66 лет – о матери:] Мама знала столько пословиц! Я их ни от кого не слышала. Когда я шиковала, она говорила: часом с квасом, а порою с водою! (19.11.2014). [Профессор 54 лет, на защите:] В Белгородской области распространена пословица: каждый суслик – агроном. И наш докторско-кандидатский апломб позволяет считать себя специалистом в области языка стоматологии (16.12.2014). [Профессор 49 лет, на перерыве – коллегам:] Папа всё интересуется: русская это пословица или украинская «За мое жито – меня бито!» (22.04.2015). Говорящие указывают обычно, откуда у них та или иная пословица (мама знала их столько, мама говорила, преподавательница говорила), но «вектора» от старшего к младшему в нашем материале не просматривается: говорю сыну, студент студентке, прохожий прохожему, который намного моложе говорящего.

Пословицы имеют вневременное значение, хотя в каждой конкретной ситуации соотносятся с настоящим. Интеллигент чувствует томление не только нерожденных, но даже еще и не зачатых детей. Вспомним из Анны Ахматовой: *Только руки тоскуют по ноше. / Только плач его слышу во тьме.* Приведем в свете сказанного отрывок из Л. Жуховицкого: *Но старуха боролась, старуха цеплялась. Молодые брали силой и учением. А она брала терпением и не-брезгливостью. И добивалась – самые хлопотные, самые грязные дела доставались ей. И при детях без неё было не обойтись. И при покойниках она была незаменима* [4]. Старые люди бывают удивительно терпеливы, причём это касается больших временных пространств.

Третья причина – это (да-да!) мировосприятие и образ жизни самих пожилых людей, их языковая культура. Они, как правило, смотрят телевизор, в их речи пословиц становится все меньше, а штампов, газетных фразеологизмов и крылатых слов – все больше. Из 57 рассмотренных пословиц 40 употреблены людьми старше 45 лет, почти нет пословиц в устах студенчества. Среди повторяющихся пословиц отмечены следующие:

Один в поле не воин – повторяется 4 раза: [На совещании зав. кафедрой – ректору:] *Ни Управление образования не заинтересовано, ни школа. Мы как один в поле воин бегаем по школам, агитируем за набор...* (07.06.2012);

Под лежащий камень вода не течет – повторена трижды: [Попутчица лет 60:] *В институте мне ещё преподавательница говорила всё время: под лежащий камень вода не течёт. Нельзя сидеть сложа руки (показывает). А вам тем более. Я не побрезгую никакой работой. Правда, сейчас я немного внутренне подустала* (25.04.2012);

На ловца и зверь бежит – повторяется 2 раза: [На рынке продащица яиц, лет 55:] *Ира! На ловца и зверь бежит! Почему выложили, ничего не сказали? Тридцать штук не хватает!* (25.06.2012);

Овчинка выделки не стоит – тоже 2 раза: [В троллейбусе – о разведении кур и уток, мужчина лет 68 знакомой:] *А утки? – Утки сложнее, им площадь нужна. И питание. Так что овчинка выделки не стоит!* (27.09.2012). Есть и другие, дважды повторенные. Процент пословиц, записанных один раз, невелик.

Человеку надо уметь жить во всех временах: в его прошлом, настоящем и будущем. Как осмысливать старение? А. В. Нагорная одну из глав книги назвала так: ««Ржавый автомобиль на краю пропасти»: метафорический ландшафт старения и старости». Здесь приводится отношение к старости со стороны англоговорящих людей, причем в наивысшей степени проявлена специфика англоязычной литературы. Подчеркивается, что жизнь представляет собой «биографическое целое», по Д. С. Лихачеву. Опрос, проведенный А. В. Нагорной в 2009 году, показал, что чем старше становится американец, тем моложе он себя чувствует. Как говорил Б. Барух, «для меня старость –

это всегда на пятнадцать лет старше, чем я есть», «Ты никогда не слишком стар, чтобы чувствовать себя молодым». В старости правят бал всевозможные романтические посылы: у тебя период новых возможностей, горизонтов, перспектив. Весьма выразителен описанный А. В. Нагорной эксперимент по осмыслению старости американцами, многие из которых оценили старость как обмен физической силы на большую умственную силу. «Q3/R14. *being young except your physical strength is exchanged for greater mental strength*!» (*Роза красивая, нежная на вид, но полная мудрости!*) – так интерпретирует старение один из участников эксперимента. А вот еще одна трактовка старости: «Хорошая история: приятная смесь фактов и вымысла» [5, с. 159]. Убедительно? Безусловно! Но не об этом ли говорят и некоторые русские пословицы, ныне забытые нами? *Умирает не старый, а поспелый. Счастье не по молодости, смерть не по старости. Цветет старость сединою.*

В семейных родословных встречаем: *Мы когда вначале с мужем ссорились, – призналась женщина-профессор, – мама говорила: “О чем ты думаешь? Ты ж одна на ветру! Худой плетешок, да опора!” (09.2009 г.).*

Приведем здесь же строку из романа «Лавр»: «*Старики всегда за кем-то ухаживают*» [6, с. 382].

Пословицы весьма красноречивы: *Кто бабе не внук?* Это об одиночестве, а следующая пословица говорит об изворотливости: *Где баба ни бери, а внука корми.* Приведенные пословицы, к сожалению, подчас оседают в прошлом языка.

Четвертой причиной утраты интереса к пословичному фонду является «бытие» пословиц. Сказать тривиальную пословицу – нет желания, тогда как нетривиальных пословиц мы не знаем. Заглянем в списки пословиц, приводимых в книге А. И. Германовича [7, с. 3–63]: *Дураку уважь. Купить – и внук купит, продать – и дед намается. Не досмотришь оком – заплатишь боком. Прибыток с ущербом в одних саях ездят. Крута горка – родины, да забывчива. Кто не родит – тот и не скорбит. Чужая изба засидчива. Звонки бубны за горами, а к нам придут – точно лукошки. Мешай дело с бездельем – с ума не сойдешь. Домашнего вора не устережешься. Запасливый лучше богатого. Не вскормя, ворога не видать. Не дать займы – на час остуда, а дать – навек ссора. Не избывай постылого – не возьмет бог милого. Аще Бог с нами, никто же на ны. Вечер плачь, а заутро радость. Плохо жить издеваючи, надобно жить изнемогаючи. Не говоря худо, хорошо говорить не будешь. Что летом ногою (толкаешь), то зимой рукою (подберешь).*

Сколько здесь (а мы выписали только часть пословиц!) неизвестных паремий, которые отвечают требованию В. И. Белова, когда говорится, что настоящая пословица воспринимается как нравственная загадка. «Получается, что лучшие пословицы многозначны, средние одно- и двузначны, а плохие просто скучны и прямолинейны. Возьмём такую общеизвестную пословицу “Из песни слова не выкинешь”. Поверхностно и самонадеянно относясь к пословицам, мы не замечаем, что пословица не о песне, а о чем-то более важном, глубоком. Напр., вообще о человеческой жизни, причём не обязательно весёлой и беззаботной, как песня чижика. Тогда “слово”, которое из песни нельзя выкинуть, можно представить в виде какого-то неизбежного события (женитьба, рекрутчина и т. д.)» [8]. И в приведенном выше списке немало старинных слов и оборотов: *засидчива, вскормя, издеваючи, изнемогаючи.*

Приведем еще ряд пословиц с лексическими нарушениями, пословиц несовременных, на наш сегодняшний взгляд: *Про одни дрожжи не говорят трюжди. Не по хорошему мил, а по милу хорош. Сеяй слезами, радостию пожнет.* Но не пришла ли пора отказываться от термина «современный», коль скоро старинные пословицы одаряют нас полноценным действием?

Прекрасный отрывок для утешения находим в романе Евгения Водолазкина «Авиатор»: «*Бог идеже хочет, побеждается естества чин.* Платоша читал мне

вслух [9]. Покаянный канон, и мы открыли для себя эти великие слова. Вспомним проекцию тоже из древнего наставления: «В ню же меру мерите, возмерится вам».

Пятой причиной «ослабления» паремического фонда в устах говорящих можно считать отсутствие обращения к пословицам других языков. В нашем материале встречаются иногда украинские пословицы: [Профессор, г. Горловка, лет 60, о поспешивших искать ларёк с водой:] *А что? Бешеной курице сто вёрст не дорога! – Есть такая пословица, украинская? Точнее: скаженни собаки... (Бешеной собаке...)* (29.06.2012). [Женщина, в прошлом инженер, 57 лет:] *Когда стучат по дереву, то произносят: «Сухо дерево, назавтра пятница». А правильно: «Сухо дерево назад не пятится». А поскольку люди произносили на слух, то получилось про пятницу* (04.10.2012). [Учительница-словесник, Харьков, 51 год:] *Знаешь, есть пословица: что-то захочешь – итаны спустишь! Ещё мама так говорила. – Охота пуце неволи? – Так.* (22.08.2012). [Профессор, женщина 72 лет, садясь за кофе-брейк между защитами и вспоминая поездку в Севастополь на курсы:] *За триста гривен трижды в день и по три блюда! А турчанки (учёные из Турции) были очень недовольны: как вы можете такое есть? А мы ничего! Как говорят на Украине: Як на дурняк – и укус сладкий!* (24.09.2013). [Профессор 61 года о гражданском муже в Харькове:] *Он и не ответил! Ему сердиться, как с горы скатиться!* (29.10.2014).

Мы все учили английский язык, как, впрочем, и другие языки, так почему бы не употреблять «заимствованные» пословицы? *Better an egg today than a hen tomorrow – Лучшие яйцо сегодня, чем курица завтра; The older the goose the harder to pluck – Чем старше гусь, тем труднее его ощипать.* Французские пословицы: *На вершину поднимаются самые неторопливые альпинисты; Деревья никогда не вырастают до неба* – приводит в своем исследовании Е. Е. Бровкина [10, с. 16]. Иностранные пословицы нередко влияют на наше мышление, правя его: *Odor rosarum manet in manu estiam Rosa submota – Запах розы остается в руке, даже если роза отброшена* (латинская пословица); *Arbttit macht das Leben süß – Работа делает жизнь сладкой; Честный живет дольше всех. Порядок – вот господь на земле* (немецкие пословицы).

Мы привели несколько причин сокращения употребления пословиц в современной разговорной речи и раскрыли возможности компенсации указанных потерь. Мемуары, художественная литература, афоризмы – все это приучает человека внимательнее относиться к своему бытию и его «оснащению» книгами, разговорными сентенциями, афоризмами. См., напр.: *Отец приучил Павлова читать каждую книгу дважды, видимо, для лучшего усвоения материала, и этого правила ученый придерживался до конца жизни. Иван был заядлым читателем, и его любознательность привела его в конце концов к работам, которые и определили его дальнейшее будущее* [11]. Показателен также диалог в известном художественном тексте: *«Вера читала “Двадцать лет спустя”. / – Вы в который раз читаете эту книгу? – В пятый, – сказала она. / – Это хорошо, – отозвался он. – Если три года подряд читать одну и ту же книгу, вырабатывается чувство языка...»* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Конечно, со временем у читающего человека вырабатывается свой стиль: *«Стиль есть то, куда поцеловал Бог вещь».*

Задача профессиональных филологов – восстанавливать утраченные пословицы, которые могут существенно помочь человеку в реальных ситуациях. Как видим, причины убывания пословиц при нашем участии преодолимы. Мы начали разговор с анализа собранного в 2012–2015 годах материала. Все это справедливо, но все это при более широком подходе отвечает и на внутренний вопрос: за счет чего происходит вынужденная компенсация утерянного, что может служить механизмом возвращения некоторых, важных для настоящего времени заволаживающих нас идей.

Список использованных источников

1. Харченко, В. К. Антология современной речи. Некоторые аспекты теории : в пяти томах / В. К. Харченко. – Т. 4. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 215 с.
2. Ливанов, К. Без бога. Записки доктора (1926–1929) / К. Ливанов // Новый мир. – 2002. – № 1–2.
3. Глебова, Л.Д. В семье один ребенок / Л. Д. Глебова. – Л. : Лениздат, 1980. – 64 с.
4. Жуховицкий, Л.А. Остановиться, оглянуться...: Роман / Л. А. Жуховицкий. – М. : Советский писатель, 1969. – 334 с.
5. Метафорика субъективного опыта в современной англоязычной культуре : коллективная монография / отв. ред. А.В. Нагорная. – М., 2024 (в печати).
6. Водолазкин, Е. Г. Лавр. Роман / Е. Г. Водолазкин. – М. : АСТ: Издательство Елены Шубиной, 2015. – 440 с.
7. Германович, А. И. Пословицы народные, собранные по алфавиту / А. И. Германович. – Л. : «Наука», 1978. – С. 3–63.
8. Белов, В. И. Лад. Очерки о народной эстетике / В. И. Белов. – М. : «Молодая гвардия», 1982. – 293 с.
9. Водолазкин, Е. Г. Авиатор. Роман / Е. Г. Водолазкин. – М.: АСТ: Издательство Елены Шубиной, 2016. – 416 с.
10. Бровкина, Е. Е. Пословицы как продуктивные единицы языка и фольклора (на материале французского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Е. Бровкина. – Курск, 2006. – 23 с.
11. Ученые. Иван Павлов. Подкаст Великие Русские. – Режим доступа : <https://velikierusskie.redbasset.tech/episodes/RB52398>. – Дата доступа: 28.08.23.

Abstract. The process of decline of proverbs in modern colloquial speech is revealed based on a study of the proverb stock of 2012-2015. The reasons for this process are revealed: the heuristic nature of linguistics, the “sociology” of modern life, the age of the participants in the process, the small number of ancient and borrowed proverbs. Compensation for this process through reading fiction, interest in family genealogies, analysis of foreign experience, and attention to ancient language forms is considered.

Keywords: proverbs, reasons for the decline of the genre, sociology of modern life, lost proverbs, ancient form.

Харченко Вера Константиновна – доктор филологических наук, профессор; Белгородский государственный национальный исследовательский университет (wera_kharchenko@mail.ru).

УДК 811.163.41'276'373.2:398.91

М. С. Хмелевский, А. В. Савченко, И. В. Кузнецова

«СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» В СЕРБСКОЙ ЭТНОИДИОМАТИКЕ

Аннотация. В статье представлены сербские этнические стереотипы в рамках оппозиции «свой – чужой», отразившиеся в идиоматике современного сербского языка и сознании сербов как одна из вербальных составляющих языковой картины мира и характерных черт южнославянского менталитета.

Ключевые слова: сербский язык, фразеология, концепт, паремиология, концепт «свой и чужой».

Вопрос концептуального взаимовосприятия разных этносов, взаимоотношений и стереотипных представлений разных народов друг о друге находит свое выражение

прежде всего на вербальном уровне и, как следствие, отражается в языковом сознании, в национальном языке и прежде всего – во фразеологии, паремиологии, устойчивых сравнениях и прочих идиоматических выражениях. Данный феномен априорно обусловлен и экстралингвистическими факторами, в частности историческими, культурологическими, философско-религиозными, психологическими и т. п. Именно они формируют стереотипы отношения одного этноса к другому в рамках национальной картины мира, при этом зачастую географически эти народы тесно соседствуют или же в прошлом непосредственно участвовали в формировании этноса как единой нации. Достаточно в этой связи вспомнить концепт-этноним «Татарин» в русской культуре в качестве представления о чем-то чужом, чуждом, чужеродном и даже порой враждебном, или же аналогично «Немец» – в польской и чешской лингвокультурах, «Венгр» – в словацкой, «Цыган» – в украинской и т. п.

В современном восприятии окружающего мира носителем сербского менталитета, равно как и любым другим представителем мира *Slavia Orthodoxa* на славянских Балканах, ключевую роль для определения «своего» и «чужого» играет факт конфессиональной принадлежности, и с учетом этого фактора в мировоззренческом представлении простого серба любой православный становится славянином, т. е. «своим», а, соответственно, тот, кто исповедует иную веру, – уже является «неславянином», т. е. «чужим» [1, с. 226]. Приведем примеры из фразеопаремиологического фонда сербского языка: *Rusi, Srbi i Grci su Sloveni, dok Poljaci i Hrvati nisu* – «Русские, сербы и греки – славяне, тогда как поляки и хорваты ими не являются» (здесь и далее приводятся примеры из современных сербских СМИ, а также живой разговорной речи носителей сербского языка, собранных нами в ходе научных полевых исследований 2009–2021 гг.).

С учетом того, что культурные и исторические факты о русском народе в сознании сербов выстраивались на основе многовековой опоры сербского народа на Россию в генеалогическом, религиозном, военном, историческом, политическом и экономическом ключе, вполне объяснимо, что стереотипное представление о русских у сербов до сих пор остается позитивным, хоть и в сущности весьма поверхностным, что, несомненно, отражается и в языке [2, с. 185]. Русские в сознании сербов воспринимаются как «братский народ», близкий по духу и менталитету (хотя и не столь близкий географически) [3, с. 18]. В сербском стереотипном сознании русские (серб. *Rus*) – это православный народ, а следовательно, как было сказано выше, – «свой». В этой связи приведем ряд языковых фактов – расхожих и частотных устойчивых выражений, в которых прочно закрепилось это мировоззренческое представление сербов о «своем, близком, родном», выражаемом с помощью соответствующего этнонима – *Rus* («русский»):

– устойчивый клишированный эпитет *Brat Rus, braća Rusi* или *prijatelj Rus*, который достаточно часто встречается в разговорной речи и содержит в своем составе этноним *Rus*. При этом отметим, что само семантическое наполнение данного этнонима в обиходном языке носителей сербского менталитета, нередко не имеющих никакого представления о России и русской культуре, часто утрачивает непосредственную связь с конкретной национальной принадлежностью, становясь, по сути, абсолютным опустошенным знаком в семантическом отношении и выступая в более широких, «семантически размытых», значениях, таких как, напр.: «друг-серб, сосед, побывавший в России», «серб, владеющий русским языком», «близкий товарищ, каким-либо образом связанный с Россией» и т. п. Конечно, эти выражения используются и в качестве номинации «русский; русские». Примечательно, что под устойчивым сербским эпитетом *naš Brat Rus*, в зависимости от коммуникативного контекста, может иметься в виду не только «близкий друг», но и даже, напр., почитаемый сербами русский поэт С. Есенин;

– стереотипные представления сербов о русских как о братском и многочисленном народе отразились и в таком частотном устойчивом сравнении, как *ima kao Rusa* – букв. «есть (много) чего-л., как русских». Однако здесь следует отметить, что в процессе становления данного фразеологизма и нивелирования его внутренней формы имело место семантическое и метафорическое переосмысление по сути омонимичной сербской лексемы *rus* в значении «таракан» (сравн. русск. *как тараканов, как прусаков, как татар, как орда* и т. п.). В этой же связи нельзя не упомянуть о прецедентной фразе *Nas i Rusa tristo miliona (nas bez Rusa pola kamiona)* – букв. «Нас и русских триста миллионов (нас без русских полгрузовика)». В сознании сербов, обусловленном совместным с русскими историческим прошлым, это устойчивое выражение имеет настолько глубокое семантическое наполнение и ассоциативные представления о России и русских как о большой стране, большом народе и в то же время как о некоем «своем» родном и близком (в значении «тот, который всегда придет на помощь»), что в современном сербском языке конкретное внутреннее смысловое наполнение, связанное с конкретной нацией, в нем стерлось, а само выражение стало своеобразной «присказкой», имеющей разговорный, шутливо-ироничный оттенок и употребляемой как экспрессивно-эмоциональная паремнологическая единица, аналогичная таким русским устойчивым выражениям, как, напр.: *подставить плечо, найти опору, мы вместе*. В сербской языковой картине мира рассматриваемое выражение можно считать прецедентным для современного сознания православных носителей южнославянского менталитета. Приведем еще ряд примеров:

– сербские устойчивые сравнения *pije kao Rus, pijan kao Rus*, а также *trošiti (pare/novac) kao (pijani) Rus* – букв. «пьет как русский, пьяный как русский», а также «тратить (деньги) как (пьяный) русский». Несмотря на свою семантически прозрачную мотивировку, эти устойчивые языковые единицы имеют свое вполне конкретное историко-культурологическое обоснование. Так, стереотипные представления сербов о русских формировались в том числе в результате непосредственных контактов, а именно – в послереволюционное время 1917–1922 гг., когда значительное число русских эмигрантов оказались в Сербии и Черногории, часть из которых внесла огромный вклад в сербскую науку постосманского периода (медицину, химию, биологию, лингвистику и др.), однако некоторые из представителей русской эмиграции вольно или невольно стали «наглядной иллюстрацией» «традиционной русской болезни» – пьянства, послужив, таким образом, «прообразом» семантического наполнения подобных выражений и конкретной образно-метафорической основой их возникновения. Вместе с тем, на сегодняшний день сербское устойчивое сравнение *pijan kao Rus*, как и вышеприведенные выражения, типа *naš brat Rus*, утратило свое соотношение с этнонимом и получило только одно нивелированное экспрессивное значение, сводимое к русскому интенсификатору *очень, в высшей степени, жутко, сильно* и т. п. [4, с. 201].

Если с этнонимом *Rus* связано представление о «своем», то в качестве функционального и контекстуально-прагматического «антагониста», или же семантического культурно-антропологического антонима в оппозиции «свой» и «чужой», выступает этноним *турок* (серб. *Turčin*), что вполне объяснимо и обусловлено многими экстралингвистическими факторами (в частности – историческими, политическими и профессиональными). В первую очередь, конечно, данное представление в сербском культурологическом и мировоззренческом сознании как о «чужом, враждебном, не поддающемся здравому пониманию» мотивировано пятивековым Османским игмом на славянских Балканах. Как следствие, все это отразилось в сербском фольклоре и языке, в том числе – во фразеологизмах и паремиях. При этом непосредственно сам этноним *турок*, как и рассмотренный выше *русский*, в сербской языковой картине мира, по сути, не функционирует как собственно этноним, а употребляется в метафориче-

ском плане исключительно для маркирования любого чужого, чуждого, непонятного, враждебного, неродного [5, с. 164]. Так, среди основных значений сербской лексемы *Turčin*, первоначально в основном значении выступавшей как номинация этнонима, а в действительности ставшей уже метафорическим маркером в оппозиции «свой – чужой», можно выделить следующие: 1) ‘любой житель Сербии, отличающийся ярко выраженной ближневосточной (арабской) внешностью или поведением – в стереотипном его представлении, напр.: *Odakle ti ovaj Turčin? – Ma iz Maroka.* – «Откуда этот турок? – Да из Мароко»; *Kakvo je stanovništvo u Indoneziji? – Oko 200 miliona Turaka.* – «Какое население в Индонезии? – Около 200 миллионов турок»; 2) ‘любой славянин мусульманского вероисповедания’: *Zvao se Momo, iako je živio u Crnoj Gori, ali bješe Turčin.* – «Его звали Момо, хотя он и жил в Черногории, он был турок»; 3) ‘любой человек с какими-либо особыми физическими или поведенческими чертами, выделяющими его из окружающих’: *Smo pogledaj ovog Turčina!* – «Ты только посмотри на этого турка!» (в значении «на этого странного, выделяющегося из толпы человека»); 4) ‘упрямый человек, притворяющийся глупым, делающий вид, что не слышит’: *Alo, Turčine, da li si lud? Da li ne shvataš šta ti pričam?* – «Эй, ты, турок, ты что, дурак? Ты разве не понимаешь, что я тебе говорю?» и др. [6, с. 115].

Для фактического подтверждения вышесказанного приведем ряд наиболее иллюстративных фразеологических единиц, которые в живой обиходной речи выступают в качестве языковых «выкристаллизованных» концептов современного представления сербов о турках как о чем-то «чужом, негативном», порой «непонятном»:

– *lagati kao Turčin* – букв. «врать как турок» – в значении ‘необычайно много лгать, обманывать’; выражение отражает традиционное недоверие, стереотипно вербально выраженное отсутствие веры по отношению к туркам, которые с легкостью способны обмануть;

– *pušiti kao Turčin* – букв. «курить как турок». Данное идиоматическое выражение, имеющее значение ‘много курить, быть заядлым курильщиком’, также вошло в сербский язык благодаря распространенному стереотипу о турках как о нации, известной своим пристрастием к курению;

– *gladni Turci kao gladni vuci* – букв. «голодные турки как голодные волки». Данный фразеологизм отражает негативное отношение сербов к туркам, как к «диким, опасным зверям», и в стереотипном представлении о них сербов подчеркивает их свирепость и жестокий характер;

– *gori od Turčina* – букв. «хуже, чем турок». Этот фразеологизм употребляется в значении ‘самый плохой, ужасный, хуже некуда’ и красноречиво подчеркивает общее стереотипно негативное отношение сербов к туркам. Для сравнения приведем здесь русский аналог *непрошенный/незванный гость хуже татарина*;

– *kud svi Turci, tu i mali (ćelavi) Mujo* – букв. «куда все турки, туда и маленький (лысый) Муйо». Фразеологизм употребляется в значении ‘куда большинство – туда и меньшинство’. Муйо – персонаж сербского фольклора, имеющий боснийское происхождение и представляющий собой образ податливого и не отличающегося большим умом человека, который не имеет собственного мнения и всегда следует за толпой;

– *Turčin da se prekrsti* – букв. «турок бы перекрестился». Этот фразеологизм употребляется для описания крайне необычной, потрясающей воображение или разум, чрезвычайной ситуации, возникшей вследствие человеческой глупости, вызывающей у окружающих сильное недоумение, удивление или даже шок; внутренняя форма основана на парадоксе: в отличие от православных христиан – сербов, мусульмане турки никогда не крестятся.

– *Turčinu bi prase prodao* – букв. «и турку бы свинью продал». Это устойчивое сочетание употребляется по отношению к человеку, обладающему большим даром убеждения, как правило, лгуну, мошеннику. Отметим, что экспрессивность данному

выражению, как и в предыдущем случае, придает принцип языкового алогизма, поскольку, как известно, в исламе запрещено употребление в пищу свинины.

Рамки настоящей статьи не позволяют привести больше примеров, однако и рассмотренные дают общее представление о фраземах, идиомах, устойчивых сравнениях и паремиях с компонентом-этнонимом, их функционально-прагматических особенностях и специфике контекстуального употребления. Фактически потеряв изначальную семантическую связь с конкретным этнонимом, рассмотренные выражения сохраняют высокую степень экспрессивности и узнаваемую образность. Их отличает высокая кумулятивность значения, благодаря чему они по-прежнему остаются частотными и широко употребительными как в живой разговорной речи, так и в языке журналистики или художественной литературе.

Список использованных источников

1. Лазић-Коњик, И. Милошевић, Ј. Руска култура у српском језику у светлу вербалних асоцијација / И. Лазић-Коњик, Ј. Милошевић // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск–Новосибирск : РАН, 2014. – С. 225–227.
2. Пипер, П. Прилагательное «руски» в вербальных ассоциациях сербов / П. Пипер // Коммуникативное поведение славянских народов. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 183–188.
3. Караџић, В. С. Приче о речима. Мале приче из вуковог речника и српских народних пословица / В. С. Караџић, – Београд : Laguna, 2019. – 341 с.
4. Асоцијативни речник српског језика / саст. Пипер, П., Драгићевић, Р, Стефановић, М. – Београд, 2005.
5. Хмелевский, М. С. К вопросу о развитии значения интенсификатора у качественных наречий на материале чешского и польского языков / М. С. Хмелевский, О. В. Раина // Slavia: Časopis pro slovanskou filologii. – 92,2. – Praha, 2023. – S. 197–207.
6. Гончарова, К. В. Отражение стереотипных представлений сербов о турках в южнославянской фразеологии / К. В. Гончарова, М. С. Хмелевский // Этнопедагогический ежегодник : сборник научных статей. – Вып. 14. – Чебоксары : ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – С. 113–118.

Abstract. The article presents Serbian ethnic stereotypes within the framework of the opposition “*one's own (friendly) – someone else's (alien)*”, reflected in the idiom of the modern Serbian language and in the consciousness of Serbs as one of the verbal components of the linguistic picture of the world and the characteristic features of the South Slavic mentality.

Keywords: the Serbian language, phraseology, paremiology, concept “one's own (friendly) – someone else's (alien)”.

Хмелевский Михаил Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (chmelevskij@mail.ru).

УДК 811.161.3-26'373.45:398.92

А. Д. Цеплякова

ЛЕКСИКАГРАФІЧНАЕ АПІСАННЕ КРЫЛАТЫХ СЛОЎ З ІНШАМОЎНЫХ (ЕЎРАПЕЙСКІХ І АМЕРЫКАНСКІХ) ЛІТАРАТУРНЫХ І ФАЛЬКЛОРНЫХ КРЫНІЦ У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЕ

Анатацыя: У артыкуле разглядаюцца прынцыпы слоўніка крылатых слоў у беларускай мове, у якім будуць адлюстраваны новыя (лексікаграфічна яшчэ не апісаныя) адзінкі з іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) літаратурных і фальклорных тэкставых крыніц.

Іншамоўныя крылатыя словы атрымліваюць у слоўніку фармальнае, семантычнае, этамалагічна-гістарычнае і функцыянальнае апісанне. Падаюцца падрыхтаваныя ўзоры слоўнікавых артыкулаў на прыкладзе крылатых выказаў і афарызмаў, запазычаных з англійскай, нямецкай і французскай моў.

Ключавыя словы: беларуская мова, крылатыя словы, запазычанне, літаратурная крыніца, фальклорная крыніца, слоўнік

Даследаванне выканана ў межах НДР «Беларуская фразеалогія, парэміялогія, моўная афарыстыка ў кантэксце еўрапейскіх моў і культур (сінхранічны і дыяхранічны аспекты)» (ДР № 20211335) падпраграмы «Беларуская мова і літаратура» Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў 2021–2025 гг.

Крылатыя словы, як вядома, з’яўляюцца эфектыўным стылістычным сродкам экспрэсіўна насычанага маўлення [1; 2; 3]. У беларускай літаратурнай мове функцыянуе даволі значная колькасць крылатых слоў, вывучэнне якіх актыўна ажыццяўляецца ў МДУ імя А. А. Куляшова на працягу ўжо больш за 20 гадоў у межах дзейнасці навукова-педагагічнай школы «Беларуская мова і яе сувязі з іншымі мовамі свету» [4], дзякуючы чаму створаны шэраг слоўнікаў крылатых выказаў з уласна беларускіх і іншамоўных крыніц [5; 6; 7; 8], а таксама з біблейскіх тэкстаў [9; 10]. Разам з тым многія крылатыя словы ў беларускай мове дагэтуль застаюцца па-за межамі слоўнікавага апісання.

Лексікаграфічнае апісанне крылатых выказаў і афарызмаў з’яўляецца адной з актуальных задач беларускага мовазнаўства [11]. Ужо грунтоўна даследаваны крылатыя выразы, якія паходзяць з іншамоўных крыніц [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24], з біблейскіх тэкстаў [25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32], крылатыя афарызмы ў беларускай мове [33; 34; 35; 36; 37; 38], фразеалагічныя, парэміялагічныя і афарыстычныя паралелі крылатых слоў у іншых мовах [39; 40; 41; 42; 43; 44], нацыянальна-культурная семантыка крылатых слоў [45].

Наспела патрэба ў стварэнні новага слоўніка крылатых слоў, у якім будуць адлюстраваны іншамоўныя адзінкі, якія ўжываюцца ў беларускай літаратурнай мове на працягу XX – пачатку XXI ст. Крылатыя словы павінны апісвацца ў слоўніку паводле формы (з улікам фармальнага варыянтаў), значэння, крыніц, характару ўжывання ў маўленні, што будзе адлюстравана ў асобных зонах слоўнікавага артыкула. Напр.:

Барацьба за права ← ням. *«Der Kampf ums Recht»* – назва брашуры (1872) нямецкага буржуазнага юрыста Рудольфа Іерынга (1818–1892). □ *Усе людзі нараджаюцца роўнымі, і ўсе яны маюць ад нараджэння роўныя неадчужальныя правы, да якіх належыць жыццё, свабода і імкненне да шчасця.* 📖 Асноўная ідэя п’есы па задуме аўтара – гэта барацьба свядомых прадстаўнікоў беларускага народа супроць гвалтоўнай паланізацыі і акаталічвання, барацьба за права стварыць сваю нацыянальную культуру. (К. Крапіва. П’есы і вобразы). А ўвогуле яму было нялёгка, і ён намагаўся падбадзёрыць сябе, суцешыць тым, што і тыя геніі, якія стваралі мастацтва вечнага – і Мікеланджэла, і Чэліні, і Верашчагін, і Грэкаў – у свой час браліся за шпагу, мушкетон ці вінтоўку і выступалі на ворагаў. Відаць, барацьба за права жыць была важней за мастацтва, і ёй, пэўна, суджана перажыць яго. (В. Быкаў. Жураўліны крык).

<Барон> Мюнхгаўзэн ← ням. *<Baron> Münchhausen* – герой нямецкіх ананімных апавяданняў XVIII ст., гістарычным прататыпам якога з’яўляецца нямецкі барон, ротмістр расійскай арміі і знакаміты апавядальнік неверагодных гісторый-фантазій пра сваё жыццё і вайсковую службу Карл Фрыдрых Іеранім фон Мюнхгаўзэн (1720–1797). □ *Аб бессаромным ілгуне і хвалько.* 📖 Каму ж магла ягоная жонка пісаць? Нікому. Але спытаў, а жонка адказала: – Пані Цэцылі... Цыдулачку... Запрашаю ў госці... Пры гэтым

жончын твар крыху пацямнеў, што пры бяжым святле свечкі магло азначаць толькі адно – Аксана пачырванела. Яна заўжды чырванела, калі змушалі гаварыць няпраўду. Несапсаваная натура... Гэта не Стасік, які лжэ, як барон Мюнхгаўзен. (А. Наварыч. Літоўскі воўк). Такога дзеда, як мой, са свечкаю не знойдзеш. Дзесяткі казак ведае. Чуў ён іх ад свайго дзеда, а той – ад свайго. Гісторый у яго – мех пад завязку. Дарослым ён не любіць баяць – не даюць веры, зноў, кажуць, стары дзівак за сваё ўзяўся, ілжэ не падсяваючы. І якіх толькі мянушак не прыдумалі дзеду: і Манюкін, і Мюнхгаўзен, і Ачмуравіч, і Дзед Абуй Лапці... Дзядуля не крыўдуе: што з іх, разумнікаў, возьмеш. (В. Шырко. Дзед Манюкін і ўнукі).

Больш ніколі ⇐ англ. *Nevermore* – выраз з верша «Крумкач» («The Raven», 1845) амерыканскага пісьменніка і паэта Эдгара Алана По (1809–1849). □ *У будучыні ніколі гэтага не рабіць.* 📖 Дайшоўшы да трэцяй будкі, Лабановіч вярнуўся назад у надзеі, што ён зноў сустрэне дзяўчыну на дарозе. Ён прайшоў адну будку і другую, мінуў ужо і перезд каля свайго сяла, але дзяўчыны нідзе не спаткаў. Ці не пайшла яна на раз’езд, сабраўшыся куды-небудзь паехаць? А можа, яна зусім не тутэйшая і больш ніколі не з’явіцца тут? (Я. Колас. На ростанях). [Мікіта (*стаўшы перад Немцам на калені*):] – Оей! гэр гэрманіш, кіндар фатэрлянд! балабостачка мой ненаглядны! Не губі маёй маладосці – не бяры ў палон! Больш ніколі не буду генэралам. (Я. Купала. Тутэйшыя). Зося цэлы дзень малала ў жорнах. Ён нешта корпаўся ў гумне. Перад змкаам яна села на парог, глядзела на прымёрзлую зямлю. На душы ў яе было чорна, ад жорнаў балелі рукі і плечы. «Больш ніколі не буду малоць. Нашто мне гэтак ірвацца!» (К. Чорны. Трэцяе пакаленне). Так пачалося наша нечаканае самастойнае жыццё. Калі я знайшоў яшчэ адзін урок, то мы зажылі зусім багата і зусім забыліся, што нядаўна былі гаспадарамі вялікай гаспадаркі. Пра яе мы нават не ўспаміналі і ў Рогаве больш ніколі не былі (Я. Маўр. Шлях з цемры). А ўся вёска, як у бубен біла, гаварыла пра гэты кірмаш... Купрыяніха, што шуры-муры закруціла з папом, два тыдні на вуліцу не паказвалася і дала слова больш ніколі не хадзіць у царкву... (М. Чарот. Кірмаш).

Востраў скарбаў ⇐ англ. «*Treasure Island*» – назва рамана (1883) шатландскага пісьменніка Роберта Льюіса Бэлфура Стывенса (1850–1894). □ *Аб востраве або раёне, багатым прыроднымі рэсурсамі, а таксама ўвогуле аб тым, што змяшчае шмат каштоўнага для каго-н.* 📖 Жажлівы старадаўні цынізм нібы самкнуўся з бяздоннай цынізму сённяшняга, таго, бязлітаснага, у цісках якога біўся я і гэтыя людзі ўсе гэтыя беспрасветныя месяцы. Два. Абняўшыся? Я ведаю, як вы зараз паглядзіце на маё апавяданне. Меладрама? Гамлет з чэрапам? Шкілеты флінтавых ахвяр на «востраве скарбаў»? Баярын Орша? Дудкі, каб вам ніколі не бачыць таго, што ўбачыў я і ўсе яны! (У. Караткевіч. Чорны замак Альшанскі). Сярод мноства стракатых вышытых падушчак ды ручнікоў, рознакаляровых дываноў, абрусаў і сурвэтак, сярод (зноў жа вышытых!) карцін з цэрквамі, краявідамі, зьярамі і птушкамі яна здалася мне гаспадыняй сапраўднага «вострава скарбаў», якая за некалькі хвілін паспела, хоць коратка, ды раскажаць пра сябе: – Вышываю ўсё жыццё! Без іголачкі з нітачкай жыць не магу! Маю шмат дыпламаў, узнагарод, член Саюза майстроў народнай творчасці... (Звязда). Дзяўчына не здолела ўстаяць перад камянямі. Акадэмік убачыў вялікі інтарэс і падараваў ёй першы мінерал, каб тая пачала сваю калекцыю. Гэта крышталі кальцыту, якія новая гаспадыня назвала «Востраў скарбаў» (Звязда).

Гарматнае мяса ⇐ фр. *chair à canon* – выраз з палітычнага памфлета «Пра Банапарту і Бурбонаў» («*De Buonaparte et des Bourbons*», 1814) французскага пісьменніка, палітычнага дзеяча і дыпламата Франсуа Рэнэ дэ Шатабрыяна (1768–1848): «Пагарда да чалавечага жыцця і да Францыі дасягнула такой ступені, што навабранцаў называлі сыравінай і гарматным мясам» («*On en était venu à ce point de mépris pour la vie des hommes et pour la France, d’appeler les conscrits la matière*

première et la chair à canon») ⇐ англ. *cannon fodder* – выраз з гістарычнай драмы «Кароль Генрых IV» («Henry IV», 1597) англійскага паэта і драматурга Уільяма Шэкспіра (1564–1616): «Цішэй, не крычы: Звычайная мішэнь для копія. Гарматнае мяса, гарматнае мяса. Магілу яны напоўняць не горш за іншых. Людзі як людзі, смяротныя, дарагі мой, смяротныя» (частка I, акт IV, сцэна 2) («Tut, tut, good enough to toss; food for powder, food for powder. They'll fill a pit as well as better. Tush, man, mortal men, mortal men» (part I, act IV, scene 2)). □ *Салдацкая маса, асуджаная на знішчэнне, на пагібель*. 📖 – Гэта не цацкі, панове. Не рабі другому таго, што табе не міла. Не сунь пальцаў паміж дзвярэй. Мой Янка зрабіў з гэтых дзвюх прыказак адну: не сунь пальцаў, дзе табе не міла. Не будзь гарматным мясам для чужых капрызаў. Вы не слугі Кур'яна і не слугі маленькага капрала. Цяпер вы толькі метал пад молатам... (У. Караткевіч. Каласы пад сярпом тваім). – Вось пра гэта я якраз і думаю, – прадаўжаў Князь. – Варта, ды проста неабходна вам будзе прызвычаіцца да новых абставінаў. Галоўнае – сувязь. Усюды, дзе магчыма, мусіце мець свае вочы й вушы. А ў першую чаргу, пакуль маскоўская мятла падмяце нашых мужчын на гарматнае мяса, трэба ўцягнуць да сябе найбольш людзей (А. Кастусь. Гараватка). Зноў і зноў згадваецца дзень, у які на плечы настаўніка літаратуры Франца Майера шчыгульна лёг салдацкі шынель. З яго, чалавека адукаванага, гарматнае мяса рыхтавалі хуткімі тэмпамі. Нешта месяцы са два муштравалі ў ваенным лагеры, выбівалі грамадзянскасць. Потым былі спецыяльныя афіцэрскія курсы, на якіх вучылі барацьбе з партызанамі і рознымі падпольшчыкамі, знаёмілі з іх метадамі і тактыкай (І. Кудраўцаў. Разгневаная зямля).

У слоўніку плануецца адлюстраваць больш за 250 адзінак, якія яшчэ не былі зафіксаваны ў існуючых фразеаграфічных крыніцах беларускай мовы. Слоўнік будзе карысны школьнікам і студэнтам, настаўнікам і выкладчыкам ВНУ, рэдактарам і перакладчыкам, а таксама ўсім тым, каго цікавяць іншамовныя запазычанні ў фразеалогіі беларускай мовы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Лепешаў, І. Я. Крылатыя словы / І. Я. Лепешаў // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі : у 5 т. – Мінск : БелСЭ, 1986. – Т. 3. – С. 137.
2. Міхневіч, А. Я. Крылатыя словы / А. Я. Міхневіч // Беларуская мова: энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 1994. – С. 273–274.
3. Іваноў, Я. Я. Крылатыя словы / Я. Я. Іваноў // Беларускі фальклор : энцыклапедыя : у 2 т. – Мінск : БелЭн, 2005. – Т. 1. – С. 729–730.
4. Іваноў, Я. Я. Фразеалогія, парэміялогія, афарыстыка беларускай мовы і іх сувязі з іншымі мовамі як напрамак даследаванняў навуковай школы па беларускаму і агульнаму мовазнаўству ў МДУ імя А. А. Куляшова (1995–2015) / Я. Я. Іваноў // Ітогі навучных ісследованияў уценыч МГУ імени А. А. Кулешова 2015 года / пад ред. Е. К. Сычовой. – Могілев : МГУ ім. А. А. Кулешова, 2016. – С. 91–93.
5. Іванова, С. Ф. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў / С. Ф. Іванова, Я. Я. Іваноў. – Мінск : БФС, 1997. – 262 с.
6. Іваноў, Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамовных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст. : тлумачальны слоўнік / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2011. – 164 с.
7. Крылатыя выразы ў беларускай мове: з іншамовных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. : тлумачальны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Іванова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. – 136 с.
8. Крылатыя выразы ў беларускай мове: з рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. : тлумачальны слоўнік. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2006. – 208 с.

9. Лепта біблейскай мудрасці: біблейскія крылатыя выражэнні і афарызмы на руском, англійскім, беларускым, нямецкым, словацкым і украінскым мовах. – Могилев : МГУ ім. А. А. Кулешова, 2014. – 208 с.
10. Лепта біблейскай мудрасці: руска-славянскі слоўнік біблейскіх выражэнняў і афарызмаў з адпаведнасцямі ў германскіх, рымскіх і іншых мовах : у 2 т. / пад рэд. Е. Е. Іванова [і др.]. – Могилев : МГУ ім. А. А. Кулешова, 2019. – Т. 1. – 334 с. ; Т. 2. – 308 с.
11. Іванов, Е. Е. Беларуская парэміялогія і афарызміка ў агульнаеўрапейскім кантэксце (актуальныя праблемы вывучэння) / Е. Е. Іванов // XV Міжнародны з'езд славістаў, Мінск, 20–27 жніўня 2013 г. : у 2 т. / гал. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск : Беларуская навука, 2013. – Т. 1. – С. 322–323.
12. Венідзіктаў, С. В. Рускамоўныя запазычаныя крылатыя слоў у сучаснай беларускай мове / С. В. Венідзіктаў, Я. Я. Іваноў // *Dzielnictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich*. – 2002. – Т. VIII. – С. 210–217.
13. Венідзіктаў, С. В. Іншамоўныя крылатыя выразы ў сучаснай беларускай мове / С. В. Венідзіктаў // *Studia sławistyczne*. – 2003. – Т. 4. – С. 121–130.
14. Цеплякова, А. Д. Структура, семантыка і функцыі запазычаных крылатыя слоў у сучаснай беларускай мове / А. Д. Цеплякова // *Славянская фразеалогія ў арэальным, гістарычным і этнакультурным аспектах* / отв. рэд. В. І. Коваль. – Гомель : ГГУ ім. Ф. Скарыны, 2007. – С. 236–240.
15. Цеплякова, А. Д. Англамоўныя запазычаныя крылатыя слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад і крыніцы паходжання) / А. Д. Цеплякова // *Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна*. – 2009. – № 2 (23). – С. 162–166.
16. Цеплякова, А. Д. Нямецкамоўныя запазычаныя крылатыя слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад і крыніцы паходжання) / А. Д. Цеплякова // *Веснік МДУ імя А. А. Куляшова*. – 2009. – № 1 (32). – С. 137–143.
17. Цеплякова, А. Д. Франкамоўныя запазычаныя крылатыя слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад і крыніцы паходжання) / А. Д. Цеплякова // *Веснік БрДУ. Серыя філалагічных навук*. – 2009. – № 2 (12). – С. 109–116.
18. Іванова, С. Ф. Лацінскія запазычаныя крылатыя слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад, формы ўжывання і крыніцы паходжання) / С. Ф. Іванова, А. Д. Цеплякова // *Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна*. – 2010. – № 1 (26). – С. 88–93.
19. Цеплякова, А. Д. Крыніцы паходжання лацінскіх запазычаных крылатыя слоў у сучаснай беларускай мове / А. Д. Цеплякова // *Acta Germano-Slavica*. – 2011. – Т. – С. 96–101.
20. Іванова, С. Ф. Крылатыя словы са старажытнагрэчаскіх крыніц у сучаснай беларускай літаратурнай мове / С. Ф. Іванова, А. Д. Цеплякова // *Славянская фразеалогія і парэміялогія ў ХХІ веку* / пад рэд. Е. Е. Іванова, В. М. Мокиенка. – Мінск : Зміцер Колас, 2010. – С. 284–292.
21. Іванова, С. Ф. Старажытнагрэчаскія запазычаныя крылатыя слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад, формы ўжывання і крыніцы паходжання) / С. Ф. Іванова, А. Д. Цеплякова // *Веснік ПДУ. Серыя А: Гуманітарныя навукі*. – 2010. – № 7. – С. 176–179.
22. Tepljakowa, A. Die deutschen Entlehnungen geflügelter Worte in der modernen belarussischen Schriftsprache / A. Tepljakowa // *Філолагічны часопіс*. – 2019. – № 1 (13). – С. 122–129.
23. Теплякова, А. Д. Істочнікі паходжання крылатыя слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад, формы ўжывання і крыніцы паходжання) / А. Д. Теплякова // *Веснік МДУ імя А. А. Куляшова*. – 2006. – № 4 (25). – С. 152–161.
24. Tepljakowa, A. Über den Aufbau des Wörterbuchs der geflügelten Worte der modernen deutschen Schriftsprache (für Belarussen, die Deutsch als Fremdsprache studieren oder lernen) / A. Tepljakowa // *Jezykoznanstwo*. – 2020. – No. 1(14). – S. 107–128.
25. Іваноў, Я. Я. Беларускія прыказкі з біблейскіх крыніц (матэрыялы да руска-беларуска-англійскага слоўніка біблейскіх крыніц) / Я. Я. Іваноў // *Аврааміевскія чтэння* / пад рэд. А. В. Корольковай. – Смоленск : Радопа, 2014. – С. 11–24.
26. Іваноў, Я. Я. Да складання слоўніка «Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з біблейскіх крыніц» (лексікаграфічныя матэрыялы) / Я. Я. Іваноў // *Філолагічны часопіс*. – 2018. – Вып. 2 (11). – С. 16–33.

27. Іваноў, Я. Я. Крылатыя выразы з Бібліі ў беларускай мове (лексікаграфічны аспект) / Я. Я. Іваноў // Філолагічны студыі. – 2018. – Вип. 18. – С. 35–47.
28. Вальтер, Х. Национально-культурная маркированность библейских выражений и афоризмов русского языка (лингвострановедческая зона русско-белорусского словаря библеизмов с соответствиями в немецком языке) / Х. Вальтер, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко // Но мы сохраним тебя, русский язык!: колл. монография, посвящ. 90-летию акад. В. Г. Костомарова. – М.: Флинта, 2019. – С. 134–160.
29. Іваноў, Я. Я. Састаў і структура руска-беларускага слоўніка крылатых біблейскіх выказаў і афарызмаў / Я. Я. Іваноў, В. М. Макіенка // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. – 2019. – № 2 (225). – С. 108–117.
30. Іванов, Е. Е. О лексикографическом описании крылатых афоризмов из библейских источников в современном белорусском языке (с эквивалентами библейских афоризмов в русском языке) / Е. Е. Иванов, Д. С. Кравцова // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2019. – № 3 (103). – С. 54–63.
31. Іванов, Е. Е. О словаре крылатых библейских выражений современного белорусского литературного языка (с историко-этимологическими комментариями и соответствиями в современном русском языке) / Е. Е. Иванов // Славянская историческая лексикология и лексикография. – 2019. – Вып. 2. – С. 185–199.
32. Іванов, Е. Е. Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси / Е. Е. Иванов, В. А. Маслова, В. М. Мокиенко. – М.: Изд-во РУДН, 2022. – 406 с.
33. Іванов, Е. Е. Языковая природа крылатых слов / Е. Е. Иванов // Проблемы беларускага літаратуразнаўства. – Мінск: МНТ, 2000. – С. 303–312.
34. Іваноў, Я. Я. Праблемы лінгвістычнага вывучэння афарызма / Я. Я. Іваноў. – Магілёў: Брама, 2003. – 194 с.
35. Іваноў, Я. Я. Дыферэнцыяльныя прыметы афарызма / Я. Я. Іваноў. – Магілёў: Брама, 2004. – 160 с.
36. Іваноў, Я. Я. Аб другасным спосабе дэрывацыі непрэцэдэнтных афарызмаў / Я. Я. Іваноў // Грани слова: к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – М.: Изд-во ЭЛПИС, 2005. – С. 463–468.
37. Іваноў, Я. Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове / Я. Я. Іваноў. – Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – 208 с.
38. Іваноў, Я. Я. Афарыстычнае выказванне як моўная мадэль крылатых слоў / Я. Я. Іваноў // Філолагічны студыі. – 2017. – Вип. 16. – С. 114–121.
39. Іваноў, Я. Я. Прынцыпы супастаўляльнага апісання афарыстычнай парэміялогіі беларускай і рускай моў / Я. Я. Іваноў // *Studia slawistyczne*. – 2003. – Т. 4. – С. 49–55.
40. Іванов, Е. Е. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц (на материале белорусского и немецкого языков) / Е. Е. Иванов, Н. К. Романова // *Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica VII*. – Віцебск: ВДУ імя П. М. Машэрава, 2006. – С. 161–164.
41. Іваноў, Я. Я. Парэміялагічныя сістэмы беларускай і рускай моў: падабенствы і разыходжанні / Я. Я. Іваноў // Філолагічны студыі. – 2011. – Вип. 6 / 2. – С. 53–63.
42. Шестернёва, А. Н. Сравнительная типология фразеологических единиц белорусского, русского, английского и французского языков / А. Н. Шестернёва // Філолагічны студыі. – 2017. – Вип. 16. – С. 255–262.
43. Глуханько, Л. У. Афарызм і малыя тэкставыя формы: суадноснае і агульнае (на матэрыяле беларускай, рускай, польскай, англійскай моў) / Л. У. Глуханько, Я. Я. Іваноў // *Językoznawstwo*. – 2021. – № 1 (15). – С. 123–146.
44. Іваноў, Я. Я. Літаратурныя крыніцы фразеалагічных адзінак, запазычаных з нямецкай мовы ў беларускую мову (па-за межамі этымалагічнага слоўніка фразеалагізмаў) / Я. Я. Іваноў, А. Д. Цеплякова // *Немецкий язык – лингводидактическое обеспечение и методика преподавания*. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2019. – С. 82–87.
45. Іванова, С. Ф. Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы) / С. Ф. Іванова, Я. Я. Іваноў, Н. Б. Мячкоўская. – Мінск: Веды, 1998. – 112 с.

Abstract. The article discusses the principles of compiling a dictionary of winged words of the Belarusian language, which will reflect new (not yet described lexicographically) units from foreign (European and American) literary and folklore text sources. Foreign winged words will receive a formal, semantic, etymological, historical and functional description in the dictionary. Prepared samples of dictionary entries are given as examples of winged words and aphorisms borrowed from English, German and French.

Keywords: Belarusian language, winged words, borrowings, literary source, folklore source, dictionary.

Теплякова Альбина Дмитриевна – старший преподаватель; Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова (ling-msu@mail.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|--|-----|
| <i>Авдеева О. И.</i> Метод синхронной этимологии фразеологизмов в действии: верификация словарных значений и форм фразеологизмов..... | 3 |
| <i>Аглеева З. Р.</i> О некоторых особенностях фразеологии первой четверти XXI века..... | 8 |
| <i>Буркова Г. В., Кураш С. Б.</i> Вобразна-паэтычныя кантэксты з устойлівымі адзінкамі як аб’ект пародыі..... | 14 |
| <i>Валодзіна Т. В.</i> <i>Мыць/брыць бароды</i> : устойлівыя найменні ў сістэме сямейна-абрадавага комплексу беларусаў Падзвіння..... | 19 |
| <i>Валуева О. Н.</i> Фразеология в формате буктрейлера: библиотека приглашает к чтению..... | 23 |
| <i>Воробьева Л. Б.</i> Человек в псковской народной фразеологии..... | 27 |
| <i>Го Цзюцин.</i> Колоронимы в русских пословицах..... | 30 |
| <i>Голубева В. К.</i> Эквивалентность глагольно-именных коллокаций и глаголов в аспекте категории вида..... | 35 |
| <i>Гомонова И. Г.</i> Инфинитивные предложения-паремии со значением невозможности..... | 40 |
| <i>Гуркова О. С.</i> О некоторых неопределенностях, восходящих к сфере электронных коммуникаций..... | 44 |
| <i>Дедович О. Г.</i> Метафорика устойчивых сочетаний в дискурсе Е. И. Пассова..... | 47 |
| <i>Денисенко Е. Н.</i> Семантическая дихотомия «дуб-береза» в восточнославянской фразеологической системе..... | 53 |
| <i>Дербишева З. К.</i> Лингвокогнитивный аспект фразеотворчества Чингиза Айтматова..... | 59 |
| <i>Дзядова А. С.</i> Рэпрэзентацыя маўленчых паводзін чалавека ў народна-дыялектнай фразеалогіі Віцебшчыны..... | 62 |
| <i>Дронов П. С.</i> Варьирование единиц в паремииологии..... | 66 |
| <i>Дубровская Е. М.</i> Устойчивые сочетания с компонентами-ойконимами как наименования потенциальных этнокультурных типажей..... | 70 |
| <i>Жу Юэ.</i> Нумеративы в русских поговорках и пословицах..... | 74 |
| <i>Завтрикова П. С.</i> О вариативности фразеологизма «с какой стороны ни глянь»... .. | 79 |
| <i>Зайцева И. П.</i> <i>Узы дружбы, братства, родства</i> ...: семантико-стилистическая динамика лексемы <i>узы</i> в XIX–XXI столетиях..... | 83 |
| <i>Иванов Я. Я.</i> Да складання слоўніка крылатых афарызмаў беларускай мовы з іншамоўных крыніц..... | 88 |
| <i>Иванова Е. В.</i> О некоторых аспектах концептуального моделирования при сопоставительном исследовании фразеологии..... | 95 |
| <i>Игнатьева Н. Д.</i> Не все то благо, что им называется (лексикографический аспект)..... | 98 |
| <i>Илюхина Н. А.</i> Гештальт и структура фразеологического значения..... | 103 |
| <i>Каліта І. У.</i> Залацінкі з куфэрку Заходняга Палесся. <i>Ішоў да Пінска (Мінска) – раскідваў лупінска. Ішоў з Пінска (Мінска) – збіраў лупінска</i> | 107 |
| <i>Квон Ж.</i> Русские пословицы и поговорки в кросс-культурном русско-корейском словаре..... | 114 |
| <i>Коваль В. И.</i> Визуализация фразеологизмов и паремий в русских лубочных картинках военной тематики..... | 118 |
| <i>Ковшова М. Л.</i> Культурный скрипт как элемент когнитивного (фреймового) анализа загадки..... | 125 |
| <i>Козловская М. М.</i> Сочетание <i>богатенький (богатый) Буратино</i> : особенности толкования и употребления..... | 128 |

| | |
|---|-----|
| <i>Лаевская Т. Е.</i> Роль фразеологизмов в функционировании вторичных текстов (на материале аннотаций к художественным произведениям)..... | 132 |
| <i>Ляшчынская В. А.</i> Аб адной асаблівасці фразеалагізмаў беларускай мовы..... | 135 |
| <i>Марабини А.</i> Возникновение сленгизмов как результат творческого мышления экономистов..... | 139 |
| <i>Марцынкевіч В. І.</i> Ад калыскі да вянца: лексіка тэматычнай групы «дзяцінства» ў складзе беларускіх парэмій (лінгвасэнсарны аспект)..... | 144 |
| <i>Мокиенко В. М.</i> Соматическая фразеология и паремиология в текстах славянской Библии..... | 148 |
| <i>Муратова М. И.</i> Русские фразеологизмы в текстах псковских сказок: репрезентация иностранным студентам-филологам..... | 158 |
| <i>Никитина Т. Г., Роголёва Е. И.</i> Библиизмы в учебных паремиологических словарях..... | 161 |
| <i>Ничипорчик Е. В.</i> Тематическое объединение пословиц об уме и глупости в паремиологическом словаре В. И. Даля..... | 164 |
| <i>Новиков Д. А.</i> Сверхсловные единицы, называющие виды оружия, используемые участниками боевых действий в «горячих точках»..... | 170 |
| <i>Орлова О. С.</i> Образы времён года в русских традиционных загадках..... | 177 |
| <i>Петрушэўская Ю. А.</i> Падыходы да вывучэння прыказак у сучасным беларускім мовазнаўстве..... | 180 |
| <i>Ратько Т. В.</i> Языковые способы выражения коннотативных значений в крылатых выражениях..... | 185 |
| <i>Савенкова Л. Б.</i> Ничего – пустое место? (представление о «ничто» в русском паремиологическом пространстве)..... | 190 |
| <i>Селиверстова Е. И.</i> Без вопросов: новое в контекстуальных прочтениях фразеологизма..... | 196 |
| <i>Семянькова Г. К.</i> Фразеалагічныя адзінкі як сродак характарыстыкі фізічных уласцівасцей чалавека ў гаворках Віцебшчыны..... | 200 |
| <i>Соколовская О. Г., Ковалёва Е. В.</i> Фразеологизм как индикатор социального восприятия окружающего мира..... | 204 |
| <i>Стародубец С. Н.</i> «Русский след» в языковой картине мира социума..... | 207 |
| <i>Столярова А. Н.</i> О некоторых приёмах введения неофразем в медиатекст..... | 209 |
| <i>Тимошенко Е. И.</i> Об устойчивых предложно-падежных сочетаниях со значением соответствия в русском языке..... | 213 |
| <i>Федуленкова Т. Н., Шишкова Н. В., Цаллаева Л. Г.</i> Особенности отражения оппозиции «свой – чужой» в русской фразеологии в сопоставлении с английской..... | 218 |
| <i>Францева А. И.</i> Лексема <i>башня</i> в русской фразеологической картине мира (на материале русских поговорок с компонентом <i>башня</i>)..... | 221 |
| <i>Харченко В. К.</i> Пословицы в современной разговорной речи: убывающие величины?..... | 226 |
| <i>Хмелевский М. С., Савченко А. В., Кузнецова И. В.</i> «Свой» и «чужой» в сербской этноидиоматике..... | 231 |
| <i>Цеплякова А. Д.</i> Лексікаграфічнае апісанне крылатых слоў з іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) літаратурных і фальклорных крыніц у сучаснай беларускай літаратурнай мове..... | 235 |

Научное издание

**СЛАВЯНСКАЯ
ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ**

Сборник научных статей

Выпуск 3

Подписано в печать 08.11.2023. Формат 60x84 1/8.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 28,37. Уч.-изд. л. 24,71.

Тираж 30 экз. Заказ 573.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования

«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.

Ул. Советская, 104, 246028, г. Гомель.